



# НЕВА

3  
2020

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

## СОДЕРЖАНИЕ

### ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

**Владимир АЛЕЙНИКОВ**

Стихи • 3

**Вера ЗУБАРЕВА**

Жил отважный капитан. *Фрагмент романа* • 8

**Ольга АНДРЕЕВА**

Стихи • 80

**Алёна КУБАРЕВА**

Где мой половник. Мечь.  
За любовь нельзя не... *Рассказы* • 84

**Лиана ШАХВЕРДЯН**

Стихи • 96

**Эвелина АЗАЕВА**

Градоначальник и Вега. *Рассказ* • 103

**Наталья ПЕРСТНЁВА**

Стихи • 115

**Юлия КАМИЛЬЯНОВА**

Акула. Рэп в стиле Филонова. *Рассказы* • 119

**Валерий СКОБЛО**

Стихи • 130

**Михаил ПЕРШИН**

Бабушка. *Рассказ* • 133

**Алексей КОЛЕСНИКОВ**

Последние месяцы века.  
Рассказ про Ленина. *Рассказы* • 147

### ПАМЯТЬ ПОБЕДЫ

**Василий МЯКУШЕНКО**

Рыбалка под Пикаловым мостом. *Повесть* • 153

**Валентина КОКОРЕВА**

Медаль за «финскую» • 178

**ПУБЛИЦИСТИКА**

**Андрей ПОПОВ**

«Я не знаю, в чью пользу сальдо»: деньги в зеркале откровений и судеб • 187

**КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА**

**Виктор КОСТЕЦКИЙ**

Анти-Хейзинга: другая философия игры • 200

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК**

**Искусство чтения.** *Вера Харченко.* Чтение как условие гениальности. **Территория памяти.** *Альберт Измайлов.* Слово Валентина Пикуля. **Книжный остров.** *Публикация Елены Зиновьевой* • 210

**ПИЛИГРИМ**

**Архимандрит Августин (НИКИТИН)**

Обители Афона. *Часть 8* • 236

---

*Издание журнала осуществляется при финансовой поддержке Министерства культуры и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.*

*Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать на почтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9).*

*Рукописи не возвращаются и не рецензируются.*

---

Главный редактор  
**Наталья ГРАНЦЕВА**

---

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**

**Александр Мелихов** (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

---

Дизайн обложки **А. Панкевича**  
Макет **С. Булачевой**  
Корректор **Е. Рогозина**  
Верстка **Д. Зенченко**

© Журнал «Нева», 2020

## Владимир АЛЕЙНИКОВ

\* \* \*

Есть две мелодии во мне —  
Одна — о том, что днесь я вижу,  
О том, что речь намного ближе  
Ночей, не сгинувших в огне.

Другая же — о днях былых,  
О том, что свежесть их безмерна,  
Что откровенность беспримерна  
И неизбежна горечь их.

Когда густеют облака  
И ропщет гром среди природы —  
И зыблет призрачные своды  
Его тяжелая рука,

Покуда, радуясь родству,  
На мир гармония нисходит —  
И что-то в сердце происходит  
В дожде, купающем листву,

Пока раскрытого окна,  
Чтоб свет узреть, мне слишком мало, —  
Уже звучит, как встарь бывало,  
Неразличимая струна.

И вслед за нею слышу я  
Иное музыки касанье —  
Души доверчивой метанья  
Меж испытаний бытия.

---

Владимир Дмитриевич Алейников — русский поэт, прозаик, переводчик, художник, родился в 1946 году в Перми. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Публикации стихов и прозы на родине начались в период перестройки. Автор многих книг стихов и прозы — воспоминаний об ушедшей эпохе и своих современниках. Стихи переведены на различные языки. Лауреат премии Андрея Белого, Международной отметины имени Давида Бурлюка, Бунинской премии, ряда журнальных премий. Книга «Пир» — лонг-лист премии Букера, книга «Голос и свет» — лонг-лист премии «Большая книга», книга «Тадзимас» — шорт-лист премии Дельвига и лонг-лист Бунинской премии. Член редколлегии журналов «Стрелец», «Крепцатик», «Перформанс». Член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Высшего творческого совета этого союза. Член ПЕН-клуба. Поэт года (2009). Человек года (2010). Награжден двумя медалями и орденом. Живет в Москве и Коктебеле.

Так сочетаются порой  
Порыв земной и дар небесный  
В неизъяснимости чудесной,  
Где рождены и смысл, и строй.

Знакомы ль вам они? — Бог весть! —  
То знаки вечности-вещуны,  
То жизни зов при полнолуние,  
Певучей подлинности честь.

\* \* \*

Куда заглянули вы нынче, слова? —  
Не в те ли бездонные воды,  
Откуда вы черпали ваши права  
По первому зову свободы?

И что же от ваших стенаний и слез,  
От музыки вашей осталось?  
В разомкнутом небе — предчувствие гроз,  
А в сердце — простая усталость.

Но смысл ваш подспудный не так уж и прост —  
И мы не ему ли внимаем,  
Когда норовим дотянуться до звезд  
И рокот морей обнимаем?

В листве и цветах средь биенья лучей,  
Украшивших грешную землю,  
Я ваше участие еще горячей,  
Еще откровенней приемлю.

Но с вашей повадкой и с вашей мечтой  
Не только улыбки знакомы —  
И тот, кто лежит под могильной плитой,  
Постиг наважденье истомы.

И я наглядеться еще не могу,  
Как день наклоняется к вишням, —  
И век неизбежный в себе берегу,  
Чтоб с честью предстать пред Всевышним.

\* \* \*

Когда бы с грозами взаправду мы дружили,  
Сражались с чудищами, правили ладьей, —  
Тогда б и песнями по праву дорожили,  
И справедливее вершился б суд людской.

Когда бы не было наигранной тревоги,  
Отвага зрела бы, как летний плод златой, —  
Тогда бы тверже мы стояли на пороге  
И храма Божьего, и хижины простой.

Но все утеряно, и все дождями смыто,  
Снегами стаяло, развеялось песком, —  
И вновь мы ищем у небес защиты,  
В полынь курганную упавшие ничком.

Но есть воители, не знающие страха, —  
Они стрелы не убоятся днем  
И ужасов в ночи, горстями праха  
Швыряющих в пространство за окном.

Но есть свидетели их подвигов и славы,  
Сокровищ, добытых и в битвах, и в трудах, —  
Праматерь-степь, и темные дубравы,  
И твердь высокая в зарницах и звездах.

Ведь память мудрая лишь верным помогает,  
И мы осознанно всю жизнь идем на риск —  
И вот от собственного взгляда погибает  
В зеркале отраженный василиск.

\* \* \*

Если каждая ветвь по утрам  
Вся протянута к солнцу — а ночью  
Убеждается зрячий воочью  
В серебренье, открытом ветрам, —  
Знай: ее сберегает звезда  
В глубине многолистого сказа  
До поры, где подобьем алмаза  
На заре затвердеет вода.

Звезды ласково смотрят — у них  
Есть для ласки и время, и силы, —  
О, скажи мне, — когда это было?  
Не во снах ли сияло земных? —  
Гибким радугам вроде близки  
И кострам, что горят по округе,  
Прикасаньем снимают недуги,  
Исцеляют живых от тоски.

Надо петь, чтоб развеивать мглу, —  
О безбрежном забыли мы, — что там  
Прихотливым подобно щедротам,  
Принимающим взора хвалу? —

Надо тьму на земле побеждать,  
Чтобы небо она не закрыла,  
Чтоб Создавшему твердь и светила  
Изначальное Слово сказать.

### **ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ**

Где ночь встает на стогах ноября  
И есть еще дыханье в мире этом,  
Горит она, вечерняя заря,  
Колблемым дарованная светом.

Нет возраста тебе, святая дрожь,  
Затронувшая сердце и ресницы, —  
Нечасто ты рождаешься — и все ж  
Так просто не уходишь со страницы.

Коснулось наконец-то и тебя  
Вторженье жертвенного зова,  
Чтоб жил еще, сгорая и любя,  
В стихии горестного слова.

Заря вечерняя! — за что же мне тогда  
Во имя верности ты днесь уже открылась,  
Чтоб крылья не сложившая звезда,  
Как птица, в небе появилась?

За что, тобою полон и ведом,  
Куда лишь Ангелы да праведники вхожи,  
Иду негаданно в тумане золотом,  
Биенье тайны растревожа?

И чашу полную без робости беру,  
Скорбей и радостей вмещающую диво, —  
Един Господь — а с Ним я не умру,  
Заря вечерняя, ровесница порыва.

### **К ЮНОСТИ**

Я не верну тебя — о, нет! —  
Истоков речи не ищу я —  
Она очнулась бы, почуя  
Из лет былых встающий свет.

Уже не вызвать образ твой  
Из непогоды и стенаний —  
И за стеной воспоминаний  
Бреду на ощупь, чуть живой.

Ужель увидеть мне дано  
И этот дом, где ты гостила,  
И сад, где в тайну посвятила,  
Чтоб был с тобою заодно?

Не уводи меня опять  
Куда-то в дебри листопада —  
И сердце бедное не надо,  
Любя, на части разрывать.

Мне никогда не позабыть  
Ни упования, ни смятенья, —  
Не разрушая средостенья,  
Ты возвышаешь, — как мне быть?

Кому тебя мне передать  
И на кого тебя оставить?  
Ведь если помнить — значит славить,  
А если славить — то страдать.

---

---

Вера ЗУБАРЕВА

# ЖИЛ ОТВАЖНЫЙ КАПИТАН<sup>1</sup>

## ВИЗИТ ТЕТКИ

...И время пошло-покатило. В рейс — из рейса, в рейс — из рейса.

В порту Виктора давно уже никто не встречал. Сестра Женя работала, а больше некому было. Раньше, при жизни матери, из каждого его возвращения устраивался праздник, а теперь наступили будни. Нет, не те, о которых он мечтал вдали от берега, а настоящие, лишенные романтики, беспросветные будни.

Вот и сейчас возвращался он к себе после рейса с одной только мыслью — прийти домой и свалиться в койку. От усталости не замечал уже ничего, даже город не радовал, как прежде. Все как-то потускнело, облупилось, потеряло былую привлекательность. Он шел по потрескавшемуся асфальту, мимо дворов с запахом мусорных баков и жареных бычков. На чугунных воротах красовались надписи мелом «Туалета нет», но это было неправдой, и надписи постоянно кто-то стирал, а жильцы писали их снова.

Придя домой, Виктор бросил вещи прямо у двери, опрокинул рюмку водки, закурил застарелым куском копченой колбасы, выкурил папиросу, и как только усталость дала себя знать, бухнулся на диван и мгновенно провалился в сон.

Звонок в дверь с последующим настойчивым стуком пробудил его. Пока он приходил в себя, пытаясь понять, где он находится, стук повторился еще несколько раз.

— Да слышу, слышу... — глухо отозвался он, надевая брюки. — Сейчас открою. Кто там?

— Свои, открывай! — раздался немного сердитый женский голос.

Голос показался ему знакомым, но спросонья трудно было сообразить, кто это.

Наконец он отпер дверь. Женщина — довольно крепкая, невысокого роста, средних лет, со свертками в руках. Чемодан стоял перед ней. По всему было видно, что настроена она весьма решительно.

— Марья Юрьевна! Какими судьбами? — обрадованно воскликнул Виктор, беря у нее свертки и внося чемодан в прихожую. Она наблюдала, подбоченясь, как он пытался найти место ее вещам в прихожей.

— Ну что, может, пригласишь тетку в дом? — спросила она наконец.

---

Вера Кимовна Зубарева — Ph. D. Автор литературоведческих монографий, книг стихов и прозы. Первая книга стихов вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной. Публикации в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Дети Ра», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия», «Нева», «Новый мир», «Новый журнал» и др. Главный редактор журнала «Гостиная», президент Объединения русских литераторов Америки (ОРЛИТА). Лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной (2012), Муниципальной премии им. Константина Паустовского (2010) и других престижных международных литературных премий. Преподает русскую литературу в Пенсильванском университете..

<sup>1</sup> Фрагмент романа «Лоцман на трубе». Часть III. Часть I опубликована в журнале «Новая юность» (2019, № 12), часть II — в журнале «День и ночь» (2020, № 1).



— Да, да, конечно, проходите! Вот сюда... Простите за беспорядок... Только с рейса пришел и завалился спать...

Виктор посторонился, отодвигая ногой коробку с обувью. Гостя прошла в комнату, чуть переваливаясь, и, словно барахтаясь в воздухе, замахала руками.

— Фю! Накурил как! Хоть топор вешай! Тут и разглядеть-то ничего нельзя. Ну и дымище! Ты что, теплоход?

— Пароход, — отшутился Виктор, быстро приглаживая волосы.

— Мне это все одно, а вот ты лучше скажи, племянничек, до каких пор бобылем жить будешь? К тебе ведь ни одна женщина не войдет в такой бедлам. — Она поковыляла на кухню, покачивая головой и приговаривая: «М-да...»

— Чайку с дороги? — спросил Виктор, пытаясь исправить впечатление и ставя чайник на плиту.

Марья Юрьевна открыла холодильник.

— Ну вот, так я и думала. Водка да колбаса. — Она снова покачала головой.

— Да вы не беспокойтесь, тетя, это мы вмиг исправим. Пока чай закипит, я сбегаю в гастроном. Он тут, на углу.

— Да знаю я твой гастроном! Помню. Ничего съестного, кроме мух на прилавках. Я тебе тут наших продуктов привезла, молдавских. Ну-ка принеси мне сюда те свертки, что возле чемодана!

Виктор поспешно принес свертки и положил их на стол перед теткой, которая уже отдувалась на табурете, обмахиваясь старой газетой.

— Ну вот, сейчас... — Она стала разматывать свертки и доставать слегка уже промасленные упаковки с едой.

Холостяцкое жилище быстро наполнилось ароматами семейного очага.

— Боже, да где ж вы всю эту красоту достали, Марья Юрьевна? Это ж целый пир на весь мир можно устроить! — подивился Виктор.

— Есть свои люди на базе, — гордо заявила тетка, явно польщенная впечатлением, которое произвели дары на ее племянника. — Ты давай перекуси немного, а потом Жене на работу позвони, вечером вместе обедать будем. Две копейки на автомат найдутся, надеюсь?

— А как же! Вон целый карман! — Виктор весело позвенел мелочью. — Мне без этого никак нельзя.

— Ладно, ладно. Потом расскажешь. Вот тебе бутерброд, жуй и беги, позвони, пока она с работы не ушла. А то уже скоро и рабочий день закончится, будешь тогда к ней домой за приглашением ехать.

— Не волнуйтесь, тетя, сейчас мы все уладим, — с набитым ртом уверил ее Виктор.

— Ох, ты ж горе мое, — завздохала тетка, глядя на изголодавшегося по нормальной пище племянника. — Ты ешь, ешь, успеется позвонить...

\* \* \*

Вечером пришла Женя с семьей.

— Моя ты красавица! — запричитала тетка, обнимая Женечку. — И ты тоже такой красавицей станешь, когда подрастешь, — наклонилась она к Лорочке, чмокнув ее в щеку.

— А что ты мне привезла? — полюбопытствовала Лорочка, вырываясь из тетких объятий и пытаясь раскрыть чемодан.

— Ну, девка, не пропадешь! — захохотала тетка, вытаскивая из сумки леденцы и красочную детскую книжку. — Читать любишь?

— Не-а. Я люблю, когда мне другие цитуют. А ты мне будешь цитать?

— Буду, буду. Пока иди, полистай сама книжечку, а мы тут с родителями побалакаем.

— Я не знаю что такое полабакаем, — сказала Лорочка, усаживаясь на диван с книжкой.

За разговорами был незаметно накрыт стол, и тетка скомандовала всем мыть руки и усаживаться «согласно купленным билетам».

— Пожалуйста, пожалуйста, — приговаривала она, предвкушая наслаждение от того, как станут поедаться привезенные ею яства.

Все двинулись к столу, сглатывая слюну.

— Рассаживайтесь, а я тут картошечки еще нажарила. Котлеты, колбаску берите и лучок, лучок зелененький с огурчиками... А что Лорочке можно дать?

— Она в саду только поела, еще не голодная, — ответила Женя, надкусывая котлету. — Ох и сочные же у вас котлетки, тетя! Фирменные! Ну, рассказывайте, как там Люсенька, Эрик.

— Да нормально все у них. Как же еще-то! Они ведь два ведущих врача в нашей каларашской больнице. Устроены прекрасно, дай бог каждому. Ни в чем не знают отказа, все к ним ходят, продуктами балуют, все свеженькое, домашнее.

— Ну да, ну да, — одобрительно закивал Сергей, накладывая копченую колбасу поверх картошки.

— А Витюша у нас настоящим капитаном стал! — похвасталась Женя, прильнув к брату на минутку. — Огурчик наколи... Ага, спасибочки!

— Да что ты? Да как же это? Виктор, так что ж ты мне сразу не сказал! «В гастроном сейчас сбегая», — говорит, а о новости такой важной умолчал. Когда ж ты звание свое получил?

— В мае, тридцать первого, — ответила за него Женя. — Представляете, тетя, ему присвоили звание капитана дальнего плавания!

— Ну, Виктор, ну, ты даешь! Фенечка вот не дождала... Но она всегда верила в тебя, всегда! Ой, давай-ка я тебя расцелую, племянник ты мой золотой! — Она громко чмокнула Виктора в щеку. — Колючий... Побриться не забудь, капитан! Так, говоришь, тридцать первого мая? Ну, за это нужно выпить. Наливайте бокалы за нашего фамильного новоявленного капитана!

Все радостно разлили молдавское вино и звонко чокнулись.

— Ну, чего ж тебе еще пожелать? — сказала тетка, опорожнив бокал. — Выше уже вроде и звания нет... Ну значит, береги себя и будь достоин своего звания! Нелегко оно тебе досталось, но впереди — жизнь, тоже непростое дело. Как там у вас, моряков, говорится? Жизнь прожить — не океан перекачать! — Довольная сымпровизированным каламбуром, тетка наколола на вилку котлету и с аппетитом закусила. — И впрямь сочные получились. Даром что в поезде со мной ехали. Ни чуточки не посохли.

— А надолго ли сюда, к нам, Марья Юрьевна? — осведомился Сергей, подморгнув Виктору.

— Если Виктор не выгонит, то пару недель побуду, кости свои на вашем одесском песочке погрею.

— Ну вот, с чего это я вас выгонять стану, тетя? Вы нам родная. Живите себе тут на здоровье, отдыхайте. А хотите — на дачу перебирайтесь.

— Ну, спасибо, добрая душа! — она приложила руку к сердцу и в умилении покачала головой. — Ой, Феня, Фенечка, такого красавца вырастила... А что, от Тани давно ли что-то получал?

— Да как развелись они, не слышал больше, — ответила за него Женя. — Только алименты отсылает ей, а на письма она не отвечает. Даже о Сашеньке ничего не известно.

Виктор помрачнел.

— Ну, будет тебе, Женя. Давайте выпьем за нашу гостью. За вас, тетя, — сказал он, открывая новую бутылку.

Насытившись закусками, все немного размякли, подобрели.

— Вот что я тебе скажу, племянник, — вдруг решительно заявила тетка. — Жениться тебе пора. Мужу одному жить негоже, и мать твоя этого бы не одобрила.

— О женитьбе он и слышать не хочет, — горестно покачала головой Женя. — Уж сколько невест ему приводила — даже смотреть не желает.

— Это что ж так? — вскинула брови тетка. — Болен, что ли?

— Да здоров, здоров, — пробормотал Виктор.

— Ну, а здоров, так и заводи здоровую семью, — отрезала Марья Юрьевна.

— Никто мне не по душе, а *так* — уже было один раз. Больше безотцовщину не стану разводить.

— Не по душе, говоришь? А ты душу-то открой сперва, а потом уже выводы делать будешь, — отпаривала тетка.

— Да кому открыть-то? Некому...

— Ну да, некому! — возмутилась Женя. — Я тебе и Людмилу приводила, и Регину...

— Да не нужны мне твои Людмилы да Регины, не мои! Точка.

— Ну, а с моей невестой хочешь познакомиться? — вкрадчиво спросила тетка.

— Откуда я знаю, — буркнул Виктор. Не хотелось ему гостью обижать.

— А ты ее видел.

— Когда?

— А тогда, помнишь, я с ней как-то приезжала? Она после десятого класса в институт в Кишиневе поступала, а я ее с собой отдохнуть на недельку к вам взяла. Лялечкой зовут.

— Это черноволосенькая такая, что ли?

— Она самая. Знала ведь еще тогда, что заприметил ее! — воскликнула тетка, повернувшись с победоносным видом к Жене. — Сразу почуяла, что Лялька в его вкусе!

— Так она ж только недавно школу окончила, — удивился Виктор.

— Окончила. А теперь уж и институт заканчивает. Такая красавица стала — глаз не оторвать! К ней один оператор посватался, на практике познакомились, да Надежда Константиновна, мать ее, не хочет дочь киношнику отдавать... Ну, так что? Знакомить?

То ли упоминание о сватовстве киношника, то ли его собственные воспоминания подействовали на градусе, только Виктор вдруг выпалил:

— Знакомьте, тетя! На этой — женился бы.

Все рассмеялись.

— Ну, вот и сговорились, — удовлетворенно сказала Марья Юрьевна. — А теперь спать пора, утро вечера мудренее...

— Так куда ж спать? — заволновался вдруг Виктор. — Ехать надо. К ней ехать, знакомиться.

— Ну, езжай. Завтра с утра и отправляйся, а я тут пока побуду, дом в порядок приведу. Люсенка с Эриком тебя ждут, я им сказала, что ты приедешь. Надежду Константиновну мы тоже предупредили, она ждет.

— А ее?

— А зачем ее? Ее мы неожиданностью возьмем. Появишься ненароком, иначе все испортишь. Сказала ведь я тебе — засватана девка за другим. Узнает, что мать ее знакомить хочет, откажется. Понял?

— Понял... Ну и стратег вы, тетя! Вам бы китов отлавливать — весь план бы за неделю выполнили!

\* \* \*

На следующее утро он сидел в плацкарте поезда, движущегося по направлению в Калараш, и вспоминал их первую встречу.

Дело было на даче, которую Виктор купил перед тем, как Сашенька родился. Таня работала, а Виктор только из рейса вернулся. В тот день он стоял на кухне, кашку варил ребенку. Сашенька рядом крутился — смотрел, как дым из кастрюльки поднимается. Вдруг дверь открылась, и вошла тетка Марья с девушкой. Он знал от Жени, что тетка сняла неподалеку комнатку у моря с одной знакомой, чтобы отдохнуть недельку. У них остановиться наотрез отказалась, сообщив, что будет не одна. Поскольку Марья Юрьевна была вдовая, все подумали, что она с кавалером, и настаивать не стали.

То, что это действительно знакомая, а не знакомый, и то, что знакомая будет так молода и хороша, Виктор не ожидал. Даже опешил в первую минуту.

— А это Лялочка, я ее с собой к морю привезла, — представила девушку тетка, отметив про себя реакцию племянника. — Ее мать с моей Люськой в больнице работает старшей акушеркой. Лялочка только что выпускные экзамены сдала, в институт поступать собирается, пусть отдохнет немного у моря, позагорает на вашем черноморском песочке. Нам тут твоя Женечка помогла комнату снять по дешевке. Женечка — это сестра Витюши, — пояснила она Ляле. — Сашуленька, детка! — обернулась она к годовалому ребенку, потрепав его по щечке. — А вот тебе книжка, сказки. Смотри, какая красивая!

— Да, у вас там, в Молдавии, книги дивные! — подтвердил Виктор, выключая кашку. — Ну все, идем кашу есть. — Он взял Сашу на руки. — А то мама вот-вот придет, и нам попадет, если мы вовремя не покушаем.

— Ты остуди, не давай ребенку с огня... — заволновалась Марья Юрьевна.

— Да знаю, знаю, не впервой. За книжечку спасибо! Заходите к нам вечером.

На этом визит и закончился, но воспоминание о нем почему-то все длилось. Чем-то эта девушка напомнила Виктору тогда его первую военную любовь, Л. Такая же черноволосая, худенькая, глаза выразительные, карие, а лицо беломраморное... Л. была ее старше всего на год, когда они с Виктором познакомились... Время, время, куда ты все унесло?

«Раз-два-три, раз-два-три», — бодро выстукивали колеса.

День стоял на редкость солнечный — ни единого облачка, словно ветер сдул весь пух небесный, а после отполировал синеву. Виктор испытывал что-то между восхищением и страхом, думая о предстоящей встрече, и ощущение, будто он балансирует на гребне волны, не покидало его всю дорогу.

## НА ХОЛМАХ МОЛДАВИИ

Поезд прибыл на станцию с опозданием на полчаса. Виктор вышел из вагона и несколько минут наслаждался холмистым пейзажем молдавского местечка.

Перрон был маленьким, но людей сошло довольно много, в основном женщины с кошелками, прикупившие что-то в Кишиневе.

Городок остался у него в памяти очень светлым и уютным. Магазины, газетные киоски, будочки с водой, а в центре — универмаг, как большой пароход на лодочном причале.

С вокзала Виктор направился к Люсе с Эриком. Дорога была знакома — несколько узеньких улочек, а затем — наверх, в гору, где располагался бельэтаж с цветущими садиками.

Пели птицы, дома утопали в зелени, на ветвях качалась спелая вишня и синели сливы. Вокруг ароматных плодов тяжело кружили наполненные золотым нектаром пчелы.

Вот и Люсина калитка. Виктор легонько толкнул ее, и из будки выскочил удивленный пес. Он не залаял, а только остановился и зевнул, широко разинув пасть.

— Витюша приехал! — послышался Люсин голос с веранды. — Мама таки была права!

Следом из окна высунулся Эрик.

— Витюх, здоров! Ну ты, брат, даешь! Я уж тут было собрался поспорить с Люськой на то, что тещин план по сватовству сорвался.

— Ой, ну посмотрите только на него, спорщик мне тоже нашелся! Веди лучше гостя в дом! — Люся, не дожидаясь, сама подбежала к Виктору, чуть прихрамывая, и крепко обняла его. — Ну, молодец! Вот это я понимаю, — приговаривала она, отворяя двери в прихожую.

Виктор вдохнул еще раз аромат молдавского сада. Хорошо!

Люся тем временем стала хлопотать на кухне, нарезаая овощи и разворачивая свертки. Война и на ней оставила отметину. Да еще какую! Другая бы давно сникла, а Люське — хоть бы хны. Словно и не попадала она под бомбежку четырнадцатилетней девочкой, словно и не оторвало у нее ногу, словно и не была она при смерти. Оставшуюся культю кое-как обработали для того, чтоб протез можно было надеть, но врачи сразу предупредили, что ходить девочка сможет, а вот рожать с одной ногой — никогда. А Люська вопреки всему не только ходить, но и танцевать научилась, да еще и как! Мужа своего будущего очаровала в танце, ему и в голову не пришло, что партнерша его на одной ноге вальсирует. Будто огнем прошила его яркая белозубая брюнетка! Он свою первую жену бросил и на коленях умолил Люську выйти за него замуж, хоть и младше ее лет на пять был. Уговорил-таки. Поженились, она ему дочь родила, медицинский институт окончила, на работу устроилась, ведущим специалистом стала, а по каларашским ухабам в больницу только на каблучках и топала.

Но и это еще не все. Никогда не забудет Виктор, как приехали они к нему летом на дачу и пошли к морю. В душе он уже жалел Люську, что будет она сидеть на берегу и даже в воду зайти не сможет. Ну, да что поделаешь! Война и не так людей увечила. Все всё понимают, и, главное, Люська с восторгом к морю отправилась.

Расположились у самой воды, чтоб ей не так жарко было. Виктор с Эриком пошли воду пробовать. А Люське уж невтерпех:

— Ну что, теплая? — кричит.

— Люкс! — обернулся к ней Эрик.

Тогда она как ни в чем не бывало протез отстегнула, Эрику рукой махнула — давай, мол, я готова, и он тут же подбежал к ней, засуетился, поднял на руки и понес в воду. А она хохочет, шалит, брызги поднимает.

«Вот это любовь», — подумал Виктор тогда, наблюдая всю эту картину.

Пока Виктор раскладывал чемодан и мыл руки с дороги, Эрик все ходил вокруг него кругами, приговаривая:

— Ну теща, ну генерал — все рассчитала! Так и сказала, ждите Виктора назавтра! Как в воду глядела...

Со двора шел жар — июньское солнце брало свое, и даже пес удалился под сень будки.

В доме было гораздо прохладней. В столовой тень падала от деревьев, и шторы казались в ажурных узорах, пахло сушеными полевыми цветами в вазочке на столе.

— Красиво у вас тут, — вздохнул Виктор, оглядывая дом с какой-то неожиданной ностальгией.

Ему вспомнился Глухов, и тот таинственный лес с озером в камышах, и сосновый бор, и дом, где даже скрип половиц бередил память. И зачем все это закончилось, и зачем все это длится, тревожит, обнаруживает себя в самое неурочное время?

— Ну и приезжай почаще, Витюш, раз нравится! — сказал Эрик, похлопывая Виктора по плечу и возвращая его к настоящему.

— Почаще не выходит — я ведь в разъездах...

— А мне вот у моря нравится! — весело воскликнула Люся, появляясь из кухни с блюдом картофеля, посыпанного укропом.

На столе уже были расставлены закуски — тот же ассортимент, что тетка привезла, плюс еще много всяких других вкусов домашнего приготовления.

Виктор изрядно проголодался — ничего с собой в поезд не захотел брать, только чай заказал с бисквитным печеньем.

— Мальчики, к столу! —скомандовала Люся.

Все быстро расселись по местам, предвкушая пиршество. Эрик откупорил молдавское вино и аккуратно разлил по бокалам.

— Ну что, за встречу, братец дорогой! — весело воскликнула Люся, звонко чокаясь с Виктором.

Пока Виктор закусывал, она кивнула Эрику. Тот вышел на кухню и вскоре вернулся с объемной фарфоровой супницей.

— Вот сюда, — указала Люся на середину стола. — Так. Ну-с, отведай теперь наш фирменный холодный свекольник, — произнесла она, открывая супницу — предмет гордости женской половины семьи.

Аромат свежей зелени, свеклы и огурцов немедленно разнесся по дому.

Люся наполнила тарелку до краев густой красной жидкостью, в которой живописно колыхались мелко нарезанные огурчики.

— Пробуй!

Виктор взял у нее из рук тарелку и аккуратно поставил перед собой, чтобы не заляпать скатерть.

— Вкусно! — воскликнул он, попробовав первую ложку.

— Еще бы! Как у моей бабушки, помнишь?

— Да помню, конечно, как не помнить! — с аппетитом поедая холодный свекольник, кивнул Виктор.

— Хорошая у тебя память, Витюнь! — рассмеялся Эрик. — Ну, а когда ж с невестой знакомиться будешь?

— Да погоди ты, с «невестой»! — одернула его Люся. — До «невесты» еще далеко. Дай им познакомиться сперва. Я завтра с утра Надежду Константиновну в больнице разыщу, скажу, что Виктор приехал, пусть подумает, как устроить встречу.

— Ты лучше завтра его с собой в больницу возьми, представь их друг другу, так лучше будет, — посоветовал Эрик.

— И то правда! А ты свою морскую форму захватил с собой, Витюш?

— Да захватил, захватил, твоя мама уж так настаивала — из дому без нее не выпускала... Теперь у меня новая — капитанская... Да только не люблю я этого, правда...

— Капитанская? Ну ты даешь! Так за это ж надо выпить! — воскликнул Эрик. — И форму свою завтра обязательно надень. Любишь не любишь — это значения в данном случае не имеет. Слушай, что женщины велят, — они лучше нас, мужиков, в этих делах понимают. Ну, будем!

— Будем!

\* \* \*

На следующее утро состоялась встреча Виктора с матерью Ляли. Это беглое знакомство привело в неопикуемый восторг Надежду Константиновну.

— Вот это мужчина! — воскликнула она, как только женщины уединились в Люсином кабинете. — Вот это красавец! А как ему идет капитанская форма! Это то, что нашей Лялечке нужно! Костями лягу, но киношника ее отважу. Он как раз уехал на съемки, так что его не будет месяца два, а за это время мы и свадьбу сыграть успеем.

— Ну, Надежда Константиновна, вы прямо как моя мамочка — все уже распланировали!

— А как же иначе? Счастье ведь вот оно — в руки идет, а Лялька моя по глупости упустить его может. Такого за секунду заберут... Ну вот что, давай-ка им встречу в универмаге подстроим. Сегодня Лялька платье хотела со мной пойти выбирать, чтоб к своему киношнику в новом на свидание выйти, когда тот пожалует к нам в Калараш после съемок. Так ты с Виктором и подходи в отдел одежды к четырем.

— Договорились. К четырем будем.

На том и распрощались.

\* \* \*

— Ну, что? — Виктор взволнованно ходил по вестибюлю больницы в ожидании новостей.

— Упала! — кратко ответила Люся.

— В смысле?

— Покорил ты ее, братец. Теперь только с Лялькой сладить осталось, и дело на мази.

— Так это ж и есть самое главное — невесте пригласиться!

— Дурачок! Самое главное — будущей теще пригласиться, а уж она постарается. Девка твоя молодая, неопытная. Что мать нашепчет, то в ней и засядет. Ты вот что, иди пока домой, отдохни, а я часика в три прибегу, быстро перекусим и помчимся в универмаг.

— Подарки, что ли, покупать?

— Да какие подарки! Знакомиться с Лялей.

— А зачем же в универмаг?

— Она туда с матерью придет платье выбирать, вот мы их там случайно и встретим.

Понял?

— Как не понять... А что я-то там делать буду, в универмаге том? Я ведь в шмутках ничего не понимаю...

— Моряк еще мне называется! Ты что, в загранику не плавал?

— Ну, плавал. Только я там китов отлавливал и очерки писал в газеты...

— Знаю, братец, знаю, только женщинам очерки — как мыло в нагрузку к хорошему товару. Понял?

— Неужто она такая?

— Не такая. Но и такая тоже.

\* \* \*

Он сразу узнал ее. Даже если бы она была без матери, даже если бы в другом городе — все равно узнал бы этот точеный белокаменный профиль с черной смоляной косой вокруг головы. «Хозяйка Медной горы», — назвал он ее про себя и пожелал, чтобы она не захотела его отпускать из своего чертога.

Ляля стояла перед вешалкой с какими-то серыми платьями и смотрела сквозь них, в другое, не понятное никому, пространство. Она явно была не здесь, не с этими платьями, и когда взгляд ее машинально скользнул по Виктору, она даже не удивилась, откуда в их краях появился молодой капитан. Он был вне ее взгляда, а она была вне его досягаемости.

— Надежда Константиновна, какими судьбами! — с преувеличенным энтузиазмом воскликнула Люся, ринувшись к женщинам через весь зал.

Виктор остался один посреди вещей и, не зная, что делать дальше, зашел за большую вешалку с мужскими пальто, чтобы не маячить.

— Люся! Добрый вечер! А мы вот тут с Лялей платье пришли выбирать, а то ее все поизносились.

Люся подошла к вешалке и внимательно оглядела товар.

— Дрэк, — кратко прокомментировала она. — Я зайду на базу и узнаю, что у них из импорта есть. Что бы ты хотела, Лялочка?

— Я? — Ляля задумалась на минуту.

— Ах да, я не представила вас. Это Виктор, мой брат двоюродный. Приехал на пару дней погостить из Одессы.

Ляля удивленно вскинула брови. Люся оглянулась, чтобы представить Виктора, но его на месте не оказалось.

— Да куда же он подевался?

Тем временем Виктор, слышав свое имя, смущенно вышел из-за вешалки, поправляя китель.

— Здесь я... — Он слегка откашлялся.

— Ну вот, познакомьтесь. Лялочка, это Виктор.

Ляля отчужденно взглянула на него глазами цвета зеленой яшмы и сдержанно сказала:

— Ляля.

Виктор чуть склонил голову.

— Очень приятно.

Наступила пауза. Никто не мог понять, что же делать дальше в этом пространстве, заполненном «дрэком».

— Может, к нам пойдем, поужинаем вместе? — поспешила некстати с вопросом Надежда Константиновна.

Ляля зло зыркнула на мать, поджав круглые губы.

— Не знаю... Эрик дома один... — замаявшись, пролепетала Люся, исподволь следя за впечатлением, которое молодые люди произвели друг на друга.

— Так бери Эрика и приходите к половине восьмого все вместе! Я как раз на стол накрою, а брат твой нам про Одессу расскажет.

— Ну хорошо, если вы настаиваете... — так же неуверенно полусогласилась Люся.

— Настаиваем, настаиваем! Значит, ждем.

\* \* \*

— Мама, зачем ты это делаешь? — Ляля помогала накрывать на стол, сердито поглядывая на мать. — Думаешь, я не понимаю, что ты затеяла?

— Ай, перестань! Что я затеяла? Пригласила к обеду людей — большое дело! — оправдывалась Надежда Константиновна, избегая смотреть в глаза дочери.

— Мама, за кого ты меня принимаешь? — тихо, но едко продолжала Ляля, буравя мать взглядом.



Мать чувствовала этот взгляд, но делала вид, что ничего не замечает. Ей бы уберечь дочь от брака с киношником! И откуда он только взялся на их голову! Мало им было несчастий в семье, так теперь этот навязался. И угораздило же Лялю поехать на практику туда, где их съемочная группа была! Немудрено, что заприметил ее сразу. Редкой красоты девушка. Царевну бы в фильмах играть! Самое удивительное — вылитая покойная подруга Надежды Константиновны. В ее честь и названа была Ляля. А подружку убили — из окна седьмого этажа выбросили с новорожденным. И зачем она только в Москву с мужем переехала! Да и кому понадобилось это делать? Говорят, прислуга была с шайкой какой-то связана. Да вранье это все! У подружки муж военным летчиком был, по фамилии Антюшев — личность известная в Москве. Потом и он куда-то исчез. У таких прислуга проверенная, из органов. То-то и оно... Надежда Константиновна никогда и ни с кем не делилась подозрениями, только раз на мужа глянула во время разговора о пропавшем Антюшеве, и оба сразу умолкли. А новорожденный, говорили, пожил еще немного и умер через пару часов.

Спустя несколько лет мужа Надежды Константиновны командировали в Молдавию, и они стали готовиться к переезду с Дальнего Востока в Калараш. Надежда Константиновна втайне надеялась остановиться проездом в Москве и разыскать этот злополучный дом, навестить место гибели подружки. Обсудила все с мужем и отправила его с двумя младшими детьми в Молдавию, а сама с Лялочкой сделала остановку в Москве.

Дом был высотный, хмурый, словно все еще хранил траур по убиенной. Надежда Константиновна крепко сжала Лялечкину ладошку и направилась к подъезду.

Навстречу им вышла дворничиха.

— Кого-то ищите? — спросила она, оглядывая их. Явно не москвички, приезжие. — Квартиру, что ли, разыскиваете?

— Квартиру, квартиру, — торопливо ответила Надежда Константиновна, почему-то понизив голос.

— А чью именно? Фамилию знаете?

— Антюшевы, — совсем уже тихо сказала Надежда Константиновна.

Тут и дворничиха притихла.

— А вы кто им будете? — спросила она после долгой паузы, внимательно оглядывая Лялечку.

— Подруга... Подруга я... Та самая...

— Ой! — дворничиха приложила руку к груди. — Катя я... Я при этом присутствовала... Столько времени прошло, а все она у меня перед глазами стоит... Вон там, возле того деревца, неподалеку и упала... Девочка ваша как на нее похожа!

— А окно ее где? — прошептала Надежда Константиновна побелевшими губами.

— Вон там, — Катя задрала голову и показала на седьмой этаж. — Прямо вон с того ок... — Она не договорила. Надежда Константиновна тихо осела на траву.

— Господи, господа ты боже мой! — засуетилась Катя. Быстро расстегнула блузку, стала обмахивать газетой, уже собираясь звать жильцов на помощь, но Надежда Константиновна начала приходить в себя, и бледное лицо ее чуть порозовело.

— Простите, простите меня, — пробормотала она, пытаясь подняться с земли.

Дворничиха помогла ей, отряхнула платье и повела к себе. Там она посадила гостью на кровать, поставила чайник на керосинку и вынула сушки из серванта. Чай пили молча. Надежда Константиновна все еще отходила, а когда закончили чаепитие, Катя повела ее в закуток, где они о чем-то шептались за занавеской.

Лялечка оглядывала квартиру, отхлебывая остывший чай и закусывая сушками.

На прощание женщины обнялись, а дворничиха погладила девочку по мраморной щечке и дала с собой кулечек с сушками «на дорожку».

Теперь вот словно глядит на Надежду Константиновну с Лялечкиного личика покойная подруга вечным напоминанием. И хотелось бы иной раз избавиться от этой части биографии, отмахнуться, как от дурного сна, да не получается и уже не получится никогда. Припечатала себя память к Ляльке. Смотри, мол, помни и берегай!

Надежда Константиновна украдкой вздохнула, отгоняя внезапно нахлынувшие воспоминания.

— Ничего не выйдет, мама, — тихо, но жестко повторила Ляля, имея в виду жениха. В уголках губ ее блуждала полуулыбка. Она ясно понимала, что запала в душу этому капитану, и эффект магнетического воздействия на мужчин был ей приятен. Только это ничего не меняло. Мать-то знает!

По двору послышались шаги.

— Идут! — шепнула Надежда Константиновна и бросилась к дверям встречать гостей. Они вошли втроем, здороваясь поочередно с матерью и дочерью.

— А где же Михаил Захарович? — осведомилась Люся.

— Задерживается, как всегда. Обещал к восьми быть, у них сейчас ревизия, сами понимаете... Да вы присаживайтесь! Вот у окна есть местечко для Виктора, а ты, Люсенька, возле меня, а вот тут Эрик составит Мише компанию, когда тот вернется с работы.

Окна были распахнуты настежь — прямо в холмистый сад, что плавно стекал вниз к соседскому дому. Ветки вишневого дерева колыхались у самых окон — только руку протяни, и пригоршню спелых вишен нарвать можно.

В маленькой столовой-гостиной с запахом малины и вишни то и дело появлялись со свистом изумрудные мухи, привлеченные запахом съестного.

— Кыш, вражеская авиация, — отгонял их Виктор, бросая быстрые взгляды на Лялю. Та сидела подчеркнута прямо, не отвечая улыбкой на его шуточный тон, и надменно глядела мимо.

Виктор сложил руки в замок на коленях, не зная, что делать дальше.

— А вы воевали? — спросила Надежда Константиновна, заметив его замешательство.

— Да, воевал, — ответил он, почему-то смущаясь.

— Ты смотри, такой молодой, а тоже войну испытал, — вздохнула Надежда Константиновна, подавая ему бутылку и приглашая гостей накладывать себе на тарелки.

Когда вино у всех было налито и тарелки наполнены, Надежда Константиновна поднялась и произнесла краткий тост.

— Ну что ж, гости дорогие, за знакомство!

Все подняли бокалы с рубиновым молдавским вином и уже готовы были чокнуться, как с порога донеслось:

— А вот и я!

Худощавый высокий мужчина вошел в дом, раскланиваясь с гостями.

— Прямо к тосту подоспели, Михаил Захарович! — сказал Эрик, наливая в бокал, ожидавший хозяина дома.

— Кто бы сомневался, — съязвила Надежда Константиновна.

Все чокнулись, и обстановка немного разрядилась.

Михаил Захарович поцеловал супругу и сел напротив Виктора, поприветствовав его рукопожатием. Он явно был предупрежден о визите соискателя на руку его драгоценной дочери.

— Виктор, — представился Виктор в ответ на рукопожатие.

— Очень приятно. Простите, что задержался — служба, — подмигнул ему Михаил Захарович.

Эрик было хихикнул, но строгий взгляд Люси заставил его мгновенно перейти к оливье.

— Да ты, я вижу, уже подзарядился! — сказала Надежда Константиновна, внимательно вглядываясь в мужа.

Тот улыбнулся открытой улыбкой.

— Вот женщины! Ничего от них не скроешь, — и повернувшись к жене: — Ну, мать, пятница, ревизия... Сама знаешь...

— Знаю, знаю. Закусывай давай!

Женитьба на красавице полячке чуть не стоила Михаилу Захаровичу головы во времена «охоты на ведьм». Познакомились они в дальневосточной деревушке, куда оба были направлены на работу. Он — в качестве секретаря райкома, а она — акушеркой, сразу после окончания черниговского медучилища. Влюбился он в нее моментально, как только завидел кареглазую чародейку на подводе. Проследил, куда она направилась, а вечером «ненароком» встретился ей у больницы, откуда она возвращалась в избенку-общезитие для вновь прибывших.

До общежития Надежда Константиновна так и не дошла. Статный зеленоглазый кавалерист пленил ее мгновенно, и она завернула к нему на огонек. Огонек разгорелся, а на следующее утро, когда, сгорая от стыда, она сказала, что не может выйти от него вот так, у всего поселка на виду, Михаил Захарович ответил с усмешкой:

— Не беспокойся, выходить никуда не надо, разве что замуж. За меня, разумеется. Пойдешь?

Надежда Константиновна стыдливо кивнула.

— Вот и ладно. Я сейчас сбегаю за нотариусом, оформим все бумаги прямо здесь.

Такой прыти Надежда Константиновна не ожидала, но опытный ловелас знал, что делает — эта девушка была жемчужиной, и выпустил он ее сейчас, неизвестно, с кем повенчала бы ее судьба завтра. Немало ретивых командиров ходит вокруг, как начнут ошиваться в клинике — только он и видел свою зазнобу.

Так началась их семейная жизнь — с места в карьер. Их постоянно перебрасывали из одного уголка в другой, но они не сетовали и двигались по пыльным дорогам жизни, направляемые железным перстом партии.

А вокруг сгущались тучи и наконец нависли и над их домом. Стали ходить слухи, что у приехавшего секретаря жена иностранка, и каждый день Михаил Захарович возвращался домой мрачнее тучи, не зная, что ожидает их завтра.

Один раз вызвали даже в комитет, расспрашивали.

— Это правда, товарищ секретарь, что жена у вас иностранка?

— Никакая она не иностранка. Просто раньше Осовец, где она родилась, относился к России, а после революции отошел к Польше. Но ее родни там уже не было.

— Хорошо, идите пока. Мы проверим, — сказали Михаилу Захаровичу. Но он прекрасно знал, что проверять было нечего: архив отошел к полякам вместе с Осовцом, если вообще сохранился.

Молния ударила в одном шаге от него, когда арестовали его друга. Никогда не забудет он, как шел с утра на работу и вдруг видит: навстречу идет конвой, и ведут не кого-нибудь, а его боевого товарища по гражданке Сидорчука. Как изменился тот за один день! И куда только былая стать подевалась! Плечи опущены, смотрит в землю, глаз ни на кого не поднимает, лицо серее сумерек. Прохожие обходят его, словно боятся подхватить вирус изменников родины.

Михаил Захарович, завидев товарища своего с конвойными, решил не сворачивать. Пошел прямо навстречу. А тот глаза опустил, словно не хотел смотреть, как боевой друг молча обойдет его.

Поравнявшись с ним, Михаил Захарович приостановился.

— Здоров, Петрович, — кивнул. И руку протянул.

У того глаза округлились, не знает, что и делать. А Михаил руку держит, ждет. Вот так и пожали они друг другу руки — молча, сильно, в последний раз.

— Надя, — сказал Михаил Захарович, вернувшись домой, — собирай мне вещи.

— Что? Почему? — всполошилась жена.

— Петровича взяли, а я ему прямо при всех, при конвое руку пожал. Не мог я иначе, Надя, мы с ним в Гражданскую на одном поле лежали, друг друга прикрывали.

— Понимаю, Миша, понимаю...

Всю ночь просидели они в тишине квартиры, ожидая стука в дверь. А наутро Михаил Захарович пошел на работу по той же дороге, что друга его уводили, и все его сторонились, но никто не пришел за ним ни тогда, ни после.

— И как бы я жил потом, Надя, если б мимо прошел? — говорил он жене, вспоминая все это годы спустя.

Застольная беседа немного не клеилась. Причиной была Ляля, подчеркнута не прикасавшаяся к еде и односложно отвечавшая на расспросы. После третьей рюмки Михаил Захарович взял инициативу в свои руки.

— Надолго ли к нам? — осведомился он у Виктора, накладывая себе закуску горкой.

— Да нет, нужно в Одессу возвращаться в воскресенье, работа, — ответил Виктор, вновь быстро глянув на Лялю.

Та словно и не слышала, по-прежнему возвышаясь над тарелкой с прямо поднятой головой.

— Жаль, жаль. А то бы остались, погостили. У нас сейчас сезон фруктов, — поддержала разговор Надежда Константиновна. — У вас там в Одессе небось не такие ароматные и сочные, как здесь. Черешню или малину надкусишь, а сок прямо по лицу льется. Все домашнее, с садов и огородов.

— Да, у вас тут рай, — проговорил Виктор, чувствуя, что тема исчерпывается, а другая не вырисовывается.

— А почему бы вам с нами завтра на озеро не сходить? — спросил Михаил Захарович.

— А и впрямь! Почему бы не сходить? — обрадованно подхватила Надежда Константиновна, с благодарностью взглянув на мужа.

— Пойди, пойди, Витюша, обследуешь наши местные воды, — пошутила Люся.

— Давай-давай, Синбад-мореход! — поддержал ее Эрик.

— Ну... — Виктор снова бросил взгляд на Лялю, которая по-прежнему неподвижно возвышалась над тарелкой. — В общем, я не возражаю.

Все рассмеялись.

### **ЗАКАТ НА ЗАОЗЕРНОЙ УЛИЦЕ**

В субботу утром Виктор постучал в калитку Надежды Константиновны и Михаила Захаровича. Люся с Эриком остались дома под предлогом того, что нужно было сходить на рынок и кое-что сделать.

— Иду, иду! — радостно откликнулась Надежда Константиновна, спеша по дорожке и отпирая затвор. — Проходите, Виктор! — улыбаясь, пригласила она его в садик. — Мы уже почти готовы, только еду уложим.

Садик был прямо напротив застекленной веранды, с цветочной клумбой и гамаком между стволами абрикосовых деревьев, а другой — вниз по склону, с вишневыми и сливовыми деревьями и кустами малины.

Виктор сел в гамак и качнулся несколько раз. «Как на волне», — подумал, прикрыв глаза.

На пороге появилась Ляля в светлом ситцевом халатике и с пляжной сумкой в руках. Он вскочил, приветствуя ее.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, — с жесткой усмешкой ответила она и закопошилась в сумке. Такое начало ничего хорошего не предвещало.

— Давайте сумку, помогу, — засуетился Виктор.

Ляля молча отдала ему сумку с подстилкой.

— Вы идите вперед, — скомандовала Надежда Константиновна, — а мы продукты еще кое-какие уложим и — за вами.

Ляля снова усмехнулась и, не сказав ни слова, направилась к калитке. Виктор тихо последовал за ней.

Когда улица осталась позади и они начали спускаться вниз по тропинке, ведущей к озеру, она наконец заговорила.

— Я знаю, зачем вас мама пригласила, но ничего не выйдет, это я вам сразу говорю. Никаких планов не стройте, у меня есть жених, мы любим друг друга, и как только он вернется со съемок фильма, мы поженимся.

— Вот как... Ну что ж, жених так жених. А что за фильм он снимает?

— Хороший фильм.

— Надеюсь когда-нибудь посмотреть.

— Посмотрите. Вся страна смотреть будет.

Некоторое время они спускались молча.

— А вот и озеро, — показала она рукой на сияющий круг воды вдалеке.

— Красивое, — сказал он, любуясь ее рукой.

Она снова усмехнулась. За спиной слышались шаги родителей.

— Мама, мы здесь!

— Хорошо, хорошо, мы за вами.

Озеро неподвижно сияло, позволяя рассматривать себя, но купаться в нем было запрещено.

Они расположились на берегу, и мать стала раскладывать свертки с едой.

— А вы приезжайте к нам на море, там искупаться можно будет... Вода теплая... — сказал Виктор, наблюдая, как Ляля глядит на воду.

— А что, поезжай, Ляля! — откликнулась мать. — Хоть подзагоришь немного на солнце.

— И вправду, приезжайте, — повторил он свое приглашение уже лично ей. — Будете с моей сестрой и ее семьей жить. Или с Марьей Юрьевной на даче.

— Спасибо, — поблагодарила Ляля с той же усмешкой.

За едой и разговорами не заметили, как начало садиться солнце, окрашивая холмы в цвет густого вина. День клонился к вечеру. В воздухе вспыхивали светляки и гасились о траву, как притушенные сигареты.

Разморенные солнцем, все тихо поднимались в гору, уже вместе, и путь назад был гораздо тяжелее и изнурительнее.

Возле калитки Виктор тронул Лялю за руку.

— Завтра с утра я уезжаю. Выходите сегодня к девяти. Хотелось бы еще раз повидаться... на прощание.

— Хорошо. Выйду.

\* \* \*

В доме стояла прохлада. Глиняные постройки лучше хранят и тепло, и холод. Надежда Константиновна собственными руками обмазывала глиной стены, ладила печку.

Не беда, что туалет на улице и топить приходилось дровами, зато свой собственный очаг, о котором так мечталось в годы скитаний по дальневосточным хибаркам и общежитиям!

— Ну, вот что я тебе скажу, твой киношник о тебе уже и думать забыл, — приговаривала Надежда Константиновна, разбирая кульки с кастрюльками. — И не пишет, и не звонит.

— Позвонит. И напишет тоже.

— Ох, Лялька, Лялька! Молодая еще. Ты мать слушай. Все они такие! Наобещают с короб, а потом днем с огнем их не сыскать. Вот где он? Где? Небось каждый день на переговоры обещал вызывать.

— Он занят, мама. У него съемки.

— Вот и я говорю — съемки у него. И еще неизвестно что...

— Мама!

— Да будет тебе — «мама, мама». Чуть что, сразу: «Мама!» Я правду говорю. Сама подумай — ну, какой он тебе муж? Сколько раз ты с ним виделась? Встретились на практике, и уже все у них решено! Ты ведь ничего о нем не знаешь! У этих киношников кругом подруги, не будь наивной!

— А мне не нужно время, чтобы его узнать. Я его сразу узнала, сердцем узнала. Мы с ним, когда вечером пришли в его комнатку в общежитии, наедине остались, никого не было, я подумала, ну вот сейчас целоваться полезет, а он посадил меня на единственный стул, как королеву, и только смотрел на меня весь вечер. А потом, когда вышли, на улице уже, в нескольких шагах от моего общежития, он мне предложение сделал...

— Вот как... И что ж, даже не поцеловал при этом?

— Нет, не поцеловал. В тот вечер не поцеловал. А на следующий день, когда на поезд меня провожал, так волновался, я чувствовала... Уже у вагона склонился ко мне и сказал: «А вот сейчас я тебя все-таки поцелую». Мама! У меня этот поцелуй до сих пор на губах горит...

\* \* \*

Вошла луна, чуть подернутая печалью облаков.

Улица была слабо освещена желтоватым светом одинокого фонаря.

Она вышла к нему с задумчивым лицом, сама как луна, обрамленная ночью гладких темных волос.

— Ну вот, уезжаю я, — сказал Виктор.

Она согласно кивнула и взглянула на луну.

— Полная луна, — сказал он. — При спокойном море это великолепная картина, нереальная...

Она снова кивнула.

— Выходи за меня, — неожиданно выпалил Виктор, понизив голос.

Ляля удивленно взглянула на него.

— Я ведь все объяснила, не так ли?

— Выходи...

— Я тебя не люблю... Я не тебя люблю.

— Полюбишь, дай мне срок. Все равно ведь будешь моей, я знаю это.

— Откуда? — Снова жесткая усмешка скользнула по ее лицу.

— Просто знаю, и все. Значит так, даю тебе месяц срока на размышление. После этого сыграем свадьбу.

— Вот как!

— Да, вот так.

## ТЕЛЕГРАММА

Звонок в дверь. Коммуна из шестнадцати семей прислушивается. У каждого свой звонок, поэтому к дверям подходит только тот, к кому звонят. Этот звонок предназначен семье Горбаневых. Женя поспешно отрывается от плиты и бежит по длинному скрипучему коридору одесской коммуналки.

— Телеграмма! — торжественно объявил почтальон, доставая бумагу из сумки. — Вот, распишитесь.

Женя аккуратно расписалась и закрыла за ним дверь.

— Это от Люсенки. Ляля приезжает вечерним поездом, — сообщила она, прочитав телеграмму. — Нужно Виктору дать радиограмму — пусть порадуетя.

— Решилась, значит, — пробормотал Сергей, надевая тапочки, чтобы выйти в коридор.

Девять утра, воскресенье, спешить было некуда. На кухне только несколько хозяек завтрак готовили на скорую руку.

— Еще бы не решиться! — съязвила ему вслед Женя. — Мои девочки на работе в очереди стоят, чтоб познакомиться с Витькой! А она две недели раздумывала над его приглашением. Тоже мне, краля каларашская!

— Мама, кто приезжает? — спросила, протирая глаза, Лорочка.

— Ты не знаешь, одна знакомая.

— А где она будет жить?

— У дяди Вити на даче, с Марьей Юрьевной, а мы туда приходим будем.

— А Марья Юрьевна знает?

— Нет пока что. Я забегу к ней, обрадую, что план ее осуществился.

После завтрака Женя побежала на почту дать радиограмму, а оттуда — к Марье Юрьевне.

\* \* \*

На даче было хорошо, прохладно. Марья Юрьевна привела все в порядок, выстирала постели и покрывала, развесила занавески, что в сундуке лежали, вымыла полы и окна. Красота, уют!

— Ох, как у вас тут стало! — воскликнула Женя, заходя в дом. — А у меня руки не доходят прибраться тут. Если в воскресенье выбираемся, то только море и видим...

— Ну, ничего, скоро, даст бог, хозяйка появится, всем нам на радость. И прибраться будет кому, и приготовить, — уверенно сказала тетка.

— Да, вы как в воду смотрели, Марья Юрьевна...

— Что, неужто приезжает?

— Да, сегодня вечером.

— Ну, слава богу! Лед тронулся. Значит, сегодня с вокзала прямо на дачу. А Виктор скоро будет?

— В конце месяца. У него короткий рейс на сей раз. Он просил не оставлять Лялю одну.

— Ладно, понимаем, не маленькие, — отмахнулась тетка. — Ты тут передохни, а мне нужно еще на базар сбегать, продуктов закупить.

— Да нет, я назад, к своим. Только новостью поделиться приехала.

— Ну, как знаешь. В трамвае, стало быть, передохнешь.

\* \* \*

К вечеру все стояли на перроне в ожидании поезда.

Поезд, как всегда, опаздывал, и на небе уже появились первые звездочки, когда измученные жарой и тряской пассажиры высыпали из вагонов.

Ляля вышла с небольшим чемоданом и сумкой, которые у нее тут же перехватил Сергей. Она выглядела немного осунувшейся и похудевшей, но это только придавало ее облику женственную мягкость.

Решение ехать в Одессу созрело у нее после того, как она тщетно прождала известий от своего суженого. Все вечера просиживала она, разглядывая подаренный ей портрет с надписью: «Милой девоньке от меня», словно пытаясь разгадать загадку его молчания. Неужели мать права? Неужели и впрямь забыл? Неужели встретил кого-то там у себя на съемках? Нет, нет, сердце говорило ей, что это не так, что связь между ними есть и что она сильна. В какой-то момент Ляля даже будто увидела его внутренним зрением — одного, в смягчении. Он думает о ней, тоскует, чем-то взволнован... Но почему же, почему не дает о себе знать? Ни телеграммы, ни вызова на переговорный пункт...

Она мысленно перебирала всевозможные варианты, думала, что бы предпринять, и неожиданно для себя остановилась на самом отчаянном — ехать в Одессу. Да, в Одессу! Там она его разыщет на киностудии, как бы ни было ей стыдно сделать этот шаг, как бы ни смотрели на нее его коллеги и как бы ни корила она себя за это после. Стыд отступал перед загадкой, перед муками ожидания.

— Мама, я поеду в Одессу, — сообщила она в пятницу вечером, когда семья собралась за обеденным столом.

Мать чуть не поперхнулась от неожиданности.

— Лялечка... — промолвила она, откашлявшись. — Ну, конечно же, детка, поезжай! Отдохнешь, сил наберешься...

Младшая сестра Тамарка только хмыкнула, накладывая себе гречки в глубокую тарелку.

— Сколько раз я тебе говорила не класть второе в глубокую тарелку! Для этого мелкая тарелка существует! — неожиданно озлобилась Надежда Константиновна.

Тамарка быстро переменяла тарелку, искоса поглядывая на мать. Никого та не лелеяла так, как Ляльку. Старшая сестра всегда была на особом положении — в центре внимания родительского и объект их ласки. Тамарка и брат Валька росли сами по себе, как бурьян в материнском огороде, а Лялечку культивировали, поливали заботой, к солнцу подсаживали. Она и выглядела как-то совершенно по-особому — не похожа ни на брата с сестрой, ни на родителей. Ходили слухи, будто она от другого отца, но Надежда Константиновна только посмеивалась над слухами. Пусть тешутся.

Лялечкино внезапное решение ехать в Одессу привело Надежду Константиновну в состояние крайнего возбуждения. Она засуетилась, стала собирать ей платья, блузки и скромные украшения. «Спасибо, спасибо, спасибо!» — говорила мысленно Надежда Константиновна, сама не зная кому.

В воскресенье утром Лялечка села в поезд и поехала в Одессу, в душе торжествуя, что обвела мать вокруг пальца.

Мать смотрела вслед уходящему поезду и, хоть не была верующей, на всякий случай незаметно перекрестилась. В душе у нее было примерно то же ликование, что и в душе ее драгоценной дочери.

Вот уже несколько месяцев, как Надежда Константиновна старательно перехватывала телеграммы от этого проклятого киношника и несколько раз бегала вместо Ля-



лечки на переговорный пункт, сообщая ему, что дочери нет и неизвестно, когда будет. Она все надеялась, что так он потеряет интерес и тихо исчезнет. Не тут-то было! Видно, и впрямь Лялька запала ему в душу. Телеграммы приходили чуть ли не через день, и Надежде Константиновне приходилось караулить почтальона или бежать самой на почту до работы, чтобы перехватить чертовы послания.

«Сколько же эти муки будут продолжаться? — думала она всякий раз, пряча подальше очередную телеграмму. — Так ведь и загнать в гроб человека немудрено!»

Мытарствам ее пришел конец совершенно неожиданно, и теперь она торжествовала. «Все будет хорошо, все будет хорошо, — думала она по дороге с вокзала. — Только бы Тамарка не проговорила. Ну ничего, я ей мозги вправлю, чтоб язык попридержала...»

\* \* \*

В Одессе Ляleckа оказалась под неусыпным оком двух ретивых соглядатаев — тетки Марьи и Жени, которые ни на миг не отходили от нее. О том, чтобы отправиться на киностудию, можно было только мечтать. Но Ляля не теряла надежды. Она все ждала, когда Марья Юрьевна задремлет, разморенная жарой, или отправит ее в продовольственный прикупить что-то.

План «А» провалился сразу: Марья Юрьевна днем вообще не ложилась. План «Б» тоже приказал долго жить: в магазин ходили только вместе. Оставалось затеряться в толпе и совершить побег. Ляля криво усмехнулась, представив себе, какая поднимется паника среди родных. Потерялась девочка...

Несмотря на все препятствия, приезд в Одессу снял с нее то невероятное напряжение, от которого она не могла избавиться, будучи в Калараше. Прежде всего, отпала сама собой проблема ожидания. Здесь ей уже не нужно было дожидаться почтальона, чтобы потом проводить остаток дня в оцепенении, разглядывая портрет возлюбленного и по сто раз перечитывая дарственную надпись. Во-вторых, близость к киностудии успокаивала сама по себе, словно они находились по обе стороны улицы-реки, переплыть которую было в принципе возможно.

К ней сразу вернулся сон. Первые несколько дней она спала беспробудно, наверстывая все, что недоспала за последний месяц.

— Морской воздух делает свое дело, — заключила Марья Юрьевна, которая неустанно бдела будущую невестку. По вечерам, ее сменяла Женя, гуляя с Лялей по Дерибасовской с остановкой в магазинах и кондитерских.

Во время одной из таких прогулок, когда Ляля обдумывала очередной план побега, кто-то вдруг окликнул ее в толпе. Она только вышла из Пассажа, оставив Женю, которая расплачивалась за какую-то покупку.

— Ляля! Ты?

Она вздрогнула, узнав голос.

— Владик?

Да, перед ней стоял коллега ее суженого, с которым они вместе снимали новый фильм. Ляля познакомилась с Владиком на съемках студенческого фильма о Молдавии, где две по-разному красивые девушки — Ляля и ее сестра Тамара — тотчас же привлекли внимание молодых операторов, и те с вдохновением отсняли их в массовке на фоне цветущих деревьев. Поблекшее цветное фото — кадр из фильма — стояло на буфете в Калараше, напоминая о первом знакомстве с возлюбленным.

— Что ты тут делаешь? — Владик был явно поражен встречей. — Твой с ног сбился, нигде не может тебя найти! Что случилось?

— Ничего... Ничего не случилось. — Ляля попыталась улыбнуться.

- Мы сегодня снимаем, я ему скажу, что видел тебя. Что ему передать?
- Привет. Да... У меня все в порядке...
- Хорошо, передам. Прости, мне нужно бежать. Скоро начало. Так ты будешь на киностудии? Давай, приходи! Он ждет. Пока!
- Пока...

Владик быстро исчез в толпе, а Ляля продолжала стоять, не меняя позы, ничего больше не слыша и не видя вокруг себя. Владик, наверное, догадался, что она приехала разыскивать своего несостоявшегося жениха, и теперь бежит его предупредить. Предупредить... А о чем, собственно, предупреждать? Если он с кем-то другим, то она ни за что, ни за что не появится на киностудии! Владик — известный ловелас — явно хочет дружка покрыть, дать ему время. А ей не нужно ничего. Она вообще не к нему приехала.

Только теперь, встретившись лицом к лицу с другом своего суженого, осознала она, насколько наивным был ее план, насколько оторванным от жизни и унижительным. Она ведь не может, не может и не должна выступать в подобном качестве. Разыскивать жениха — это не ее роль. Боже мой, почему же она раньше этого не поняла! Стыд, какой стыд... Она оглянулась — шумная улица, поток говорливых пестрых людей. Как она здесь очутилась? Для чего? Бежать, бежать, немедленно бежать домой! Ноги ее здесь больше не будут!

— Прости, задержалась, мелочь отсчитывала, — послышался рядом с ней голос Жени.

Ляля посмотрела на нее невидящим взглядом.

- Завтра уеду домой.
- Так скоро? Даже Виктора не дождешься?
- Мне домой пора.
- Ну, пора так пора. Завтра посадим на поезд.

Они дождались трамвая и вскоре были дома.

Ляля легла ничком на кровать и пролежала так до самого утра. Утром молча побросала вещи в чемодан, отхлебнула чаю, отказавшись от завтрака, и отправилась на вокзал в сопровождении Марьи Юрьевны, которая оставалась в Одессе до приезда Виктора.

— Спасибо вам, — выдавила из себя Ляля на прощание. — И Жене тоже передайте.

— Передам. Только могла бы и побыть еще пару дней. Куда спешить? Ну, да ладно. Привет родителям и Люсе с Эриком. Скоро увидимся!

### ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА

Возвращение в порт было триумфальным. Теперь Виктор почти не сомневался, каков будет ответ его отрады, живущей в каларашском терему.

Дома его ждал самый радушный прием. Все были возбуждены предстоящим сватовством и возможной женитьбой. На следующий день после его приезда семья собралась на обед, как в старые добрые времена. Стол был накрыт, по обыкновению, пышно, поднимали тост за то да се, но конкретно ничего не обсуждалось. Боялись сглазить — больно уж гладко все складывалось.

После обеда Виктор вышел на кухню покурить. Появилась Женья с тарелками в руках.

- Ну, как ей здесь было? — спросил он сестру, пока та складывала посуду в раковину.
- Я, честно говоря, надеялась, что она тебя дождется, но она вдруг сорвалась ни с того ни с сего. Что-то тут не так... Чует мое сердце!
- Понятное дело... Это даже лучше, что уехала. Ей нужно с мыслями собраться, да и мне тоже хорошо бы кое-что обдумать.
- Например? Уж не передумал ли ты жениться, братик?

— Ой, да что ты! Передумал! Тоже скажешь... Я там каждую минуту считал до прибытия...

— О чем же тогда думать собираешься?

— Я решил дачу продать, Женечка.

— Да что ты! Как же можно? А где ж мы лето проводить будем?

— Лето будем проводить, как все. До моря с любого конца города добраться можно, не велика беда. А вот у тебя Лорочка подрастает. Сколько же ей за шкафом спать?

— Что же ты предлагаешь?

— Продам дачу, и обменяем наши две хибары на хорошие квартиры, чтоб и вам было где жить, и у нас было место для всех будущих членов семейства. Ну как, согласна?

— Витюша! Золотце ты мое! Как же не согласна? Вот братик у меня!

Она звонко расцеловала его в обе щеки и побежала в комнату делиться новостями с мужем. Через несколько минут на кухню выбежал Сергей и взволнованно стал трясти Виктора за плечи.

— Ну, брат!.. — восклицал он, качая головой. — Нам бы вовек не улучшить наших жилищных условий... Ну, брат!..

— Да что там... Одна семья ведь... Ну, раз предложение мое принято, то завтра же нужно начинать поиск. Пока я из Калараша вернусь, многое уже можно будет проверить.

\* \* \*

На закате следующего дня он прибыл в Калараш.

Ляля стояла, прислонившись к стене родительского дома, и смотрела на простиравшиеся вдаль холмы. О, если б стать свободной от всего, от себя и взлететь над холмами, чтобы парить с птицами в этой синеве... И ни о чем не думать, ничего не помнить, ничего не чувствовать...

Лязгнул железный засов в калитке.

Может, не открывать? Может, стоять вот так, пока не начнется зима и не скует льдом этот сад? А душа давно уже обледенела...

Лязг повторился.

— Иду, иду! — послышался голос матери.

Звук отпирающейся калитки, голоса приветствия, шаги по гравию.

Все.

— Лялечка! К тебе пришли! Ты где?

Она закрыла глаза и — в омут.

Он стоял перед ней в своей капитанской форме, смущенно улыбаясь.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Ну вот, приехал...

— Вижу.

Оба повернули голову в сторону матери, которая по-прежнему стояла между ними как связующее звено.

— Может, пройдемся? — несмело спросил Виктор.

Ляля молча прошла вперед, открыла калитку и вышла. Он последовал за ней, как утренняя тень. Они дошли до первой скамейки.

— Присядем, — предложил Виктор.

Ляля присела. Он присел рядом и начал машинально чертить что-то носком туфли по пыльной земле, пока вдруг не спохватился и не одернул себя.

— Ляля, сегодня ровно месяц, как мы виделись, — промолвил он. — Вы подумали над моим предложением?

Она упрямо наклонила голову, словно упираясь лбом в воздух, и плотно сжала губы, как на допросе. Он бережно взял ее руку, которой она вцепилась в сиденье скамейки, и погладил ее.

— Ляленька, выходи за меня... Будь моей женой...

Она набрала воздуха в легкие и, словно выдыхая все свое прошлое, произнесла:

— Хорошо.

\* \* \*

Свадьбу сыграли ровно через неделю. Торопились все: он, мать, Женя с Марьей Юрьевной... Ляля же безразлично следила за всем, машинально примеряя платье, отвечая на вопросы. Неожиданное спокойствие снова овладело ею, как там, в Одессе, только теперь оно было другим. Она вдруг полностью отстранилась от собственной жизни, настоящей и будущей, а прошлого у нее уже не было — она его выдохнула тогда на скамейке. Все, что происходило вокруг, больше не касалось ее. Она обрела неожиданную свободу, и главное достоинство этой свободы было в том, что она освободилась от чувств. Теперь она была уже не причастна ни к чему, что бы с ней ни делали.

— Ну, вот и хорошо, — повторяла мать, поправляя складки на свадебном платье. — Сидит как влитое! Посмотри. — Она подвела дочь к зеркалу. Оттуда на Лялю глянула незнакомая женщина в чужой одежде. — Правда, хорошо?

— Да, хорошо, — бесстрастно ответила Ляля.

\* \* \*

После загса гости направились к Надежде Константиновне. В саду были накрыты три деревянных стола с приставными скамейками. Произносили тосты, постоянно кричали «горько!». Ляля поднималась, и садилась, и снова поднималась. Это длилось бесконечно, как производственная гимнастика. Потом их наконец оставили вдвоем.

И был вечер, и было утро.

День второй начался стуком в калитку.

— Вам телеграмма, распишитесь, — заученно сказал почтальон, когда Ляля вышла к нему в халатике. Мать с утра побежала на базар принести свеженькой брынзы к завтраку и заодно прикупить молдавских лакомств, чтобы побаловать молодых.

Почтальон протянул уведомление, равнодушно глядя поверх ее головы. Она машинально расписалась, без интереса взяв у него телеграмму. Должно быть, кто-то из родни прислал поздравление с бракосочетанием... Закрыв за почтальоном калитку, она повернула в дом, на ходу взглянув на содержание. «Работу фильмом закончил. Люблю. Приезжаю. Женимся. Твой...»

В первую секунду она вообще ничего не поняла. Какие-то слова без предлогов и связи. И вдруг сердце дико подпрыгнуло, осознав смысл написанного раньше, чем ум, и она тихо сползла вниз, на гравий, осев, как оседает подтаявший снежный сугроб. Больше она ничего не помнила.

### **В СЕМЕЙНЫХ ВОДАХ**

Эх, Капитан Капитаныч! Вел ты свой корабль без погрешностей — ни единой аварии, ни единого происшествия, а вот зашел в семейные воды, и дало твое судно крен. В который раз...

Медовый месяц привнес больше горечи, чем меда в их начинающуюся жизнь. Ляля словно за перегородкой жила. Понятное дело — все новое, незнакомое... Ничего, постепенно войдет в курс, привыкнет, думал Виктор...

Но она бледнела, все чаще делалась раздражительной, а тут еще и простуда прибавилась, осложнившись бронхитом. Ляля стала плохо спать, вставала уставшей, плохо ела. Море и пляж немного взбадривали ее, хоть солнца она не любила: оно быстро утомляло ее. И тем не менее при виде людей она оживлялась, становилась общительней. Ей явно импонировали взгляды проходящих мимо мужчин. Виктора это несколько задевало, но он старался не показывать виду, заговаривая с ней и всячески оказывая ей знаки внимания.

Жили они то в его старой квартире, то на даче, пока обмен еще не состоялся.

С появлением Ляли Муся демонстративно отказалась мыть лестницу.

— Как вы себе хотите, мама, а мне ця краля зовсим нэ нравыця, — говаривала она свекрови, отжимая тряпку.

— Вона тебе не сподобається тому, що вона Вихтору сподобається, — хмыкала злорадно Циля.

— Та не говорите уже глупостей, мама! Она и Яцику не нравится. Яцик, скажи своей маме, шо ты думаешь.

— Оставь Яцика в покое хоть на одну ночь.

— Мама, вы скоро будете уже бабушкой, а у вас все еще никакого стыда!

— Я не поняла — это таки новость или намек на мой возраст?

— Это таки новость.

— Яцик, Яцик! Иди сюда скорей, я тебе новость расскажу! — воскликнула Циля, всплескивая руками.

Вечером счастливое семейство устроило пирушку для всех соседей. Отсутствовали только Ляля с Виктором, поскольку они решили остаться на даче. Перемена места тоже вносила некоторую разрядку в их отношения. Ляля с удовольствием и вкусно готовила, а на даче это было особенно романтично.

День выдался хорошим. Они шли к трамвайной остановке по шумным одесским улицам. Народу было полно — бархатный сезон, солнце не жгло, а лишь мягко освещало загорелые лица одесситов. Виктор держал ее под руку, а она старательно обходила рытвины на невысоких тонких каблучках. Возле газетного киоска выстроилась очередь за свежей газетой.

— А с очерком Виктора Борга остались экземпляры? — громко поинтересовался кто-то.

— Пока есть, но вам может не хватить, лучше в соседний киоск подойдите, — посоветовали ему из очереди.

— Да в соседнем такая же очередь и тоже немного экземпляров осталось, — с досадой сказал подошедший, раздумывая, стать ли в очередь или попытать счастья в другом киоске.

Виктор украдкой бросил взгляд на жену — услышала или нет? Ляля шла, напряженно глядя перед собой, ни на что не реагируя. А может, и впрямь не услышала?

— Это за моим очерком стоят, — негромко сказал Виктор, чуть касаясь губами мочки ее уха.

— Да, — кивнула она с той же напряженной сосредоточенностью.

Значит, слышала. Неловкая ситуация, будто он бахвалился перед ней...

Всю оставшуюся дорогу они шли молча, но Ляля, похоже, и не замечала молчания, как, впрочем, не слышала и разговоров.

В трамвай пришлось втиснуться и полчаса трястись в обстановке, освобождающей от покупки билетов.

— Передавайте на билетики! — зычно требовала кондуктор.  
— Чем передавать, мамаша? В карман не влезешь, а влезешь, так не вылезешь, — ответил, наваливаясь спиной да дверь, пассажир.  
— Ты, главное, смотри в чужой не влезь! — откликнулись с другого конца.  
— Или еще куда не влезь вместо кармана! — загоготали в середине вагона.  
Наконец выбрались на своей остановке. Ляля отряхнула примявшееся платье. Ветер с моря подправил складки, раздувая ткань под стянутой поясом талией.  
— Ахтриса! — присвистнул какой-то паренек, торгующий цветами на пяточке у скамьи на пляж.  
— Топай, топай, шпана! — не выдержал уже Виктор.  
— Я — че? Я ниче... Вот цветочки тетеньке своей купите...  
— Ну давай свои цветочки, — смягчился Виктор, взяв охапку свежих полевых цветов.  
— Спасибо, дяденька! А у мамки моей бички в ведерке. Только шо плавали. Вон еще бьются. Нэ хочетэ?

Виктор вопросительно взглянул на Лялю. Она поморщилась. Рыбу она не выносила — ни запаха ее, ни вкуса.

— Та нэ хочэ вин, сынку, нэ хочэ. Чи не бачишь? — откликнулась мамка. — За цветочки дякую. Ище прынэсу с садочку свого, як ци зав'януть.

— Ну прям-таки с садочку! — ядовито сказала торговка розами, стоявшая неподалеку. — На поле небось шпаненок твой нарвал. Сорную траву продают! Ты б лучше настоящие цветы купил для своей жинки, а не цей веник!

— Який це веник? — возмутилась торговка бичками. — Це самые шо нэ на е настоящие квиты! А твои уси фарбованы та на прыколках. Тильки до дому дойдэте, усэ осыплется.

— Ах ты ж! — завопила торговка розами, — бросившись к ведру с полевыми цветами. Но мальчишка ловко подхватил его в тот самый момент, как она почти коснулась ручки. Потеряв равновесие, она растянулась на траве.

Взрыв хохота собравшейся уже публики завершил эту сцену.

Виктор с Лялей незаметно ретировались.

До дачи было пять минут. Шли по тенистой дорожке до самых ворот.

У дома Виктор открыл почтовый ящик, а там — аж два письма от заведующего отделом информации газеты «Молодежь Украины» и от редактора газеты «Советский флот» по иностранному отделу Юрзанова. Виктор зачитывал эти послания вслух, пока Ляля быстро готовила ужин:

Итак, в период 17–30 августа вышло шесть Ваших очерков. Последний, седьмой, будет опубликован числа 6–7. В коллективе, да и читатели очень довольны этим материалом. Не стоит бросать это дело: у Вас бойкое перо, мы не очень правили воспоминания. Приятно было их править.

Ваши два материала «По Суэцкому каналу» и «В Сингапуре» опубликованы. Пышалаем Вам номер «Советского флота» с Вашими путевыми заметками о пребывании в Сингапуре. Надеемся, что сотрудиничество, которое установилось между нами, на этом не прекратится. Мы бы хотели иметь «путевые заметки советского моряка» о посещении Гонконга, портов стран Среднего и Ближнего Востока, США и Англии.

Перо его завораживало. И дело было не только и не столько в описаниях чужеземных стран и в экзотике, сколько в живом, искреннем повествовании, затрагивавшем внутренние струнки. Пресытившийся агитками и казенными фразами читатель буквально набрасывался на материалы молодого журналиста, спокойно и просто, без лож-

ной патетики повествовавшего о самом сокровенном. Стояли в очереди не за сюжетом, а за глотком того, о чем каждый мечтал еще так недавно в землянке и в море.

...Что же это такое — родина? Место, где родился? Люди, с которыми живешь? Язык, на котором пела колыбельные мать? Или все это вместе взятое, и прошлое предков твоих, и будущее потомков?..

...У горизонта штурман едва различает в бинокль знакомую с детства неяркую Полярную звезду. Мы в Северном полушарии, и до дома рукой подать. И вдруг непонятное: весь этот долгий рейс считали дни, когда вновь увидим родные берега, очень ждали этой волнующей минуты, а сейчас, когда почти осязаема радость встречи, рождается какое-то смутное чувство неудовлетворенности. Жаль, что рейс кончается, что больше не станут будить тебя в привычное время на вахту, что у каждого появятся другие интересы, кроме общих. И думаешь: а может быть, то, что уже уходит в прошлое со всеми трудностями, с полной мобилизацией физических и духовных сил, и есть настоящая полная жизнь?

Но почему тогда бесконечно долгими кажутся последние дни?..

Этот очерк под названием «К теплому северу» был одним из самых популярных, и его неоднократно перепечатывали. Как и многие его очерки, он заканчивался вопросом. Виктор предпочитал такую концовку, избегая прямых ответов и заставляя каждого ответить по-своему. И это имело особое, долгосрочное воздействие.

Вскоре ужин был готов.

— Можешь расстелить скатерть, — сказала Ляля, заглянув из кухни.

Ужин получился на славу, как всегда, и Виктор не мог нахвалиться кулинарными способностями жены.

Вечером, в постели, они слушали, как плещется море, а Ляля о чем-то думала. Виктор боялся прервать ее мысли и ждал, пока она уснет. Но она не засыпала, и он наконец спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

Она помедлила и потом сказала в потолок:

— Мне кажется, у нас будет ребенок.

Виктор подскочил с кровати.

— Кажется или точно? — голос его дрогнул.

— Похоже, точно.

Он стал целовать ее руки, бормоча о том, что позаботится о новой квартире, что ребенку будет где жить... Но она не дослушала его и повернулась на другой бок.

— Я устала. Давай оставим эти разговоры до утра.

— Да, да, конечно...

\* \* \*

Гинеколог определил примерно две недели беременности.

— Как две? Только две? — спросила Ляля, слезая с кресла.

— А почему вас это удивляет? — ответила вопросом на вопрос Галина Анатольевна, главврач одного из лучших гинекологических отделений города, близкая знакомая и клиентка Жени.

— Да так... Слабость чувствовать начала гораздо раньше, — смущенно кашлянув, сказала Ляля.

— Да? А вы, случаем, не простужались?

— Простужалась... Еще остаточные явления до сих пор.

— Да, я обратила внимание на ваше покашливание. Значит так, сейчас я позвоню в тубдиспансер нашему лучшему специалисту, чтоб немедленно приняла вас. Нужно отмести все подозрения.

— Зачем в туб... Вы что, думаете, я...

— Я ничего не думаю. Вот Полина Львовна посмотрит вас, и тогда подумаем вместе. А пока — бегом к ней.

Галина Анатольевна написала адрес на листке бумаги и имя врача и принялась звонить по телефону.

— Поля, ты? У меня тут одна знакомая, Женина невестка. Хочу, чтоб ты глянула на нее. Да, сегодня. Хорошо, они уже едут. — Галина Анатольевна положила трубку и жестом показала, чтоб Ляля поторопилась. — Скоренько, скоренько давай! Полина Львовна ждет.

Ляля вышла из кабинета ошарашенная. Виктор ждал ее в коридоре.

— Что? — спросил он, вскакивая со стула.

Ляля обвела его отрешенным взглядом, губы ее дрожали.

— Что? С ребенком что-то не так? Ляленька, Ляля, ну успокойся, скажи мне, что случилось?

Открылась дверь из кабинета, и оттуда выглянула Галина Анатольевна.

— Ляля! Вы еще здесь? Я же сказала, вас ждет Полина Львовна! Вы — муж? Берите ее и мчитесь в тубдиспансер!

У Виктора задрожали руки.

— Да-да... Хорошо... Сейчас, бежим.

Он схватил Лялю, и они помчались на улицу ловить такси.

\* \* \*

Через десять минут они уже стояли в приемной у Полины Львовны, доброй знакомой Жени, не раз бывавшей у нее в гостях.

— Заходите, — пригласила их в кабинет медсестра. — Полина Львовна сейчас будет.

Они вошли. Ляля села на стул в полном изнеможении. Виктор стал возле нее.

Наконец появилась Полина Львовна.

— Витюша, привет, дорогой! — поприветствовала она Виктора, чуть картавя и широко улыбаясь. Копна рыжих волос засияла на солнце, когда она водрузилась в свое кресло напротив окна. — Ну, давайте знакомиться, миленькая, — обратилась она с той же улыбкой к Ляле. — Я о вас слышана. Вы к нам из Молдавии пожаловали, так ведь?

— Так, так, — быстро подтвердил Виктор, все еще стоя подле Ляли.

— Витюш, ты садись, не стой, — сказала Полина Львовна. — Мы сейчас твою красавицу прослушаем, сделаем снимочек, если понадобится, и все будет в полном ажуре.

— Правда? — наконец произнесла Ляля.

— Ну конечно, правда! А для чего же мы существуем? Все будет хорошо, миленькая. Лечение у нас разработанное, стационар прекрасный, вылечим так, что и не вспомните больше об этом.

— Правда? — снова повторила Ляля.

Тем временем Полина Львовна взяла стетоскоп и подошла к больной.

— Поднимитесь, пожалуйста, миленькая, и расстегните блузочку. Вот так. А теперь дышите.

Внимательно прослушав и простукав Лялю, Полина Львовна спрятала стетоскоп и вызвала медсестру.

— Валюша, проводите больную на рентген к Борису Анатольевичу.



Ляля застегнула блузку и растерянно оглянулась на Виктора, пока медсестра уводила ее из кабинета.

— Я тут, никуда не уйду, — заверил он ее.

— Вот что, Витюша, — сказала Полина Львовна, когда дверь за Лялей закрылась. — Сделай-ка пирке в соседней комнате и жди Лялю.

— Это что, серьезно туберкулез?

Полина Львовна пристально посмотрела на него, но ничего не сказала.

— Но откуда?

— Все может быть. Сейчас многие болеют. И молодые совсем, и пожилые. Переутомление, стресс, ослабленная иммунная система, ну и другие факторы. Нужно хорошее питание и забота. Вылечим. Это ж моя специальность, Витенька. Вот ты — капитан, знаешь, как кораблем управлять. А я — врач, знаю, как людей лечить. Главное, не думай, что с Лялей произошло что-то исключительное.

— А разве не так?

— Да не так, конечно! Говорю же тебе, таких исключительных полный стационар. Если что — у нее самое начало, случай незапущенный, и к тому же молодость ее козырь.

— Как скажете, вам, конечно, виднее, Полина Львовна... только для нас это все равно исключительный случай...

— Понимаю, все понимаю... Да, а почему Ляля у Галины Анатольевны была?

— В этом все и дело...

— Что? Ох! Балда я, балда! А сколько недель?

— Две всего...

— Витюш, иди сюда, сядь со мной. — Полина Львовна взяла его за руку и усадила на кушетку рядом с собой. — Послушай, лечение сложное, плод не сохранится. Нужно абортировать Лялю.

— Как? Нет...

— Да. Иначе это осложнит ее состояние. Аборт тоже не радость, но учитывая небольшой срок, все нормализуется очень быстро. Я уверена, что Галя уже все подготовила, чтобы завтра же принять твою жену. А потом Ляля будет в стационаре до полного выздоровления.

— Это сколько же времени до полного?

— Полгода. И плюс еще время на восстановление в домашних условиях. Да ты не беспокойся. Если она быстро пойдет на поправку, мы ее через три месяца отпустим под мое наблюдение.

— А раньше?

— Никак.

## КОММУНАЛКА

Молодость взяла свое. Ляля быстро пошла на поправку, а вскоре и вовсе выписалась из стационара, став на учет. А тут и обмен подоспел. Виктору удалось-таки выменять дачу и обе квартирки на одну двухкомнатную для себя и одну огромную однокомнатную с балконом для Жени с расчетом, что она сумеет со временем сделать из нее двухкомнатную. Главное — обе в малокоммуналках и в хороших районах.

— Ну, шо, Виктор, покидаете вже наш корабель, — с грустью говорила Циля, качая люльку и наблюдая, как Ящик с Виктором выносят вещи.

— Не начинай разговоры, мама, — пытался приструнить ее Ящик, — вчера уже все выпили и закусили. Мы тоже скоро съедем. Мне в порту новую квартиру обещали.

— А шо ты с этой делать будешь? Дуське с подвала отдашь? Только через мой труп! Я тут вже досижу свой срок.

— Да как же, дожدهшься такого счастья! — огрызнулась невестка, спускаясь вниз с настольной лампой.

— А ты побереги нервы для потомства, — порекомендовала ей Циля, суюкая младенца.

— Ох, хоть бы не в вас. А то у меня вже никаких нервов не хватает.

\* \* \*

С соседями по новой квартире Виктору повезло. Их было трое — Исай Семенович с женой Эмилией Ефимовной и ее сестра, тезка Виктора.

Виктория Ефимовна — маленькая, но весьма энергичная рыжеволосая женщина средних лет со следами базедовой болезни на лице — боготворила Виктора, как боготворит зритель своего кумира на сцене. Каждое его появление сопровождалось бурными аплодисментами ее восхищенного сердца, и выпуклые изумрудные глаза ее подергивались сентиментальной дымкой.

В прошлом завхоз одного из санаториев, она знала многих в городе, и ее тоже знали и любили за веселый нрав и добрые дела. Виктория Ефимовна обожала одесскую оперетту. Она не пропускала ни «Сильву», ни «Летучую мышь», ни «Принцессу цирка»... Но ничто не могло привести ее в столь затяжной романтический восторг, как «Белая акация». Неподражаемый Михаил Водяной в роли Яшки, молодые моряки в отутюженных белоснежных формах, музыка Дунаевского... Ах, в какие только дали не уносило трепетное сердце Виктории Ефимовны!

Что греха таить, появление молодого капитана на пороге их самостоятельной до тех пор квартиры произвело на нее неизгладимое впечатление. Ни она, ни тем более ее сестра Миля с мужем не могли предположить, что неприятные вести об уплотнении, принесенные управдомом, вдруг обернутся для всех таким подарком судьбы.

Соседи были добросердечными людьми и в тяжелое время даже приютили на чердаке мать с дочерью, которым некуда было деться, поскольку отца их семейства сослали в лагеря. В квартиру женщин вселить нельзя было, и они неофициально ютились в чердачной комнатке с керосинкой на окне, пока родственники не забрали их к себе в какое-то село.

После их отъезда в дверь постучал управдом и сообщил, что жильцам следует потесниться: квартира слишком велика для одной семьи.

— Голубчик, Иван Федорович, я же не член семьи! — попыталась возразить Виктория Ефимовна.

Но ее заявление не возымело должного впечатления на управдома.

— У вас и так две комнаты — комната на вас и комната на сестру с мужем, — отрезал он. — Две другие комнаты предназначены для новых жильцов.

Несколько дней прошло почти в трауре. Виктория собиралась было использовать свои связи в городе, чтобы отбиться, но тут на пороге появился Виктор.

Обе женщины расцвели в буквальном смысле слова, а Исай так просто воспрянул духом — в своем женском королевстве он и мечтать не смел о таком интереснейшем собеседнике за накрытым в пятницу вечером столом.

Решено было две маленькие комнатки с балконом оставить себе, а две большие отдать новым соседям. Предложение было принято единогласно на семейном совете, а когда Виктору объявили о решении, Исай добавил: «А балконом вы всегда можете пользоваться. Приходите, отдыхайте здесь в тенечке, сколько душе угодно».

И впрямь, балкон был замечательный, весь заросший диким виноградом. Там стояли кушетка для отдыха и стол с двумя стульями, и когда бы Виктор ни появлялся, ему всегда было уготовано местечко поуютней.

\* \* \*

Через полгода после выздоровления Ляля вновь забеременела, и радости Виктора не было конца. Но тут вмешалась теща.

— Ляля еще слаба, — сказала она, приехав якобы погостить. — Ей нужно окрепнуть, беременность — дело нешуточное.

У Виктора екнуло сердце.

— Что вы, собственно, имеете в виду?

— Только то, что сказала. Твоей жене нужен еще годик, чтобы прийти в себя. Это я тебе как медработник говорю.

— Ну и?.. — Виктор почувствовал, что начинает вскипать.

— Мама, ну, ладно, все, закончили этот разговор, — зло и обреченно отрезала Ляля, которая до того момента молча следила за ними.

На следующий день мать уехала, поджав губы, что означало: зять — эгоист и вовсе не думает о ее дочери.

Со временем обиды утихли, беременность протекала нормально, Ляля заметно похорошела. Надежда Константиновна временно исчезла с горизонта, только вызывала дочь на переговоры, но когда дело стало близиться к развязке, она принялась настаивать на том, чтобы Ляля ехала рожать к ней в Калараш. Виктор почуял недоброе, но поделать ничего не мог. Запрещать дочери быть под надзором матери и к тому же профессиональной акушерки было бы крайне жестоко и, кроме скандала, ни к чему бы не привело.

Он ходил мрачнее тучи. Билет был куплен заранее, по настоянию Ляли. В течение нескольких дней Ляля собирала вещи из расчета на то, что останется, по крайней мере, на месяц у матери после родов. Все это усугубляло подавленное настроение Виктора, поскольку не видеть новорожденного месяц представлялось ему настоящей пыткой. Как он будет возвращаться в пустой дом после дежурства, не пожелав никому доброй ночи и не полюбившись младенцем? Каждый день жизни приносит изменения, а новорожденные меняются молниеносно. Он навсегда будет лишен памяти об этих первых днях жизни своего ребенка... К этому присовокупились быстрые и острые уколы памяти о Сашеньке, о котором он ничего не знал, и он гнал их от себя, а они все равно успевали ранить и саднили по ночам.

Вмешался сам Господь Бог. Накануне отъезда в Калараш у Ляли стали отходить воды. Она с ужасом смотрела, как река жизни готовилась выплеснуть в мир их дитя, но быстро приехавшая «скорая» увезла ее, и вот уже через несколько часов они стали родителями стопроцентной одесситки Любаша. На имени дочери они согласились моментально. Наверное, потому что оно воплощало их идеал, их несбыточную мечту...

Обожание, которым соседи окружили семью Виктора, перекинулось и на Любашу.

— Копия Виктор! — воскликнула Виктория, заглянув в сверток, прибывший из роддома. А Миля Ефимовна, внимательно рассмотрев новорожденную, сообщила всем, что ребенок — вундеркинд.

Любаша моментально стала им родной. Их собственный внук уже вырос и заканчивал институт, а они все еще ностальгировали по молодости, по маленьким детям и с радостью брали Любашу к себе, балуя ребенка домашним вареньем из вишни и абрикоса и читая ей книжки.

Когда Любаша немного подросла, Виктория Ефимовна стала брать ее с собой в оперетту и всякий раз не могла нахвалиться своей питомицей, восхищаясь тем, как тихо и сосредоточенно та сидела от начала и до конца представления.

— Хороший ребенок в доме — это все! — восклицала тетя Витя, когда они выходили из театра. Это было ее любимой поговоркой, за которой всегда следовала фраза: — Пойдем, я куплю тебе мороженое.

Любаша получала мороженое и, мурлыча себе под нос запомнившуюся арию, наслаждалась пломбиром в стаканчике до самого дома.

## ПАРТОРГ И ЦЫГАНКА

Как-то после дежурства, когда Виктор уже направлялся домой, на проходной раздался звонок.

— Да, он здесь, нет, еще не ушел, — сказал вахтер, останавливая жестом Виктора. — Это вас, — сообщил он, положив трубку. — Начальство просит зайти в кабинет к заму.

Виктор всполошился.

— А в чем дело? Не говорили?

— Нет, только попросили зайти...

Виктор повернул назад и через несколько минут был уже в кабинете. Там сидели зам, работник профсоюза, председатель месткома и парторг.

— Здорово, Виктор! — поприветствовал его зам., пожимая руку. — Проходи, садись. Устал небось с дежурства?

— Да есть немного...

— Ну, сейчас отпустим. Я быстро. Дело вот какое. Требуется очерк о советских моряках... герой чтобы положительный был... собирательный образ, лицо советского флота... Ну, сам понимаешь...

Виктор понимал и от таких заказов всегда старался откеститься. Удастся ли на сей раз?

— Егор Семеныч, ну вы же знаете... Я такое не пишу, — взмолился он.

— Какое «такое»? — подал голос парторг.

— Да тема у меня другая. Я пишу о том, что повидал, о других странах, о людях, живущих там.

— Нужно ли понимать, что положительный образ советского моряка вам не встречался? — прищурившись, допытывался парторг.

— Да я не то хотел сказать, ну что вы, в самом деле, к словам придираетесь.

— А что вы хотели сказать? Уточните, — вступил месткомовец.

— Не знаю я, как писать положительного героя.

— Это почему же?

— А потому что иди знай, что там положительное, а что отрицательное. У Толстого вот все герои и такие, и сякие.

— Да бросьте вы! Тоже мне Толстой выискался. Не усложняйте, — откликнулся профсоюзный деятель. — Кстати, у вас нарекания были?

— Да не было у меня никаких нареканий!

— Ему даже грамоту не раз вручали за ударный труд, — вступился зам.

— Вот и напишите положительного героя с себя! — предложил профсоюзный работник. Зам дал понять взглядом, что препираться не стоит.

— Иди, Виктор, отдохни и подумай над предложением, — сказал он.

Виктор молча направился к выходу.

— А почему вы не вступаете в партию? — послышалось у него за спиной.

Виктор обернулся и слету ответил:

— А не достоин я пока что.

— Вот как... — опешил парторг. — Самокритика — это хорошо... Самокритика — это приветствуется...

\* \* \*

Поздно вечером, когда все уснули, Виктор сел за письменный стол и попытался что-то набросать. Не хотелось ему подводить зама, но и кривить душой тоже не хотелось. Просидел полчаса без толку, перо не слушалось, да и мысли всякие в голову лезли. Вспомнил совет профсоюзного деятеля и усмехнулся. И какого же, интересно, положительного героя он мог бы с себя написать? Один семейный корабль потопил, и второй уже дал крен... Вот тебе и отменный капитан, вот тебе и старший лоцман.

Да, на море решения принимать куда проще. А все почему? Может, потому что с морем другие отношения. Море — как Бог. Грозное, иногда беспощадное, иногда вознаграждающее и всегда требующее соблюдения морских законов. С ним нельзя строить отношения на авось, и законами его пренебрегать нельзя. А тут... С Таней сошелся без любви, именно сошелся, какое мерзкое слово, и ни во что другое оно не переросло. Сошелся и разошелся. С Лялей мог бы предугадать последствия брака с односторонней привязанностью. Ведь сам же пережил этот опыт совместной нежизни! А теперь в роли Тани он, а на его месте Ляля... Ирония судьбы. Нет, неча на судьбу пенять, коли решение кривое. Именно так! Самонадеянность и погубила, как в первый раз, так и во второй. В море такая самонадеянность крахом корабля заканчивается. Но в море-то он был на высоте, ни одной аварии за все время работы. А в семье... Ох, кто бы обучил его правилам береговой жизни! Да и существуют ли они?

Виктор взглянул на спящую дочь. Все, пора в постель! Действительно, завтра в полдень на дежурство, нужно выспаться.

Он потушил свет и пошел в большую комнату, где Ляля спала, повернувшись лицом к стене. Он тихо лег рядом, все еще слушая предрассветную тишину двора, пока сон наконец не поймал его в свои сети.

На заре ему приснилась бабушка. Она сидела на табурете возле развалившегося дома и смотрела вдаль.

— Бабушка, куда ты смотришь? — спросил он, как в детстве. Но она продолжала смотреть, не говоря ни слова.

Он повернул голову в ту сторону, куда она глядела, и увидел море. Оно струилось с неба, как замедленный водопад, внутри которого плясал крохотный солнечный зайчик. Зайчик рос, увеличивался, обретая очертания детской фигурки. Он различил бегущую девочку, которая стремительно двигалась навстречу ему, радостно размахивая ручонками. «Наверное, это Любаша», — решил он, но тут же вспомнил, что он еще маленький, и у него не может быть дочери. Сон множился во времени, девочка продолжала бежать, и в какую-то минуту он почувствовал, что если не узнает, то навсегда потеряет. А она все бежала и бежала — то ли по воздуху, то ли по волнам.

Он проснулся без одной минуты семь и едва успел хлопнуть по металлической шапке уже подрагивающего от возбуждения будильника. Ляля была в отпуске, могла поспать подольше, да и у него было еще несколько часов до дежурства. Утренние блики на потолке обещали солнечный день. Он тихо поднялся с постели и пошел на кухню бриться.

Вода в кране была прохладной, мерцающей, как во сне. Виктор закончил бриться и еще раз взглянул в зеркало. Блик вспыхнул на его поверхности и окончательно исчез.

Проснулась Любаша. Они с Виктором были жаворонками, а Ляля любила работать по ночам и подольше поспать. Заслышав дочь, она тоже вскочила и отправилась на кухню готовить всем завтрак.

После завтрака Ляля села за швейную машинку прострочить платье Любаше, а Виктор еще немного поиграл с дочерью, затем взглянул на часы и начал собираться.

— Папа, а ты куда? — Любаша вопросительно взглянула на него, откладывая куклу в сторону.

— На дежурство.

— Возьми меня с собой! — она проворно вскочила со своего детского стульчика.

Он только рассмеялся и погладил ее по голове. Любаша приняла это за согласие.

— Значит, возьмешь? Ура! Ты на парходике работаешь, а я люблю на парходике кататься! — Она бросилась одеваться.

Виктор остановил ее.

— Покатаемся, только не сейчас.

— А когда?

— Скоро. Я возьму всем нам билеты на красивый парход, и мы поедем в путешествие по морю, — он взглянул на Лялю, которая строчила на «Зингере».

— По всему? И по другим морям тоже?

— Нет, только по нашему, Черному.

— Твои моря как карандашики.

— Почему как карандашики?

— Черные, белые, красные...

— А-а! Ну, вот ты и нарисуй их и попутешествуй по ним, пока я вернусь. Ладно?

— Ладно...

Он поцеловал ее, попрощался с женой и вышел из дому.

Солнце катилось к полудню, накаляя асфальт и крыши. Город уже дышал теплой испариной разгорающегося летнего дня. Наверное, Ляля с Любашей пойдут на пляж. Сегодня должна быть теплая вода, подумал он, направляясь к трамвайной остановке.

Там уже собралась толпа народу. Приезжие вместе с одесситами брали штурмом все виды городского транспорта, лишь бы добраться до вожденной воды. Воды-то всем хватало, а вот песка... Люди захватывали пляжные полоски, наваливая на них подстилки и сумки и загораживая проход к морю. Ходили по головам, загребая песок, и он сыпался на подстилки и тела и хрустел на съестных припасах.

Виктор вспомнил, как впервые взял Любашу в воду. Она подняла истошный крик, начала плакать, требовала вернуться на берег.

— Рыбонька моя, не бойся, это водичка, она хорошая, — уговаривал он ее.

У Любашаи вдруг округлились глаза, она притихла, над чем-то раздумывая, а потом с серьезным видом спросила:

— Если я рыбка, значит, ты будешь меня варить?

Наконец показался трамвай. Толпа возбужденно зашевелилась, и тылы начали активно продвигаться вперед, дабы не оставаться под пекущим солнцем в ожидании следующего трамвая.

Красный и раскаленный, сам как обгоревший пляжник, трамвай остановился с сердитым скрежетом. С трудом открылись двери, из которых начали по каплям выдавливать пассажиры. Как только все вышли, толпа, как по команде, ринулась вперед.

— Штурм Летнего, — пошутил энергично проталкивающийся вперед мужчина, вызвав взрыв смеха.

Виктор тоже двинулся к дверям, но кто-то сзади вцепился в руку, не давая ему возможности продвинуться к дверям. Не оборачиваясь, он попытался освободиться, однако ему это не удалось. Его явно пытались оттянуть назад, и это уже было слишком.

— Ну, чего хулиганишь! — грозно рыкнул он, оборачиваясь.

Перед ним стояла цыганка. Он опешил. Ну и хватка!

— А ну отпусти! Отпусти же, я сказал! — прикрикнул он на нее. — Нет у меня денег, да и некогда мне, — Он попытался освободиться. Но цыганка продолжала оттягивать его от трамвая. — Да отцепись ты! Чего пристала? — возмутился он, видя, что его отесняют. Не хватает только, чтоб он на дежурство из-за нее опоздал!

Цыганка пристально взглянула на него и внушительно произнесла:

— Не ходи туда, несчастье будет! — и повторила: — Не ходи!

На секунду его взяла оторопь. Он стоял не двигаясь, уставившись на нее, и она тоже молча смотрела ему прямо в глаза, словно гипнотизируя. Это длилось несколько секунд. Толпа тем временем оттерла его от дверей, и он вскоре оказался почти позади всех.

Трамвай набивался все плотнее, но у него еще был шанс влезть с задней площадки. Он стоял, раздумывая, что делать. Цыганка между тем исчезла, словно жара растопила ее. Толпа ревела — смесь ругани, прибауток и хохота. Кто-то охал, кто-то взвизгивал, кто-то снаружи старался впихнуть вовнутрь вагона свисающий зад пассажира, чтобы самому втиснуться между ним и дверью.

Дом был всего в нескольких метрах от Виктора — на противоположной стороне улицы.

Ему вдруг страстно захотелось снова взглянуть на своих, словно они только что не виделись или виделись, но в последний раз... «Это все глупости, глупости», — пытался он убедить себя. Но странное, гнетущее чувство разлуки погнало его назад к дому.

\* \* \*

— Что случилось? — удивленно вскинула брови Ляля, когда он появился в дверях.

Виктор ничего не ответил, только быстро прошел в комнату и взволнованно прошелся от окна к дивану.

— Что произошло? — повторила жена с нарастающей тревогой в голосе.

— Цыганка...

— Цыганка? Тебя обокрали? Ну, Виктор, не ожидала, что ты поддашься на эти уловки! Судьбу, что ли, обещала предсказать? — Ляля рассмеялась с легким раздражением.

— Да нет, совсем не то, что ты думаешь.

Виктор начал было рассказывать о происшествии, как вдруг раздались крики со двора. Ляля подбежала к окну и увидела, что люди выскакивают на улицу и бегут куда-то.

— Что-то случилось, нужно посмотреть, — заторопилась она, надевая босоножки.

Они выбежали со двора, спрашивая, у встречных, что произошло.

— Как, разве вы не знаете? Только что трамвай сошел с рельсов. Полно народу передавило! Ваших там никого не было?

Да, это была одна из крупных одесских трагедий в разгар пляжного сезона, когда трамваи превращались в сплошное красное человеческое тело, свисающее с подножек и высовывающееся из окон.

Отец остался цел в силу мистических обстоятельств.

## РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Виктор благополучно провел сухогруз в Николаев, а назад возвратился на автобусе. Если б в Херсон направили, прикупил бы арбуз, а так — налегке, без гостинца. А жаль! Арбуз херсонский был бы в самый раз в эту пору. Вот Любаша бы обрадовалась! Ее всегда поражали херсонские гиганты.

— Ну, как думаешь, красный? — спрашивал Виктор, готовясь разрезать влажный, тщательно вымытый арбуз.

Любаша кивала и ждала, когда наконец хрустнет корка под ножом и откроется тайна... Херсонские арбузы никогда не обманывали ожиданий.

Через пару часов Виктор был дома. Он вошел во двор, поднялся по лестнице и уже собирался позвонить, как до него донеслись возбужденные голоса.

— Ты меня прямо из кухни вытащила в свой драмкружок! — срывающимся голосом восклицала Ляля. — Выбежала прямо от плиты! Даже губы не успела накрасить! Меня все так и увидели... — Она вдруг разрыдалась.

Виктор помедлил. Раздались шаги соседки. Виктория Ефимовна пыталась успокоить Лялю.

Виктор сразу смекнул, в чем была причина истерики жены.

Драмкружок, куда Люба упросила мать повести ее, находился в Клубе моряков. Как раз в это время там проходили съемки фильма, в котором режиссером был Лялин киношник. Виктор об этом знал, но ему и в голову не пришло, что в день съемок Любаша начнет упрашивать мать пойти с ней на репетицию в драмкружок. Для Ляли же это было полной неожиданностью и шоком, когда она, судя по всему, напоролась на своего бывшего суженого. Суженый сделал вид, будто не знает ее, и вдобавок попросил помощника убрать всех посторонних со съемочной площадки. Все остальное можно было себе очень просто домыслить.

Дождавшись, пока жена утихнет, Виктор повернул назад, решив не заходить в дом. Он направился напрямик к гастроному. План созрел, пока он стоял и слушал истерику за дверь.

Ну до каких же пор все это будет продолжаться? И что она в нем нашла? Столько лет прошло, и все они отравлены его присутствием! Да нет, при чем тут он... Это она... Хоть бы ребенка пожалела — в кои-то веки повела в драмкружок, о котором Любаша так давно мечтала! Ну, да ладно. Нужно поговорить с ним по душам, с киношником этим, увидеть, что в нем такого забываемого...

Виктор вошел в гастроном и направился в винно-водочный отдел. Без пол-литра, как говорится, не разберешься.

\* \* \*

В клуб он появился поздно вечером, когда съемки были закончены и съемочная группа спала вповалку на диванах, прямо в фойе, чтобы сэкономить время, поскольку следующие съемки начинались рано утром, до рассвета.

Виктора пропустили без вопросов, каждый знал его, включая и вахтера.

— Что снимают? — осведомился Виктор у дежурного на входе в съемочный павильон.

— Фильм какой-то художественный. «Верность» называется...

— Верность, — Виктор ухмыльнулся. — Ну, а сам где? Режиссер-то здесь?

— Да спит у замдиректора в офисе. Им встать рано.

— Ну ясно... Бывай!



Он торопливо прошел через салон и растворился в коридорных потемках. Дверь замдиректора направо, это он точно помнил.

\* \* \*

В офисе зама тускло горел ночник. Там спало несколько человек. На столе валялись бутылки, промасленные бумаги и консервные банки.

Его он узнал сразу. Он спал на кушетке, подложив руку под голову. Ну, не спал, а притворялся, конечно. Виктору даже показалось, что хитрец подглядывает за ним сквозь щелочки закрученных кверху ресниц.

— Ну, ну, давай, давай подглядывай, — пробормотал он.

Тот не шелохнулся. Понятное дело, струсил. Это ему не на съемочной площадке бойца изображать. Артист!

— Эй, — Виктор тихонько тронул лежащего за плечо. — Слышь, проснись, поговорить надо.

Тот по-прежнему не двигался и, казалось, даже дыхание затаил.

— Да что ж я, медведь, что ты передо мной мертвое тело разыгрываешь! — негромко возмутился Виктор. — Я тебя не трону. Пришел поговорить как мужчина с женщиной. — Он вытащил шкалик из портфеля. — Вот видишь? Все чин чинарем. Разольем, поговорим. Морду бить не буду.

Тот подумал и повернулся на другой бок.

— Эй! — не унимался Виктор, уже более настойчиво тормоша притворщика. Но пробудить его было невозможно. — Слушай, так даже на корабле не напиваются, — сказал он ему в самое ухо. — Это ты для следующей роли запомни. Может, пригодится.

Так он и ушел восвояси, косолапя и покачиваясь, оставив спящее тело киношника долеживать в офисе до рассвета.

\* \* \*

Снилась война. Эшелоны, поезд, лицо Сашеньки в окне.

Война, война, война! Сашенька приник лбом к мутному стеклу и стал похож на Любашу.

Виктор начал метаться, пытаясь спасти Сашеньку — единственное, что у него осталось, его соломинка, зацепка...

— Витюша, Витюша, проснись!

Он открыл глаза. Перед ним плыло лицо сестры.

— Женечка... — почти простонал он спросонья. — Откуда ты здесь?

Постепенно возвращалась память.

Позавчера ночью он вернулся домой изрядно выпивший, почти опустошив все, что припас для несостоявшегося разговора с киношником. Ляля, вытряхивая его из одежды, обнаружила в кармане записку любовного содержания от Эвелины. Эта немного перезревшая Женина соседка со двора была без ума от Виктора и даже не пыталась скрыть своих чувств в присутствии Ляли. В той записке Эвелина вывела старательным почерком, что во время встречи Нового года с друзьями она была готова забраться на стол и крикнуть всему свету, что влюблена в Виктора по уши. Виктор расхохотался, представив себе, как опасно покачиваются тонкие ножки стола под громоздким телом невесты как взобравшейся на него Эвелины.

Записка завалилась в кармане, и Виктор совершенно забыл о ней, но на Лялю находка подействовала как на быка красное.

Утром она молча показала Виктору записку, потом надела пальто и быстро выскочила на улицу. Виктор выскочил за ней, но Ляля исчезла почти моментально. Позже выяснилось, что она отправилась к Жене и устроила ей там допрос.

— Ты дала им свою квартиру. Ты их прикрывала, — на тихом взрыве бросала она Жене.

— Бог с тобой! Зачем бы я это делала? У нее своя квартира на первом этаже.

— Ах, вот как! Значит, они спали в ее квартире! И ты его не остановила, да? Хороша сестричка!

— Чуть какая! Никто ни с кем не спал. Он в ее сторону вообще не смотрит. Она даже не в его вкусе, коли на то пошло.

— Да-да, рассказывай!

В разгар допроса появился Виктор, Женя успела шепнуть ему на пороге, что Ляля здесь.

Виктор вошел. Последовала краткая немая сцена, после чего Ляля стальным голосом заявила:

— Завтра придешь за вещами.

Когда дверь за ней закрылась, Женя покачала головой.

— Ну и ну! Почему ты молчал? Почему ничего не сказал в свое оправдание?

— Что я должен был сказать? Жизни все равно нет, и надежд на перемены нет. Любушку жалко... Не представляю, как она будет расти без меня...

— Но у тебя ничего с ней не было?

— С кем?

— С Эвелиной, с кем еще!

— Было, не было... Какая разница?

— Вот стерва! Чужло мое сердце. Ну все, ноги ее здесь больше не будет, зараза такая!

— Да брось ты... Записку нужно было порвать, а я забыл о ней.

— Забыл! И чего тебя к этой, прости господи, понесло? Хотя на твоём месте любой мужик бы налево пошел.

— А может, это на Лялином месте любая бы налево пошла.

— Так, может, и ходила...

— Ну, все.

Больше они на эту тему не говорили. Порешили, что пока Виктор переночует у Жени, а с утра отправится домой, постарается это дело загладить.

— В случае чего, можешь у меня пожить месяц, пока Лорочка с Сергеем отдыхают на турбазе от моего санатория, — сказала Женя, пожелав ему доброй ночи.

\* \* \*

Когда Виктор прибежал домой, Любаша еще была в постели. Оказалось, что у нее с вечера поднялась температура. Увидав отца, она обрадовалась и хотела броситься к нему на шею, как всегда делала, когда он возвращался домой с дежурства. Виктор остановил ее, присаживаясь на край кровати.

— Не поднимайся, доча, у тебя температурка. Лобик горяченький...

— Папочка, ты уже приехал? А я сегодня дома. Ты будешь читать мне книжку? — Ее щеки пылали.

Виктор собирался было что-то ответить на просьбу дочери, но на пороге оказалась Ляля

— Собирайся и уходи, — жестко сказала она.

— Ляля...

— Я сказала, собирайся.

Виктор порывисто обнял ребенка.

— Папа, что случилось? Почему мама тебя выгоняет? — встревожилась Любаша.

И в эту самую минуту он вдруг вспомнил сон и обещание, которое когда-то давал Л. Он обещал *тогда*, что не позволит разрушить свой дом, что проведет свой семейный корабль через все пули и взрывы... Или что-то в этом роде... неважно, важно то, что клятва эта была священна, как любая клятва, данная на войне, на хрупкой кромке между жизнью и смертью...

Любаша ждала ответа.

— Я плохо поступил по отношению к маме, — сказал Виктор. — Я сильно обидел ее. Я виноват перед ней, поэтому она хочет, чтобы я ушел.

Любаша порывисто обхватила его за шею и крепко прижала к себе.

— Я тоже перед ней виновата каждый день. Пусть она меня тогда тоже выгонит! А я тебя никуда не отпущу. Ты будешь жить здесь, в моей комнате, и я тебе буду отдавать свою кашу и хлеб с маслом.

— Люба! Прекрати! Отпусти отца немедленно! — приказала Ляля, наблюдавшая за этой сценой. — А ты собирай свои вещи и уходи!

— Ты уходи! Сама уходи! А папку я не отдам! Он мой, мой! — воскликнула Любаша, бросившись к отцу, как зверек, и крепко прижав его к себе. Когда-то в детстве так прижимала его к себе бабушка, когда мать хотела его наказать.

Виктор тихо заплакал на ее детском плече — впервые за все время, впервые после потери боевых товарищей, смерти мамы, исчезновения Сашеньки...

Они просидели так час, полтора, два... Любаша отказалась наотрез от еды и питья и только крепче вцеплялась в него всякий раз, как мать подходила к ним.

— У нее, кажется, повышается температура, — наконец сказал Виктор. — Она вся горит.

Ляля молча принесла градусник.

— Люба, не дури, нужно измерить температуру, — Она попыталась приблизиться к девочке.

— Нет!

— Хорошо... Папа останется...

— Навсегда?

— Навсегда.

— Папочка, папочка, папочка! — Любаша бросилась целовать отца, снимая с него шапку и шарф и расстегивая пальто, в котором он просидел все это время.

Потом они пили вместе чай из ложечки. Он дул, а Любаша пила. Чай был с малиной и лимоном, вкусный. Температура начала спадать, и Любаша, разморившись, попросила почитать ей вслух. Он стал читать, за окном унялось солнце.

Уже засыпая, Любаша сообщила ему заговорщицки:

— А я видела ту фотографию, на которой ты узбек.

Виктор положил руку ей на лоб.

— Какой узбек? Ты о чем?

— Ну ты, что ты спрятал у себя в ящике. Когда ты маленький был. В шапочке узбекской. Помнишь? Ты мне никогда не рассказывал, что в детстве ты был узбеком...

Она уснула, а он достал фото своей семьи из ящика и долго рассматривал мальчика в кипе.

## КРИЗИС

Плохие вести следовали одна за другой. Первая — умер Адамыч. На Викторе не было лица, когда он вернулся домой из порта. На расспросы жены кратко ответил, что нет больше его лучшего наставника, и всю ночь просидел над некрологом. Вспомнил все. И как война помешала ему закончить практику, и как фашисты потопили их судно «Товарищ», и как Адамыч помог ему на спасательной шлюпке... Не думал боцман пережить свой белоснежный барк. Он мог бы уже и распрощаться с морем — по возрасту давно пора бы перейти на пенсию, но оторвать старого моряка от моря — все равно что выбросить рыбу на берег. В те грозные военные дни Адамыч появлялся на палубе военно-вспомогательного буксира. Не было там ни стройных мачт, ни надутых ветром парусов, ни путаницы концов, к которым так привыкли натруженные руки боцмана. Вместо всего этого — два-три фала для поднятия флагов, куца, черная от угля и машинного масла палуба и жирный фонтан дыма из пузатой трубы.

— Даже море дымом пахнет, чали... — приговаривал Адамыч с тоской.

В этих словах было и воспоминание о мирных рейсах, и ненависть к врагу, и боль за израненное, кипящее от бомб море... Некролог написался сам, словно кто-то водил пером Виктора. И уже было неясно, где заканчивались раздумья и начинались слова. *Все в мире имеет конец. Не стало и Адамыча... Давно ушли в небытие красавицы парусники, а самому молодому из проходивших практику на «Товарище» перевалило за сорок. На смену старым тихоходным парходам пришли стремительные океанские лайнеры, а довоенный «Товарищ» свободно уместился бы на палубе современного большого танкера. Иногда на морском перекрестке встречаются два корабля. Один из них, подобно «чайке белокрылой», летит по волнам, наклонив высокие мачты, увешанные парусами. И кто бы ни шел навстречу — быстроходный ли пассажирский теплоход, танкер или возвращающийся из дальнего плавания китобойный корабль, — он обязательно уступит дорогу паруснику и первый приспустит флаг в знак приветствия. На носу парусника большими золотыми буквами выведена надпись «Товарищ». Это — новый «Товарищ». На нем так же, как и сорок лет назад, уходят в первое плавание будущие капитаны неведомых кораблей. Но каждый, хоть раз побывавший на старом «Товарище», вспоминает с особой теплотой стройный барк, первые шаги к дальним плаваниям, свою молодость. И всегда в этих воспоминаниях возникает образ старого моряка, первого боцмана советского морского флота — Адамыча.*

С утра Виктор пошел в редакцию черноморской газеты и отнес некролог. Там его уже ждал главред. Поблагодарил за оперативность, прочел некролог, прослезился. До полудня подбирали фотографии, размещали материал, а потом отправились с моряками помянуть легендарного боцмана.

Вечером Виктора ждала вторая новость. Любаше стало хуже. Как назло, ее участковая врач уехала в отпуск до следующей недели, а другому врачу Ляля не доверяла.

Любаше дали жаропонижающие, температура спала, но лучше ей не стало. Ребенок чахнул на глазах — слабость, отсутствие аппетита, а потом и вовсе отказалась вставать. Виктор пытался почитать ей любимую книжку, но и это не взбодрило ее.

Срочно была вызвана из Калараша Надежда Константиновна. Любаша только поморщилась, услышав известие о приезде бабки. Отношения между внучкой и бабушкой сложились странные. Вопреки обыкновению, Надежда Константиновна внучку не баловала и подмечала все ее промахи. Любаша тоже в обиду себя не давала и иной раз и ногой топнуть, и дверью хлопнуть могла в ответ на придирки.

— Упрямая она у тебя, злючка, — говаривала Надежда Константиновна Ляле. — И белоручка к тому же. Балуеть ты ее.

Ляля слушала мать и прикрикивала на Любашу, что вызывало недовольство Виктора. Поведение тещи он понять не мог. Ну, пошалила внучка, что ж тут удивительного. Ребенок на то и ребенок, чтоб шалить. Он сам был первенцем в семье и хорошо помнил, как бабушка любила и пестовала его, как защищала, когда родители хотели его наказать. А тут... Как-то вернувшись из Калараша, Любаша пожаловалась, что бабушка часто дразнила ее чомгой и читала ей сказку «Айюга» о девочке, которая превратилась в уродливую птицу.

— Посмотри, посмотри, как ты на нее похожа! — приговаривала со смешком Надежда Константиновна, показывая рисунок чомги в книге. — Вот вырастешь и тоже чомгой станешь.

Любаша чуть ту книжку на клочки не разорвала — Надежда Константиновна едва успела выхватить ее из рук внучки.

— Ах ты, злючка такая! Вот приедет твоя мама, я ей покажу, что ты с книжкой сделала, — пригрозила она, разглаживая страницы.

— Ну, почему я должна стать чомгой? — недоумевала Любаша, вернувшись домой.

— Глупости! Никакой чомгой ты не станешь, — заверил ее Виктор. — Это бабушка сказала, чтобы ты ее слушалась.

Вечером он поделился с Лялей, но та только отмахнулась:

— Да не преувеличивай ты. Подумаешь, маме и пошутить нельзя.

\* \* \*

Когда Надежда Константиновна приехала к заболевшей Любаше, Ляля вздохнула с облегчением. Все-таки медик в доме, да и нагрузки меньше, можно ночью поспать спокойно. И впрямь жизнь ее стала менее напряженной. Мать обеды готовила, мужа на работу собирала и с Любашей по ночам сидела. А той все хуже и хуже. Через несколько дней, к ночи, снова подскочила температура. Родители уже спали: завтра рано на работу.

Любаша ворочалась, стонала, видно, что-то мерещилось ей во сне.

Надежда Константиновна подошла, поставила ей градусник. Та открыла глаза и посмотрела на бабушку невидящим взглядом.

— Ты чего?

— Ничего, — прошептала Любаша.

Надежда Константиновна смочила ей губы и, подождав немного, вытащила градусник из подмышки. Градусник был такой горячий, словно его опустили в кипяток. Она молча взглянула на ртуть, дала таблетку и села рядом на стул с вязаньем в руках.

Сидит, вяжет. Нитки в пальцах извиваются, крючок их мучает, выкручивает. Любаша глядит на это, и мысли ее спутываются, как нитки, а в висках стальные крючки шевелятся.

«Тик-так!» — часы выстукивают, солнце в землю колышками стрелок вбивают.

Зачем она мучает нитки?

Ай-йо-га! Ай-йо-га!

Вяжется покрывало, только и ждет, чтобы набросили его на травы, на озера, на солнце. Никого не согреет оно. Ветер сквозь него задувает, холод земли в узор его заползает. Холодно в нем, тяжко.

В ту ночь Любаше мерещились подводки... Вереницы подвод, хлюпающих по осеннему бездорожью, а на них люди — головы в колени, чтоб от озноба укрыться. А он заползал к ним за ворот, проникал под кожу и полз дальше, дальше, прямо к сердцу.

В мутной взвеси тумана доктор вышагивал между подводами на журавлиных ногах, склонялся над лежащими, смотрел-буравил их взглядом, кратко произносил: «Тиф» — и шел дальше. А приговоренный превращался в скрученный лист, и ветер поднимал его с подводы и уносил за тридевять земель.

За тридевять земель  
качается колыбель...

На теле Любаши платок обветшалый, из дырявой листвы сшитый. Не укрыться под ним от журавлиных ног, не спастись.

Хлюп-хлюп, чап-чап... Вот остановился, заглянул к ней в дырчатую скважину. Ветер сорвал с нее покрывало — драное воронье крыло, а доктор все стоял, взглядом буравил — ноги журавля, лицо чомги.

Жар разлился по телу, закипая в крови.

— Тиф, — по-птичьи бесстрастно просвистела простуженная свирель в клюве доктора, и губы Любаши превратились в два шершавых листочка. Вот-вот улетят в мутное поднебесье.

А он пошел дальше на своих журавлиных ногах.

— Принеси мне живой воды, птица-чомга, — прошептала она ему вслед. — Живой воды...

Доктор обернулся. Никто его доселе так не величал, никто о живой воде не просил. Он окинул поле удивленным взглядом, увидел груды сухих листьев скрученных, и пролилась родниковая слеза из глаз его птичьих.

\* \* \*

— Не будите ее, у нее ночью был кризис, — сообщила Надежда Константиновна дочери и зятю, когда те, проснувшись, первым делом подошли к постели тихо спящей Любаши.

— Кризис? — недоуменно переспросила Ляля. — Откуда ты знаешь, мама?

— Она бредила всю ночь. Я измеряла ей температуру. У нее было выше сорока.

— Почему же вы нас не разбудили? — воскликнул Виктор. — Мы должны были вызвать «скорую»! А что если бы мы потеряли ребенка?

Он выскочил на улицу и бросился звонить знакомым. Через полчаса он получил адрес какого-то известного профессора, вытащил его прямо из дому, чуть ли не в тапочках, пообещав бесплатный круиз до Ялты и обратно для него и его родственников, и приволок его к больной. Профессор надменно переступил порог комнаты, где стояла кровать девочки, но уже через пару минут взгляд его стал серьезным и без тени надменности.

— Брюшняк, — кратко сказал он. — Не давать ничего свежего, никаких овощей и фруктов, только сухари и теплое питье. И госпитализировать. Немедленно.

Вскоре за Любашей приехала карета «скорой помощи», и ее увезли в инфекционное отделение.

\* \* \*

В инфекционном отделении ее поначалу положили в общую палату из сорока человек, но после подтверждения диагноза немедленно перевели в другую, поменьше, где было только пятеро и строгий постельный режим.

— В нашем полку прибыло! — радостно поприветствовала Любашу молодая женщина, которой уже разрешалось вставать. — Какая хорошенькая! Меня Ритой зовут. Мы тебя любить будем, смотреть за тобой, пока тебя домой не отпустят. А то родителям сюда не разрешают. Да ты не волнуйся, я тебе сказки рассказывать буду и песни петь. Знаешь, как тут весело бывает?

— Нет, не знаю, — честно ответила Любаша.

Рита рассмеялась.

— Вот и славно! А теперь узнаешь. Здесь хорошо. Мы потом в душ пойдем мыться, когда тебе вставать позволят. Видишь, мне уже позволили. Скоро и ты встанешь. А пока лежи, слушайся врача и медсестру, и все будет хорошо. А это твой папа там за окном стоит?

Любаша взглянула в окно и радостно потянулась к подоконнику.

— Нет, нет, ты лежи, — велела ей Рита, усевшись на краешек ее постели. — Пока лежи. Папа тебя и так видит. И слышит. Какой интересный у тебя папа. В морской форме. А он теперь все время будет к тебе приходить?

— Когда не на дежурстве, все время...

— Это хорошо.

Время в палате тянулось медленно. И даже сказки не помогали. Виктор между дежурствами простаивал за окнами палаты. Его ненадолго сменяла Ляля, прибежавшая до и после работы. Потом она мчалась домой готовить диетный супчик для Любаши и поесть самой то, что заботливо подносила ей мать. Надежда Константиновна решила остаться до полного выздоровления внучки, взяв на себя заботы по хозяйству. Лялю всегда ждал горячий обед, тапочки и вымытая посуда, в которую оставалось только перелить свежеприготовленное для Любаши.

— Вы не волнуйтесь, — говорила Рита Виктору, когда тот приходил с очередной порцией супчика. — Она все до капельки съела в прошлый раз, я проследила.

А как только Виктор уходил, она всплескивала руками и восклицала:

— Ну и красавчик!

— Мама тоже красивая, — однажды не выдержала Любаша.

Рита рассмеялась.

— Конечно, красивая! Как же мама может быть некрасивой!

Вскоре Риту выписали, и она крепко обняла Любашу на прощание, заверив, что и ее вскоре выпишут.

Без Риты стало и вовсе тоскливо. Никто с Любашей не разговаривал, и она коротала день, читая «Мурзилку» и раскрашивая картинки. Рита все же однажды появилась, и это было полной неожиданностью. Она принесла домашние сухарики и книжку и еще долго стояла у окна, что-то говорила, пока не пришел Виктор, а потом засмушалась и ушла и больше никогда не появлялась.

Через месяц Любашу выписали. Накануне ей приснился сон о том, что за ней приехал всадник на белом коне и в багряном плаще. Он подхватил ее и понес навстречу восходящему солнцу.

— Сегодня мы идем домой, — первое, что донеслось до нее на пробуждении.

Ляля сидела у ее постели и собирала вещи.

— Мама... мамочка! Я так рада! Ура, домой!

Дома Любашу встречали как победительницу. Ляля испекла наполеон, соседи купили куклу, на которую Любаша часто бегала смотреть в магазин на углу, а Виктор подарил ей изумительно иллюстрированного «Конька-горбунка». Без блата, конечно, не обошлось.

Все ликовали, будто и впрямь какой-то страшный враг был побежден.

Через пару недель праздник сменился буднями с переменной облачностью, и все вернулось на круги своя.

### ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Какое-то время Надежда Константиновна не появлялась на горизонте и даже писем не писала. Это было странно, учитывая ее постоянное опеку над любимой дочерью. Виктор заметил некоторые перемены и в Ляле. Прежде всего, прекратились скандалы и вообще громкие разговоры, хотя семейных отношений это не улучшило. Ляля полностью ушла в себя и почти не реагировала ни на что. Казалось, она впала в состояние душевного анабиоза, из которого ее невозможно было вывести.

Атмосфера небывалой тишины в доме стала гнетущей. Виктор был уже не уверен, что лучше — это леденящее душу спокойствие или скандал. В конце концов, напомнив себе, что «от добра добра не ищут», он не стал докапываться до сути, дабы не навлечь на себя гнев небес. Пусть все идет, как идет — какое-никакое, а все же спокойствие.

И они поплыли параллельным курсом.

А произошло вот что.

В последний раз, когда гостила у них Надежда Константиновна, Ляля как-то возвращалась домой с работы и вдруг... Прямо напротив ее дома, на другой стороне улицы, она увидела его машину. Он сидел и смотрел на проходящих. Может, просто думал о чем-то, а может, забегал в магазин и готовился уехать.

Ляля сразу заметила его. Ноги ей моментально отказали. Она не могла двинуться с места и прислонилась к стене, пытаясь прийти в себя. В этот момент он поднял на нее глаза. Несколько минут они смотрели друг на друга, и она не понимала, видит ли он ее, а если и видит, то узнает ли. Она не понимала ничего... Оцепенение прошло только после того, как машина тронулась с места.

Она еще несколько мгновений стояла неподвижно, а потом усилием воли заставила себя шагнуть по направлению к воротам. Никогда путь к дому не был так мучительно долгим. Ляля старалась идти ровно, чтобы не вызвать любопытства у соседей, и кажется, ей это удалось. В парадном она приостановилась, готовясь подняться на второй этаж. Сверху доносились голоса соседей, смех матери и звяканье кастрюль. «К чему это все?» — промелькнуло в голове, но она не стала задерживаться на этой мысли.

В квартиру она вошла, не поздоровавшись с матерью, прошла по коридору в комнаты, бросилась на диван и застонала. Это был не плач, не рыдания, а именно стон раненого зверя, идущий из живота и протискивающийся наружу через сдавленное горло.

Любаша притихла в соседней комнате. Вбежала из кухни Надежда Константиновна, пытаясь понять, что произошло, но Ляля стала биться головой о подушку, зайдясь в истерику. Сквозь судорожные всхлипывания дочери мать все же разобрала причину ее конвульсий. Она любила его. Вся жизнь ее была исковеркана. Она совершила ужасную ошибку и теперь расплачивается за нее. Все это Ляля выкрикивала короткими судорожными фразами. И тогда...

Надежда Константиновна, высокая, статная и довольно громоздкая для быстрых движений женщина, вдруг с размаху бухнулась на колени перед рыдающей дочерью. Стоны мгновенно прекратились.

— Мама, ты что? — охрипшим голосом проговорила Ляля.

— Ляленька, будь я проклята! Будь я проклята! — заголосила мать, ударяя кулаками себя в грудь.

— Мама, что ты, мама, встань, ты здесь ни при чем...



— При чем, очень даже при чем! И почему я не сдохла тогда, почему земля все еще носит меня!

Она рассказала все: о телеграммах, об их содержании, о его любви и готовности жениться, о том, как она бегала на переговорный пункт. Не утаила ничего.

Ляля слушала ее с широко раскрытыми, безумными глазами и, когда все было кончено, тихо, но страшно произнесла:

— Уезжай.

Мать молча поднялась с колен и бесшумно исчезла.

## ЗОЛОТИСТЫЙ ГОЛОВАСТИК

### Из дневника

Какая ошибка была совершена! Пожалуй, винить тут некоего, разве что себя. Я видел дальше, но в тот момент глаза мои были закрыты и молчал разум.

Виктор затушил окурок и задумался. Видел дальше и... не видел ничего. Снова эта проклятая квантовая неопределенность. Но даже если и удалось бы увидеть картину в целом в «тот момент», то все равно, как в копенгагенской интерпретации — точный путь каждого фотона невозможно вычислить. Да и без Копенгагена все давно уже ясно. Сказано: неисповедимы пути Господни. И это навеки. На это Виктор и надеялся, когда женился, надеялся, что Ляля вдруг очнется и разглядит его. А она тоже была как слепая. Так и поженились — оба с закрытыми глазами.

Прошлое все плотней обступало Виктора. Ему часто снилось, что он — одинокий кит, чью половину убил гарпунер, и теперь он колесит и колесит по океану, в поисках и тоске. После таких снов он просыпался с чувством безысходности, выпивал чашку горячей воды, выкуривал папиросу, собирался и уходил в порт, даже если дежурство было только через день. Там стоял, смотрел на корабли, здоровался с сослуживцами, перебрасывался парой слов.

С кораблями ему было проще. Они понимали его, слушали, были с ним на одной волне не только, когда он управлял ими, но и в такие часы, когда он просто глядел на них с берега. Они уносили от неразрешимости, пришвартовывали к надежде. Они тосковали по нему, а он — по ним, и в этом была та желанная, идеальная обоюдность, о которой можно было только мечтать.

Глубокой осенью Виктор приступил к написанию повести о войне. Это был единственный способ избавиться от бремени военных лет, выплеснуть все, что накопилось, помянуть павших, дать вторую жизнь прошлому. Он решил назвать повесть «Золотистый головастик» — в память о своей первой любви. Сравнивая это чувство с любовью к Ляле, он явственно ощущал, насколько оно отстоит от всего, что позднее пришло в его жизнь. Чувственная белокаменная недосыгаемая Ляля навсегда оставалась крепостью, которую не взять, которая открывалась во время любви, но тотчас же закрывалась, заставляя любого, кто желал быть рядом, мучиться собственной несостоятельностью. Ее создал невероятный архитектор, исключительно для любования и терзаний, без всякого подступа к ней. От этого можно было потерять голову, сойти с ума, загубить жизнь и никогда не излечиться. Ничего похожего на то, что у него было с Л.

Л. пришла к нему, как дыхание, как душа к Адаму, и выдохнуть ее можно было только со смертью. Он искал ее везде и во всем, в любых намеках на ее присутствие в мире. Ведь не могла же она исчезнуть бесследно! Закон сохранения энергии должен распространяться на все живое. А живо — все.

Повесть писалась трудно, нехотя проступая на бумаге. У нее была тяжелая душа. Не душа, а сплав свинца и боли. С такой не взлететь, не воспарить при свете свечи.

Но он брал высоту за высотой, ценой невероятных душевных усилий продвигаясь к завершению.

К февралю Виктор почти закончил работу. Оставалась буквально страница-другая. И тут он почувствовал приступ тоски, словно расставался навсегда с близкими сердцу мгновениями.

Два-три дня продолжались морозы до шестнадцати градусов, прошел обильный снегопад с колючим северным ветром. Он гнал снежную лавину, и на улицах образовались сугробы. Виктор иногда выходил из дому, чтобы купить хлеб и побродить по заснеженным окрестностям. Прохожие походили на Дедов Морозов и снежных баб. На углу одинокая случайная «Волга» бешено вращала колесами, не в силах сдвинуться с места, пока ее не догнал трактор со снегоочистителем и не освободил из плена. Двор замело, и пройти можно было только по траншеям, которые расчищали жильцы от своих дверей до ворот.

Работа над повестью не возобновлялась, словно и она застряла в сугробах. Виктор и не пытался их раскопать. Просто сидел у стола и смотрел на чистый лист бумаги.

На море было напряженно, но на дежурство он должен был идти только через день.

С утра расчистилось небо. В комнате было тихо и пусто. Холодное февральское солнце отблескивало на остывающей стене.

Виктор принес немного угля из сарая, подбросил в печь и какое-то время наблюдал за игрой пламени. Потом нехотя подошел к столу. Если завершить повесть сейчас, то все кончится: свет, надежда, радость... Пусть ненастоящая, но все-таки радость. А взамен наступит то, о чем он не хотел ни думать, ни вспоминать, на что закрывал глаза все эти годы, притворяясь, будто этого не было. Так, может, не стоит ворошить прошлое? Может, завершить эту историю на неопределенной ноте? Мол, уехала в Ростов героиня, а герой остался на берегу, идет война, впереди — неизвестность... Пусть читатель сам додумывает концовку. Можно, конечно, и так.

Виктор покрутил в руках ручку и отложил в сторону.

— Нет, я еще не готов подписать тебе приговор...

Солнечный блик заплескал на поверхности листа и слегка потерся о его ладонь, благодаря за отсрочку.

\* \* \*

В ту ночь ему приснилась песня Сольвейг. Мелодия струилась по темной воде, и казалось, это душа морей тосковала в предрассветной мгле.

Виктор попытался приблизиться к водам, но расстояние между ним и кромкой берега не сокращалось. «Эффект горизонта», — подумалось ему.

Песня кружила над бессонницей вод, и с ней перекликалась их темная глубина.

Это была прощальная песня, вдруг понял он.

Берег мгновенно покрылся рукописями, напоминавшими свернутые раковины.

— Пора! — послышался голос Адамыча.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам знаешь. Судьба есть судьба.

— Тебе и это известно...

— А как же! Ты ведь рядом нас положил — свою повесть и некролог. За некролог спасибо, расчувствовался...

— Так я и думал, что ты без меня тут любопытствовал.

— Я и не скрываю. Ночи-то длинные, а страниц у тебя много, и все заселены разными людьми. О каждом знать хочется, да и о себе иной раз интересно прочесть. Странички

твои — как море. Глубоко нырять приходится, чтобы все разглядеть. Вот я и разглядываю, чали-моряк... Ты вот что, отпусти ее. С твоей болью она в мир вернется.

— Это как?

— Все, что не переболит — умирает, а что переболит — возвращается. Тебе нужно завершить повесть.

— Я не могу... Если допишу, все исчезнет... Слова убьют ее...

— Они вернут ее к жизни. И тебя заодно. Пока ты с ней — ты в плену.

— Как я могу бросить ее, одну, посреди взрывающегося моря... Это предательство!

— Война кончилась, кончилась.

— Но не для нее. Она еще там, она ждет.

— Скажи ей, чтоб не ждала. Скажи ей, что войны больше нет. Пусть возвращается.

— Куда?

— Она знает куда. Ты просто скажи ей.

Сон улетучился. Было раннее утро. Точно такое, как тогда, в сорок втором...

24 мая. Виктор вернулся из рейса, а Л. уже стояла на пристани, ждала его. Как только трап спустили, помчалась к нему и, не обращая ни на кого внимания, бросилась ему на шею.

— Цел, цел, целехонек, — приговаривала она, глядя его по волосам, по плечам, словно пытаюсь удостовериться, что он и впрямь цел. — А я уж не верила... Вбила себе в голову бог знает что... Решила, все, конец... Дура, дура, настоящая дура.

— Не дура — дуралейка, маленькая дуралейка. — Он уткнулся лицом в ее волосы.

Они медленно пошли по направлению к общежитию и говорили о том, что теперь о свадьбе и мечтать не приходится — нехватка матросов, бомбежки Севастополя...

— У меня и язык не повернется к Магераму идти с просьбой, — сказал он.

— Да, я понимаю, — согласилась она. — Нужно ждать...

— Только б тебя в Ростов отправили! Мне бы спокойнее тут было.

— А мне бы не было...

Но оба понимали, что от их желаний ничего не зависит.

Уже вечером, когда они прощались, она вдруг робко спросила:

— А может, наведаешься к Магераму? Просто так. Ну, чтобы не специально с просьбой, а так...

— Ну ты же знаешь сама, что так к капитану не приходят.

Она кивнула в знак согласия. На том и расстались.

Но эта мысль не давала ему покоя. «Чем черт не шутит? — решил он утром. — Зайду к Магераму под каким-нибудь предлогом. Все равно он поймет, но просить ни о чем не стану. А там поглядим...»

Полдня ушло на всякие мелкие дела, а после трех Виктор отправился к капитану. Ей решил ничего заранее не говорить.

Когда пришел, оказалось, что у капитана там какое-то важное собрание. За дверью слышались голоса, шаги, звук отодвигающихся стульев и шелест карты. Подождав полчаса, Виктор отправился в общежитие.

Дверь в ее каюту была настезь, и на тумбочке не было ни вещей, ни записки.

— Уехала она, — сказала дневальная, входя с кувшином воды.

— Куда уехала? Когда?

— Да с час назад. В Ростов.

Он выскочил на пристань, прекрасно понимая, что она уже далеко.

Навстречу ему шел Белов.

— Виктор, где ты пропал? — спросил он.

Виктор втянул голову в плечи и угрюмо ответил:

— Я капитана дождался. А что?

— А то, что твоя Л. тебя обыскалась. Ее на «Чауду» срочно вызвали, еле вещи собрала. Там обстрелы постоянные сейчас. Приказ был дан отчалить немедленно, пока стихло. Я как раз с «Серова» сошел, а тут она, вся в слезах. Тебя нигде нет, даже попрощаться не успела...

— Спиридон Ильич, миленький, что она сказала? Записку передала?

— Записку! Да она двух слов не могла вымолвить. Как вцепилась в пиджак... Ее подгоняют, а она как маленькая. Только и сказала: пусть, мол, бережет себя, а я напишу.

— Так и сказала?

— Да, так и сказала. Чтоб писем ждал, — подтвердил Белов, глядя в землю.

Полночи Виктор бродил по пирсу, переваривал случившееся. Затем сделал запись в дневнике и отправился спать.

Очнулся от стука в дверь. Недовольно заворочались ребята, никто не хотел вставать раньше времени.

Стук в дверь повторился.

— Виктор! — послышался голос вахтенного. — Виктор Борг! Собирайся. Идешь в рейс на «Серове».

Виктор вскочил с постели. Через несколько минут он был уже с вещами возле грузовика. «Может, нагоним в дороге „Чауду“», — теплилась слабая надежда.

Дальше воспоминания были в форме записи в судовом журнале.

В 11.00 «Серов» двинулся курсом на Севастополь. В 12.00 вахту принял второй помощник капитана Томилин. Какое-то время продолжали следовать компасным курсом 123°, поправка компаса +1,5°. На траверзе левого борта на большой высоте был замечен разведывательный самолет противника. Он летел в восточном направлении и к судну не приближался. В 13.07 была получена радиограмма за подписью начальника пароходства: «Капитану парохода „Серов“. Немедленно следуйте теплоходу „Чауда“ широта 441206 долгота 344630. Результате бомбежки вышел из строя главный двигатель. Вода поступает машинное отделение. Окажите возможную помощь. При необходимости возьмите на буксир».

Виктор прирос к корме, вглядываясь в горизонт. Держись, держись, милая! Мы идем. Скоро будем, уже совсем скоро!

— Легли на компасный курс 82°, двигаемся на помощь терпящему бедствие судну, — сообщил капитан.

Машине был дан самый полный ход. Наконец в 14.05 прямо по носу в расстоянии 8—10 миль заметили судно и сторожевой катер. Время тянулось неимоверно медленно. «Продержись еще немного!» — мысленно молил он.

В 14.50 подошли на расстояние трех кабельтовых к «Чауде» и легли в дрейф. Судно имело большой дифферент на корму, сторел мостик. Виктор больше не ощущал ни себя, ни корабля. Все сместилось в зону кренящейся «Чауды», все мысли и ощущения.

Вдали показался сторожевой катер. У Виктора возникло желание броситься в воду и поплыть ему навстречу. Черт с ним, с наказанием, с войной этой проклятой! Пусть хоть расстрел за дезертирство, только бы доплыть и спасти! Он бросался в воду то с криком, то молча и плыл, плыл до изнеможения, до судорог в мышцах. А на самом деле прирос к корме чугунными ногами. С такими ногами не то что в воду не прыгнешь, а и шагу не ступишь.

Наконец катер подошел к борту и сообщил, что на «Чауде» машинное отделение затоплено, работает аварийная партия.

А она? Что она?

В ту же минуту до него донеслось в форме сводки: «На катер подняты тяжелораненый старший помощник и погибшая при бомбежке практикантка-радистка...»

Жизнь остановилась, а сообщения продолжали поступать. Они шли мимо Виктора, поверх него, затрагивая только слух. В них не было никакого смысла. Капитан «Чауды» от помощи отказался и сообщил, что машинное отделение затоплено, в трюме номер три вода, течь устранить не удастся из-за нарушенных при взрыве заклепочных швов, попытки завести пластырь под пробоину не увенчались успехом, уровень воды в трюме повышается, все водоотливные средства вышли из строя, «Чауда» все больше погружается кормой в воду, в 15.25 команда на шлюпках покинула судно, в 15.38 спасательный буксир «Чауда» затонул кормой... Затонул.

Первая мысль: она там, на катере. Лежит совсем одна, прикрыта каким-то мешком. Нужно во что бы то ни стало к ней. Быть рядом, пока не похоронят. Чтобы она не боялась... Бред. Какие похороны! Они собирались пожениться, вместе пройти войну. А эти... накрыли ей лицо мешком. Она ведь боится, ничего не понимает. Пустите, пустите к ней!

— Ты пей, пей все, до дна, — слышит он голос Белова. И еще стук зубов о кружку с водой. — Пей! — Вода начинает обжигать. Это спирт. — Вот так. Хорошо. Теперь все будет хорошо.

Он проваливается на самое дно, и его слегка качает.

Впоследствии он будет видеть один и тот же сон о потоплении, вплоть до сорок третьего, когда буксир будет переоборудован немцами для работы на морских коммуникациях и переведен в Николаев. А потом буксир снова будет затоплен, уже в Николаеве, в марте сорок четвертого, когда будут спешно эвакуироваться захватчики. Но жизнь буксира на этом не оборвется. Его поднимут со дна и в сорок восьмом году перейдет на службу в Черноморское пароходство.

А ее жизнь оборвалась навсегда.

Все это всплыло в памяти с поразительной ясностью и точностью.

Виктор решительно подвинул к себе лист бумаги и четким почерком, словно под диктовку, вывел окончание повести:

«Неужели это все? Ее нет в живых... Я никогда больше не увижу ее, никогда... Почему она должна была погибнуть, она, которая за свою короткую жизнь никому не причинила боли?»

Словно автомат, крутил я рукоятки штурвала, и глаза следили, чтобы цифра 127 не уходила из-под курсовой черты. А мысли вновь и вновь возвращали меня к прошлому. Вспоминались мельчайшие детали наших встреч, каждый жест ее, интонация, взгляд. Кому нужна была эта жертва? В чем логика ее смерти?

Через два часа меня сменил на руле другой матрос. Я вышел на крыло мостика, чтобы наблюдать за воздухом. В ту же минуту с бака доложили о появлении фрицев. На тральщике и сторожевом катере люди бежали к орудиям. Я побежал на бак.

Шесть самолетов двигались на нас. Первыми открыли огонь зенитки с тральщика. Фашисты летели на большой высоте, но с курса не сворачивали. Два передних бомбардировщика бросили бомбы. Они отрывались от пуза самолета и, набирая скорость, со свистом летели на нас.

Целью я выбрал себе бомбардировщика слева. С этого момента я не слышал свиста бомб, артиллерийской стрельбы. Были только мы, два дуэлянта.

Я прицелился. С высоты, почти недосыгаемой для снарядов, он нагло пикировал на судно, прямо на раскаленные жерла орудий, на дробные пулеметные очереди. Он мчался на меня, и мне видно было за выпуклым стеклом кабины его удлиненное лицо с рас-

ширенными от азарта глазами. Может быть, новенький крест, висевший на его комбинезоне, был получен им за убийство самой лучшей девушки в мире.

Он приближался ко мне, а я смотрел на него через окуляр оптического прицела, ловил на нить, подсчитывал в уме упреждение. Невероятное спокойствие овладело мной. Руки вращали рукоятки наводки, глаза еще никогда так ясно не видели цели.

Бомбардировщик выпрямил самолет, и я увидел черные кресты совсем низко, над самыми мачтами. Эти кресты смеялись надо мной, кичились своей неуязвимостью и приводили меня в ярость.

— Огонь! Огонь! Огонь!..

Неожиданно враг мой клюнул носом и тотчас же скрылся под водой.

Я смотрел на широкое пятно — место его падения. Ненависть и нервное напряжение последних минут лишили меня радости свершившегося возмездия. Почему-то дрожали руки.

Это только первый в твоё отмщение, будут и другие. Ты слышишь меня, любимая? Будут и другие, много других заплатят за гибель твою... Нет, ты не узнаешь этого, не порадуешься. Но я клянусь твоей святой памятью, что отныне и до тех пор, пока хоть один фашист останется на земле, только страсть возмездия будет владеть мною, и если мне суждено погибнуть, то пусть погибну, увидев смерть того, последнего, фашиста...»

Еще какое-то время Виктор смотрел на испещренную снарядами букв страницу, руки его дрожали. Потом сложил все в папку с надписью «Золотистый головастик» и отправился звонить в диспетчерскую по поводу своей очереди на дежурство.

## И СНОВА ТРИНАДЦАТОЕ

В сумерках за смежной стеной разливались звуки фортепьяно. Кто-то играл Бетховена, выманивая луну, и она зависала над двором до самого рассвета. Когда пианист переехал, со двора улетучилась музыка. Вместо нее иногда включали транзистор, но это уже было не то. Под транзистор нельзя было мечтать, и вообще он только разрушал задумчивую атмосферу вечернего дома, вытравливал романтику заката.

Вечерами все накопленное в тайных уголках двора с виноградными лозами заглушалось трескотней телевизора. Казалось, дом срастался с улицей, а улица со страной, ломая границы личного. Внешний мир беспардонно вкатывал в комнаты каким-нибудь трактором, вещая нечто героическое, не имеющее отношения ни к уюту, ни к вечерней сосредоточенности дома, ни к внутренней жизни его жильцов. Только море оставалось прежним: вдумчивым, строгим, смывающим сиюминутность.

12 января 1972 года было теплым и солнечным. Накануне прошел дождь, но с утра было хорошо. Ничего не предвещало перемен, тем более трагических. А они тайно зрели в чреве небес, подготавливая самое масштабное кораблекрушение у берегов Одессы.

Виктор отправлялся в порт на очередное дежурство. Отправлялся из дома, в котором ничего уже не согревало, в котором стояла мебель среднего роста с двумя красными низкими креслами и громоздкий приемник с магнитофоном из прошлого десятилетия.

К полудню задул норд-ост, и уже через пару часов тонкий ледок прихватил оставшиеся кое-где лужи.

Виктор прибыл на лоцвахту в 17.00 и планировал быть на рейде через два часа. Теплоход «Брацлав», который он должен был ввести в порт, задерживался — все никак не мог выйти из Ильичёвска. Ветер крепчал, и с ним уходило тепло, запрятанное в каменных и бетонных стенах города, в спящей земле.

Виктор вышел на причал, и сразу лавина морозного ветра набросилась на него. Ого! Шторм разыгрывался не на шутку!

К причалу подходил лоцманский катер. Надстройка и борта его покрылись льдом. Он выходил на рейд снять лоцмана с прибывшего из Херсона судна.

«Брацлава» все еще не было, он опаздывал на несколько часов, и только в десятом часу пришел на рейд.

Виктор снова все проверил — вещи в портфеле, документы оформлены — и вошел на лоцбот. Илья, старшина лоцбота, завел двигатель, и катер отошел от третьего причала.

— Сомневаюсь, удастся ли вам высадиться, — сказал Илья, приближаясь к воротам.

И действительно, не успел нос катера высунуться за ворота порта, за маяк, как потоки воды стали заливать палубу, лобовые стекла и надстройку. Вода, замерзая на стеклах, закрыла все впереди. Не видно было ни огней судов, стоящих на рейде, ни Воронцовского маяка, ни берега. Катер швыряло с борта на борт, он зарывался носом в волны.

— И не думайте сейчас высаживаться, — отрезал Илья, обернувшись к Виктору.

Виктор не сопротивлялся. Особого желания высаживаться у него не было. При такой погоде не только без ног — без головы остаться можно.

Уступая настоянию ветра, катер развернулся и направился в порт.

До утра Виктор прождал в лоцманской, а утром позвонил в метеослужбу. 13 января встретило их швальным ветром: ветер NNO — восемь баллов, температура воздуха минус девятнадцать градусов. Лоцман Пантак пошел выводить «Моздок» из порта. Судно было готово еще в три часа ночи, но капитан в такую погоду отказался выходить из порта. Он шел первый рейс капитаном и не хотел рисковать.

Резкое похолодание вызвало сильное парение моря. Когда температура падает постепенно, то парение небольшое. Здесь же буквально из моря выросла высокая густая стена тумана высотой тридцать-пятьдесят метров, и даже сильный ветер не в силах был развеять ее. Видимости никакой. Или, как говорят моряки, видимость ноль.

В то же утро болгарский танкер «Лом» запросил разрешение на вход в одесский порт, но его известили о том, что фарватер занят сухогрузом «Моздок», выходящим из порта. Ситуация усугублялась тем, что на танкере не работал локатор и вместо этого пользовались эхолотом.

### **Из дневника**

13 января. 11.00. Я поехал домой, чтобы одеться потеплее.

\* \* \*

Вот слышу по двору его шаги. Торопится. Не может быть! Неужели отменили вахту? Дом обложен снегом, и улица, и город, и море где-то сверкает во льдах. Боль в горле почти проходит. Сейчас будем пить чай крепкий с медом и читать вчерашнюю книжку... Или нет — лучше забраться в постель, закрыть глаза и слушать что-нибудь из его детства.

— Я на минутку. Только переоденусь. Ну, как ты, доча?

Теплый свитер набрасывается на него, как мохнатый зверь, и крепко обхватывает со всех сторон.

— Как ты?— повторяет он и прикладывает ладонь к моему лбу. — Ну, уже совсем хорошо. Завтра будешь здоровенькая. Доча, я побежал.

— Папка, стой! Посиди немножко, ну хоть полминуточки!

— Ну вот! — он смеется, и усаживается на край постели, и никогда уже не уходит.

Несется жизнь, под напором времени образуя трещины в зданиях и людях, — там просвечивает пустота безжизненного пространства — а мы все сидим на краю про-

шлого и настоящего, и дом слегка покачивается, как корабль, который вот-вот уйдет в поднебесное плавание.

\* \* \*

С тяжелым сердцем возвращался он на службу. Непогода разыгрывалась не на шутку, неизвестно, как судно вводить в порт в таких условиях. Сколько еще придется провести времени в лоцманской? Волновала и судьба «Моздока»: как назло, шторм усиливался, словно решив устроить новоявленному капитану боевое крещение. Такого здесь давно не бывало. Нарочно не придумаешь... Отправился в свой первый рейс капитан, с семьей распрощался, а на него такое чудовище обрушилось, которое смирить и опытному капитану не всегда под силу. Ко всему еще и тринадцатое по календарю...

Виктор невесело усмехнулся. Какой-нибудь поднаторевший редактор или критик уж точно упрекнул бы его в надуманности сюжета, напиши он такое. А жизнь не упрекнешь... Она такие фортели иной раз выбрасывает, что самый дивный приключенческий роман блекнет по сравнению с ней. И сколько уже этих проклятых тринадцатых было, и всякий раз моряки их опасались, а ведь не дети! Господи, хоть бы все обошлось!

#### **Из дневника**

Ровно через 40 минут он прибыл на лоцвахту. Там его ждало страшное сообщение: «Моздок» столкнулся с болгарским танкером «Лом». Танкер врезался в правый борт теплохода и разрубил чуть ли не на половину ширины его корпуса. На «Ломе» произошел взрыв, в результате которого погибли все люди центральной надстройки — девять человек. 13 января в 11 часов 20 минут, при двадцатиградусном морозе и штормовом ветре, когда с мостика не видно было и бака, танкер сбился с курса и на полном ходу, блуждая, врезался в теплоход, взорвался сам и стал тонуть, увлекая за собой свою жертву. И это в то время, когда в лоцатор «Моздока» постоянно наблюдали за движением «Лома»! Видели и шли на роковую встречу.

\* \* \*

Взрыв потряс город и мощно подбросил вверх образ нашей последней встречи. В памяти бешено перелистывались в обратном порядке страницы недочитанной книги. В домах на берегу повыбивало стекла. Город оцепенел. Остановился транспорт, замерли прохожие, в окнах застыли школьники...

Первая мысль — о войне. Но это предположение никто не высказал вслух. Все ждали официального оповещения. Слух о том, что что-то произошло в порту, разнесся почти мгновенно, но эти мгновения были равносильны вечности. Те, в чьих семьях не было работников порта, вздохнули с облегчением. Остальные затаились в ожидании известий.

А в штормовое море вышли уже суда и спасатели. Первым к месту аварии прибыл дунайский буксир «Оперативный». Благо столкновение произошло не в открытом море, а недалеко от порта — всего в четырех с половиной милях от Воронцовского маяка. Следом за «Оперативным» подоспели и другие буксиры, но их попытки сдвинуть с места столкнувшиеся суда, разъединить их, отвести «Моздок» на мелководье были безуспешными: затонувшая средняя часть танкера «Лом» удерживала их, как якорь.

Тем временем на «Моздоке» появился крен и увеличивался с угрожающей скоростью. Семь, двенадцать, пятнадцать градусов... Превозмогая штормовое сопротивление волн, «Оперативный» подошел и снял с «Моздока» тридцать четыре человека. Остальные, кроме одного, выпрыгнувшего за борт при столкновении, оставались на судне. Тело этого моряка обнаружат только через полтора месяца у берегов Румынии.



\* \* \*

«Лом» горел, и моряки, оказавшиеся в капкане из двух стихий, делали все возможное, чтобы прорваться из адского окружения. Наконец ценой невероятных усилий, лавируя между бешеной качкой и бушующим пламенем, удалось спустить шлюпку, и двенадцать человек покинули танкер.

### **Из дневника**

Какое страшное совпадение: в этот же день, 13 января 1964 года утонула «Умань», ровно восемь лет назад.

Ветераны флота помнят, как горестно в феврале во Дворце моряков на Приморском бульваре оплакивали пять членов команды этого теплохода.

«Умань» отвечала всем стандартам судоходства и считалась абсолютно надежной, когда затеяли эксперимент по перевозке на ней железорудного концентрата. В этом концентрате все дело и было. Мистика тринадцатого схлестнулась с халатностью, и все обернулось трагедией. Вопрос, как талая вода воздействует на нижние слои наваленного в трюмы концентрата, сознательно обходился стороной. В Черноморском пароходстве (ЧМП) было достаточно технически грамотных специалистов, понимавших рискованность подобной транспортировки руды из северных вод через южные. Понимали, но помалкивали под прикрытием воинствующей безалаберности министерского начальства, а затем и начальства ЧМП. И как факт — при выходе в Кадисский залив в трюмах «Умани» твердый концентрат был превращен образовавшейся водой в текучую тяжелую массу, сместившуюся в результате качки к правому борту. К полуночи крен составлял уже десять градусов, а через час увеличился до семидесяти, и сразу же заглох двигатель...

Между тем «вся Одесса говорила» о том, что был второй помощник, который предвидел аварию и предупредил капитана о возможной трагедии. Но это был не Бабицкий, ставший «вторым» буквально в день отхода из Туапсе, а Анатолий Топор. Он подал рапорт об отказе идти в рейс, проявив редкую для тех лет принципиальность. Если бы его слова не оказались пророческими, его наверняка бы заклеили как человека, недостойного звания советского моряка, закрыли бы визу. Но его просто тихо уволили.

Сам же Бабицкий был смыт в ту ночь в море с навигационной палубы, куда поднялся, чтобы выполнить приказ и найти сигнальную пиротехнику. Выпустить красную ракету ему уже не удалось. Благо спасательный круг держал его на воде. В это время теплоход уже начал погружаться, чтобы исчезнуть навсегда. Но перед этим на отваливавшейся мачте уже обесточенной «Умани» странным образом сработал тифон. Он оказался прощальным гудком. Из тридцати восьми человек команды погибли четырнадцать. Тела пятерых из них были найдены. Остальных навсегда поглотила пучина.

Такова трагическая история «Умани», дух которой витал над новой разыгрываемой трагедией у берегов Одессы. Борьба за жизнь людей на тонущих судах продолжалась. Еще одиннадцать человек было снято «Зоринском» с «Моздока». Оставалось пятеро: капитан, старший механик, второй механик, электромеханик и матрос. Разделят ли они судьбу своего судна или воссоединятся с товарищами на берегу?

Шторм усиливался, в машину стала поступать вода, крен увеличился. Через два часа он достиг пятнадцати градусов. Затушили котел. Это означало, что машина не могла быть пущена.

Тем временем к гибнущему танкеру «Лом» подошел спасатель «Атлант», шлюпку с «Зоринска» принял буксир «Ударник» и пересадил людей к себе.

С «Моздока» пятерка моряков напряженно следила за работой спасателей. Судно было на грани затопления. Оставалось буквально несколько минут. За все это время никто не проронил ни слова, все были в полной готовности... К чему?

Наконец показался буксир «Березань». Преодолевая встречный ветер, он в считанные минуты достиг «Моздока» и снял оставшуюся команду.

Почти тут же оба судна стали погружаться в воду. Их даже и не пытались спасти.

\* \* \*

Он вернулся домой, как возвращаются с обыкновенного дежурства, и рухнул на диван в надежде забыться. Но сон не приходил. Дающее крен судно, бушующая бездна ледяного смертельного моря и ожидающие своей участи люди вновь и вновь возникали перед объективом памяти, навязчиво прокручиваясь в мозгу вместе со свистом ветра, ревом взбесившегося моря, скрежетом плавучих льдин. Тридцать лет назад здесь вот так же ревела война, в тех же водах, и вот так же взрывались корабли, унося жизни чьих-то детей, отцов и мужей. Но тогда враг был иноземным, по нему нещадно палили, от него защищали... А теперь? От кого теперь защищать? По кому бить? Нет, этот враг почище иноземного! Не изгнать его, не восстать против него — нет такого ополчения против засилья отечественных разрушителей, действующих вопреки доблести, чести, вопреки всему, за что многие жизнь положили.

Самое обидное, что ведь сами моряки рисковали, не задумываясь, и выходили на своих старых суденышках на помощь тонущим кораблям, как, например, ледокол «Сибиряков». Несмотря на свой почтенный возраст, он мог бы развить тринадцать с половиной узлов, если бы поддерживался в исправном состоянии и был укомплектован квалифицированными кадрами. Только за шестьдесят-восемьдесят рублей в месяц найти хороших специалистов, не стремящихся перейти на новые суда, — задача невыполнимая. Поэтому здесь и собрались в основном люди предпенсионного возраста, штрафники. А капитан был замечательный! Энтузиаст! Высокий, здоровый, костюм на него можно было только на заказ сшить, ибо семьдесят второго размера одежды отечественная промышленность не выпускала. Честный был человек и целеустремленный. В молодости ему случилось плавать на судне, где собрались все его однокурсники, и человека четыре товарища занимали должности от капитана до третьего помощника. Тогда-то Алексей Иванович, назначенный капитаном, предложил остальным всю полученную зарплату складывать и делить поровну. Так и работали. Окончив морской техникум, он получил звание лейтенанта запаса, а после военной службы и окончания войны вышел в запас старшиной первой статьи.

Воспоминания не давали уснуть. Виктор поднялся с дивана и записал:

#### **Из дневника**

14 января

... И все же снова «Моздок».

Непонятно, странно и в высшей степени удивительно. Огромный спасательный флот, мощные современные суда, шесть часов тонули два судна, и никаких, буквально никаких мер по их спасению или уменьшению последствий катастрофы не было принято.

Впрочем, каждый, задавшийся тем же вопросом, сам же на него и ответил спустя какое-то время. Столкновение кораблей влекло за собой еще более ужасные последствия, о которых пока что велено было молчать. Дело в том, что затонувший «Моздок»

был бомбой замедленного действия. В его трюмах находилась девятьсот двадцать одна тонна химикатов, почти половина из которых — ДДТ. Разгерметизация этого груза неизбежно привела бы к экологической катастрофе, поэтому судну дали возможность затонуть, чтобы дождаться лучших времен.

Начальство не хотело шумихи. Все должно было быть шито-крыто. Любые оперативные действия с включением современно оборудованных судов-спасателей сразу бы привлекли внимание к масштабности катастрофы. Пришлось бы весь флот на ноги поднимать, тревогу бить, прилюдно разрабатывать специальную стратегию по спасению судна с ДДТ. Все бы моментально просочилось в прессу, за рубежом бы подняли шумиху... Честь мундира пытались сберечь. А то, что весь город с пригородами, все побережье были тайно поставлены под угрозу, пока никого не волновало.

Переутомление все-таки одержало временную победу над возбужденным сознанием, и он отключился на какое-то время, укрывшись тулупом. Снилось израненное море, оно кровоточило ядами, переворачивались вверх брюхом корабли...

\* \* \*

Но с «Моздока» только все и началось. Непогода раскручивалась, лопались струны метельных скрипок, и пурга в бешенстве ломала смычки веток, режущих стеклянный воздух. Море превратилось в ледяное изваяние с застывшими гребнями волн.

23 января, ровно десять дней спустя, Виктор был брошен на проводку судна «Аркадий Шиманский». Судно нужно было вести в Николаев, и он попадает в море, скованное льдом.

Лед был от самой Одессы. Виктор вышел из порта в половине десятого вечера и беспрерывно шел в Николаев, если это можно было назвать движением: шесть минут хода, полчаса очистки кингстонов. Весь рейс туда занял в общей сложности сутки. Потом нужно было продвигаться назад, а ненастье усиливалось с каждым часом. В море уже застряла масса кораблей. Впервые за многолетнюю историю плавания в этой зоне срочно вызвали ледокол.

Наконец прибыли в одесский порт. Но о передышке можно было только мечтать.

— Пойдете на проводку застрявших судов, — приказало начальство, как только Виктор переступил порог лоцманской.

У него была пара часов, чтобы собрать вещи и попрощаться с семьей. Понимал, что разлука может быть длительной, и даже очень. Лучшие силы были брошены в море, а у него за все время работы не было ни одной аварии. Кто морское дело знает, тот понимает, что сие означает. Таких профессионалов единицы, и вместе с лаврами им достаются и тернии, как сейчас, например.

Дорога домой была длинной. Виктор добирался пешком, поскольку транспорт не ходил, и только ветер нещадно подталкивал хватающихся за столбы и балансирующих на льду редких прохожих.

Наконец добрался. Двор мрачно глянул на него сквозь залепленные снегом окна и погрузился в прежнюю хмурость. Тишина, не свойственная одесским дворикам, проводила его до самого крыльца. Виктор поднялся по лестнице и отпер входную дверь.

Ляля даже поначалу и не поняла, что он ненадолго. Поставила чайник на плиту, пожевываясь — отопление работало слабо, — и пошла накрывать на стол. Виктор проверил колонку, быстро увеличил отопление и побежал складывать вещи, бросив на ходу:

— Ужинать не буду, нас в лоцманской покормили.

— И чаю не будешь?

— Горячего чаю, пожалуй, выпью, — сказал он, захлопывая плотно набитый вещами портфель. — Мне на дежурство сегодня в ночь.

— Как на дежурство? Ты ведь только отдежурил?  
— Отдежурил. А теперь снова нужно идти.  
— Совести у них нет! Ты ведь даже не отоспался! А погода какая жуткая! У них что, кроме тебя, больше никого нет?  
— Есть, но все ушли на фронт, — хмуро отшутился он.  
— Ну знаешь ли, твой начальник — большая свинья...  
— Ляля, погоди, — он порывисто притянул ее к себе одной рукой. Прилив благодарности за эти слова овладел им. Значит, волнуется, значит, не безразличен он ей. Любаша уже спала в другой комнате.  
— Береги себя... и ее... Если что, к Жене обратись.  
У Ляли мгновенно сбежала кровь с лица, и оно стало снежно-мраморным.  
— Что ты имеешь в виду?  
— Ну, вдруг задержусь... там льдов намело, пароходы медленно двигаются... Она смотрела на него во все глаза, будто впервые увидела его за столько лет совместной жизни.  
— Ну я побежал, — сказал он, чмокнув ее в каменную щеку.  
Она не двинулась, оцепенев от услышанного.  
Он быстро прошел по коридору, запер за собой дверь на ключ, сбежал с полутемной лестницы и вышел в ночь.

\* \* \*

#### **Из дневника**

28 января в полночь «Рекорд» вышел за маяк и дальше двигаться не мог. «С. Эйзенштейн» подошел к нему, и я высадился на судно. Лед от Одессы сковал море на 8—10 миль. Вдоль берега до Карабугаза всюду лед. «Ейзенштейн» (2900 л. с.) с трудом пробивался, атакуя лед с разгона. За вахту с четырех до восьми утра прошли 7 километров. Дигуладзе Зураб перенес инсульт.

Это случилось к вечеру. Старпом Дигуладзе вдруг почувствовал себя неважно, и хотя поначалу не подавал виду, сослуживцы вскоре заметили странную бледность и выступивший на лбу Зураба пот. На вопрос, как он себя чувствует, Зураб попытался ответить, но язык его не слушался. Он осел на пол, и его перетащили в медпункт на кушетку. Там врач обследовал его и сказал, что это инсульт, но не обширный. Зураб беспомощно оглядывал товарищей, силясь что-то произнести.

Капитан наклонился к нему и похлопал ободрительно по плечу.

— Не беспокойся ни о чем. Все будет в порядке. Довезем тебя в целости и сохранности. А может, и раньше оклемаешься. Тогда сразу к нам выходи на подмогу. Договорились?

Зураб кивнул, и что-то наподобие улыбки мелькнуло в его глазах.

#### **Из дневника**

29 февраля

Тяжелый лед. Ломов Анатолий вышел на ледоколе «Русанов». Пришли в Херсон ночью в 1.00.

С трудом прибился буксир, чтобы высадить комиссию и снять Виктора. Зураб к тому времени уже действительно пришел в себя, и речь вернулась к нему. Это было своего рода чудом, но в этих экстраординарных условиях чудом казалось все.

Двадцать лет не было здесь такой суровой ледовой обстановки. Скованные льдины достигали шестидесяти-семидесяти сантиметров в толщину. Встречались наторошенные перемычки, где торосы поднимались до двух метров. «Русанов» такие перемычки едва-едва форсировал, постоянно застревая, а когда наглухо приваривался ко льду, включал креповую систему, раскачивался, разрушая ледяные объятия, отходил назад и вновь вгрызался в лед. Час за часом, день за днем.

### Из дневника

За ночь пройдено 2 мили, а ночь зимняя, длинная. Во льду застряли десятки судов. У одних кончилась вода, у других топливо. «Съеден последний сухарь», — вопит радиোগрамма с третьего. Всем нужно помочь дойти до порта, ввести в порт.

\* \* \*

Так надолго он никогда не уходил на дежурство. Сколько его не было? Неделю? Две? Тревога нарастала с каждым днем, и известия ничего хорошего не сулили.

Казалось, льды подступили и к дверям домов, грозя раздавить их, как скорлупу. И Ляля с соседями прислушивалась в сумраке вечера к скрипу половиц в надежде различить знакомые шаги.

Когда же? Когда?

\* \* \*

Он приехал рано утром и, прямо как был, в тулупе, обнял спавших вместе женщин. Любаша проснулась от ощущения его холодной щеки.

— Колючий, — прошептала она спросонья. — А мама плакала вечером, я видела.

— Ничего ты не видела, — сказала Ляля дрогнувшим голосом.

— Видела, видела, я все видела... Папка, ты теперь с нами...

— С вами, конечно, с вами. — Он погладил ее по голове. — На этот раз только сосульки в подарок принес...

— Я сейчас завтрак приготовлю. А ты раздевайся, грейся, — заторопилась Ляля, набрасывая халат, — пойду напеку оладушек.

— Ура! Оладушки! Папка, раздевайся скорее! Я так давно не ела оладушек. Целых две недели!

### ПРОЩАНИЕ С САДОМ

Морю было тяжело. Вот уже два года покоился на дне его корабль, начиненный смертоносным грузом, торчала из вод его труба, и проходящим судам казалось, будто он дышал через нее, как ныряльщик. Сердце сжималось у Виктора всякий раз, когда он проплывал на катере мимо этого места. Сколько же будет лежать он, подвергать опасности город, напоминать о трагедии и беспомощности властей? Ах, Одесса! Была ты жемчужиной у моря, а теперь...

В порту стали поговаривать, что «Моздок» собираются поднять со дна и ввести в порт. Подготовка по извлечению грузов началась еще в апреле 1972-го. На корабле находилось много оборудования, включая трансформаторы, электродвигатели и пр., и пр. Всего около трехсот видов груза. Но самым опасным грузом были ядохимикаты. Они должны были оставаться на корабле вплоть до подъема судна.

На берегу резвились дети, плескались подростки, красиво подставляли солнцу свои тела пляжницы, а море исподволь готовило секиру для всех — для них и для будущих поколений. Вытравят, срежут на корню город и пригороды, упрячут в больницы смертельно больных, и все им сойдет с рук, думалось Виктору, наблюдавшему эту картину.

\* \* \*

Было рассмотрено три варианта подъема судна. Первый предполагал подъем без разгрузки. Этот вариант был наиболее громоздким, поскольку требовал переоборудования танкеров для подъема и вывода их из эксплуатации на длительное время.

Второй вариант предусматривал предварительную разгрузку трюмов с последующим подъемом его понтонами — специальными приспособлениями из надувных резиновых шаров. Но для этого потребовалось бы снять примерно двадцать пять метров носовой части танкера «Лом», мешавшего размещению понтонов.

Третий вариант был наиболее приемлемым. Он включал в себя частичную предварительную разгрузку некоторых трюмов с применением шести пар четырехсоттонных понтонов и заполнением очищенного пространства гранулами пенополистирола. Это был самый экономный способ, сокращавший объем работ почти на сорок процентов. Он также давал возможность за два рабочих сезона провести и грунтоуборочные работы, необходимые для применения понтонов. Использование же пенополистирола позволило еще и сэкономить на судоподъеме несколько сот тысяч рублей. Кроме того, существенно сокращались работы по подъему носовой части «Лома».

Третий вариант был принят единогласно.

Как только район гибели судов очистился ото льда, начались работы по их подводному обследованию. Одновременно с этим были разработаны предварительные меры по предотвращению загрязнения моря нефтепродуктами.

Работы были завершены 10 сентября 1973 года.

\* \* \*

Единственный вопрос, который оставался нерешенным, касался ввода затонувшего судна в порт. Как он будет осуществляться? Задача не из простых...

Виктор подолгу разглядывал торчащую трубу в бинокль, раздумывал над чем-то, высчитывая, рисуя схемы в блокноте. Как-то после очередной вахты он зашел в управление портовой службы и направился прямо в кабинет к начальнику пароходства.

— Вы куда, Виктор? — спросила для порядка секретарь Валюша.

— У себя? — вместо ответа осведомился Виктор, кивнув на дверь.

— У себя. — Валюша кокетливо взглянула на красавца лоцмана, хлопнув наклеенными ресницами.

— Так я зайду, ладно? — улыбнулся Виктор.

— Да идите уж, что с вами делать! — Валюша растаяла, ответив ему очаровательной гримаской.

Виктор легонько толкнул массивную дверь и остановился на пороге в ожидании приглашения.

— А, Виктор, проходи! — приветливо поднялся ему навстречу Лукьяненко. — Присаживайся. Ну-с, с чем пожаловал?

— Да слышал я, что у пароходства есть планы «Моздок» поднимать.

— Планы такие есть. А почему интересуешься?

— А как судно провести в порт, уже решили? — ответил Виктор вопросом на вопрос.

— Пока нет. Есть идеи?

- Да есть вроде...
- Виктор взял со стола листок бумаги и быстро начертил схемку.
- Вот так. Сюда привариваем мостик, и с него лоцман может совершить проводку в порт.
- Как, прямо к дымовой трубе привариваем?
- Прямо к трубе.
- Интересно. Но рискованно.
- Если все правильно рассчитать, то риск небольшой. Уж во всяком случае, несравнимо меньший, чем держать судно под водой...
- Оба на минуту замолчали, понимая, о чем шла речь. Если бы не химикаты, никто бы не стал тратить ресурсов на подъем затонувшего судна. Мало ли их тут в округе!
- Ладно, — прервал наконец молчание Лукьяненко. — Оставь свой листок и иди пока, а я обдумаю твое предложение, обсужу с коллегами.
- Они обменялись рукопожатиями, и Виктор направился к выходу.
- погоди! — окликнул его Лукьяненко. — А сам на мостик встанешь, если утвердим твой план?
- Так я же под себя схемку подбивал, — широко улыбнувшись, ответил Виктор.

\* \* \*

Первая половина августа выдалась жаркой. Солнце лютовало с раннего утра, сжигая листву, траву, спины и носы курортников и превращая песок в адскую жаровню. Пройтись по нему без обуви было все равно что пробежаться по горящим углям. Мальчишки вприпрыжку мчались с букетами эскимо на палочке для всей семьи — только они и отваживались проскакать босиком до тачки с мороженым.

Виктор сделал несколько заплывов к волнорезу и обсыхал в тени. Пляжиться он не любил, да и времени не было. Нужно было готовиться к предстоящей операции по поднятию «Моздока». Его предложение было обсуждено на тесном совете, затем он был вызван на совещание, где отвечал на вопросы специалистов, уточняя детали, и в конце концов его предложение утвердили.

Поднятие «Моздока» было назначено на вторую половину августа. День и ночь велись подготовительные работы с водолазами, технологами и целым штатом других специалистов. Центральный пост управления (ЦПУ) судоподъемом решено было соорудить на завершающем этапе работ прямо на дымовой трубе теплохода, как Виктор и предложил. Это позволило почти в полтора раза сократить длину продувочных шлангов, идущих от станции управления к отсекам понтонов и балластным отсекам судна.

Несколько раз Виктор навещался к месту поднятия, смотрел, как завозили детали, расспрашивал и даже сам давал кое-какие советы. К его слову прислушивались, и если нужно было, кое-что меняли в соответствии со спецификой, которую в тонкостях мог знать только лоцман.

Оставалось чуть больше недели до назначенного срока.

Как все пройдет?

Виктор отряхнул песок с подстилки и направился к лестнице.

Дома его никто не ждал, кроме соседей. Ляля должна была быть на работе, а Любаша в лагере — отдали ее туда до конца августа. Не слишком уж она была рада этому, но другого выхода не было, поскольку Калараш, куда она обычно ездила на каникулы, отменился. У Михаила Захаровича обнаружили полип в мочевом пузыре этой весной, и Ляля настояла на операции. Нашли хорошего специалиста в Одессе, и сейчас тесть пребывал в послеоперационной палате вместе с супругой.

Виктор думал о том, что Надежда Константиновна частенько пилила мужа, приди-ралась по пустякам. Наверное, теперь ее гложет раскаяние... Он невольно перекинул ситуацию на себя. Вот лежит он, не дай бог, на больничной койке, а рядом его кающаяся Магдалина. Жизнь прожита, ничего не изменить... М-да, невеселенькая перспективка. И кому нужно это осознание сделанных ошибок, когда все уже позади и поправить ничего нельзя?

Незаметно он дошел до дома, поднялся по свежевывымытой лестнице (Виктория Ефимовна нанимала женщину, которая мыла полы раз в две недели). Собирался уже было отпереть ключом дверь, как его тезка сама отворила ему.

— Спасибо, — поблагодарил Виктор соседку, направляясь к себе.

Виктория тронула его за рукав, удерживая.

— Пойдите, погодите... Там Ляля домой пришла...

— Домой пришла? А что произошло? Почему так рано?

— Ее срочно вызвали в больницу утром. Дело в том, что Михаил Захарович скончался...

Виктория понизила голос и отпустила его.

— Боже мой... — протянул Виктор, глядя на нее и не понимая, что с этой вестью делать.

— Да, вот так... Послеоперационный инсульт. Говорят, молодой врач резко потянул его при осмотре, сорвался тромб, и он тут же скончался... Ну, идите к Ляле. Надежда Константиновна осталась в больнице документы оформлять.

Виктор осторожно, почти на цыпочках, двинулся по коридору. В маленькой прихожей, которая также играла роль ванной, свет не был включен. Он на ощупь нашарил ручку двери, ведущей в комнату.

Ляля сидела на диване, уставившись в одну точку.

— Ляленька, я все знаю, — сказал он ей еле слышно. — Прими мои соболезнования...

Она не шелохнулась.

Они просидели несколько часов молча, не шевелясь, пока солнце не стало уходить за крышу соседнего дома.

— Это все я, — тихо произнесла она. — Я убила его.

— Ляленька, что ты такое говоришь?

— Если бы я не настояла на операции, он был бы жив, — сказала она, не обращая ни к кому.

— Это еще неизвестно. Ты ведь хотела как лучше. И доктор сказал, что была угроза перерастания полипа в злокачественную...

— Я убила его, — прервала она Виктора. — Убила.

Виктор попытался обнять ее. Она сидела прямо, совершенно прямо, будто к ее спине была привязана доска, и его рука скатилась с нее, как волна с утеса.

— Уйди. Ты мне сейчас не нужен. Мне никто не нужен, — сказала она, не меняя положения и глядя куда-то в пространство.

\* \* \*

Похороны были в Калараше.

Приехала уйма родственников, пришли соседи и сослуживцы, все те, с кем Михаил Захарович некогда весело распивал вино за столом, шутил и балагурил. Стол вынесли в сад, и на нем теперь лежало его восковое подобие, ничего не понимающее, никого не узнающее и не имеющее никакого отношения ни к саду, ни к птицам, любопытно вспархивающим на гроб, ни к абрикосовым деревьям, по которым ползали пчелы, вынюхивая нектар. Оно было чужеродным на этом пиршестве лета, и его хотелось поскорее вынести куда-нибудь и заменить на что-то настоящее, соответствующее жизни.



\* \* \*

— Все спрашивали, где же Люба, почему не приехала на похороны дедушки, — сдавленным голосом выговаривала Виктору Ляля, когда они вернулись с кладбища. В соседней комнате закопошилась Надежда Константиновна, всхлипывая.

— Зачем ты так? — попытался успокоить ее Виктор. — Любаша сейчас в лагере. У нас не было даже возможности подготовить ее, а вот так — бухнуть новость о смерти дедушки — нельзя...

— Ты всегда пытаешься оградить ее от всего. Вырастил эгоистку... Ничего ей не дорого.

— Ну знаешь ли!

Он выскочил из дому и пошел по темнеющей пыльной тропинке.

Вот тут они прогуливались вместе в тот последний вечер их первого знакомства. А вот и скамейка, на которой он сделал ей предложение. Скамейка потрескалась от времени, слегка покосилась на оседающем склоне. Виктор присел на краешек, прикрыв глаза.

Запели сверчки, воздух наполнился дребезжанием снующих ночных насекомых, словно расписными веерами, обмахивались крыльями великосветские бабочки. «Все это было до меня и будет после, весь этот дивный мир, на который не хватает времени в этой распланированной человеком сиюминутности. Так и уйдем, не открыв самого главного — этой породившей нас вечности, этой тайны, этой ... Вот и я заговорил, как Андрей Болконский после ранения. Эх, Лев Николаевич, Лев Николаевич, и где сейчас душа ваша бессмертная обитает?»

## НА ТРУБЕ

Наступил долгожданный день. С утра светило солнце, но не болезненное, не жгучее как раскаленный медный пятак, а спокойное и ласковое, словно умудренное опытом. Солнце, свойственное второй половине августа.

Все было готово к проведению затонувшего судна в порт. Грунтоуборочные работы, начатые в августе 1973 года, были завершены в апреле 1974-го, а полностью весь комплекс подготовительных работ для подъема — 13 августа, то есть за триста десять дней. Ранним утром Виктор шел по бульвару — белая рубашка с короткими рукавами, на которой поблескивали черные погоны с золотым галуном, белая фуражка... Он шел и думал о том, как настойчиво следует за ним по пятам эта цифра тринадцать. И даже триста десять дней отвечивали ее зеркальным отражением.

За триста десять дней были подготовлены и оборудованы для продувки воздухом двенадцать междудонных отсеков сухогруза. А главное — в течение этого времени одесситами было сделано несколько важных изобретений. Прежде всего, специалистами Черноморского отряда была разработана технология применения полистирола. Этот метод был успешно апробирован в ноябре 1972 года. Кроме того, под полистирол, который обеспечил создание подъемных усилий в количестве пяти тысяч ста тонн, потребовались специальные крышки оригинальной конструкции. Крышки были изготовлены на Одесском судоремонтном заводе, и авторы оформили заявку на изобретение. Также на уровне изобретения прошла опытную проверку и герметизация района повреждения, сопровождавшаяся одновременным восстановлением прочности разрушенных конструкций корпуса.

\* \* \*

Порт был оцеплен милицией, и внутри оцепления все было запружено работниками, журналистами и пробравшимися туда спозаранку зеваками, которые хотели быть

очевидцами этого грандиозного события. Виктор сразу заметил начальство, которое стояло поодаль, включая и начальника порта. Всех фотографировали, но он быстро прошел мимо и направился прямо в лоцманскую. Там его уже поджидал катер.

Виктор поздоровался со старшиной лоцбота, и до самого места высадки они не обменялись ни словом. Каждый ощущал ответственность момента и готовился к нему.

На горизонте посверкивал приваренный к трубе мостик. Через несколько минут ему предстоит на него взойти.

### **Из дневника**

18 августа 1974 года. Я поднимаюсь по штурмтрапу на трубу... да, на трубу теплохода «Моздок»! Собираясь на «Моздок», находясь на «Онеге», где следили за всплытием затонувшего судна все начальство: и Третьяк А. Г., и Водопьянов В. В., и даже начальник пароходства, и корреспонденты металась в поисках интересного факта, я сказал, что такого еще в мире не бывало — лоцман на трубе. Кто-то из корреспондентов вынюхал это и, перефразировав, поместил в свою статью. 40 часов на трубе!

Сорок часов... Он почувствовал себя почти Моисеем, с той лишь разницей, что сорок лет трансформировались в часы. Он вызволял корабль, словно это был корабль его юности, с девушкой, которую он так и не успел спасти. Казалось, весь его жизненный путь был движением к этим сорока часам. Никогда не забудет он того первого ощущения, когда корабль всколыхнулся под ним, точно оживая, и сама история заплескалась внизу, готовясь вынырнуть из глубин. День был ясным, видимость берегов — отличная, и невзирая на это, он взял в руки секстан. Прибор, рассчитанный на то, чтобы брать пеленги, то есть угол между ориентирами для определения курса, был явно не нужен для проводки. Но Виктор любил точность и конкретику, в особенности когда дело касалось определения местонахождения судна — профессиональная черта капитанов. С другой стороны, для него это событие было знаковым. Поэтому он не доверился чужим отчетам, а захотел установить подлинные координаты этой точки. Судно затонуло в четырех с половиной милях от Воронцовского маяка. Объектив секстана направлен был в сторону маяка — тоже белого и ослепительного, с сияющей медью колокола.

Порт замер. Не сговариваясь, люди прекратили движение, включая и непосредливых фоторепортеров. На миг побережье превратилось в фотографический снимок. Лучилась поверхность вод. В ореоле света плыла над их зеркалом белоснежная фигурка лоцмана. Он вел судно к берегам, воскрешая его к жизни и возвращая свету.

Его приветствовали пароходы и катера, он отдавал им честь, и моряки вытягивались по струнке, глядя на него в бинокль.

Кому-то удалось запечатлеть его издали с секстаном в руках, и этот единственный снимок с ним на трубе затонувшего судна спустя годы пришвартовался к его семейному альбому.

...На горизонте появились алые паруса заката и сопровождали корабль, пока он вступал в ночные воды.

### **Газета «Моряк», 1974 год:**

#### **ЛОЦМАН НА ТРУБЕ**

— Я первый в мире лоцман, который ввел в порт судно, сидя на его трубе! — воскликнул лоцман Одесского морского порта. И это была сущая правда.

В чем дело? Зачем понадобилось взбираться на трубу? А как же обычное место лоцмана — капитанский мостик?

Труба в данном случае была удобнее мостика. Судно «Моздок» затонуло два с половиной года назад и только что поднято Одесским экспедиционным отрядом спа-

сателей. «Моздок» лежал на глубине 23 метров, лишь труба торчала над волнами. К ней спасатели приварили подобие мостика, на котором устроили пункт управления подъемными работами. И с этого же пункта, то есть с трубы, командовал лоцман при проводке «Моздока» в порт, к 39-му причалу.

И. Ляндрес

Лоцман на трубе... Это почти что скрипач на крыше. То же соло над миром, окруженным стихиями неба и вод, то же смешение улыбки и грусти в поступке, то же одиночество духа и объединение души со вселенной. Таким ты остался навеки в истории города.

### Из дневника

Я еще не видел такой слаженной, спокойной, продуманной организации, всеобщего доброжелательства и временами юмора. Может быть, поэтому сложнейшая работа была так блестяще завершена. Никто не спал, уже не первую ночь, возникли непредвиденные трудности. Легкие водолазы, аквалангисты с яркими фонарями, приспособленными на маске, выглядели в воде фантастическими расплывчатыми существами. Следующим вечером «Моздок», покрытый толстым слоем ракушек, уже стоял у причала.

## СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА

Ляля, чуть прихрамывая, вошла в дом. Давала себя знать давняя травма большого пальца правой ноги. Ей всегда хотелось купить обувь поизящней, а в такой обуви было мало удобства. Поэтому если мать доставала что-то по благу в Калараше, то это, как правило, чуть жало и травмировало больной сустав, хотя Ляля всякий раз надеялась, что туфли разносятся. Вот и сегодня еле дохромала до дверей — скорей бы переодеться...

На коммунальной кухне ее встретила мать, приехавшая погостить на пару недель. Пока дочь хромала по коридору, она успела сбегать в комнату и обратно с тапочками в руках.

— Давай, Лялечка, сумку, я тебе тапки принесла, переоденься, детка.

Ляля сбросила туфли прямо в коридоре, надела тапки и с облегчением направилась в комнаты.

В первой комнате было тихо и пусто, и из второй тоже не доносилось никаких звуков.

— А Люба где? — спросила она, заглядывая на всякий случай, во вторую комнату.

— К Жене побежала, — с нескрываемым сарказмом ответила Надежда Константиновна. — Вырастила белоручку — целый день только и делает, что валяется на диване да книжку читает. А то, что уставшая мать домой с работы придет, ей невдомек. Хоть бы полы вымыла раз!

— Мама, перестань...

— Вот полюбуйся сама! — торжествующе воскликнула Надежда Константиновна, указывая на брошенную на диване книгу. — Даже не соизволила за собой книгу убрать! Все на мать оставляет.

— Мама, ну, хватит...

Надежда Константиновна удовлетворенно умолкла, понимая, что теперь Лялино раздражение перенесено на дочь.

Однажды проделав этот трюк и убедившись, что он работает безотказно, Надежда Константиновна повторяла его в разных вариациях. Ее интрижный ум, некогда помогший ей разбить сватовство Лялиного киношника, подсказывал, что раздражение дочери нужно направить на одного из членов семьи, чтобы она могла срывать на нем досаду.

Виктор не годился для этой цели — натравливать против того, кого она сама же и соеватала, означало бы вызывать огонь на себя. Кроме того, Надежда Константиновна прекрасно понимала, что лучшей партии дочь себе все равно не найдет: уважаемый человек в городе, капитан, красавец... Конечно, если бы не было у них детей, то все еще можно было бы переиграть. Но об этом было уже поздно говорить. А вот подправить кое-что всегда можно. Например, подросток, не обремененный семейными обязанностями, это идеальная мишень для коалиции с Лялечкой. В разработанной Надеждой Константиновной схеме отношений она сама была заряжающим, дочь играла роль пушки, а внучка, соответственно, мишени. Эта коалиция несколько укрепила отношения между матерью и дочерью и чуть подлатала трещину, образовавшуюся между ними с момента того рокового признания.

Любаша поначалу огрызалась, дерзила, но это было лишь поводом для жалоб и нового скандала. Так и не добившись справедливости, внучка, смекнув наконец, что к чему, решила поступать по примеру отца. Во время визитов тещи Виктор по большей части отсутствовал: брал дополнительные дежурства, подменял товарищей, а если случалось несколько вечеров кряду провести дома, то просиживал у соседей, распивая налибочку или что-нибудь покрепче с Исаем Семеновичем. Каникулы только начались, и Любаша проводила вечера с подругами, слушая пластинки и обсуждая новые фильмы, а домой возвращалась к последнему сроку — к десяти вечера. И сразу шла спать. В отличие от подруг, у нее был свой закуток с этажеркой, где стояли любимые книги — все-таки единственный ребенок в семье. У Ирки был младший брат, с которым она часто ссорилась, у Ритки и у Наташки — старшие сестры, которые давали им поносить свои старые туфли на каблуках или блузку. А у Любки — только книги и мечты.

Больше всего хотелось ей иметь старшего брата. Он бы и защищал ее, и на море с ней ходил, и мороженое покупал бы... И они бы никогда, никогда не ссорились!

\* \* \*

Поход к тетке был всегда праздником. Любаша обожала Женю. И это было обоюдно.

— Кто пришел! — радостно воскликнула Женя, отворяя дверь, словно появление Любаши было сюрпризом. — Ну, проходи, племяшка!

— Как у вас хорошо, — со скрытой грустью приговаривала Любаша, снимая обувь. — Тихо, спокойно, никто не придирается...

— А кто к тебе придирается? — поинтересовалась Женя, словно не знала ситуации дома.

— Да бабушка...

— Ну, бабушка... Поворчит и перестанет. На то она и бабушка, — рассмеялась Женя. — А я тебе тут вкусенького приготовила.

Женя стала раскладывать приборы с салфетками, в то время как Любаша весело делилась с ней последними новостями. Школа уже была позади, впереди летние каникулы, а потом — девятый класс.

Как время летит! Женя вспомнила, как несколько лет назад зимой, когда она пришла к брату и они сели за стол обедать, раздался звонок в дверь. Виктор пошел открывать и увидел одноклассника Любаши, увешанного пистолетами и шпагами, который сообщил, что вызывает его дочь на дуэль. В чем там было дело, Виктор так и не дознался, и в дом войти дуэлянт наотрез отказался, сказал, на улице обождет. Любаша быстро опустошила тарелку под недовольным взглядом Ляли и выскочила во двор, где ее ожидал дуэлянт. До дуэли не дошло. Дуэлянт неожиданно предложил перемирие

и пригласил ее в кино. Этот случай стал семейным преданием и ознаменовал переломный момент — переход от детства к отрочеству.

Вот она уже и из подросткового возраста выпрыгнула и вскоре в другой выпрыгнет, вдруг подумалось Жене.

— Значит, почти на все пятерочки закончила? Ну, умница моя золотая! — Женя поставила на стол блюдо с картофелем, густо посыпанным зеленью, и принесла курицу с салатом.

— Да, только по математике и по физике четверки. Да еще по физкультуре, — вздохнула Любаша, принимаясь за салат.

— А что ж так?

— Да я прыгать в длину не умею. И на брусьях тоже не могу переворачиваться... Вот была бы я, как твоя Лорочка... Она такая красавица! И гимнастикой занимается... А меня мама даже на балет не хотела водить. Я, когда маленькой была, хотела стать балериной, помнишь?

Любаша продолжала щебетать, а тетка тем временем думала, как же повернуть разговор в нужное русло. Она давно уже намеревалась поговорить с племянницей, а сегодня решила это намерение осуществить. Сердце подсказывало ей, что наступило время поведать Любаше семейную тайну или попросту рассказать о вещах, которые родители от нее все еще утаивали. Она не могла объяснить, что именно толкало ее на этот разговор, но интуиция властно требовала, чтобы он состоялся именно сегодня, и Женя полностью доверилась этому чувству.

Любаша заметила теткино замешательство.

— Теть Женя, о чем ты думаешь? — осведомилась она, обглядывая крылышко.

Тетка посмотрела на племянницу долгим и странным взглядом, словно взвешивая все «за» и «против».

— Я должна рассказать тебе кое-что, — после некоторых колебаний вымолвила она. — Это касается тебя и... твоего отца. Ты все равно узнаешь об этом рано или поздно, но лучше уж я расскажу тебе сама, чем ты бог весть что услышишь от других.

У Любки мгновенно округлились глаза. Лавина вопросов была готова сорваться с языка, однако внушительный тон вступительного слова тетки заставил ее притихнуть, и она терпеливо ждала продолжения.

— Значит так... У тебя есть старший брат. Его зовут Сашей, — выпалила Женя без дальнейших предисловий.

— Брат? У меня есть брат? Правда? Ты не шутишь? Какой — двоюродный или троюродный?

— Не двоюродный и не троюродный. Родной. У тебя есть родной брат.

— Родной? Вот это да! — Любаша вскочила со стула и начала прыгать по комнате. — Ура! У меня есть брат!

Теперь опешила Женя. Она ожидала вопросов, недоумения, приготовилась к долгим объяснениям... Она ожидала чего угодно, только не такой реакции.

— А где, где он? — не унималась Любка. — Давай пойдем к нему! Прямо сейчас.

— Постой, погоди, — попыталась остановить ее Женя. — Он не здесь.

— А где? Ну, где же? Ну тетя Женечка, ну пожалуйста, скажи, где он!

— Погоди, погоди, он в Сибири, я не знаю его адреса...

— В Сибири? Почему же в Сибири? Кто его туда сослал?

Тут уж тетка расхохоталась, схватившись за бока и приговаривая:

— Кто его туда сослал! Ха-ха-ха! Ой, уморила! Ну и Любка! — Она утерла слезы. — Его туда Таня увезла, мать его. Он маленький тогда был. Папа твой посылал им деньги, помогал, чем мог, а когда Саша подросток, все связи прервались.

— Почему прервались?  
— Так Таня захотела. Ты ее строго не суди. Непросто ей было. Поймешь, когда повзрослеешь.  
— Значит, адреса его у нас нет... А что же теперь делать? — растерянно спросила Любка. — Как же нам его разыскать? Он ведь обо мне, наверное, даже и не знает!  
— Наверное...  
— Что же делать? — повторяла Любка. — Мы должны его обязательно найти! Ну тетя Женечка, ну придумай же что-нибудь!  
— Ладно, ладно, я постараюсь что-то придумать, хотя пока ума не приложу, что именно.  
Они расстались, как два заговорщика, решив ничего не говорить ни отцу, ни матери.  
— Если они от меня скрывали все это время, что у меня есть брат, то и я от них буду скрывать, что знаю о его существовании, — обосновала Любка свое решение.  
На это возразить было нечего.

\* \* \*

Как только дверь за племянницей захлопнулась, Женя мгновенно пожалела о содеянном. И дернул же ее черт за язык! Вот так скоропалительно открыть семейную тайну! Это была сумасбродная идея, и Виктор бы очень рассердился, узнав, что за его спиной творится такое. А то, что родная сестра выступила в роли зачинщицы, уж не простил бы ни за что. Любушку он любил безумно, оберегал от всего, что могло бы омрачить ее. Успеет еще столкнуться с жизнью! Мысль о Саше сверлила постоянно, но к разговору он был не готов. Известие о том, что ее обожаемый и такой «правильный» папочка был женат, да еще и имел сына от первого брака, могло бы стать для Любаши потрясением, крахом представлений о семье. На чашу весов было положено его собственное реноме. Взвесив все «за» и «против», Виктор решил пока замять факт существования Саши.

\* \* \*

Возбужденная разговором, Любаша вернулась домой и стала раздумывать о том, как же разыскать таинственного брата.

Два дня она провела, читая Джека Лондона, чем вызвала дополнительные нарекания Надежды Константиновны, всячески пытавшейся отвлечь ее от чтения. В другое время Любка поддалась бы на провокацию, но мысль о брате подняла ее над всеми бабкиными ухищрениями. Она молчаливо пропускала мимо ушей все колкости, чем озадачила Надежду Константиновну не на шутку — причина такой неожиданной неуязвимости внучки была весьма загадочной.

А внучка пребывала на далеком севере, окруженная сиянием льдов и снегов, и до бабки ей ровным счетом не было никакого дела. Она ушла так далеко в поисках брата, что даже не услышала звонка в дверь в полдень, когда дочитывала «Зов предков».

Бабушкины шаги по длинному коридору коммуналки удалились, а потом снова приблизились.

— Люба! — ехидно позвала Надежда Константиновна, появляясь на пороге комнаты.

Любка оторвалась от книги, глядя на бабушку отсутствующим взглядом. Надежда Константиновна ухмыльнулась, и в глазах у нее зажегся злорадный огонек.

— Ну что, вставай, читательница, — братец твой приехал, — бухнула она, наблюдая за реакцией внучки.

Любка закрыла книгу и поднялась с дивана.

Надежда Константинова выжидательно прищурилась, предвкушая недоумение, неловкие попытки брата объяснить что-то, нежелание Любки поверить, шок, ссору, слезы, суматоху... А потом Ляля — ее! Окончательно и бесповоротно! И уж она постарается, чтобы все было восстановлено: киношник, любовь, новая семья. Она сумеет убедить Лялю встретиться с ним, а если что — сама заявится к нему, бухнется в ноги, как некогда перед дочерью, повинится, благословит...

Увы, и на сей раз у нее вышла осечка.

Северный вихрь «Зова предков» буквально сдул Любку с дивана. В первую минуту она подумала, что это сон или что вредная бабка пробралась к ней в мысли и прочитала там о брате, а теперь нарочно разыгрывает ее. Во вторую минуту она поверила во все чудеса на свете. А в третью — на пороге показался он, родной с первого взгляда, ее собственный и настоящий. Брат.

— Саша! — воскликнула она и бросилась к нему на шею.

Надежда Константиновна остолбенела. Саша поначалу тоже опешил, а потом быстро обнял сестру в ответ, как свою, и через две минуты они уже бежали встречать отца у автостоянки, где тот обычно парковал машину.

\* \* \*

Виктор завидел их издали — свою дочь-подростка под ручку с молодым мужчиной. Лицо у него помрачнело. Однако он терпеливо ждал, пока они подойдут.

Пока они двигались к нему навстречу, свершалась непостижимая возрастная метаморфоза в его Любушке, и чем ближе они подходили, тем явственней проступали в ней черты юной девушки, всего лишь немногим моложе тех, с которыми он бок о бок сражался на войне. Как давно это было и как недавно! Любушка, зачем же ты так торопила время? Неужто не знала, что оно необратимо, что тропка в страну чудес нарастает навсегда? А она шла прочь от безмятежности, не оглядываясь, держа под руку молодого человека... С ним, положим, Виктор разберется, только Любушку это уже не вернет.

Тем временем молодой человек стремительно и неотвратимо приближался под напором Любки, глядя на Виктора во все глаза. Ну, чего пялишься? Понравиться небось хочешь?

Молодой человек остановился и сдержанно поздоровался.

— Это Саша, — просто сказала Любка, наблюдая за отцом.

Виктор никак не отреагировал на имя и только искоса взглянул на интересного, но явно не по возрасту его дочери незнакомца. Возникла неловкая пауза.

— Пап, а давай ты прокатай нас! — вдруг попросила Любка с теми же странными нотками в голосе.

Сердце Виктора дрогнуло. Совсем еще ребенок! Он кивнул и открыл им двери новенького «Жигули». Они сели вдвоем на заднее сиденье, и Любка продолжала держать молодого человека за локоть, словно боялась, что он убежит. Машина медленно двинулась вдоль парка. Виктор наблюдал за ними в зеркало, бросая озабоченные взгляды на незнакомца.

— Пап, он тебе нравится? — поймав его взгляд в зеркале, спросила Любка.

— Нравится, — процедил сквозь зубы Виктор, не понимая, как же быть дальше.

— Мне тоже, — радостно сообщила Любка. — А правда, мы с ним похожи?

Тут уж Виктор окончательно помрачнел. Ни за что на свете не мог он признать, что его единственная дочь, свет его очей, похожа на какого-то проходимца. Он и смотреть на него не стал. Терпение Виктора лопалось. И вдруг...

— Папа, — тихо произнес Саша.

Машина взвизгнула, рванув зигзагом к дереву, и остановилась как вкопанная в двух миллиметрах от ствола. Виктор резко повернулся к сыну, издав то ли крик, то ли плач.

Они бросились друг к другу, как бросаются люди, разлученные судьбой, бросаются наперекор, вопреки, назло... Волна, захлестнувшая их, буквально вынесла Любку из машины, где отец и сын сцепились в объятиях, превратившись в единый клубок нервов и мышц.

\* \* \*

Все трое вернулись домой в том расслабленном, умиленном состоянии, в котором пляжник возвращается под вечер с пляжа. На лестничной клетке уже вертелся и кружил запах жареного лука, мяса и картошки, повизгивали сковородки и кастрюли. Ляля явно была в курсе.

Любаша тут же побежала звонить Жене, чтобы пригласить ее с семьей на обед. Поначалу тетка подумала, что племяшка разыгрывает ее, но по восхищенным Любкиным интонациям поняла, что сказка стала былью, и ринулась к Виктору вместе с Лорочкой и Сергеем.

— Сын моего мужа — мой сын, — самоотверженно произнесла Ляля первый тост.

Все радостно чокнулись, а Виктория Ефимовна украдкой утерла слезы, наворачнувшиеся на ее выпуклые зеленые глаза.

Праздновали все, за исключением Надежды Константиновны, которую дочь поспешно отправила в Калараш под предлогом, что у них нет дополнительных кроватей. О ней никто и не вспомнил, не поинтересовался, где она, будто и впрямь не было ей места в этой праздничной композиции.

Пока все оживленно ели и пили, Виктор смотрел на Сашу с Любашей, которых посадили вместе напротив него. Как они похожи! А он и не заметил поначалу... Вот она, жизнь. Из неправильных решений, ошибок и описок, невзгод и разочарований выросли такие прекрасные дети...

Так начался счастливейший месяц в жизни Виктора.

## НЕ УЕЗЖАЙ!

*Памяти Саши*

Все это время Любка с Сашей были неразлучны. Вместе ели, вместе гуляли, вместе ходили на пляж.

— А знаешь, кто мне о тебе рассказал? — спросила Любка, когда на второй день они сидели на берегу, глядя, как Виктор делал заплыв до буйка.

— Кто?

— Тетя Женя. Буквально за два дня до твоего приезда. Представляешь?

— Да ну? А я голову ломал. Так удивила ты меня тогда. Так ты, оказывается, подготовленная была.

— Ага. Представляешь?

— Как же это она узнала?

— Почувствовала! Она все чувствует. Все-все! И я тоже все чувствую.

— Ты что, тоже чувствовала, что я приеду?

— Нет. Если честно, я колдовала.

— И как же это, интересно?



- Книжку одну читала. «Зов предков» называется.
- И все?
- Нет, не все. Читала и представляла твою Сибирь. И ты делался все ближе и ближе. И потом приехал.
- Ясно.
- Что, не веришь?
- Верю, как не верить. А я о тебе вообще ничего не знал. Просто разыскал отцовский адрес в справочном бюро и купил билет.
- А что твоя мама сказала?
- Она была против. Только я уже взрослый. Сам решаю. Мать приняла свое решение однажды, не спросив, а теперь мой черед.
- Везет тебе... Ты взрослый, сам можешь принимать решения...
- Да ладно, не грусти. Взрослым быть не так уж и просто.
- Невзрослым быть тоже нелегко...
- Да знаю, знаю, помню еще! — он рассмеялся и потрепал ее по голове.

\* \* \*

Такое небывалое везение трудно было себе представить. Мало того, что у Любки появился брат, так еще и старший! Готовый старший брат. Поначалу Любке никто не поверил. Подруги думали, что ну в крайнем случае двоюродный какой-нибудь попляжиться приехал, а как удостоверились — ахнули. Каждая в детстве мечтала о старшем брате, и теперь, когда он появился у одной из них, все его тут же присвоили, сделали общим. Любка не возражала.

Подружки стайкой ходили за ними, провожая их то в парк, то в кино, то на пляж, и поджидали во дворе по утрам. Только когда появлялись Виктор с Лялей, они оставляли их в покое.

На вторую неделю пребывания в Одессе Саша заболел. Климат оказался непривычным для сибиряка, и купание в море с утра до позднего вечера сказалось не лучшим образом. К вечеру он слег с высокой температурой, и Ляля с Виктором растирали его мазью, поили чаем с малиной и давали аспирин.

Любка стояла и смотрела, как родители дружно хлопотали вокруг него, и сама пыталась внести лепту в лечение брата.

— Погоди, не мешай, — всякий раз говорила ей Ляля, когда дочь просовывала голову между нею и отцом.

— Любка, выходи! — то и дело слышалось со двора. Подруги терпеливо ждали минут пять, а потом опять начинали звать.

Наконец она выглянула.

— Ну, вы где там? — выкрикнула Светка.

— Да тише ты! — махнула на нее рукой Любка. — Брат заболел. Родители его лечат.

— Ой... — Светка прикрыла рот ладонью и встревоженно поглядела на подруг, которые точили лясы на ступеньках Любкиного дома.

— Чего там? — спросила Наташка. — Скоро они?

— Не выйдут сегодня, — негромко сказала Светка. — Брат заболел...

— Что? Ой! Девчонки, брат заболел!

— Как заболел? Чем? — всполошились подруги.

— Не знаю. Любка, чем заболел-то?

— Температура у него высокая.

Среди подруг начался переполох. Со двора доносилось попеременно: «Брат заболел!» — и шиканье.

Когда Любка выглянула вновь, подруги сидели рядком напротив ее дома и смотрели, задрвав головы, в ее окна на втором этаже.

— Ну как он? — тихо спросила Ирка.

— Лучше. Температура немного упала. Пока уснул.

— Ну ты смотри, скажи нам, если чего надо. Мы тут пока подежурим.

Так и продежурили до полуночи.

Наутро Саше стало легче, температура спала, и он попросил поесть.

— Попросил поесть, — доложила Любка подругам.

Через пять минут они уже звонили в дверь, и каждая держала в руках что-то съестное.

— Девочки, да что вы! — всплеснула руками Ляля, которая взяла отгул, чтобы поухаживать за Сашей. — У нас же все есть!

— Это ничего, — смущаясь, ответила Ленка. — Вы возьмите... Мы, это... гостинцев принесли.

— Хорошо, хорошо, кладите все на стол, — согласилась Ляля.

— А взглянуть на него можно? — спросила Анжела под одобрительные кивки подруг.

— Да можно, можно, — ответила за Лялю Любка. — Только по одной. Загляните, поздоровайтесь и не приставайте с вопросами.

\* \* \*

Через день Саша был уже в норме. Подружки обступили их с Любкой, когда они вышли во двор.

— Ну, куда пойдём? — поинтересовалась Светка.

— Мы, вообще-то, в город собрались, — ответила Любка. — Хотим сделать фото на память.

— Ой, фотографироваться идем, девчонки! — захлопала в ладоши Ленка.

Саша слегка улыбнулся, ничего не говоря.

— А кто тебя приглашал? — спросила строго Светка, не столько чтобы одернуть Ленку, сколько чтоб уяснить ситуацию.

— А разве неясно? — вскипела Ленка. — Брат уезжает, нужно фото на память сделать!

Саша рассмеялся.

— Конечно, нужно. Все идем в фотоателье. Сделаем один общий снимок и один наш с Любашей. Идет?

— Идет! — согласились все разом.

\* \* \*

В ателье фотограф явно вострепнулся, завидя оживленную группу подростков во главе со взрослым мужчиной.

— Это что за хоровод? Пионерки с пионервожатым пришли сниматься?

— Каким пионервожатым? — возмутилась Ленка. — Разве он похож на пионервожатого?

— Это брат, — пояснила Любаша.

— Да, это наш брат, — подтвердила Ирка.

Анжела молча поправляла волосы у зеркала.

Фотограф окинул их изумленным взглядом.

— Как брат?

— А так, — подмигнула всем Светка. — «Сын полка» читали?

— Какого еще полка? Что вы мне тут голову морочите, чес-слово! Становитесь же, сестры милосердия! — фотограф включил свет и расставил девчонок вокруг Саши. — Так. Вроде порядок. Теперь посмотрите в объектив и замрите.

Легко сказать!

Все замерли, еле сдерживая смех, и еще долго потом замирали, глядя на это фото много, много лет спустя, уходя памятью за его рамки, когда смех таки вырвался после окончания съемки и за дверьми фотостудии их ждала еще целая жизнь.

— А теперь нас вдвоем, — попросил Саша, указав на Любку.

— А вот вы точно брат и сестра, — сказал фотограф, настраивая объектив. — Ну-с, поехали в вечность...

После фотоателье все отправились есть мороженое в «Снежинку».

— А брату можно? — поинтересовалась Ирка, когда все расселись за столиком с переполненными пиалами чуть подтаявшего белоснежного, политого вишневым сиропом мороженого.

— Ой, и правда! Как я сразу не подумала! — воскликнула Любка. — Ты ведь только болел!

— Неверно формулируешь, сестра, — ответил Саша, набирая мороженого в ложку. — Я только выздоровел, а не только болел. Чувствуешь разницу?

Все согласно закивали и принялись за мороженое.

\* \* \*

Провожали Сашу всей семьей. В аэропорт приехали заранее и все топтались на месте, не зная, что еще можно добавить к этому избытку чувств. Виктор смотрел и смотрел на сына, на одной руке которого повисла Любка, а на другой — сумка.

— Не уезжай, — жалобно повторяла Любка, и с тоской в голосе срифмовала: — Три недели пролетели, не осталось ни недели...

Подруги деликатно стояли поодаль и только вздыхали.

— Девочки, да идите же к нам, ну чего вы там стоите? — махнула им рукой Ляля.

Девчонки сорвались с места и бросились к Саше, восклицая наперебой:

— Не уезжай! Не уезжай!

— Да приеду я, приеду, — уверял он всех. — Теперь уж дорогу знаю.

— Мы будем ждать, — пообещала Ирка.

— Будем, обязательно будем! — поддержали ее остальные.

И они ждали — даже когда семьи их получили квартиры в новых районах, даже когда они повыходили замуж и родили детей, даже когда разъехались по разным судьбам. Они ждали всегда и ждут по сей день, потому что пока не отпускает память — живо ожидание.

## НОЧНЫЕ ПТИЦЫ

Надежда Константиновна умирала мучительно.

За два месяца до смерти ей приснился покойный муж, который сообщил ей, что придет за ней третьего.

— Не понимаю, что он имел в виду, какого третьего, — недоумевала она.

— Куда ночь, туда и сон, мама. Хватит ерундой заниматься, — оборвала ее Ляля. — Я замуж выхожу.

— Лялечка, радость моя, ну наконец-то! За кого? За директора?

— За него. Перееду вскоре, оставлю вам с Любой квартиру. У нее семья, ребенок, им жизнь строить нужно...

Все стало распадаться с отъездом Саши. Словно он был последним скрепляющим звеном этой семьи, последней ее попыткой. Спустя некоторое время после его отъез-

да Ляля за обеденным столом сделала заявление о том, что намерена выписать мать из Калараша. Виктор вопросительно посмотрел на нее.

— Это еще зачем?

— А что ты думал, я вот так всю жизнь буду мучиться в этой квартире? — перешла в наступление Ляля. — Ты там у себя ничего добиться не можешь. Ни телефона, ни квартиры. Даже на очереди не стоишь!

— Так не ставят на очередь. Ты ведь знаешь, у нас метраж большой.

— А станет маленький! Вот вызову мать, пропишу у нас и стану в очередь на квартиру. У тебя дочь подрастает. Тебя что, не волнует, в каких условиях она будет жить?

— В каких? Отопление, вода горячая, спальня своя. Соседи как родные.

— В том-то и дело, что «как». Тебе чужие как родные. А у меня мать одна!

— Так что, ты ее сюда жить привезешь?

— Привезу! Дом ее продам и привезу!

— Зачем?

— Ты что, издеваешься? Я же тебе русским языком говорю: хочу жить в нормальных условиях.

Виктор покачал головой, молча доел обед и вышел из-за стола.

В душе он надеялся, что дом в Молдавии не так-то легко будет продать и что пока можно не волноваться. Он любил эту квартиру, этих соседей, этот двор с виноградными лозами, оплетающими балконы. Вот здесь стояла кровать новорожденной Любушки, а тут, на двери, зарубки: она в годик, в три годика, в пять лет... И печь с лепниной. Как Любушка любила сидеть на табуреточке и глазеть на мигающие угольки! Теперь у них паровое отопление, которое он сам провел, то есть нашел людей, заплатил, договорился. А печь так и осталась — величественная, загадочная, вынашивающая в себе воспоминания о тепле...

Ляля провернула все молниеносно. Кто бы мог подумать, что в течение нескольких месяцев она продаст дом, оформит проживание матери и встанет на очередь на трехкомнатную квартиру в новом девятиэтажном доме чешского проекта!

В один прекрасный день она пришла сияющая с работы, чего не случалось с ней очень давно, и победоносно покрутила ордер на квартиру перед носом соседей.

— Сбылось, — обреченно проговорила Виктория Ефимовна. — Значит, все-таки уезжаете.

— Не уезжаем, а переезжаем, — бросила Ляля, направляясь летящей походкой к себе.

Виктория Ефимовна только вздохнула. Вот и кончились их золотые деньки. Семнадцать лет как не бывало. За это время и Миля Ефимовна умерла от сердечной недостаточности, и правнучка у них родилась с какой-то психической болезнью, и Любушка совсем выросла.

В Любушке действительно все росло, тянуло ее из прежних юбок и платьев, вылезало из рукавов. Ей это не особенно нравилось, тем более сейчас, когда хотелось наоборот — сжаться, свернуться калачиком, стать маленькой, незаметной и никуда отсюда не уходить.

По вечерам она стучалась к Виктории. Они о чем-то шептались, пока Исай Семенович читал газету. У них были свои девичьи секреты, о которых знали только карты, что раскладывала Виктория Ефимовна втайне от Ляли и Виктора.

— Я буду к тебе приходить, — обещала ей Любушка. — Мы еще пойдем с тобой в оперетту смотреть «Белую акацию», а потом будем есть мороженое. Вот увидишь!

Виктория печально улыбалась, вспоминая своего любимчика Михаила Водяного, звезду одесской оперетты, получившего звание народного, к недовольству его недоброжелателей. Вся Одесса бурлила от негодования и выражала свою поддержку бурны-

ми овациями, когда на пике травли ее обожаемый Мишка Япончик выходил на сцену и произносил свою коронную фразу: «Мое почтение, господа!» Завистникам было невдомек, что, замахнувшись на всеобщего кумира, они замахнулись на лицо города. А это всегда было чревато серьезным отпором.

Новая квартира была со всеми удобствами, а души в ней не было. Это ощущалось сразу, с порога. Может, дело было в планировке, а может, в соседях по лестничной клетке, только ничего ни у кого там не складывалось. В квартире напротив, например, где жили два профессора математики, ровесник Любы стал наркоманом, и его вскоре нашли убитым. В двух квартирах рядом никто никак не рождался. У Виктора была, казалось бы, самая полноценная семья, но, к удивлению соседей, и она распалась в один прекрасный день.

Дом был безнадежен. Из него стали переезжать в другие места, сменяясь и размениваясь, и Ляля, решившая подать на развод, тоже занялась разменом.

Ляля была уверена, что формальное расторжение брака ничего не изменит в ее жизни. Даже наоборот, улучшит. С видом победительницы поднесла она Виктору заявление на подпись, ожидая, что он начнет просить, чтобы она отсрочила развод, но он подмахнул все не глядя и укатил в Баку.

Ляля так и осталась стоять с бумагами в руках, пока лифт уносил Виктора с чемоданчиком вещей из ее жизни.

\* \* \*

Надежда Константиновна моментально включилась в организацию второго замужества дочери. Подшивала вечернее платье, давала советы, составляла рецепты блюд для свадебного стола, который решено было делать у жениха.

И свадьба состоялась.

— Ну вот и хорошо, вот и славно. Я рада за тебя, Лялечка, очень рада! — говорила, обнимая дочь, Надежда Константиновна. — А за Любку не беспокойся — мы поладим. Квартира большая, места всем хватит. Да и Мишеньку, правнучка своего, я люблю до безумия... Рученьки его махонькие возьму иной раз, глажу, целую, нарадоваться не могу...

Вскоре у Надежды Константиновны открылось желудочное кровотечение. Ее госпитализировали с диагнозом последней стадии цирроза печени.

После возвращения из больницы она притихла, ходила в задумчивости по квартире.

— Мама, да все будет хорошо, не переживай! Я тебе лучшие лекарства достала, лучших врачей нашла, — с раздражением говорила Ляля, на время переселившаяся к матери.

— Да я и не переживаю, — кратко отвечала Надежда Константиновна. И снова уходила в себя.

В конце февраля ее вновь забрала «скорая» с кровотечением, и на сей раз все оказалось очень серьезно.

Ляля просиживала в палате матери сутками, отпросившись с работы. Ни медсестрам, ни нянечкам она не могла доверить уход за больной.

— Какая ты у меня прекрасная дочь, — слабо улыбалась Надежда Константиновна. — Что бы я без тебя делала? Ты только не переживай и не переутомляйся. Побереги себя, слышишь?

— Слышу, мама, слышу. Я уже отдыхала.

Когда Надежда Константиновна забывалась, Ляля бежала домой переодеться и чуточку поспать. Ее встречали запах материнских вещей в гардеробе, войлочные тапки, серый пуховый платок, которым Надежда Константиновна укутывала плечи.

— Мама, мамочка, — шептала она вещам. — Ты держись, не уходи от нас.

Вспоминалось все вместе, кубарем — то детство, то юность, то Виктор, то признаки материнское.

— Ты ни в чем не виновата, ни в чем, — шептала Ляля, пытаясь вздремнуть. — Это я, все я...

Позвонила Виктору, рассказала о матери. Он угрюмо выслушал и спросил, чем может помочь.

— Ничего мне не надо. Позвоню, если что.

— Позвони.

На сей раз сон сморил ее неожиданно, и очнулась она только утром.

— Как же так! Как же так! Всю ночь проспала! — сокрушалась она, быстро собираясь в больницу.

\* \* \*

— Лялечка, — проговорила мать, завидев ее. — Как я рада, что ты наконец отоспалась.

— Прости, мама, прости, сама не знаю, как это получилось!

— Правильно все получилось, Ляленька. Только не хватало, чтобы ты от переутомления свалилась! На тебе и так все: и дом, и работа, и Любка с семьей. Хорошо, что замужем теперь за надежным человеком. Хоть не будешь Любку обслуживать.

— Мама, мамочка, ну что ты, мне же в радость. И внук такой замечательный, в честь папы Мишуткой назвали...

— А ты все равно береги себя... береги... — Она на секунду умолкла, раздумывая.

— Что, мама?

— Сегодня всю ночь птица кричала...

— Какая птица?

— За окном. Сова, должно быть.

— Ну откуда здесь совы? Мама, ты лучше расскажи мне что-нибудь из своей жизни.

— Да ты все знаешь. Сколько раз рассказывала...

— А ты еще расскажи.

— Какое сегодня число?

— Число? Третье, кажется...

— Третье что?

— Марта.

— Марта. Третье число третьего месяца...

— Мама, ну что ты вспомнила вдруг! Тебя скоро выпишут, домой поедem, Мишеньку увидишь.

— Выпишут, выпишут. Всех нас выпишут... Послушай, что я тебе скажу... Пододвинься ближе.

Ляля пересела на край кровати. Надежда Константиновна взяла ее руку.

— Рука у тебя такая деликатная, тонкая... Тебе бы дворяночкой быть, а ты всю тяжелую работу сама выполняла всегда. Вон как жилочки вспухли...

— Мама, ну какая дворяночка? Ну что ты такое говоришь, родная моя!

— Родная-то родная... а вот похожа ты на мою подругу покойную... как две капли...

— О чем ты, мамочка?

— Ты слушай. Подруга у меня была, Лялей звали... вылитая ты...

— Это та, что из окна выбросилась с ребенком?

— Да не выбросилась она... Ее выбросили...

— Кто?

— Об этом мы никогда не узнаем. Муж ее высокий пост занимал, летчиком был военным. Антюшев фамилия его... пропал без следа... Люди в его чине не пропадают просто так...

Она стала чаще дышать.

— Мама, мамочка, это все давно было, тебе нельзя волноваться. Я сестру сейчас...

— Не нужно сестру... я же тебе сказала... Не перебивай. Слушай. Их убили. Власти и убили. А потом ты у меня родилась. Точь-в-точь она.

— Ну и что? Мало ли похожих людей?

— Нет, есть в этом что-то... Что-то свыше, напоминание...

— О чем напоминание, мама, ну, о чем?

— Напоминание о том, что нужно помнить... Мне напоминание через тебя дано было. Все годы жили благополучно, на многое глаза хотелось закрыть, позабыть, а на тебя взгляну — и память возвращается... Ты береги себя, береги! Память возвращается не зря.

— Я... я не понимаю...

— Дай бог тебе не понять никогда. — Она не договорила, побледнела и закатила глаза.

— Сестричка, сестричка, скорее сюда, маме плохо! — закричала Ляля, выскочив в коридор.

По коридору уже неслась медсестра со шприцом наготове.

— Сейчас сделаем ей укол. — По ее замкнувшемуся враз лицу было видно, что готовится что-то роковое.

— Всю историю переписали, — начала метаться в агонии Надежда Константиновна. — Жизнь нашу переписали... Не верь, не верь! Ляля, Лялечка!

— Да сделайте же что-нибудь! — взвизгнула Ляля. — Мамочка! Посмотри на меня, посмотри!

Она стала изо всех сил трясти умирающую.

Надежда Константиновна обвела глазами палату и выдохнула всю свою жизнь.

\* \* \*

На кладбище ехали на фабричном автобусе.

Виктор с Димой, мужем Любаши, достал шины, чтобы землю разморозить. На поиски ушло два дня. На третий и похоронили Надежду Константиновну.

И жизнь двинулась дальше.

---

---

## Ольга АНДРЕЕВА

\* \* \*

Страницы истории нашей летящей  
листаю с конца, как израильский паспорт,  
бумага все толще, и ход черепаший  
у самых начал — в Индонезии прашур  
рисует фигуры на стенах пещеры —  
рисует, рисует сквозь тысячелетья  
быков и оленей, людей с мордой зверя,  
так истово в действенность образа веря,  
мой неандертальский приятель-коллега.

Два выцветших флага, предавших друг друга —  
простая завязка батальных сюжетов,  
мы все еще бродим по этому кругу,  
вот разве — в веках ускоряем движенье.  
А на ночь — послушать царя Соломона,  
и снова три тысячи первая книжка  
напомнит — о большем... Покормишь сынишку  
самшитовой ложкой, спасаясь от мора,

осиновых кольев — тетрадных, школьных,  
добудешь из черного космоса мозга —  
и снова свободна — как будто возможна  
свобода в смиренной искрящейся боли...

### ДЗИГА ВЕРТОВ<sup>1</sup>

Буквами писал водопады,  
птичье пенье, визг лесопилки...  
Как спасти сечений овалы,  
мига боль, значенье и месседж?

---

Ольга Андреева — поэт. Родилась в г. Николаеве. Член Союза российских писателей, Южно-русского Союза писателей и Союза писателей XXI века. Автор восьми поэтических сборников. Публиковалась в альманахе «ПаровозЪ», в журналах «Нева», «Плавучий мост», «Эмигрантская лира», «Дети Ра», «Новая Юность», «Крешатик», «Зинзивер», «Аргамак», «Южное сияние», «Ковчег», «День и ночь» и др. Живет и работает в Ростове-на-Дону.

<sup>1</sup> Дзига Вёртов (1896—1954) — советский кинорежиссер и сценарист, один из основателей и теоретиков документального кино. Снял первый звуковой фильм в СССР, применил слоу-мо — эффект замедленного действия — и придумал приемы, которые до сих пор используют в кинематографе, включая методику «скрытая камера». Его фильмы часто называют величайшими из всех документальных фильмов в истории.



Камера! Едва от лампы —  
будущего лик олимпийский!  
Так любой ценою — дорваться,  
знаю как, провижу, умею!

Поцелуй, слова, стук колесный,  
рвутся судьбы, страны кроются,  
выхвати сюжеты и планы,  
выкради у вечности правду.  
Скачет пленка криво и косо —  
время скачет в сотнях локаций,  
а какой из ракурсов главный —  
пусть решит изнеженный правнук.

Вот кресты на звезды сменились,  
колокольный звон — на помехи,  
глаз не отводи там, где жутко —  
и земля останется зрячей.  
Это не опишут чернила,  
здесь нужны симфонии вехи.  
Сгинувших во тьму промежутков  
возвращать — его сверхзадача.

Показал России — столицу,  
наяву — события, лица,  
Троцкий, Ленин, бунты, расстрелы —  
каждая деревня прозрела,  
стали видеть, мыслить синхронно  
километры отснятых хроник  
в жажде жизни неутоленной —  
эх, нельзя расходовать пленку...

Камера умеет так много —  
да крути же ручку быстрее! —  
страх-прыжок-полет-смех свободный —  
все нюансы краткого мига,  
все ресурсы мира иного,  
музыка, язык эпopeи,  
с пленкой он творил что угодно.  
Он решил назвать себя Дзыгой.

В целом жизнь — она бессюжетна,  
до нее — куда Голливуду —  
детектив, адюльтер, погоня...  
У иллюзий — плоские краски.  
В жизни — сто оттенков и жестов,  
да боятся правды вживую —  
размывает святость идеи  
и срывает липкие маски.

Он творил в такую эпоху,  
где метафор не понимали,  
убирая шоры и фильтры:  
нецензурна глаз поволока —  
фильм надолго ляжет на полку,  
истины слои, интегралы  
считываться будут с эфира  
вечно скрытой камерой Бога.

\* \* \*

Больше полусотни октябрей...  
О. скажи мне, чем я заслужила  
этот сладко плачущий орех  
цвета янтаря в горчичных жилах,  
этот виноградный хорей,  
предвкушение взмаха под лопаткой.  
All my troubles seemed so far away.  
Люди, львы, орлы и куропатки  
в зарослях его наивняка  
разбредутся по звериным тропам,  
нас не оторвать от корешка,  
мы в себя вернемся автостопом.

Что случилось с небом? Льет и льет,  
починил бы кто-нибудь прореху,  
отрываясь от корней, жильё  
человечье уплывет орехом  
грецким — вдоль по вектору лозы,  
ведь орех имеет форму мозга,  
и опять припомнишь Лао-цзы  
о победе нежного над жестким.

\* \* \*

Мне сон в вагоне — табу,  
я мозг летящей стрелы.  
В ночное вышел табун,  
все ближе шапки Аллы,  
все реже блики церквей,  
быстрее реки текут,  
ведь море — рядом. Хайвей  
всю ночь хребты стерегут,

не любит быстрой езды —  
нездешний, сто — за часок,  
как любят влагу сады,  
как пальма любит песок.

Сменил частоты эфир,  
уже поет муэдзин.  
Вдали мелькает пунктир  
надрывной горной грозы.

\* \* \*

Белая птица сквозь хлопья взмывает,  
что она видела — мне не приснится,  
к солнцу ныряет от дома на сваях,  
будто Мюнхгаузен с прусской косицей,  
мощно сливаясь с воздушным потоком,  
плавно несущимся к самым истокам —  
где нерестятся огромные рыбы.

Птицы морские гнездятся на глыбах,  
птенчики ждут — и встречают пираты  
судно, груженное кожей и маслом, —  
на абордаж бы — да солнце погасло,  
ох, не вернуться им в Чарльстон обратно,

смерч завернулся в небесную клизму,  
остров пятнадцать мятежников губит,  
хобот от классиков сюрреализма  
быстро смещается в сторону Кубы,  
Сдвинулись сели, изодраны тралы,  
тонут сокровища Эдварда Тича,  
бустрофедонами — и по спирали,  
к жизни — изгиб траектории птичьей.

\* \* \*

А вокруг проплывают дома-корабли,  
не входи — бросят якорь и в землю вратут,  
постарайся идти, не касаясь земли,  
белой яхтой лети, обогнав на версту  
или милю морскую  
свою тишину,  
свой простуженный день,  
свой размеренный пульс.  
Непосильную ношу швыряя в волну,  
невесомое время ложится на курс.

---

---

Алёна КУБАРЕВА

## РАССКАЗЫ

### ГДЕ МОЙ ПОЛОВНИК

- Надо взять половник и саму себя черпать...
- Что? — Я оторвалась от своих тетрадей и книжек и удивленно посмотрела на тетю.
- Надо черпать саму себя! — повторила она и вдруг взглянула на меня испуганно. — Ты не выдашь меня?
- В смысле, тетя Лид?
- Там кто-то стучит. В дверь. Ты не выдашь? — Тетя Лида замерла, подняв узловатый палец. В ее глазах — ужас.
- Пойду посмотрю, — Я пожала плечами и встала со своего места. Тетя Лида схватила меня за руки и всхлипнула.
- У меня ведь ничего нет! Совсем ничего! Меня уже завтра отсюда увезут! А если дождь закончится... — Она вдруг закрыла лицо руками и мелко затряслась, повизгивая и подвывая.
- Я устало опустилась рядом с ней на диван и погладила по голове.
- Вас не увезут. Вы тут живете уже сорок лет, это — ваш дом!
- Сорок лет? А какой этаж?
- Девятый...
- Тетя Лида перестала плакать и захлопала в ладоши.
- Ура-а-а! Девятый! Как хорошо! — И она счастливо засмеялась.
- Господи, что я тут делаю? Я, которой так много надо!..
- И ведь это не вчера началось. Сколько лет я только тем и занимаюсь, что за всеми разгребаю! Почему? Это что — и есть моя судьба, мое предназначение?!!
- Тетя Лида снова плакала.
- Я ведь учусь, а мать не знает. А если узнает, будет меня бить.
- И — тут же, без перехода:
- Что это у меня на ногах?
- Где?
- Вот!
- Тапочки.
- Тапочки. Сижу я. Не обращайтесь внимания. — Тетя Лида схватилась за сердце. — Я считаю, я правильно делаю, что не живу...
- Что?
- Не живу, — старушка грустно улыбнулась. — Сердце у меня никуда не смотрит.

---

Алена Борисовна Кубарева родилась в 1981 году в Москве. Окончила МГПУ, факультет психологии. Работала психологом в школе, корреспондентом новостей (телеканалы «Столица», «Москва-24»), редактором программы «Афиша» (телеканал «Столица»), выпускающим редактором программы «Наше время» (телеканал «Совершенно секретно»). В 2016–2018 годах обучалась на ВЛК Литературного института им. Горького (семинар М. М. Попова). В 2019-м окончила Курсы литмастерства там же (семинар прозы, руководитель — А. Ю. Сегень). Живет в Москве.

А я — живу? И куда мое сердце смотрит?

«Сегодня идут без конца те же тучи, гряды за грядой...»<sup>1</sup> Когда-то тетя Лида работала инженером, ездила в санатории, ходила в турпоходы. На байдарках сплавлялась! С мужем разошлась, детей не случилось. Она даже радовалась: «Как хорошо одной!» А теперь ей — восемьдесят пять, и она никому не нужна, кроме своей деменции, которая с каждым днем пожирает ее все больше... Вот она сидит под дверью и разговаривает с воображаемым собеседником. О чем-то спрашивает, уговаривает — готова отдать ему ключи и вообще все.

— Забирайте! Все — для вас...

Все — для вас!.. Ничего или почти ничего — для себя.

Была у меня сестра. Мать считала ее гениальной. За это сестре можно было не убирать в квартире, не мыть посуду, не стирать, не гладить — вообще не пахать. Все это делала я. А сколько раз сестра пыталась покончить с собой — три, четыре? Наедалась таблеток. Резала руки. Потом я собирала тряпкой содержимое ее желудка, вытирала кровь... И все думала: почему — я? Почему я не могу вот так же — вскрыть вены, наглотаться какой-нибудь дряни, не думая о тех, кто будет бегать по больницам и участковым, кормить меня с ложечки, вытирать пол? Вообще, если что-то с собой делать, то — сразу из окна. Я всегда боялась высоты — потому что неудержимо тянет. Вниз. И кого мне жалеть? Дворников, которые будут отскребать меня от асфальта?.. Да, их мне тоже жаль...

Однажды сестра залезла на рояль и написала тушью на потолке: «Жалко, бога нет!»<sup>2</sup> У нее его не было. У меня — есть...

А когда сестра умерла, у меня на руках остался ее маленький сын.

«Мама!» — доверчиво говорил он, улыбаясь и протягивая мне свои нежные пухленькие ручки.

«Я — не мама. Мамы больше нет», — терпеливо объясняла я.

На глаза его наворачивались слезы...

— А ко мне писатель пришел! С мальчиком! У него такие интересные лапки. Новые! — тетя Лида рассказывает мне очередную историю, бог знает откуда взявшуюся в ее голове. — Вот — видишь, сидит у меня, дурачок!

Когда мне было девять, меня оставили на несколько часов одну с бабушкой. Бабуля, полупарализованная после инсульта, лежала на кровати и только «мекала»:

— Ме-ме-ме-е-е!

— Что ты хочешь? — дрожа, спрашивала я.

— Ме-ме-е...

— Кушать?

— Ме-е-е...

— Пить?

— Ме-е-е...

Как же страшно было подходить к ней!.. Ведь это — уже не та бабушка, которую я знала: строгая, скрытная, чистоплотная. Это — жалкий, гниющий полутруп. И смотреть-то жутко! А уж как ныло сердце!.. Я старалась подольше оставаться в саду. Вот и подружку пригласила, и затеяла с ней игру в догонялки — только бы не идти к бабуле! Бегу и соображаю: так — нельзя. А сердце-то, сердце — болит! Ну, не могу! Так хотелось забыть про обязанности! Так хотелось — быть собой, ребенком! Вот уже час,

<sup>1</sup> Строка из стихотворения И. А. Бунина «Одиночество».

<sup>2</sup> Финальная фраза поэмы «Цыгановы» Д. Самойлова.

два, как я не навещала ее. А идти — надо! Наконец пересилила. Бабушка сползла с кровати и сидела, привалившись к ней, вся в ... Она смотрела вперед невидящими глазами и что-то нашаривала на полу.

— Бабушка!..

Я разрыдалась. Мне никогда это не убрать! Она увидела меня, ухватила, притянула к себе и пронзительно закричала в самое ухо:

— Ме-е-е!..

— Бабушка! А-а-а! — Я запаниковала, задержалась во все стороны, мгновенно ощутив страх смерти. Вырваться, скорее вырваться из ее омерзительных, грязных липких рук! Но бабуля, похоже, вложила в эту хватку всю свою последнюю силу. Поняв, что оторвать бабушкины пальцы от себя не удастся, я постаралась ее поднять... Сорок килограммов против ста двадцати. Я чуть не сломала спину. Противно, больно, плохо... И я ничем, ничем не могла ей помочь! Я плакала — и бабушка тоже. Ме-е-е!..

— Я — Лидия Ивановна!

— Я знаю.

— Я должна знать, где мой дом.

— Он — здесь!

— Сразу?

— Что — сразу?

— А вдруг он меня выгонит?

— Кто?

— Ну, он... Дом.

— Да никто вас отсюда не выгонит, успокойтесь! Живите себе! — улыбаюсь я.

Всплескивает руками, улыбается в ответ.

Бедная тетя! Несчастное дитя! Хотя, может — счастливое? Ведь каждый день для нее — новый и молодой. И мать еще жива, и отец, и старшие братья. И учится она, и работает, и на прогулки ходит. И в парикмахерскую, и в зоопарк. И одежду сама себе шьет. А то и из-за границы привозит... Все это она рассказывает мне. Каждый раз — по-другому. И при этом она — радуется. Но вдруг приходит печаль.

— Я вот все время думаю...

— О чем, тетя Лида?

— Надо что-то делать!

— И что — надумали?

— Да! Надо черпать! Черпать надо себя!

## МЕСТЬ

Бац! Словила удар ногой.

В солнечное сплетение.

Упала на колени.

Воздух!

Не было его.

Инстинктивно поползла в сторону корпуса. Колени не чувствовали наждачки асфальта. Челюсть — до земли. Глаза — навывкат.

Воздух не шел.

— Это тебе за то, что отряд подвела! — наставительно проговорил Емеля, идя рядом. Показалось, командирски чеканил шаг.

Бил не он — для этого слишком рассудительный. Бил этот — Серый. Привык. Еще двое стерегли, один — истринский, Васька, второй — москвич, Гапон.

Сколько ползла — не знала. В голове — ничего, кроме желания достать где-то кислород.

Корпус.

— Не вздумай жаловаться! — подарил Емеля на прощание. Как прищлепнул.

Конвоиры попинали для порядка, развернулись и ушли.

Еле забралась на второй этаж. Заползла в палату. Тут только смогла вздохнуть.

— А-а-а!..

Дико, захлеб разрыдалась.

Галка не хотела в лагерь. Умоляла не отправлять. Плакала. Но вдруг у автобуса заметила красивого рослого мальчика. Сразу запомнила имя — Антон. И фамилию — Емельянов. «Емеля... Какие у него глаза!» Утешилась. Смирилась.

Мать, провожая, напутствовала:

— А вот от этого, — показала пальцем, — держись подальше. Явно хулиган.

Вид у Дениса Агеева — тоже сразу запомнила — и впрямь разбойничий. Темные взлохмаченные волосы. Лицо — в веснушках. Один глаз почти закрыт. Хриплый голос. Не хватает пистолета на боку. И кривой сабли.

Разговаривал со всеми фамильярно. На любое обращение театрально отвечал: «Покайся, сын мой!» или «дочь моя!», в зависимости от пола. Но не от возраста.

Галка твердо решила обходить его стороной. Но этого не потребовалось. Денис вечно где-то пропадал — ни на одной линейке его не видели. Наверное, рыскал по территории на предмет безобразий.

Через несколько дней после начала смены четвертый — Галкин — отряд повезли в бассейн. В бассейн! Дома о таком и мечтать нельзя.

Долго и с завистью смотрела на ловко нырявших сверстников. Вон тот — кролем! А этот — вообще на спине!

Вздохнула, побрела в лягушатник. Но вскоре надоело плескаться с малышами — решила заглянуть в большой. Там у одного края — по подбородок. Главное, не заходить глубже.

Но как же не заходить? Бассейн!

И Галка поплыла. Вернее, забултыхала, застучала по воде ногами и руками. Выдохлась. Где-то должно быть дно...

«Тону!» Судорожно начала хлебать воду. Выпучила глаза. Но все равно погружалась.

Чьи-то руки подхватили и потащили к борту. Подкинули вверх.

Больно! Ударилась животом и подбородком о кафель. Но — жива.

Прокашлялась. Подняла глаза.

— Встань, дочь моя. Я тебя прощаю! — Денис еще не успел отдышаться, но уже ухмылялся. — Ты что же — не умеешь?

Замотала головой.

— Э-хо-хо-о... Пойдем. Научу.

Показал, как плавать брассом. Внимательно следил, пока Галка повторяла. Одобрительно кивал.

— Молодец! Получается!

Скоро уже почти без страха держалась на воде.

Но индивидуальные занятия быстро прекратились. В середине смены Денис куда-то исчез. Насовсем. Наверное, родители увезли.

«Все!» — с тоской подумала Галка.

\* \* \*

Как-то после обеда девчонки отдыхали на площадке с турникетами. Подошла Галка. Подсела на скамеечку.

— Ой, глядите! — Брезгливо сморщили носы. — Единоличница! Чего надо?

«Единоличница». А почему? Вроде никого не сторонилась. Наоборот, старалась подружиться. Не получалось.

...Как-то две девочки — Маша и Катя — дежурили по палате. Самая чистая комната получала приз. Очень ценный. Съедобный.

Маша и Катя любили порядок. И сейчас все просто сияло. Ни пылинки!

— Мы победим! Наверное, сгущенку дадут! Или варенья! — заранее облизывалась Катя.

По правилам в тумбочках — только щетки и зубные пасты. Но Галка не знала, а спросить не смекнула. И оставила майку. Старшая вожатая, проверяя, нашла.

— Это все ты виновата! Нам теперь — ничего! — рыдали девочки.

Галка расстроилась. Она никого не хотела огорчать! «Я не нарочно!!!»

Мальчишки выскочили откуда-то из-за кустов с трубками из репейника и начали обстрел. Пули — из жеваной бумаги. Противно: все равно, что в тебя плюют.

Стреляли без остановки. Девчонки — в визг и врассыпную.

Галка убежать не успела. Мишка Гапонов изловчился и попал ей в глаз.

Все внезапно замерли: мальчишки перестали стрелять, девчонки — вопить: что-то будет...

Растерянно огляделась по сторонам. Увидела Емелю. Он стоял поодаль, красиво опершись о турник. Чудесные карие глаза смотрели насмешливо.

Галка приосанилась. «Надо ответить достойно».

Подошла к Мишке. Вырвала трубку. Сломала. Бросила на траву.

Тут же их окружили. Образовался ринг. Девчонки в предвкушении интересного зрелища одобрительно зашептались.

Мальчишки вновь потихоньку начали стрелять. Теперь — только в Галку.

Не отступишь. Да и — позор...

«Вот сейчас Емеля...»

Мишка подскочил, неумело размахнулся. Мелкий грязный кулачок прилетел прямо в скулу.

Не испугалась. Удивилась.

Драться ее не учили. Мать говорила: «Бить нельзя: ты же сделаешь другому больно!»

Но, несмотря на слова матери, толкнула. И сама поняла, что слишком слабо. Только раздразила.

— Давай, Мишка, бей ее! — закричали девчонки. Мальчишки присоединились.

— Видишь, она еще и смеется! — орал Серый, хотя Галка не смеялась. — Врежь как следует!

Мишка осмелел. Стал дубасить куда ни попадя — в лицо, грудь, живот.

«Не могу ответить!» — с ужасом думала Галка, пытаясь хоть как-то защититься.

Двое — Серый и Васька — схватили за руки, заломили за спину: отвечай, как парень!

— Бей!

К счастью, на дорожке, ведшей к площадке, показалась старшая вожатая.

— Кого это — бей? А?

Тут же все растворились. Осталась только красная и всхлипывавшая не столько от боли, сколько от обиды Галка.



Старшая схватила длинными когтями за шкуру.  
— Кого это вы тут били? Отвечай!  
Галка мелко дрожала, растирая синяки.  
— Скажи честно — обзывалась? Сначала дразнятся, потом ревут! — старшая выпустила Галку и, досадливо морщась, ушла.

\* \* \*

За неделю до концерта — итогового за смену, по совместительству конкурса талантов — начали готовить танец. «Райские птицы и Ворона». Райские должны были синхронно кружиться, а Ворона — их ловить. Хищницей хором назначили Галку.

— Не хочу!  
— Да как ты не хочешь? У тебя все подходит. И цвет волос, и имя: Галка — Ворона, — Катя хихикнула в ладонь.  
— И носик! — осклабилась Маша. Не забыла случая с майкой.

Носик у Галки и правда был красив. Накануне проходили соревнования — прыжки со скакалкой, подтягивания, отжимания...

Галка принимала участие в эстафете. Уже пробежавшие стояли вдоль дорожки длинной шеренгой.

Галка — хуже всех. Когда подлетала к финишу, было понятно: победы не видать. Гапон высунулся из шеренги и подставил подножку. Под дружный хохот уткнулась в асфальт...

Еще и Ворона?! Нет!  
— Хорошо, будешь райской птицей, — недовольно проговорила старшая вожатая. Начались репетиции. Как назло, Галка простудилась, снова захлебнувшись в бассейне: без Дениса — беда. Заболела и несколько дней провалялась в изоляторе. Так и не запомнила движения. А танцевать пришлось.

Старшая зло шипела из-за кулис:  
— Долгова, не туда! Влево! А теперь наоборот — вправо! Ах, ты!.. — и трясла кулаком. Галка ненавидела, когда ее звали по фамилии. И боялась угроз. От возмущения и страха еще больше пугалась.

Отряд занял последнее место.  
Девочки были безутешны.  
Понимая, что несдобровать, Галка быстро сняла костюм и выбежала из клуба. Думала, успеет.

\* \* \*

На крик прибежала вожатая Таня.  
— Что случилось? — Явно испугалась.  
— И... из... били! — с трудом выговорила Галка.  
— Кого?  
Присмотрелась. Понизила голос.  
— Кто?  
— Трое... Нет, четверо! Мальчишки!  
— Не может быть! — Таня развела руками.  
Галка зарылась в подушку.  
— Ты, наверное, сама виновата...  
— Виновата! — Галка рывком села на кровати.

Задрала футболку.  
Таня глянула, судорожно сглотнула и отвернулась.

Хотела до самого отъезда отсидеться в палате. Не выдержала.  
У столовой столкнулась с Емелей. Окинула презрительным взглядом.  
— Мало получила?  
— Мало! — запальчиво крикнула в лицо. Задрала нос, развернулась. Очень хотелось побежать.  
Нет!  
Быстро пошла.

\* \* \*

Вернувшись домой, первым делом попросила:

— Мама, купи мне боксерскую грушу!  
— Зачем?  
— Буду тренироваться!  
— Но драться ж нехорошо!  
— Ох, мама. Не представляешь, как хорошо!  
Мать пожала плечами.  
— Ну, хоть отдай меня в карате!  
— Но это же дорого! Мы не потянем.

Грушу купила сама — на подаренные бабушкой деньги. Записалась в секцию при соседней школе. Правда, не карате, а футбол. «Так даже лучше. И — бесплатно!»

Тренер сначала отказал:

— Пришла 6 года два назад!

Настояла.

Было тяжело. В начале тренировки — получасовой бег. Уставала, задыхалась. Заставляла себя.

Потом — игра. В группе — одни мальчишки. Делились на две команды. Капитаны выбирали игроков. Ее не хотели: «Слабое звено!»

Но Галка, стиснув зубы, старалась. Главное — доказать! Всем!

И потихоньку пошло на лад. Разобралась в правилах. Научилась убирать руки. В один прекрасный день заметила одобрителный взгляд самого Волкова — главного в секции. А потом и другие ребята стали смотреть с уважением.

Когда первый раз забила гол и ее команда выиграла, капитан — суровый, никого не хвалил — пожал руку.

— Поздравляю!

Возликовала: «Денис бы мной гордился!»

Дома — еще лучше. Молотила по груше руками и ногами, представляя лицо Гапона. Серого. Васьки. «Вот тебе! На, сволочь! Получай! Нос сломаю! Убью!»

Лицо Емели представить не могла. Не помнила.

\* \* \*

Летом мать снова отправила в тот же лагерь.  
Готовилась, но не ожидала.

Опасалась: ну, как снова все четверо?.. Все-таки футбол — не карате.  
На всякий случай осторожно попросила оставить дома.  
— Почему ты не хочешь? Там же так замечательно! Кормят вкусно!  
Признаваться было стыдно.  
Упросила записать не в третий, а во второй отряд.

И тут девчонки невзлюбили. Но — тринадцать-четырнадцать лет. У всех — любовь.  
Не до Галки.

А Галка за год вытянулась, похудела. Стала самой себе нравится.  
Ребята-одногодки заглядывались. Хмурилась: «Ну вас!»  
На первой линейке внимательно рассматривала третий отряд. Ура! Только Гапон.

Встречи не искала. Случилась сама. На той самой полянке...

— Миша! Какими судьбами!

Гапон глянул исподлобья.

— Узнал?

Раскрыл глаза. Побледнел, хотя жарко: стояли на солнце.

«Ка-ак звездану!»

Галка рассмеялась от счастья.

Мишка затрясся, посинел. Глаза все шире, шире...

С интересом разглядывала врага.

Мишка сделал движение: бежать!

— Стой! — Нависла над ним. Улыбка сошла. Ненавидящий взгляд — в упор.

«Сейчас!»

Сколько страха! Из иссиня-белого Мишка стал серым — напоминал облезлого крыска. Глаза вдруг провалились. Жутко и жалко смотрел — одними впадинами.

— Скотина. Урод. Трус.

«Раздавлю гадину! Раскрою череп! Пусть визжит, как свинья!»

Сжала кулак. Занесла руку.

Опустила.

### **ЗА ЛЮБОВЬ НЕЛЬЗЯ НЕ...**

Когда я начала пить? Кажется, после того, как от меня ушла моя любовь. О, нет, гораздо раньше — когда иллюзия еще владела мною. Я нарочно уехала подальше, чтобы победить искушение видаться, писать и звонить.

Да, именно тогда я стала примерно раз в два дня прикладываться к бутылке. Сначала для того, чтобы заглушить муку. Я и в полутора тысячах километров не переставала думать, ежедневно вести внутренние диалоги — о всякой ерунде, подсказанной воображением. Один из последних закончился так: «Быть вашей любовницей не могу, другом — тем более...»

Но это все, конечно — романтические бредни. Он — кобелек, которому нужна сучка. Когда он стоял рядом со мной, роняя слюну, я грустила.

— Ты меня не уважаешь.

Лихорадочно соображал, где и при каких обстоятельствах — словом ли, делом — сучка намекнула, что ей нужно уважение... Да вроде нет — отдалась без всяких условий.

— Давай встретимся и поговорим насчет моего к тебе уважения.

— Поздно.

— Ну, если ты этого хочешь...

Если раньше меня постоянно терзало присутствие любви, то отныне я страдала, что ее больше нет.

Я часто забиралась на Казантип и с высоты осматривала бухту, море, которое лениво плескалось, не утруждая себя волнами. Горячее солнце слепило глаза и жгло кожу. С собой брала подаренную щедрыми кубаноидами фляжку с самогоном. Располагалась на какой-нибудь кочке, доставала из рюкзака пластиковый стакан, маленький желтый арбуз и нож. Аккуратно нарезала ломтики, очищала от косточек. Наливала и пила в одиночестве, пока не падала тут же, на выжженную, поросшую неизвестным сухостоем землю. Проспав до заката, собирала остатки пира и спускалась, ложилась спать уже в номере, чтобы через день снова подняться на старую гору и продолжить. Падение.

Потом я стала приходиться на мыс каждый день. А потом...

Я испугалась, что не смогу вернуть жизнь — про любовь уже понимала, что невозможно. А жить мне хотелось. По крайней мере, не улыбалось подыхать вот так — на горе, в окружении быля и мелких змеюк, сновавших под ногами.

Однажды это уже было — десять лет назад. Осенью 2003-го, гнилой изнутри. Я стою на детской площадке рядом с одной из своих работ. В руке — баночный коктейль. Говорят, самые опасные: быстро привыкаешь.

Без любви. Без диплома. Без нормальной службы — тружусь в детсаду, в школе для девиантов — по три дня. А по воскресеньям — кассиром в кафе. В ночную. Мне только двадцать два. А уже, кажется, ни на что не гожусь. И как же я себя ненавижу! И пью. Каждый день.

Люблю уютные октябрьские вечера. Темнота, морось, желтые фонари. Тихий двор. Никто не пройдет, не посмотрит с укором, не скажет ничего. Можно спокойно стоять и дышать. Полчаса. Потом побегу к метро, и — домой: к головной боли, одуряющей пустоте и зеркалу с плачущими глазами.

А пока отдыхаю. Тихонечко пританцовываю. Делаю неловкое па и валюсь прямо в грязь.

Как же все невыносимо глупо. И стыдно. Нет ничего отвратительнее пьяной женщины, лежащей в грязи. Отвратительнее может быть только, если эта женщина — ты.

Мне, вообще, везет — еще ни разу не попала толпа ублюдков, готовых растерзать. А сестре — не улыбалось. Она почему-то всюду встречала таких. Отец бегал по окрестным дворам и вытаскивал ее — из-под одного, другого, третьего. А потом лежал в больнице с нервным срывом или пил...

Помню один случай. Откуда я его выловила — из сна, из яви? Какая-то женщина ведет своего сына в детский сад. Вернее, не ведет. Он идет сам и все время смотрит на маму. И такими глазами... Не передать, что в них: боль, ужас, стыд, страх лишиться матери, страх, что она оступится и упадет — все сразу. А она идет — косо, зигзагами; ее всю раскачивает, как от сильного ветра. Она постоянно спотыкается. Ее сын в такие моменты отчаянно вскрикивает: «Мама!» Но вот впереди — препятствие, которое женщине не преодолеть, — гигантская лужа. Она с минуту топчется рядом, думая — в обход или прямо. Решает: в обход. Но голова ее не успевает отдать приказ ногам. И они несут ее как раз в середину. Она делает два шага и падает: очевидно, в этом месте — дыра.

Сын подбегает к ней и уже ничего не кричит. Присаживается на корточки рядом с ней. Он не чувствует холода и влаги. И уж тем более не думает о мнении окружающих — плевать ему, так же как и им. Обеими руками пытается растолкать маму. Но

она спит. А, нет, не спит — рядом с головой возникают пузыри и раздаются невнятные звуки. Мама очень хочет встать — но не может. Она лежит, мычит и вот-вот захлебнется, а сын, сидя рядом, запрокидывает голову, зажмуривается, открывает рот и заходится плачем... Слезы лишают его последних сил, и он ложится рядом с матерью. Над поверхностью лужи — только его сморщенное, внезапно постаревшее лицо.

И никто даже не пробует помочь им. Раз лег — значит, помирай.

Может, я увидела будущее сестры, которое так и не состоялось.

О, моя сестра-близнец — во всем, кроме судьбы!

Однажды я ей рассказала, как девочки-девиантки из моей школы вытравливали плод. Сначала доставали спринцовку и лимонный сок, много лимонного сока. Затем — прыгали в горячую ванну...

Она залила в ванну почти кипяток! Как она вообще туда залезла?! С огромными красными волдырями по всему телу, оравшую так, словно жгли заживо, сестру увезли на «скорой». А плоду — хоть бы что!

Врачи сжалились.

После больницы она неделю ходила потерянная. Стала как будто ниже, хотя мы одного роста. Глаза куда-то провалились. Я видела такие у одной девочки — в интернате для слепых и слабовидящих. У той была аномалия — сдавленный с обеих сторон череп. И глаза смотрели на мир из каких-то бездонных дыр.

Такие теперь были и у сестры. Она все время пыталась поговорить со мной — заглядывала в лицо, робко старалась обнять или хотя бы взять под локоть... А я оттолкнула ее.

Я понимаю. Ребенок от женатого мужчины. Презрительные взгляды соседей. На пару лет отсутствие работы, друзей, себя. Стыд.

Не дождавшись помощи и утешения, она отправилась к подруге. Там выпили. За любовь, конечно, тоже.

Видела ли она рассвет?

Так началась моя зрелость. С тоски и неизвестного ранее тупого и страшного одиночества. С осознания непоправимой ошибки.

«Никогда не крути любовь там, где живешь, работаешь и учишься». Эту заповедь — на правах старшей, родилась раньше на двадцать минут — я заставила Машу выучить наизусть. Но сестра ей никогда не следовала.

Когда она пришла с первого свидания со своим профессором — билась в истерике.

«Маша! Что с тобой?»

«Ты не представляешь! — кричала она и хватала ртом воздух. Задыхалась. — Как он гадко, омерзительно, страшно тяжел!»

Чуть успокоившись, показала мне его фотографию. Обрюзгший мужчина лет шестидесяти с чем-то. Умные равнодушные глаза. Свиной живот...

Я знала все подробности их интимной жизни. Все о его жене, детях. О близких приятелях, с которыми он знакомил Машу...

Эстафетная палочка.

«Ты врешь! Он хороший! Возьмет в аспирантуру. Тему диссера подкиннет. Публикацию устроит! Ты завидуешь!»

Да, да, да...

Я хотела, чтобы в Машинном пищевом институте прошел вечер ее памяти. Чтобы я читала на нем стихи, посвященные ей. Но вечер такой никогда не состоится. И стихи я писать не умею.

Много раз ходила к профессорскому дому — знала адрес от Маши. Стояла под окнами. Все думала: надо рассказать. Но код мне не известен, да и номер квартиры — тоже. Потом повадилась к нему на работу. Надеюсь поймать у главного входа.

Однажды столкнулась. Сказала, кто такая. Оглядел мутным взглядом. Узнал.

— Пойдем.

Мы зашли в его кабинет: стул, стол, ноут. В углу — кожаный диван.

— Раздевайся.

— То есть?

— Что — «то есть»? Куртку можешь повесить сюда. Остальное сложишь на стул.

— Это шутка?!

Профессор подошел ко мне вплотную.

— Я тебе что-нибудь должен? Нет. Ты от меня чего-то хочешь? Да.

И — более нежно:

— Давай побыстрее. У меня дела, — и поцеловал в шею.

Почему меня не вырвало прямо там, а только на улице?

Ничего я не добила. Разве что почувствовала себя...

Сестра говорила, что он хотел — или не хотел, просто красивые слова — развестись, а на ней — жениться. Думаю, у него было много таких. Маленьких дурочек, вчерашних школьниц, поверивших неизвестно во что. На самом деле он просто нуждался в молодом теле. Полагаю, у них в институте это дело поставлено на поток — иначе зачем работать за копейки? При этом — негласное правило: никаких разводов.

Хоронили их вместе — отца и Машу. Папа лежал в гробу белый, строгий. Сестра — в закрытом: шестнадцатый этаж...

Тихий снег. Мы с мамой молчим. Николо-Архангельское — тоже. Видимо, люди стараются не умирать в декабре. Вот прибежала одна женщина. Веселый шелест пакетов. Зашла в ограду поблизости. Что принесла? Ах, елочка — живая, пушистая.

Воткнула в снег. Вынула из пакетов игрушки. Украсила елку. Села рядом на скамеечку. Смотрит — улыбается...

— Мама, гляди! — Киваю в сторону женщины.

Мама вскинула глаза. Побледнела, зашаталась.

Вижу сон. Огромное, тянущееся до горизонта поле. Серо-коричневая земля, только-только освободившаяся из-под снега. Кое-где — лужи. Весна. Унылая, похожая на осень.

Поле поделено на участки — без строений, отделенные друг от друга только металлической оградой, выкрашенной в желтый безрадостный цвет. Один из этих участков — мой. Я лежу на земле в большом ватном пальто. Мне не холодно и не сыро. Но уютно.

Между двух столбов висит калитка. Ветер играет ею, мотая из стороны в сторону. Ее невозможно закрыть — она не подходит по размеру. И у нее нет замка.

По молочно-белому тревожному небу ровными рядами плывут одинаковые по форме серые облака. К некоторым из них, как к гигантским воздушным шарам, привязаны корзины. Они пусты.

Ветер бросает в лицо странные осадки — нарезанную на полоски, сантиметр на пять, белую бумагу. Ее много, очень много — столько, что она буквально запорашивает глаза.

Я лежу на спине. Рядом — скорее, знаю, чем вижу, мешают сугробы из бумаги — друг. От него идет тепло.

Сквозь бумажные вихри чудится какое-то странное существо в просторной одежде. Оно движется по полю, как будто что-то ищет. Голову и лицо скрывает капюшон. Существо излучает опасность.

Ветер, стелющийся по земле, внезапно оттаскивает меня от друга. Я пугаюсь. Я боюсь остаться одной — наедине с вихрем из бумаги и существом. Но в последний момент мой невидимый друг хватается за мою теплую руку и подтягивает к себе. И мне становится хорошо. Нет больше страха. Нет одиночества. Нет смерти.

Просыпаюсь, понимаю: это Маша спасла меня. Но теперь я должна помочь ей. Спасти.

Через день после того, как я выбросила фляжку, он приехал ко мне на Казантип.

Я стояла над обрывом, обдуваемая ветром.

— Элина! — тихо позвал он.

Я не обернулась. Представила, что меня уже нет. «Эля? — Подбежал к краю скалы, стал высматривать вниз. Какая жалость! Только приехал...»

Слышу свой голос:

— Иди сюда! Будем арбуз есть. Желтый!

Облегченно выдохнул. Подошел. Улыбнулся:

— Первый раз желтый арбуз поем.

Мне хорошо. И спокойно.

Потянулся к моему рюкзаку.

— А выпить есть?

— Нет.

Захотел поцеловать. Уклонилась:

— Не в этом счастье.

Удивился, вскинул бровь.

Показала рукой:

— Вот в чем!

Степь и скалы. Море. Ветер.

— Когда-нибудь будешь вспоминать только это — желание, надежду. Предвкушение. Чистую радость.

Усмехнулся:

— Но ты же знаешь, чем все кончится.

— Не факт. Вот приползет какая-нибудь гадюка, укусит — и привет.

Насупился.

— Шучу!

---

---

## Лиана ШАХВЕРДЯН

\* \* \*

Одинокая мачта —  
стойкий кипарис в ночи...  
Приснись мне!  
Чтобы голос сливался  
с лазурью поникшего дня  
и раздумья о новом  
разгонялись попутным ветром.  
Позови в места,  
где вознесусь  
не жрицей твоего огня...  
Сама...  
Длинная аллея ждала...

\* \* \*

Несчетное звезд количество —  
созвездие далекой юности,  
до сих — единственный компас  
во встроеной непонятной геометрии,  
под сердцем пульсирует обреченно:  
вечны муки идеи — птицы  
со скрученной в спираль на шее  
длинной белой фатой...  
Мечта на вершине превращается  
в разреженный воздух,  
где за каждый глоток  
проплачено слепотой  
в ультрафиолетовой дали...

\* \* \*

Выпусти птицу из груди!  
Лети за ней туда,  
где параллели пересекаются в жертвенности  
и на тонких волосках  
одинокие ноты недосказанного:

---

Лиана Шахвердян родилась в Тбилиси. Окончила Тбилисский государственный университет (механико-математический факультет), преподавала в Москве и Тбилиси. Автор многочисленных публикаций, в том числе в журналах «Литературная Армения», «Гантиади», «Веси», «Место и время», «Дружба народов», «Знаци», «На холмах Грузии», в антологиях славянской поэзии. Почетный член Пушкинского общества русскоязычных литераторов Грузии «Арион». Автор книг «Многогочие» (Ереван, 2015), «Весна отчаяния» (Ереван, 2018).



чумная чечетка чувствознания  
спелого каштана, подпрыгивающего  
на раскаленной адовой сковороде  
осенней агонии;  
острый наждак патриотизма,  
оттачивающий камень рода,  
народа;  
бурый бархат знамени,  
пропитанный ветшающей кровью...  
Льется рекой!

И река перестанет быть рекой!

Кровь перестанет быть Рекой!

... Пока незнакомый луч абстрактности  
не пронзит дно земли:  
в новых проекциях  
острия копий  
проклятий, заклятий  
противостояния параллелей  
родов-народов...

Поплывут деревья по стенам!  
Сместятся светила в человеческих умах!

И время протянет руку...

В безмолвии воздух жертвенности.

Нет жизни без воздуха.  
Нет воздуха без жертвенности.

\* \* \*

Мяукал в спину  
мне  
Париж!

Шум Сены.  
Распласталось  
лоно...

Мадемуазель под вуалью —  
глаз  
прикрыт,  
Эйфелевый  
пик  
из перьев шляпы.

И терпкий воздух  
голых спин,  
воздушных поцелуев —  
                                лабиринты  
  улок.

Мне снится?..

...Явь! — безводье  
лиц-улиц,  
                        изгибов  
                                безупречных...

уловки фонарей:  
прибрать весь  
                                свет вокруг!

турбины в «пар»:  
из горловины ночи  
грохочет смех,  
картежный  
                        пир  
                                в шабаш.

...И снежно  
закручивает  
в случайный вихрь  
локон  
                        штучный:  
непонятно  
                                напомажен страх.

В «неведении»  
                                рук длинных  
сцена — отдана химере...

....Ворох птиц...

И жадность счастья —  
                                бытия!

....

Мяукал в спину  
мне Париж,  
и я —  
                        расстегиваю  
                                ворот!

Мне не хватает  
птиц  
                                других

...и гор  
    молитв...

...и Богоматерь

Явь  
    Превеликой...

.....

.....

Аминь.

\* \* \*

Сухая женщина с розовыми волосами  
надеется на оттепель после революции:  
талые воды гор оросят  
ее бесплодную горизонталь —  
спасут от безводья...

Рыхлый мужчина в голубых джинсах  
надеется на оттепель после революции:  
талые воды гор сметут  
вертикаль предков,  
осуждающих безволие...

Платья-кружева последнего  
снега — романтика  
не отведут  
глаза от весеннего таяния:  
вера — не надежда на  
оттепель...

Тело и Дух — едины — цветут  
сады в Воскресение —  
пересечение вертикали-горизонтали...

Богоматерь  
молится о спасении...

\* \* \*

«У забвения — свои законы, —  
говорила старая Ханума. — Умирает,  
когда во рту тает  
настоящая халва!»  
...Раз в год  
в день празднования  
весеннего Навруз

переливов образы-прообразы,  
улыбки — дети ее...

Персия!  
Память не случайно  
казалась липкой  
в разы,  
когда цвет глаз  
сливался с «разводом»  
серебра-золота  
солнца-луны;  
пытливые чары  
могущественных отцов  
величественно смягчались,  
лаская нежную прядь  
зелени робких пальцев  
первых цветов...

Потом  
наступала  
тишина...

Вера не пряталась  
в темные одеяния, платок  
или в напоказ несчетного алмазов...  
Сердце протягивало руки! —  
снилась светлая стена  
крепостей  
из гор несусветных сладостей...

«У забвения свои законы, —  
говорила старая Ханума. —  
Умирает..., когда во рту у детей  
тает настоящая халва.  
Чудо!  
Так, — считала она, —  
дух сливается с телом,  
когда пора  
в левой руке нести вечный факел!  
Тогда любовь жива!»

Мудрость предков, как кирпичики,  
перекладывались под углом стрелы —  
новой золотой свечи!  
Знания освещали старых следов забвения — темные углы...

...раз в год  
в день весеннего  
равноденствия

серебра-золота  
Новолучезарного Солнца-луны...

В Навруз!..

\* \* \*

Смотреть,  
как горит Нотр-Дам де Пари...

Не смотреть,  
как горит Нотр-Дам де Пари...

Не перебирать в скукоженной памяти  
святые писания,  
предвещающие закат-ад;  
не раскладывать по полкам знаки —  
длинные хвосты-языки... Так химеры,  
обмотавшись в шпик, в силе —  
скинуть Христо-Вертикаль!  
И не для глаз  
слезы пригвожденных  
горожан —  
на плахе,  
в молитвенном экстазе.

Вера — Воля!

Черная сажа-порча-парча —  
лучезарным дождем витражей!  
Стены, что строились на века, —  
не дотла!  
И Пресвятая Матерь на Небесах —  
всегда!  
простит, утешит...

Париж!

\* \* \*

Ночь на плечи легла водопадом,  
в волосах —  
заплутавшие звезды:  
над Мтацминда взлетали, как птицы,  
и светились в фонтановы искры...

В снах веселых сосновых веснушек  
и пушистых еловых ресничек  
все, как прежде, —

царственна нива! —  
отголоски далекого пира...

И тосты,  
что горою единой, —  
и мосты —  
над великой Курюю:  
Авлабара, Метехи, Мейдана,  
Сурб Геворга, мечети, Самеба, Александра Невского  
церкви,  
ханукальных светильников, свечи —  
все соседство  
над лентой —  
рекою!..  
...что разбавит шарманщик нештучный  
непонятым еще —  
и французским...

Ночь на плечи легла водопадом:  
про любовь  
и застольную нашу!  
и про корни, и руку Вахтанга:  
всем в наказ и указ —  
только «кверху!»

Мравал жамиа! — славься вовеки!  
эхом долгим...  
...протяжно легато:  
кипарисовых теней аллеи,  
что в столпах снисходящего неба,  
и Хосроидов род спит спокойно,  
охраняет под бархатом ночи  
мир —  
на стойкие  
царские плечи...

Ночь на плечи  
легла водопадом, в волосах —  
заплутавшие звезды...

# ГРАДОНАЧАЛЬНИК И ВЕГА

## Рассказ

Виолетта не любит свое имя. А ее мать не любит, когда она об этом говорит. Обижается.

— Что, надо было тебя Леной назвать? Это все равно что пронумеровать! — заводится мать.

— Все равно надо было не Виолеттой, — отвечает сорокалетняя дочь. Этот спор у них уже лет тридцать длится.

— А как?

— Мне нравятся древние римские имена.

— Перепетуя? Цецилия?

— Нет, правда же у них имена красивые? — мечтательно уводит глаза вверх Виолетта. Точнее, Вега. Так она переименовала себя еще в юности, и все вокруг уже привыкли к тому, что эта хрупкая, невысокая женщина носит имя звезды.

— Да. Имена замечательные. Особенно мужские. Марк Трахал Пизон. Или Публий Галлерий Трахал. Тебе какое больше нравится? — ехидничает мать.

Мать Веги, Лариса, преподаватель античной литературы. В России была преподавателем. А сейчас они с дочкой владеют цветочным магазином в Канаде. Уже почти двадцать лет. Но каждая о первой своей профессии не забывает. Лариса пишет научную работу, сравнивая литературу Древнего Рима и Греции, а Вега, окончившая Суриковское училище, в свободное время пишет картины. Для души — на разные сюжеты, чаще всего героические — из истории Древней Руси, а для денег — портреты. На юбилеи, свадьбы... Портреты хозяев магазинов и салонов красоты, риелторов и прочих коммерсантов продаются в русскоязычной общине куда успешнее, чем «Оборона Козельска».

Вега все двадцать лет чувствует себя белой вороной. Нет, все хорошо: цветы покупают, деньги есть, муж — тоже (именно в этой, увы, последовательности), дочь учится в университете. Мама жива и здорова. И вообще, в Канаде очень комфортно, спокойно.

Но про оборону Козельска поговорить не с кем. А еще говорят, что уехали мозги.

Но это ведь блажь — понятно же. Ну, не знает большинство эмигрантов историю так, как она, ну мало книг читают, и что? Если духовный вакуум — езжай в Россию, надышись, и назад... В теплое, уютное канадское гнездышко. Которое вьют вовсе не с помощью чтения, а одной сплошной пахотой.

---

Эвелина Азаева родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске и работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. С 1998 года живет в Торонто. С 2004-го по 2017 год издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». Является собкором «КП» в этой стране. С 2018 года издает газету на английском языке «York Region Review». Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде («А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие»).

Вега с матерью так и делают — ездят в Россию. Правда, не вместе, а по очереди. Магазин же не оставишь.

Набегается Вега по московским театрам и галереям, и домой, на канадщину. С наполненной душой, набитыми чемоданами и радостным блеском в глазах. Потому что Россия — уже совсем не та, что в девяностые. Страна на глазах лучшает, с каждым годом хорошеет. Вот в прошлом году улица, где Вега всегда селится в съемной квартире на три недели, не была вымощена, а в этом уже вымощена, и ресторан на ней роскошный открыт. В прошлом году храм рядом только закладывали, а в этом уже стоит и храм, и колокольня!

Вега родину любит. Уехала в Канаду в конце девяностых, когда стране не нужны были ни художники, ни писатели, ни поэты. В общем, когда творческая интеллигенция глодала корку. Ну, поработала в «комке» продавцом, так ее уже через неделю хозяин выгнал — не давалась в руки... В газете попыталась графиком-дизайнером поработать, наскоро окончив курсы, однако тоже не пошло. Зарплату перестали платить. 1996 год...

Мать вообще в то время голодала бы, если бы не спасалась тем, что на оставшейся от бабушки швейной машине шила мягкие игрушки — собачек и кошечек. На фабрике по дешевке скупала лоскутки и строчила после занятий в университете. Там мизерную зарплату ей платили раз в три месяца.

И вот — Канада. Вега живет здесь уже почти двадцать лет. И не то чтобы полюбила эту страну. Нет, она считает, что любит только свое. Чужое — уважается. Или не уважается. Нравится. Или не нравится. Но любит только родное. Забодаешься по всему миру-то ездить и все любить. Вон у нее сосед — сначала жил в Аргентине, потом в США, теперь в Канаде. А сам — еврей из Белоруссии. И любит, как говорит, только Израиль.

Так вот, Вега не то чтобы любила Канаду, нет. Она привыкла к ней и относилась с пониманием, если можно так выразиться. Она видела в этой стране очень много хорошего и очень много плохого. И понимала. Что никто ей ничего не обязан. Что они сами, коренные канадцы, живут непросто. Тяжело работают, жизни духовной практически не имеют. А правительства их, лишь условно отличающиеся друг от друга, постоянно вводят какие-то странные законы, как будто специально придуманные для того, чтобы обыватель пугался и бледнел. Вот до невозможности расширили права органов безопасности — и канадцы вышли на митинги. Стоят себе, заиньки, с плакатиками. Тихонечко... Протестуют. Потом сворачивают плакатики, на которые власти и не посмотрели, и расходятся по домам.

Но стояли же! Тысячи человек. Вега в те дни ими восхитилась.

Или сексуальные новшества. Тут власти будто соревнуются меж собой — кто безумнее. То какую-нибудь программу сексобразования придумают, от которой родители в обморок падают, то про зоофилию постановят, что «без проникновения» в животное — это не секс, а бирюльки, потому все позволено (наверное, надеются, что собаки и кошки будут звонить на «горячую линию» и докладывать как дело было), то сообщат, что полов, оказывается, не два, а много, и туалетов диковинных для новооткрытых полов понаделают...

Вега была советским человеком. В многополость не верила, а вот версия о масонском заговоре, целью которого является превращение общества в безыдейное, бесполое, послушное стадо, смеха у нее не вызывала. Вызывала задумчивость. Хотя все окружающие эмигранты, про оборону Козельска не ведающие, во всю глотку ржали, услышав слово «заговор».

Вега же, воспитанная мамой, знающей античные времена, считала, что заговоры — это перманентное состояние любого общества. Где власть, там и заговоры. Во всех стра-



нах и во все времена. Да что там страны, в каждой фирме время от времени — заговоры. Люди бьются за малехонькое место под солнцем. А что уж говорить о большой власти и больших деньгах?

Открывая каждое утро газеты, Вега читала заголовки: «В государственных учреждениях Квебека отменена молитва», «Профессор вызвал скандал тем, что не хочет обращаться к студентам с помощью местоимения среднего рода», «Выпускников христианского университета не принимают в адвокатские ассоциации, потому что в вузе они дали клятву не вступать ни в какие сексуальные отношения, кроме гетеросексуальных». И каждый год, как заключительный аккорд: «Канада признана лучшей страной для проживания».

Попробуй поспорь. Жить здесь действительно удобно. Ипотеку дают под маленький процент, у всякого есть машина. Бизнес вести — безопасно. Коренные канадцы со всеми обращаются вежливо и дружелюбно, косяка на эмигрантов не дают. Картошка в магазинах — мытая. (Вега при поездках в Россию обратила внимание, что там в супермаркетах картоху все еще немытую продают. Это, конечно, минус, но зато она не генно-модифицированная.)

Так что жить в Канаде очень даже розово, если не читать газет. Но Вега продолжала читать. Она же не страус...

Вначале злилась, ругала Канаду. Потом стала жалеть ее... Поняла, что как в девяностые с Россией творили, что хотели, так и с Канадой сейчас. Только более мягкими методами. Так в России хоть народ — свой, поколениями там живущий, а стало быть, за нее стеной способный встать. А в Канаде набрали со всего света людей, которые, «если завтра война», разбегутся назад, по своим родинам.

Бедная страна, а она на них надеется! Клятву верности с них берет...

Но читая канадские СМИ, увидела Вега и местных героев. Коих немало. И которые ведут борьбу с Драконом по-рыцарски... Чаше это священники. Или верующие чиновники. Или верующие простые люди. Такие, будучи врачами, отказываются участвовать в «ассистировании при суициде» или, будучи владельцами типографий, не желают печатать греховную литературу, за что их таскают по разным трибуналам, защищающим права человека. Такие с амвона говорят об информационной диктатуре — это когда выразить свое мнение вроде бы можно, но не по всем вопросам, а то затравят.

Давно привлек ее внимание мэр. Широкий, краснолицый канадец ирландского происхождения. Килограммов под двести весом. Прославился он по всему миру тем, что не раз был встречен журналистами выпивши (в нерабочее, впрочем, время) и высказывался в разговоре с репортерами так, что те от радости чуть не писали в штаны: будет скандал!

О, сколько им открытий чудных дал он в последние годы! Назвал черных словом на букву «н», которое в России запросто везде писать можно, а в Канаде запрещено произносить, похвалил китайцев за трудолюбие и сказал, что скоро они обгонят весь Запад (за что его тут же заставили публично извиниться. Причем не за то, что низко оценил Запад, а за то, что посмел дать оценку китайцам), призвал отвязаться от России и много еще всего неприятного сказал.

Но Вега, которая газеты читала почти каждый день, заметила, что скандалы вокруг мэра начались с высказывания, что СПИДом болеют в основном гомосексуалисты и наркоманы.

Мэр был не Штирлиц. Он выдал себя.

Белый расист, гомофоб, алкаш, с симпатией относящийся к русским (Путина похвалил однажды!), домашний насильник (прошла информация, что бивал свою жену-француженку) — что может быть гаже? Именно к таким выводам о мэре приходил любой, читая статьи.

Да еще мэр начал сокращения в рядах чиновников, заявив во всеуслышание, что штаты раздуты и нечего тратить деньги налогоплательщиков.

Широким огненным потоком лавы обрушились СМИ на свою жертву. Его караулили у дома, у офиса, у загородного коттеджа. Не было знаменитости, каждый шаг которой СМИ так бы фиксировали. «Джед О'Фаррелл перешел дорогу в неподобающем месте!» — кричали заголовки, «Мэр уличен в том, что в баре с черными рэперами курил марихуану», «О'Фаррелл назвал велосипедистов на улицах болью в заднице!», «Мэр против того, чтобы убирать из публичных мест рождественские елки. Он не согласен, что они оскорбляют чувства представителей других религий».

А О'Фаррелл будто специально подливал масла в огонь: в жаркие июньские дни, когда готовился гей-парад, уезжал в глубинку и вещал в подставленные ему и там микрофоны: «Я не могу пойти на парад. Я уже обещал общественности этого городка, что буду у них на соревнованиях по прыжкам лягушек». А после и вовсе обнаглел. Заявил, что ему не нравятся голые мужчины и он не хочет на них смотреть. И сразу слег в клинику, где лечат алкоголиков. Спрятался.

А ведь мэр, который был до него, возглавил в свое время гей-парад, хотя и был «стрейт» — натуралом. Шел впереди приплясывающей толпы в трусиках и кожаных ремнях (а некоторые были и без этого) и выдувал мыльные пузыри. Кучерявый такой, дружелюбный, всем махал руками, чем и заслужил любовь наиболее продвинутых горожан. Без комплексов мужик.

Вега читала газеты и не могла понять: почему город растет и хорошеет, открывает одну станцию метро за другой, коли у него мэр — такой обормот, как пишут в газетах? Да что там местные газеты! Мировая пресса уже писала о Джеде О'Фаррелле как о сумасшедшем клоуне. В России народ раскрывал газеты и улыбался: ну, что там еще отчебучил этот канадский комик? Жириновский кленового сиропа.

— А ты бы так смог? — однажды спросила Вега своего мужа Толика, страхового агента.

— Как? — жуя сэндвич, спросил Толик, худой и бледный и, в отличие от мэра, непьющий и тихий.

— Ну вот так — взять и с высоты большого поста заявить о своих взглядах на то и на се?

— Нет, — сразу ответил Толик. — Сдать против ветра? Зачем? Твои взгляды — это твои взгляды. Зачем о них сообщать? Ты публичная персона, так и выступай по существу.

— Но О'Фаррелл христианин, а не только мэр, — тихо заметила Вега, и невидимые крылья за ее спиной поникли и слиплись. — Он не случайно роняет свои скандальные фразы, он борется, кося под простачка... Правду говорить и голову не потерять разрешают только шутам...

— Один в поле не воин, — веско заметил Толик, подливая себе чая. — Голову сломит, и все.

— Один в поле — воин, — сказала Вега, но муж ее уже не слушал, он включил телевизор.

— Один в поле воин! — крикнула Вега, и ударила своей чашкой по столу так, что та треснула и содержимое выплеснулось. — Всегда должен быть тот, кто первым произнесет! Мысли и идеи падают в массы и там варятся. Не сразу, но они сварятся! И после первого всегда придут другие! А первый — да, он погибнет.

— Ты с ума сошла? — строго спросил муж. Подбородок его дрожал от ярости. — Что ты до меня докопалась? Иди и целуйся с этим алкашом! Его вся Канада презирает. Он расист и алкаш!

— И гомофоб?

— Меня это не волнует! Меня волнует только наш моргидж<sup>1</sup>, который я плачу, а ты с утра на меня орешь из-за какого-то мэра! И если хочешь знать — да, он гомофоб, и это мерзость, потому что люди такими родились, и нельзя их травить! Я не такой, но они мне не мешают. А если бы я был мэром, я бы пошел на их парад. Делов-то куча! Мне ничего не стоит, а им — радость. И не было бы никаких скандалов.

— Ты пошел бы? — побледнела Вега.

— А, ну тебя! — яростно рубанул рукой воздух Толик и побежал в коридор одеваться, выкрикивая на ходу: — Ты надоела мне со своей политикой! Ты живешь прошлым! Не можешь перестроиться! Ты советская тетка! И мать твоя — тоже! Незачем было ехать в Канаду, если не разделяешь ее ценности! Здесь все равны и никто не имеет права дискриминировать! А Россию ругают — да, ну и что? От нее не убудет. А мэра твоего...

Вега далее уже не слышала. Она сидела с прямой спиной и потерянным лицом. Она думала о том, что всегда знала: Толик — чужой человек. Но были в нем хорошие черты: трудолюбивый, ответственный. Дочку любит. Ларису, тещу, не обижает. Скучный, зануда — это да. Но это же не самое худшее, что может быть в человеке. Да, он трус еще. Но не в атаку же с ним ходить?

Так она успокаивала себя раньше. А сейчас думалось иначе. «Я потеряла с ним жизнь... Я просидела двадцать лет с ничтожеством». Она вдруг увидела свое изображение в зеркале. Лицо было печальным, а брови — домиком. Можно без грима играть Пьеро.

Она пошла в спальню, включила компьютер, а когда он нагрелся, нашла в фейсбуке страницу Джеда О'Фаррелла. И стала по-английски писать в «личку»:

«Дорогой Джед! Я русская эмигрантка и хочу сообщить вам, что в нашей общине вас очень любят и уважают...»

Вега остановилась и подумала. Да, уважают. Все ее знакомые, в отличие от Толика, к мэру относятся хорошо и жалеют его, такого русского по характеру. И газеты русскоязычные о нем хорошо пишут.

«Вы — настоящий. У нас, русских, есть детский рассказ, в котором ребенок говорит про светлячка: „Он живой и светится“. То есть обычный светлячок лучше любой дорогой игрушки. Потому что это живая душа. Так вот у вас — живая, неравнодушная, открытая душа!

Вы — смелый человек. И умный. Вы не боитесь в одиночку противостоять. Вы смелее в лицо своим трясущимся за посты и репутацию коллегам, вы один победили кучу журналистов. Они смотрятся жалко на вашем фоне. Бегают за вами, ловят каждый промах. Вы творите историю города. А они только описывают ваши дела...»

И вдруг в ее «личке» стали появляться буквы, слова... Вега широко раскрыла глаза.

«Дорогая Вега, спасибо вам за поддержку. Мне очень приятно слышать... Мне пишут много людей, которые меня поддерживают, но из русской общины пишете вы первая».

За несколько секунд, пока Вега думала, что ответить, он написал:

«Kak dela?» — и поставил смайлик.

Вега тоже поставила смайлик и написала:

«Русские любят таких, как вы. Которые не скрывают мыслей и чувств. Я слезу за вашей деятельностью уже четвертый год. Вы — замечательный. Я вас люблю».

И поставила человечка, держащего в руках свое большое сердце.

О'Фаррелл молчал. Потом появилась строчка:

«Вы красивая женщина».

<sup>1</sup> Mortgage — ипотечный кредит (англ.).

Вега была так взволнована, что подскочила и прошлась по комнате. Потом закрыла лицо руками. Что за человек! Он пишет это незнакомой женщине и не боится, что она журналистка или даже журналист-мужчина, который под фальшивым именем пытается спровоцировать мэра на скандальные высказывания. Вега уселась на стул и снова принялась строчить.

«Мы не верим ничему, что про вас пишут. Вы хорошо все делаете в городе. Пьющий человек не может держать город в столь прекрасном состоянии. Выставляйте свою кандидатуру на следующие выборы. Многие в русской общине — за вас».

И получила ответ:

«Дорогая, спасибо большое. Я очень рад, что у меня есть поддержка в русской общине. Я люблю вас всех, будем вместе стараться сделать город лучше».

Вега послала мэру все, что имелось в наличии: цветы, торт, свечи, улыбки, сердечки.

Он прислал ей картинку руки с выставленным большим пальцем. Мол, все путем.

\* \* \*

Вега не видела, что когда она писала последние строчки, сзади подошла мать.

— Тот самый? — ахнула Лариса, увидев имя «Джед О'Фаррелл» у дочки в «личке».

— Ага! — радостно кивнула Вега. — Представляешь? Отвечает простым людям. Комплимент мне сделал! А-а-а! Он такой классный! — завизжала Вега. — А как ты думаешь, может, стоит навестить его? Ну, скажем, принести в офис корзину цветов от любящих горожан?

Мать смеялась.

— Хочешь стать его любовницей? — спросила.

— Хочу! — заявила Вега. — Ему сорок пять, мне сорок. Баран да ярочка. Хоть обласкаю мужика. Ты знаешь, что его супруга на него в полицию заявление подавала? Что будто бьет?

— Так и бьет, поди...

— Нет, он добрый, — мотнула головой Вега. — Я читала статью, там о нем писала женщина, которая лечилась в клинике от алкоголизма, когда он туда слег. Она писала, что он очень добрый и ласковый с людьми, что он называл ее «птичкой», что подолгу разговаривал, без всякой спеси.

— Ну, выглядит, что так... Лицо у него доброе.

— Вот из меня бы мэра получила! — мечтала Вега. — Я бы ни слова поперек ему не сказала, потому что работа трудная и все преследуют... Встречала бы, ботинки бы снимала — такому человеку не грех и ботинки снять. Кормила бы, и слушала, и жалела.

— Что-то я не представляю, — хихикнула мать. — Ну... все прочее... он же двести кило. Это как под танк броситься.

Они расхохотались, а потом стали собираться на работу — в цветочный магазин.

Вега не собиралась в любовницы. Она просто хотела поддержать О'Фаррелла. Она знала, что известные люди часто одиноки при всем том, что вокруг них постоянно водят хороводы. Когда-то давно, еще в детстве, они с мамой часто слушали радио и обе очень любили композитора Георгия Свиридова. Мама однажды сказала, что надо бы написать ему о том, какой он замечательный, сообщить, что они, Лариса и ее дочка, его всегда слушают и считают лучшим композитором современности. А потом Лариса передумала, потому что решила: он такой известный, ему рукоплещут концертные залы всего мира, на что ему письмо какой-то преподавательницы провинциального вуза и ее маленькой дочки? Стыдно отнимать время у занятого человека...

А позже, когда композитор умер, Лариса и Вега узнали из газет, что его травили в Союзе композиторов, травили настолько, что он писал в дневнике: «Я живу один, как пария, ко мне никто не ходит».

Как, наверное, ему были бы приятны письма простых слушателей! Лариса пожалела, что постеснялась написать маэстро.

Потом Вега влюбилась в одноклассника и любила его самозабвенно и отчаянно, но так и не раскрыла своих чувств, хотя по некоторым приметам догадалась, что и она ему нравилась. А потом он разбился на мотоцикле.

С тех пор, сделав выводы, Вега старалась, если ей кто-то нравится, говорить человеку об этом. Пока не ушел. И плевать, что он там подумает. Пусть считает, что она влюбилась, что восторженная дурочка, главное — чтобы ему стало теплее жить.

\* \* \*

У них завязалась переписка. Ну как переписка? Вега писала короткие тексты — свои впечатления от скандальных новостей о мэре, шутила, а он не то чтобы отвечал, но, как она заметила, читал. И всегда присылал короткий, но ласковый ответ.

Нет, она ни за что не стала бы писать, если бы не видела обратной связи и того, что ему интересно. Однажды на проверку пропала. Так в «личке» у нее через неделю появилось:

«Что случилось?»

И Вега продолжила свои записки.

Потом Джед стал отвечать чаще, и его ответы стали длиннее. Тоже шутил. Спрашивал ее, как бизнес. Делал комплименты. Сообщил, что выставил свою кандидатуру на выборах (о чем она уже знала), и предложил ей прийти на пикник в парке, который он устраивает для избирателей.

Она постеснялась прийти. Долго раздумывала, потом все же не пошла. Он там будет в толпе обожателей — таковые у него имелись в изобилии. Газеты даже ехидно называли их «легионом О'Фаррелла». И что, ей пробиваться к нему сквозь толпу? Зачем? Она ему и так все сказала в «личке». Она ж не «сыриха», чтобы за знаменитостью бегать.

После этого не писала две недели. Не знала, как объяснить, почему не пришла.

И получила от него короткую строчку:

«Я соскучился».

Отношения с мужем у Веги вконец испортились. Она перестала его замечать. Толик же обозлился и замолчал. Не разговаривал даже с дочерью. Но Вега не заморачивалась. С ним и раньше говорить не о чем было — разве что о страховках. Толик любил рассуждать о том, что жизнь полна неожиданностей и половина из них — неприятные. Что от укусов комаров, пауков и других насекомых в мире умирает намного больше людей, чем в результате автоаварий и авиакатастроф. А потому надо солонку подстилать.

— Живя с тобой, хочется купить гроб, — вздыхала Вега.

— Ну да, и обложить его цветами из твоего магазина, — парировал Толик.

Вега на какое-то время перестала читать газеты, так как наступил май — время горячее, когда начинаются свадьбы. В Канаде не знали, что «жениться в мае — век маяться», и всю женились. И нужны были свадебные букеты. Вега с Ларисой каждый день допоздна работали: они не только составляли букеты, но и снабжали свадьбы нарядными чехлами для стульев, скатертями, обвивали беседки гирляндами...

Вега решила повторить здесь красивую церемонию, которая существовала в ее родном Томске. Там новобрачным давали мешок с голубями, и они выпускали птиц в парке, у Вечного огня. Голуби улетали, это снимали на видео, было романтично,

красиво. Правда, у ног новобрачных оставался мешок с дерьмом: птицы, пока сидели в мешке, боялись, нервничали и усиленно ходили под себя. А потом улетали, а дерьмо оставалось. Вега думала, что это очень символично. Но новобрачные о плохом не думали и радовались красивому обряду.

Вега наблюдала много свадеб и заметила, что будущую семейную жизнь пары можно предсказать уже по свадьбе. Ну, если знать о ней все-превесе... Вот свадьба, где невеста сидит расфуфыренная, на пальце обручалка за несколько тысяч, а жених бегаёт, как слуга, распоряжается, то и дело песню для нее заказывает и глаз не сводит... Это добрый знак. Хорошо, когда мужчина любит, а женщина позволяет себя любить. Такой брак прочнее.

Плохо, когда на невесте платье, купленное ею же самой или, что еще хуже, взятое напрокат. Значит, жених не соизволил потратиться... А там еще и кольцо самое дешевое или тоже самую ею купленное. И бегаёт такая невеста, распоряжается всем и даже фату сняла, так как без нее сподручнее трудиться на собственной свадьбе. А женишок сиднем сидит, красавец.

Кажется, у Островского в пьесе: «Красивый мужчина женщине дорого обходится». Попашет-попашет на него бабенка, думает Вега, да и сломается — разведется. А может, до конца жизни будет терпеть за его смазливость. Уже на свадьбе видно, что все оплачено невестой. Из ее нарядной белой сумочки идут деньги музыкантам, ее спрашивает менеджер ресторана, не подать ли еще и супердорогой коньяк...

Вега вздыхает и думает, что у нее Толька хоть на шее не сидел никогда, зарабатывал, зарплату отдавал. А то, что трусоват и скучен — да и ладно. Что уж теперь-то, через двадцать лет жалеть?

Она перестала читать газеты, но по дороге на работу увидела на столбе плакат о том, что в центре города намечается демонстрация против убийства христиан на Ближнем Востоке. Ее это тронуло. Она видела страшные фотографии распятых в Сирии людей, окровавленные трупы. Решила пойти. Пусть видят, что и русские переживают за христиан Востока.

\* \* \*

Утром выходного дня она надела джинсы, куртку — накрапывал дождик, удобные туфли без каблука, положила в сумку российский флаг — одно полотнище, без древка, Владимирскую икону Божьей Матери — свою любимую — и поехала на метро в даунтаун. Так удобнее — не надо для машины искать стоянку.

Когда вышла, сразу увидела толпу, человек с тысячу, у здания парламента. Подошла к ней, оглядела. Были в основном арабы, пакистанцы, индийцы. Белые канадцы тоже присутствовали. Вега привязала себе на шею полотнище российского флага — он стал ей как мантия, доставал до земли — и взяла в руки икону. И к ней сразу дружелюбно обратилась белая женщина: «Это украинская икона?»

— Нет, русская, — ответила Вега.

Лицо у женщины вытянулось, и она с холодным видом отвернулась. А Вега сообразила, что неправильно ответила, ведь икона — общая, и пояснила:

— Икона и русская, и украинская. Мы один народ.

Женщина посмотрела на нее ошарашенно и опять отвернулась. Вега подумала, что она, наверное, украинка. Потомок западнцев, которые приехали в Канаду еще в начале двадцатого века. Дико им, конечно, слышать о русско-украинском единстве.

Тем временем на маленькой сцене, предназначенной для митингов, стояли несколько человек. Все англосаксы. Священники, лидеры каких-то организаций. Одного священника Вега знала по газетам. Это самый известный пастор Канады, мистер Йен

Хопкинс. Борец против сексуального образования и абортов. Баптист. У него в Интернете многотысячная группа и авторитет среди христиан всей страны.

Он вышел вперед и поднял руку, призывая к тишине. Все замерли.

Священник начал говорить об ужасах, что творятся в Ираке и Сирии, а затем произнес:

— Мусульмане! Мы любим вас...

И замер. И толпа замерла. Все вглядывались в себя: а любим ли? Как христиане, должны любить, не должны перекладывать вину террористов на всех мусульман. Но — получается ли? Вега думала об этом же и ощущала укор совести: она не находила в себе любви. Слишком много ужасов показывало телевидение... И хотя понятно, что «ящику» не должно быть полной веры, но все равно действовало...

Вега почувствовала, что все вокруг думают то же самое и испытывают такую же вину, что не смогли полюбить. Она давно заметила, что когда стоишь в толпе единомышленников — а она в данный момент стояла среди людей, которым небезразлична война на другом конце планеты и которые переживают о жертвах этой войны, среди христиан, таких же, как она сама, — так вот, когда стоишь в толпе единомышленников, абсолютно понятно что толпа чувствует. Есть некое незримое, но ощутимое поле. Общее. И без всяких слов понятно, одобряет ли толпа выступающих, осуждает ли, возмущена ли или, напротив, обрадована.

И сейчас Вега почувствовала растерянность людей, их минутную подавленность тем, что они не ощущают в своих сердцах любви к тем мусульманам, которые ни в чем не повинны.

— Мусульмане! Мы любим вас, — повторил священник. — Но мы никогда не предадим Господа нашего Иисуса Христа!

И толпа взорвалась аплодисментами и выдохнула...

Потом на трибуну выходили разные выступающие, говорили что-то, но Вега отвлеклась. День был пасмурный, накрапывал мелкий дождик, и собравшиеся на митинг выглядели мокро и бедно. Она обратила внимание, что люди одеты плохо. Черные и серые куртки и пальто, недорогие джинсы, потрепанные сумки. Вега поняла, что стоит среди бедняков. Среди почти нищих, которые обладают отзывчивым сердцем.

Вега вдруг будто отделилась от своего тела, и с расстояния в несколько метров увидела всех — весь митинг, и себя в том числе. Несчастные люди, не обладающие никакими рычагами власти, работающие на своих маленьких рабочих местах, получающие маленькие деньги и страдающие оттого, что где-то творится зло. Из пятимиллионного города их тут собралось с тысячу. Донкихотов, желающих что-то там показать сильным мира сего... Хотя бы просто пройти с фотографиями жертв. Ей стало больно за них и страшно за мир, в котором на митинг в защиту без вины уничтожаемых ходят только бедные.

— Разрешите? — к ней подошел высокий, худой чернокожий мужчина в длинном черном плаще. Он указал пальцем на икону. Вега поняла, что он хочет приложиться, и подставила. Он поцеловал уголок иконы, там, где одеяние Богородицы. Перекрестился, сказал «спасибо» и отошел.

Тем временем Йен Хопкинс призвал всех идти к американскому посольству. И толпа пошла. По тротуару одной из главных улиц города. Впереди шли священники и лидеры общественных организаций. А за ними, чуть ли не приплясывая, народ. Вега строилась к лидерам, она видела видеокамеры журналистов, и ей хотелось, чтобы они запечатлели женщину с русской иконой и флагом. Чтобы все сирийцы и иракцы Канады видели: они русским не безразличны. Русские их жалеют.

К ней подскочил журналист с камерой.

— Что означает ваш флаг и икона? Почему вы пришли на демонстрацию? — спросил он, и Вега сказала, что это российский флаг и православная икона и она пришла

потому, что ее, как и всю Россию и Русскую православную церковь, волнует судьба христиан Ближнего Востока. Что русские переживают и молятся за то, чтобы зверства прекратились. И Запад должен приложить все усилия для установления мира на этой древней земле.

Журналист отбежал к другим, Вега оглянулась и вдруг застеснялась. За ней шествовала толпа, по виду и поведению напоминающая цыганский табор. Выглянуло солнце, и люди порасстегивали куртки и пальто. Под ними оказались цветастые рубашки и платья, под платьями еще и шаровары, и вся эта толпа шествовала, почему-то напевая и приплясывая. Лицом к ним, то есть задом наперед, как рак, шел пакистанский религиозный деятель. Священник их. Он что-то диким, рычащим голосом выкрикивал своей пастве. Кричал просто-таки дурниной, а толпа отвечала. Это была какая-то речевка... Вега подумала, что если бы в ее церкви священник так кричал, она бы со страху описалась. Она взглянула на Йена Хопкинса и увидела, что он, не оглядываясь на тех, кого ведет, улыбается в усы. Слегка опустив голову, скрывая улыбку. Он, видимо, не в первый раз предводительствовал такой демонстрацией и знал что творится у него за спиной.

Они дошли до американского посольства и встали через дорогу, напротив. Посольство было огорожено высоким забором. Металлические острые прутья. И судя по всему, никого внутри не было. Выходной.

А может, и были. Вега вглядывалась в окна. Там, наверное, есть камеры, которые записывают, что творится вокруг.

Йен Хопкинс снова произнес речь, а за ним стали выступать разные другие деятели. Это были антивоенные речи. Под конец слова попросил парень с израильским флагом на плечах. Незадолго до этого он сказал Веге, что является христианином, и расспросил, много ли христиан среди советских евреев. Парень попросил у Йена Хопкинса слова в оригинальной манере. Он сказал, что поскольку евреи были первыми христианами, он имеет право закруглить митинг на иврите.

Никто не протестовал. И парень что-то произнес на своем языке. Короткую речь. Ему захлопали, хотя никто ничего не понял. Хопкинс взял у него микрофон и поблагодарил всех за то, что пришли. Сказал, что Бог видит их неравнодушие к страдающим на Ближнем Востоке и вознаградит за доброту.

Всем стало приятно. Поверили. Расслабились, стали знакомиться друг с другом, образовались кучки, человек по пять-семь. Потом вдруг чернокожий, который целовал икону, громко произнес:

— Тут рядом госпиталь, в котором лежит Джек О'Фаррелл. Давайте пойдём туда и помолимся за его здоровье!

Вега обомлела. А потом спросила мужчину:

— А что с ним?

— Опухоль мозга. Все газеты писали, — ответил чернокожий, пока люди строились в колонну, чтобы пойти к госпиталю. — Он и кандидатуру свою снял с выборов.

Вега не пошла. Она отправилась домой — расстроенная и растерянная. Когда ушла, чернокожий поблагодарил ее: «Спасибо, что вы пришли. Приятно осознавать, что русские с нами».

\* \* \*

Дома Вега перечитала в Интернете все городские газеты, которые сообщали, что внезапно у мэра нашли рак мозга, его будут оперировать, но он держится весело, с оптимизмом. В выборах больше не участвует.

— У меня, наверное, паранойя, — сказала Вега матери. — Мне почему-то кажется, что его раком заразили. Есть же такая версия, что это инфекционное заболевание... Уго Чавес вот тоже неудобным был. Они испугались, что О'Фаррелл победит...



— Кто знает, может, и так, — вздохнула мать. — Жаль Джеда. Ведь куча швали всякой живет, а такой человек...

Она ушла стирать, а Вега открыла папку, где лежали сканированные файлы, и обомлела. Там была засканирована ее переписка с мэром. Все, вплоть до «я соскучился».

Она выскочила на кухню, где Толик ужинал.

— Зачем? — спросила, чувствуя нервную дрожь.

— Денег заработаем, — глупо ухмыльнулся муж. — Ты представляешь фурор? Идут выборы, а тут появляется инфа, что женатый мэр ухаживает за эмигранткой. За цветочницей. Да еще и русской. Газеты будут орать про русский след, называть его бабником, а мы получим деньги. Ты понимаешь?

— Я все стерла!

— А я записал на флешку.

— Отдай немедленно! — закричала Вега. — Он болен, он снял свою кандидатуру с выборов!

— Да? Не знал. Жаль. Значит, заплатят меньше. Но скандал все равно состоится.

Толик встал и ушел. И когда она побежала за ним в спальню, оказалось, что он там закрылся.

— Я не выпущу тебя! — кричала Вега, сидя под дверью. — Ты никуда не пойдешь!

— Дура, — спокойно отвечал Толик. — Газеты нам столько заплатят, сколько ты и не видела разом. Я, правда, не знаю, сколько просить, но думаю, сумму все равно дадут солидную. А то цветочки свои продаешь и думаешь, что это деньги... А мэру твоему что? Одним скандалом больше, одним меньше...

Вега постелила себе у дверей спальни, в которой спал муж, но утром пропустила тот момент, когда он приоткрыл дверь и, переступив через нее, вышел. Она рванулась за ним, в чем была — в пижаме, и догнала у двери. Пыталась выхватить портфель, где думала, находится флешка. Дочь выскочила из комнаты и смотрела на все это круглыми глазами.

Анатолий вырвался и, прыгнув в машину, поехал. Вега села в другую машину и рванула за ним. Обратила внимание, что Толик едет в центр — туда, где расположены здания главных газет. Улучив момент, когда на дороге было пустынно, Вега нажала на газ и ударила автомобиль Толика сзади. Несильно, но чтобы он почувствовал удар. Он тоже нажал на газ, чтобы оторваться. Вега снова догнала и снова ударила, уже сильнее. И Толик остановился. Он вышел из машины бледный и спросил:

— Ты с ума сошла? Ты сама будешь обе машины ремонтировать! За свои деньги!

— Буду, — тяжело дыша, отвечала Вега. — Флешку гони. Я убью тебя, подлеца. Меня посадят, дочь одна останется...

— Да пошла ты! — Толик бросил флешку на землю, сел в машину и уехал.

Вега подняла ее, все еще не веря в удачу (а вдруг это другая?), и что есть мочи понеслась домой — проверять, что на ней. Ехала и плакала. Вот козел! Какой же козел!

\* \* \*

С этого дня она стала стирать свою переписку с Джемом. А там было не так уж много... Она выражала ему сочувствие, писала, что он непременно поправится. Потому что сильный и еще не старый. Он отвечал в обычной своей манере — ласково и весело. Потом пропал. Потом написал, что очень плохо себя чувствует.

В газетах же появилась информация, что он идет на поправку. А через месяц — что рак вернулся.

И Вега поняла, что это конец. И почувствовала, что и он это отчетливо осознал. Она продолжала писать ему ободряющие слова. А он ответил, что нет, мол, я не выздоров-

вею. Но я не расклеился, я приму все, как положено мужчине и христианину. Но жаль оставлять этот мир.

И тогда Вега написала то, что на самом деле думала с самого начала, как только услышала о его болезни. А думала она, что он, конечно, не выздоровеет. Потому что слишком хорош. А Бог — «он самых лучших выбирает и дергает по одному». Праведники не живут долго, писала мэру Вега, потому что земная жизнь — это испытание. И тот, кто быстро доказал, что он готов жизнь положить за други своя — солдаты на фронте, или те, кто спасают девушку от хулиганов в темной подворотне, или просто добрый человек, который всех жалеет, раздает милостыню, — такие не живут долго. Борцы за справедливость, то есть опять же те, кто жертвует собой ради других, тоже уходят рано. А вот самые отъявленные грешники, самые страшные негодяи — те живут дольше всех. Например, военные преступники. Их ведь то и дело то в Канаде находят, то в Аргентине, то в Уругвае... Им под сто лет, а копят землю. А все почему? Бог до последнего ждет покаяния.

Джед несколько минут не отвечал, а потом написал: «Пожалуй, я согласен». И попросил: «Приходи к госпиталю, я посмотрю на тебя в окно».

И Вега в назначенное время пришла. В бирюзовом плаще и таких же туфлях на высоких каблуках. С большим букетом чайных роз. Она встала напротив госпиталя и смотрела в окна пятого этажа. В одном из них вскоре увидела его — полного и бледного. Лысого. Помахала ему. Потом подбросила цветы в небо так, что они попадали вокруг. Потом принялась танцевать русский танец, используя вместо платочка салфетку. Уперла руки в бока, выдвигала ногами кренделя, а он стоял и смотрел. Она не могла разглядеть, улыбается или нет. Но старалась, плясала. Даже если смеется над ней, то пусть. Пусть она выглядит глупо, лишь бы развлечь его...

Когда приехала домой, от Джеда было сообщение:

«Это было бесподобно. Будь счастлива!»

Через десять дней газеты сообщили, что мэр скончался.

\* \* \*

На похоронах Вега плакала. Она стояла в огромной очереди, где видела и женщин, утирающих слезы, и мужчин. Кого здесь только не было! Эмигранты со всего света, черные и белые, азиаты, коренные канадцы, старики и подростки... Но все это были бедные люди или люди среднего достатка. А ведь мэр был богачом. Но любил его лишь простой народ. Чиновников на похоронах не было.

Газеты продолжали злобствовать, с иронией писали о «легионе О'Фаррелла» и выставляли фотографии непременно тех людей, которые смотрелись поплоше. Рабочего вида мужиков в ковбойских сапогах и клетчатых рубашках, татуированных девушек. Все это должно было убедить читателей, что за гробом шел «трэш» — мусор. Но люди не обращали внимания на газетные статьи. А потом целую неделю после похорон в соцсетях крутилось и крутилось видео, которое все ставили себе на страницы: краснолицый, рыжий толстяк танцует в зале суда, куда его однажды притащили, обвинив в — ни больше ни меньше — нападении на трансвестита. Доказать нападение не удалось, так как оказалось, что мэр был очень далеко от места происшествия, когда на сексменьшинство напали. Но организаторам иска нужен был не приговор, а шум вокруг мэра...

И вот О'Фаррелл оправдан, и танцует перед камерами ненавидящих его журналистов. Широкий, с добрым лицом и веселыми глазами под рыжими бровями. Он взмахивает руками, на которых пальцы как сосиски, и, одаривая окружающих задорной улыбкой, приплясывая, удаляется. Удивительно легко протискиваясь сквозь узкий дверной проем.

А широкими дверями он никогда и не ходил.

---

---

Наталья ПЕРСТНЁВА

**КРАСНАЯ ШЕЛКОВИЦА**

Проскачет чудо-конница  
И скроется вдали.  
Гори, моя шелковица,  
Рубашка, не боли.

Была рубаха новая,  
Да было тех рубах!  
А белая, шелковая,  
И пятнышко, и ах...

**ИЗ НОЯБРЯ ПЕРЕВЕДЯ ДВЕ ТРЕТИ**

*Брату*

.....

Из ноября переведя две трети,  
Свалилась осень беспробудным сном...  
Ты помнишь — переводчикам не верьте,  
До строчки «перлюстрировано смертью»  
Мы в книге никогда не доживем.

Рука взмахнет и листьями укроет.  
И мы любимых прячем в рукавах  
И выпускаем подышать луною...  
Что делать с этой памятью земною,  
С горячим сном на тающих губах? —

Они прозрачней с каждым поцелуем.  
«Какие сны приснятся нам потом?»  
Еще зима метет напропалую,  
А мы на белых окнах их рисуем  
Дыхания простым карандашом.

.....

...Стоял январь, мело, и печь дымила,  
За обе щеки треская дрова,  
Труба пыхтела, надрывая жилы,  
И на антенны задранные вилы  
Катилась ватной тучи голова.

---

Наталья Викторовна Перстнёва родилась в Кишиневе. Окончила физический факультет Одесского государственного университета. Публиковалась в журналах «45-я параллель», «Топос», «Витражи», «Твоя глава». Живет в Одессе.

В снегу до плеч сараи увязали,  
Хрустело простынями и халвой,  
И дни, сбиваясь снегирями в стаи,  
Читали вслух, и всякий вздор болтали,  
И сладко ввали нам наперебой.

### СПИСОК

Классики, карты, пиратские шхуны.  
Месяц в просыпанном сладко кунжуте.  
Только бы северный ветер не дунул —  
Доброю будет Жар-птица...  
Не будет.

Сердце в ладони, перчатка оленья.  
Бремя побед и вина безоружных.  
Классиков присное время старенья.  
Зависть. Синяя птица...  
Не нужно.

Дождь. Купола под дождем воскресенья.  
Голуби, голуби в небе бесхозном.  
Реки как слезы. Дорога. Служенье.  
Утро спокойного выдоха...  
Поздно.

Ситцевый полдень в тени винограда.  
Спицы, пинетки, рыбацкая лодка.  
Две сигареты бессонные рядом,  
Верные друзья...  
Давайте водкой.

### С ВИШНЕЙ НА ПАМЯТЬ

*Все памяти притворство,  
Как заговорена,  
Стоит с ватрушкой черствой  
И кружкою без дна.*

А тебя уже, вишня, нет.  
И от дома скошенный пенёк —  
Вот и ясно, как белый день.  
А ночами стоишь в окне.

И скребется лапой щенок,  
И стучит по стеклу клюкой  
То ли та, что к тебе за мной,  
То ли этот слепой стишок.

А подсолнух горит-горит  
И на ветке, и в садике.  
А на карточке года три  
Мне и Вадику.

### **ГОРОД**

Как, город мой, не любим мы друг друга —  
Как друг на друга смотрим дотемна.  
Но отчего вся мировая скука  
В мое окно глядеть обречена?

Мы столько лет друг друга не выносим,  
Что рукава без рук не оторви...  
Ну, может, море. Море, берег, осень.  
И то, что безнадежней нелюбви.

### **УТРО**

Утро в лестничную клетку,  
Утро, пахнущее дурно.  
Соберешь его в газетку,  
Завернешь и бросишь в урну.  
Кто-то вытащит на свет,  
У кого другого нет.

### **МЕЛЬНИЦЫ**

Где мельницы руками машут,  
Весенний ветер призывая,  
Где ничего не пропадает,  
На поле молодости нашей  
Растет великая немая  
И дольше века зреет слово.

Проходит человеческий век,  
Как разрывает листья голос —  
Кричит весна на поле голом.  
...И слово падает на снег.  
А колокольчики звенят...

Зачем ты, мельник, звал меня?  
На север музыки морозной,  
Где мельницы молотят воздух,  
Взбивая ветер лопастями,  
И Вагнер властвует над чувством.

Где белый ветер за плечами,  
Застывшими неосторожно,  
И край лежит нехлебосольный  
В дыханье чистого искусства.

Одна, что на меня похожа,  
Стоит с пустыми рукавами,  
С нее давно всего довольно,  
Но ветер властвует над чувством...  
Есть что-то общее меж нами —  
И черный год неурожайный,  
И черствый хлеб белее соли,  
Кирпич, от холода хрустальный.

Что плакать осени впопад  
Печальной повести словами,  
Да будет долгий снегопад  
По доброй и последней воле...  
Зима сидит на снежном троне,  
Державных зерен не считая,  
Скользит улыбка ледяная.  
Поднимет веко, взгляд обронит —  
И пропадает имярек.  
И мельник, снежный человек,  
Муку с ладоней отрясает.

Над чистым полем снег и снег...

### **КРАЙ**

Белая, уставшая от сна,  
С пряником зима в окне стоит.  
Дождались. А сердце не стучит,  
И сама от счастья не пьяна.

Здесь, в забытом Господом краю,  
От гостей хорошего не ждут.  
Постоят, посмотрят и уйдут  
В жизнь свою и в пряничность свою.

Спросит братец старшую сестру:  
— Кто к тебе сегодня приходил?  
— Это ангел снился поутру.  
— Белый?  
— Белый.  
— Значит, Гавриил.

## РАСКАЗЫ

### АКУЛА

Антон никогда не хотел стать акулой. Его увлекала простая жизнь на природе, в красивом доме, с кучей детишек, и чтоб жена в выходные пекла черничный пирог и угощала соседей.

Жену Татьяну в отпуск он тянул в деревню на быструю реку Сосну лежать там на песочке и глазеть на местных птах, пятками задевать нагрешую июльскую воду и лениво поправлять дымящийся костерок. А в костерке — печеная картошка, а рядом холодное пиво. Но Татьяна, однажды съездив туда с Антоном, сказала, что мечтает о подводной охоте где-то на Гавайях. Антон был немного разочарован. Отсюда, из небольшой деревушки под Ельцом, была его мама. Да и родня тут, кто-то в Елец переехал, а кто-то здесь отстроился и всегда готов был принять в гости — живи не хочу.

На работе Антон был терпелив. Именно ему доверяла Татьяна формировать план общих действий. Антон был уникален. Из них двоих именно он был профессиональным программистом и прошел курс хорошего психотерапевта, который учил гипнозу. Эту способность — гипнотизировать людей голосом — Антон заметил у себя еще в детстве. Стоило ему что-то сказать хорошо поставленным голосом, даже не очень громко, все его друзья, а их была когда-то целая банда, слушались и делали, как он говорил. Мама считала, что из него бы вышел хороший военный командир. Но армию Антон не любил, отслужил там без особой охоты после физтеха, хотя его оставляли на кафедре в аспирантуре, но он не согласился. Антон никогда не был ботаном, он очень хотел зарабатывать большие деньги, занимаясь чем-то красивым и используя все свои способности. После армии он поработал в одной банке, где изучил всю кухню работы с банковскими программами. Просидев там тройку лет, он засобирился: почувствовал, что система душит и он не хочет работать на нее. В душе он был бунтарем против любой системы. К тому времени пошла мода на фрилансеров, и он подумал, что может и отлично жить, работая на разные компании и фирмы дома.

Личная жизнь у Антона не клеилась, да и казалось, что она ему не нужна. Мира компьютеров, удобного жилья, хоть и не в центре, периодических поездок в деревню ему вполне хватало. Он знакомился с девушками, даже общался, но быстро это превращалось в обязанность и скуку. Хотя мечта о доме близко к реке и жене с черничным пирогом по выходным была идеальной. «Обломов какой-то», — думал Антон. Роман он не читал, но посматривал фильм вместе с мамой, и очень ему запомнилась эта картинка: маленький Обломов просыпается и бежит в поля с криком: «Маменька приехала!» Так идилично, так маняще. По-русски. А он любил все русское.

У Антона не было вот этого дикого зуда — жениться на ком угодно, устроить свое гнездо, как сделало большинство его однокурсников. Он философски встречал и про-

вожал разных девушек, в основном даже не доводя до близости. Мама как-то сказала ему, когда была еще жива: «Береги девушек, сынок, не обижай их зря. Это может аукнуться». И он запомнил это. И не стал. Однажды появилась девушка, с которой Антон хотел бы создать что-то серьезное, и он было озадачился: начал красиво ухаживать, заезжать за ней на авто, покупать дорогие цветы и подарки, кормить в ресторанах, но присмотревшись, вдруг понял, что эта красивая Оксана — не его идеал, хотя каждый парень на его улице мечтал о такой. Картинка у него не склеилась. И хорошо, что он это осознал еще до знакомства с родителями. Он исчез, не оставив ей никаких улик и доказательств, просто переехал. В большой Москве найти человека... Тем более что Антон сменил и работу. Менять работу для него было не проблемно. Хорошего программиста всюду ждали. Антон и в одной компании поработал заместителем директора — тут в ход пошли его качества гипнотизера. Его слушались все, заморожено, влюбленно. Что-что, а харизма у него была. В этой компании у него и случилась роковая встреча.

Татьяна в отличие от Антона всегда мечтала стать акулой. Никаких рюшек, горошка, никаких розовеньких балеток, кудряшек и прочей мишуры для одноклеточных она никогда не носила. У нее не было матери. То есть она была, но умерла сразу после того, как родилась Татьяна. Был отец и его мать Софья Григорьевна. Слово «бабушка» Татьяна ненавидела. Софья Григорьевна была для нее — мать отца, упрямая гордая женщина, запихивавшая в нее манную кашу, гневно доказывавшая, что никогда не станет «бабушкой», так как презирала эту роль. Софья Григорьевна хотела быть вечно молодой. С поклонниками, в модных одеждах, на каблуках, с непременной сигаретой и... никаких пеленок. Сын — совершенно бесхребетный человек. Внешне он удался: и красавчик, и остер на язык, и музыкальное училище окончил, но толку от него не было никакого. Поэтому своего сына Софья Григорьевна называла нюней, не иначе. Константин, несмотря на это, мать уважал и слушался. Промахнулся он в женитьбе на не очень здоровой Катюше, бывшей однокласснице, с которой сблизился, а она вдруг забеременела. Так и родилась дочка. Таней назвали. А Катю проводили в мир иной. Костя погоревал и стал искать новую пассию, а дочку сбросил маме, которая восторга от этого не испытала. Таня больше всего мечтала вырваться из дома матери отца. И познать весь мир. Одевалась она, как ее бабушка. И так же стриглась. Ровное черное каре, обтягивающие юбки и брюки, черно-бело-красное. Красная помада появилась в шестнадцать лет. И ее потом Таня не стирала. Познакомиться с программистом она мечтала давно: в двадцать лет у нее родился грандиозный план, как жить припеваючи и не пахать, как все пашут.

Софья Григорьевна работала завучем в школе, и Таня училась там же. Они жили в небольшом городке в Подмосковье, школа была не самой худшей. Софья Григорьевна успевала все: на работе пахала как вол и всегда была среди лучших в роно. Один из служащих роно был ее давним поклонником, он приезжал к ней раз в неделю на красивом автомобиле, проводил с ней счастливый вечер, по праздникам вывозил в дорогой ресторан и возвращался к семье. Весь город знал об этом. Но служащий ничего не мог с собой поделаться. Он любил Софью Григорьевну, вот такую в кожаных брюках, курящую, любительницу детективов и эстетку. Она водила своего лысика по театрам и музеям, а в свободное время позировала молодому художнику, писавшему ее портрет.

Квартирка у матери отца была небольшая двушка хрущевского типа, у Тани была своя комната. На Таню Софья Григорьевна обращала мало внимания — кормилась девочка сама, зато регулярно получала от бабушки деньги на одежду, а иногда удоставлялась пройтись вместе по магазинам. Но все на ходу, на бегу. Такой Таня и выросла, такой и пришла вскоре после института на работу в одну московскую компанию, куда ее устроили по наводке всемогущего служащего роно.



Заместителя директора Антона она заметила почти сразу, он был очень харизматичен. Антон не заигрывал ни с кем из сотрудниц, задерживался допоздна на работе, Татьяна выяснила, что по образованию он программист, и это стало решающим фактором. На одном из корпоративов, выпив немного вина, она под села к Антону ближе. Открытая блузка, кожаная юбка лишь усиливали стройность силуэта. Острое черное каре загадочно оттеняло красивый профиль Татьяны, а за изящно откинутой прядью вдруг возникали глаза, волнующие, словно весь мир вобравшие в свою черноту. Не пойми что было в этих глазах. Сила какая-то, мощь, энергия, не секс даже, а именно энергия — действенная, бодрая и опасная. Вот эта опасность и покорила Антона. Он вдруг просто положил ладонь на колено Татьяны и придвинулся ближе. Вокруг клубились сотрудники, все что-то праздновали, а Антон пропал в этих опасных глазах. Он довез Татьяну до дома, в съемную квартиру, припарковал машину и поцеловал ее около подъезда. Какое-то смутное ощущение мелькнуло в его сердце, которое раньше было всегда спокойно. Сейчас же в нем развернулась целая борьба: захотелось взять и увезти эту девушку на реку Сосна и зарыться с ней в песок, а потом привести к родным и представить как невесту. Это, как картинка, пробежало в голове. Но потом исчезло. И снова вернулось уже дома. Когда он лежал на тахте, а перед ним жили ненасытные, будто оскаленные глаза.

Наутро он купил цветов перед тем, как зайти на работу. В первый раз в жизни. Татьяна была уже на месте, в более спокойной офисной одежде, она улыбалась из-под каре, кажется, даже застенчиво, но в этой улыбке Антону почудилось что-то хищное. Только на миг. Потом это ушло, и застенчивость осталась в сердце. Он всегда потом думал о своей Татьяне как о застенчивой. Цветы стали украшать стол Татьяны каждое утро, она вела себя идеально и даже отказалась от привычки, оставшейся с детства, — снимать туфли, когда сидела за партой в школе, чтобы ноги не потели. Антон мог появиться в любой момент. Она всегда была в форме. Офис ждал. И все произошло как-то быстро и даже немного прозаично. На новогоднем корпоративе Антон сделал Татьяне предложение при всех сотрудниках, и была намечена дата свадьбы. О свадьбе Татьяне сообщать было некому. Софья Григорьевна жила своей жизнью и даже не звонила в уверенности, что все и так хорошо, отец потерялся из виду несколько лет как. У Антона из родных были только дяди, тети и двоюродные в Ельце. Их и пригласили на свадьбу.

После свадьбы пара быстро уволилась из офиса и через некоторое время открыла свое дело. Это была небольшая контора по продаже офисной техники и всяких канцтоваров. Контора хорошо оборудованная, в ней было все, что помогало демонстрировать диктофоны, мини-плееры, была даже отдельная кабинка для проверки качества звука. На первый взгляд у пары был успешный бизнес. Контора располагалась в удобном месте, кроме Татьяны и Антона, там работал один продавец, дела ладилась. Машины улучшались, из поездок были Доминикана, Гавайи, Мальдивы.

Акула вершила свои дела грамотно. О том, что Татьяна была акулой, Антон узнал случайно. Как-то в отсутствие жены он обнаружил в столе блокнот, будто специально прикрытый бумагами. Он искал просто деловые письма и приоткрыл блокнот в неуверенности. И чем дальше он читал, тем больше погружался в текст.

«Собираюсь, ухожу. Иду, не останавливаясь, не отмечая, как разбегаются по дороге складки луж, потому что иду сквозь них. Вода не останавливает, не дает ощущения, что ты намочка. Я знаю, что есть вода, но ее нет. Вчера еще шел невероятный ливень, и он превратил проезжую часть в один сплошной текущий поток, и чтоб перешагнуть через него, нужны были резиновые сапоги. Но это вчера. Вчера у меня еще было то, что я называла чувствительностью. Сегодня ее нет. Как произошел переход и в с вязи с чем, я не помню. Я помню только, что мне захотелось погулять по крышам в темноте и не быть

ником замеченной. Я захотела шмыгнуть через проспект в неполюженном месте и никому не помешать, не удивить. Я захотела стать невидимкой. Невидимая сторона меня и так всегда была, и мне захотелось, чтобы она выиграла в битве с видимой. Что этому предшествовало? Это отдельный долгий разговор не для слабонервных, и в нем главное — не запутаться в датах и историях.

Когда-то я стала рыбой. Наверное, никто не хотел принимать меня такой — холодной, скользкой, с мерцающей серебристой чешуей, с остановившимися круглыми глазами, выражающими почти всегда одно и то же. Но я старалась быть хорошей рыбой. Я вовремя успевала подплыть, когда кто-то звал меня, и по рыбьей привычке преувеличивать качества всех, кто не рыбы, махнуть одним плавничком, махнуть другим и обеспечить заказчику все желаемое. Ведь чаще всего заказчиками были небожители — обитатели той части пространства, в которой у меня обитать никак не получилось. Из рыб я была серебристой рыбкой. Небожители забирали с радостью все, что я им доставляла со дна морского, и потом приходили снова. Но недра исчерпались потихоньку. Мне стало нечего им доставлять. И тогда они забыли меня. А забыв, так отравили славный водоем отходами от всего доставленного им, что жить в нем в теле серебристой рыбки не представлялось больше возможным. Я вымерла. Душа требовала новых реализаций, и, поняв, что серебристой рыбкой я быть больше не смогу, я стала акулой.

Мы, акулы, очень жестоки, ну вы знаете. Но знаете вы недостаточно точно. Вы думаете, мы нападаем на любое движущееся существо, особенно на человека. Я тоже так думала, ведь акульи гены влились в мою кровь, и мне было сложно бороться с этим. Хотя инстинктивно всегда хотелось быть серебристой рыбкой — той, что доставляет небожителям всякую всячину со дна морского. А инстинкт велел делать другое. Я жила, как все, как мои родители, как моя стая: кружила вокруг добычи, была беспощадна, но заметила, что тень серебристой рыбки не дает мне покоя. Каждый раз, когда я, подобно сородичам, хотела подобраться и искрошить, например, человеческое существо, тень серебристой рыбки шевелилась во мне, и глаза заволакивались влажной пеленой — я переставала четко видеть. Драма была в том, что тело действовало согласно инстинкту — я подплывала к добыче и открывала пасть, а зрение отказывало, поэтому частенько вместо добычи я наткнулась на бортик яхты или корабля или камни. У меня так и не получилось ни разу съесть человека, откусить ему что-то, надо сказать, и желания никакого не было. Просто инстинкт. Для еды мне достаточно было рыбы, которая плавала вокруг в достатке. А для кровожадности просто не хватало „везухи“.

«Как это здорово написано, — подумал Антон. — Странно как... Почерк Татьяны. Никогда не видел в ней интереса к писательству. Может, она книгу пишет...» Антон подумал, что надо бы спросить ее об этом.

Татьяна вела Антона как удачную добычу. Быстро поделилась с ним своей мечтой — стать богатой по-настоящему на полную катушку. Не тратить деньги на жилье, а путешествовать, испытывать что-то новое. Хранить все где-то в иностранном банке. Пока никаких детей. А бизнес — очень понятный. Хакерство клиентов банков. Место — удобное, своя контора. Действовать в своем кабинете, под предлогом постоянной работы с каталогами оргтехники. Работа непыльная. Если что — быстрый побег из страны. Никто и заметить не успеет, в стране такой бардак. Номера телефонов выкуплены, никто и не спросит, для чего они. Ясно, что контора.

Это акулье Антон начал чувствовать и до того, как нашел блокнот. Особенный оскал был у Татьяны, когда в день удавалось несколько взломов. Она открыто радовалась, когда лишались средств обычные люди, особенно учителя, медики, инженеры, искала их в соцсетях и потом следила, как там отражались изменения, произошедшие в их

жизнях. Их, учителей и медиков, ей было особенно не жаль. В деле Татьяна вдохновляла, Антон был исполнителем и тем, кто предлагал новые варианты взлома.

Акулий взгляд жены Антона сначала даже радовал. Такого он не встречал ни у кого из знакомых женщин. Ему, рано потерявшему мать, казалось, что он всегда прикрит. Но позже он стал тяготиться этим. От природы Антон был мягок и склонен к сострадательности. Но он успел полюбить Татьяну, поэтому присматривался, думал, ну притремся, не терять же такое выгодное предприятие из-за этого, все же и так хорошо. Только иногда эта ее жестокость задевала его, даже выводила из себя. Однажды он обчистил карту молодого человека на кругленькую сумму, не испытав при этом ничего, кроме чувства деловой удачи. Татьяна же параллельно залезла в контакт и углядела, что у молодого человека семья с маленьким ребенком.

— Оп, молодые родители попались. Прощайте ваши планы на отдых втроем, будете сидеть все лето в своей тьмутаракани.

— Стой, ты что, радуешься, что ли, этому? Что молодые родители на море не смогут побывать?

— Нет, блин, я горюю. Ты смеешься? Ты ж сам папашу хакнул только что.

— Я выполнял техническую сторону. Я не подглядывал, кто он. Если бы я знал, что это молодой отец, может, и не стал бы его ломать.

— Ой ли? Не придумывай.

Это был, пожалуй, первый случай, когда Антон всерьез задумался о душевном здоровье Татьяны и своем. Он проанализировал все и понял, что сам не стал бы никогда заниматься этим «бизнесом», что действует, исходя из ее убеждений.

Прошло немного времени, парочка совершила еще десяток удачных ограблений, деньги сыпались в карман фантастически быстро. Их ждала увлекательная поездка на пляжи Гоа за расслабоном и океанской охотой. Их потянуло куда-то на экзотический восток, где есть то ли Будда, то ли Шива... Они так и не успели разобраться. Времени на чтение книг не было, вот там приедут и почитают. Неприятный разговор забылся, дневник остался миражом. Татьяна перестала на глазах у Антона залезать в соцсети. У него же вдруг, наоборот, проснулся рабочий энтузиазм. Скучно стало просто взламывать, тупо воровать с сайтов или с карт, хотелось чего-то новенького, высокого.

Антон в свое время увлекался книгами по психологии, изучал устройство политических моделей общества, психологические факторы, влияющие на людей, различные фобии. И ему в голову пришла гениальная мысль.

— Слушай. Я придумал, они сами будут нам нести деньги. Даже взламывать ничего не нужно будет.

— Что-то новенькое?

— Да. Попробуем. А потом сразу на Гоа.

Для нового витка мошенничества Антон решил использовать свой голос и мышление жителей постсоветского пространства.

— Сектантское мышление, мышление коммунистов, не сдающих своих товарищей, — проговаривал он себе и Татьяне новую концепцию. — Это сработает на сто процентов. Эту страну не переделать. И даже год рождения не важен. Здесь все любят тайны и почти каждый знает, что такое военная дисциплина. Не говорить, молчать, врагом может оказаться каждый. Играем на этом. Надоело с эсэмэс, у нас есть еще одна ветвь: они будут посылать нам деньги сами. Будем формировать резервную капсулу.

Пошло просто на ура.

Начинала Татьяна.

— Ало, Алевтина, это охранное отделение банка А. Сегодня наша служба зафиксировала попытку списать с вашего счета десять тысяч рублей. Вы не знали об этом? Но мы предотвратили эту попытку. Сейчас нужно будет заблокировать вашу карту, но пре-

жде все средства, которые у вас есть, мы переведем в безопасное место, сформируем защитную резервную капсулу. Вы меня слушаете? Сейчас нужно будет автомату, не мне, продиктовать номер вашей карты и секретный код. А затем я передам вас специалисту по формированию резервной капсулы.

Дальше вступал Антон:

— Алевтина, вы меня слушаете? Где вы сейчас находитесь? Дома? Понимаете, мошенники могут прямо сейчас взламывать вашу карту, сейчас мы сдерживаем эти попытки, оставаясь на связи. Вам нужно будет сейчас выйти из дома, вы же хотите узнать, кто пытался совершить мошеннические действия с вашей картой. Вы идете в ближайшее отделение банка В, ... да, да, банка В, потому что это структура, родственная банку А. Идите. И запомните, вы не должны сообщать эту информацию никому. Потому что любой может оказаться тем, кто пытался взломать вашу карту. Так, Алевтина, что вы сейчас делаете?

Голос Антона действовал гипнотически, еще более гипнотически действовали слова. Это как игра в разведчиков. Все же о ней когда-то мечтали. А тут — настоящая разведка. Говорить никому ничего нельзя. А глубоко в подсознании гнездится партизан из белорусских лесов на допросе у немцев. И такой партизан здесь внутри у каждого пятого.

Антон шутил, он просил клиентов не полностью перечислять деньги на счет «охранника, который отвечает за формирование их резервной капсулы», а оставлял им пару-тройку тысяч на первое время. Он нажимал на то, что он сейчас — ответственный за сохранность средств клиента. Клиент, в страхе включенный в игру, снимал свои средства в банке В и по наставлению Антона перекладывал их на счет Данилова Захара Александровича, «охранника, ответственного за формирование резервной капсулы». Сделав основное, Антон передавал клиента Татьяне. Она завершала дело, выясняя про все другие карты, которые есть у этого клиента, например, кредитные.

В последнем случае им попала девушка, которая была напугана, все исполняла, а в телефон читала какую-то молитву. Повторяла все время: «Господь, пожалуйста, защити», что ли... Они перемигивались: «Набожная какая-то...» И подвернувшуюся набожную, как и всех остальных, не пощадили. Забрали все по полной, немного оставив на первое время. Но вот когда она стала искать свою кредитную карту и на это ушло около часа на прямой связи, у Татьяны сдали нервы, и она кинула трубку.

Они еле сдерживали смех, когда быстро снимали со счета Данилова Захара Александровича сорок тысяч. Все-таки рассмеялись очень громко, и к ним даже подошел менеджер с вопросом, но они быстро попрощались и ускользнули.

Самолет на Гоа маячил впереди, вещи были с собой, они вызвали такси. Таксист на потертом «хюндай» приехал одноглазый. Антон не хотел к нему садиться, но Татьяна зашипела: ты что, мы же на самолет опоздаем, а таксист уверил, что довезет за двадцать минут. Татьяна и Антон расположились на заднем сиденье, теперь более сосредоточенно, почему-то хохот ушел. В воздухе повисло какое-то четкое ощущение — то ли смерти, то ли нафталина.

— Водитель, а вы одежду с нафталином держите? — спросила Татьяна.

— Да и не пахнет вовсе, — промямлил водитель.

Вонь стояла невыносимая. Хотелось выброситься из машины. Антон открыл окно.

— Я очень устал. С этой последней было как-то по-настоящему тревожно, что ли... Не знаю. Наверное, просто хочу отдохнуть.

— Ничего, милый, скоро будем лежать на пляже. Все забудем, вращаем друг в друга. А потом поохотимся.

— Да твоя охота...

Охота уже началась. Водитель «скорой помощи» сегодня не спал вторые сутки: его некому было сменить, а вызовы сыпались один за другим.

— Я не смогу ехать.

— Твою же... — орал голос в трубке, — ищи себе замену!

— Ок, последний раз.

Он ехал по своей полосе, засыпая, сместился на близлежащую полосу и, нажав во сне по полной педали газ, налетел на черный «хюндай». «Хюндай» протащило вместе со «скорой» и выкинуло за трассу. «Хюндай» перевернулся, «скорая», пролетев несколько метров, замерла на месте.

Акула открыла глаза. Рядом недвижно лежало нечто напоминающее Антона. Эта масса улеглась на нее и нависла. И еще очень сильная боль в ногах... «Скорая» приехала минут через двадцать. Акулу вынесли на носилках. Одноглазый водитель трясся. Водитель пустой «скорой» был отправлен в больницу. Антона доставили в морг.

Татьяна лежала под капельницей и бредила: «Серебристая рыбка, я же всегда была серебристой рыбкой, Антош. Я никогда и не была другой. Зачем ты обвинял меня... Что у меня акуля пасть и акуля улыбка... Возьми меня с собой. Пожалуйста».

\* \* \*

Дребезжащий автобус вез Татьяну к небольшому отелю. Ей удалось сесть: индусы сочувственно смотрели на ее хромоту. Сильные переломы после аварии срослись, но хромота осталась, и кажется, до конца жизни. Бледность еще напоминала о страшной потере крови, отросшее каре выглядело неопрятно, по всей голове протянулись серебристые пряди. В автобус с ней зашли две пары индусов, которые только что были в храме. Женщины посматривали на Татьяну и поддерживали, когда она забиралась в автобус. Они заметили эту иностранку сидящей со вздрагивающей спиной на голом мраморном полу подле милостивой формы Дургидеви. Даже не всхлипы неслись от этой высокой худощавой женщины, а стоны, заглушавшие рыдания. Одна из индусок подошла и сердобольно положила руку Татьяне на плечо. Татьяна оглянулась, и индуска увидела размытый болью взгляд. Индуска взяла руку Татьяны и положила в нее маленький цветочек с гирлянды. Татьяна приложила цветочек ко лбу, и вдруг ей стало легче. И очень захотелось уплыть, прямо сейчас. Она резко поднялась, оглядела своды храма, мысленно простилась со всем этим, поклонилась богине и направилась к выходу. Автобус вскоре подвез ее к небольшому отелю. Татьяна не зашла в номер, она шла к океану. Только он мог освободить ее.

— Светлая пустота, если ты знаешь, кем я была, кем я буду, прими меня такой, как я есть. Я — серебристая рыбка, ты же знаешь. Я — серебристая рыбка.

С этими словами она бросилась в океан, и огромные волны бросали ее, как маленькую щепку, и уносили прочь от берега все дальше и дальше. Она не кричала, не плакала. А океан бил ее. Нещадно, наотмашь. И тащил, а она не сопротивлялась. И когда очередная волна больно ударила ее в грудь, она вдруг зарыдала, и из глубины ее существа вырвался страшный крик: «Прости, ну просто прости меня!!! Прости меня за все, Антош!!! Прости меня, Бог, я не знаю, какой ты, но прости меня. Простите меня все, кому я причинила страдания. Простите меня...» С этими словами она ушла под воду. «Акула», — мелькнула мысль. И так же неожиданно волны словно усмирились и мягко потащили ее к берегу. Сами усердно и почти ласково отправляли в ту сторону, где виднелся ровный песчаный пляж с пальмовыми зонтиками и где спасатели следили за ее фигурой и прыгнули в катер.

— Я хотела стать акулой, хотела уплыть, — по-русски твердила она спасателям. — Океан выбросил меня, он отправил меня обратно.

— Океан любит тебя, — по-английски произнес один из спасателей.

Они оставили ее на берегу и занялись своими делами. Татьяна встала и побрела по песку. Молча, не рыдая, смиренно глядя перед собой. Фигурка девочки лет пяти оказалась перед ней. Она играла с волнами, плескалась и смеялась. Татьяна упала перед ней на колени и хотела прошептать что-то, но голос отказался служить ей.

— Поиграй со мной! — прокартавила девочка по-русски. — Поиграешь?

— А во что мы будем играть?

— Ну вот в это ты умеешь? Моле волнуется лаз, моле волнуется два, моле волнуется тли, молская фигула, замли, — и девочка замерла с поднятыми руками.

— Я — серебристая рыбка. Я все умею.

### РЭП В СТИЛЕ ФИЛОНОВА

«Горевать, не горюя», — мозг ничего не делал, чтобы породить это. «Горевать, не горюя. Или лучше бы не горевать. Я ж большая. У меня работа, очень много работы». Не успев даже растрепаться, волосы сами сложились в нужную прическу, а элегантный костюм устроился на теле, будто и во сне был там.

Горе-вать, не го-рюя.  
 Без тебя я тоску-ю,  
 Этот ве-тер осо-бенный  
 Гонит сны сереб-ряные.  
 И за-быть не суме-ю я  
 Серебрис-тые крыль-я.  
 Я мечта-ю о них столь-ко лет уже,  
 Про-кричу толь-ко: «Бо-же, где же!»

«Фу, что это вообще... Наслушалась рэперов...» Ночь была взорвана судорогами местных мотоциклистов, и теперь Лиз опаздывала на работу. «Господи, сорок три года, а все туда же. Рэп сочинять, ну не дурная ли...»

Она обгоняла элегантного мужчину, когда почувствовала этот укол в сердце. «Папа! Папочка! Господи, хорошо, что не заорала. До чего ж похож!» Лиз вырвалась вперед, чтобы оглянуться и увидеть лицо. Красивое, мужественное, интеллигентное, с чуть суровым взглядом, чуть с прищуром, чуть с улыбкой. Будто спросили глаза: «Вы ко мне? Что-то спросить хотите?» — «Нет... Хочу, конечно, но не буду. Как же вы похожи на моего отца!» Образ отца возник перед глазами такой живой. Прямо в тот день он довез ее до школы и почему-то вышел из машины, и обнял, и потрепал по волосам, и сказал: «Лиз, дочка, держи хвост пистолетом». А через два часа он разбился на трассе якобы из-за превышения скорости, хотя Лиз знала: он никогда не нарушал правила дорожного движения. Никогда. И никакая причина не могла заставить его сделать это. Российский дипломат, работавший в разных странах, он соблюдал законность абсолютно во всем.

Погруженная в воспоминания, Лиз отдернула локоть от неожиданности. Элегантный мужчина коснулся ее руки едва-едва, но она все же вздрогнула.

— Не хотел напугать вас, простите. Мне показалось, вы хотели что-то спросить у меня.

Маска удивления.

Внимательные серые глаза мужчины чуть сузились и потеплели.

— Какая вы! На Патрисию Каас похожи.

— Да, мне многие говорят. Я наполовину француженка.

«Никогда не заговаривай с незнакомцами», — мелькнуло у Лиз. Рука в кармане уютного полупальто будто согрелась, а второй она приоткрыла сумочку, чтобы достать бумажный платочек.

— Вы плачете?

— Нет, немного. Расчувствовалась. Ваш силуэт напомнил мне моего отца.

— Вы француженка по маме, наверное? А кто был ваш отец?

— Дипломат, он разбился, когда мне было двенадцать. Мама француженка, да.

Кофейно-ванильный аромат приблизил их друг к другу.

— Вы завтракали?

— Нет, я проспала.

— Так, может... — и мужчина показал в сторону кофейни, мимо которой только что пронеслась стайка галдящих китайцев.

— Нет, я на работу. У меня запись по времени.

— Может, такси?

— Вы — маг?

Немного сбившийся ритм дыхания сделал голос Лиз низким и взволнованным. Она искоса поглядывала на мужчину, пытаясь найти подвох в его поведении, взгляде.

— Подвоха нет, — с улыбкой парировал он ее мысли. — Вы мне очень понравились. И я не ловелас. И не сижу в Интернете в поисках удовольствий. Я — ученый. Вас как зовут?

— Лиз.

— А, ну да, по-французски. А я Константин.

— Приятно.

— Завтра суббота, вы не работаете?

— Нет. Отсыпаюсь.

— А можно я приглашу вас на поздний завтрак?

Доверие Лиз росло с каждым его словом. «Наверное, ему за пятьдесят».

— Пятьдесят три года, был женат. Сейчас мое сердце свободно, — среагировал Константин.

— Горюете, не горюя? — почему-то спросила Лиз.

— Да, в некотором смысле.

— И я... Константин, я в метро.

— Завтра в этой кофейне в двенадцать смогу вас увидеть?

— Я очень постараюсь, — сердце Лиз екнуло снова. Она не хотела в метро.

— Значит до завтра?

— До завтра!

Метро дышало своей особой сыростью. Но никакие запахи не воспринимались Лиз, она замерзла, дрожащие пальцы перебирали мелочь в кармане как-то автоматически. Этот взгляд, серый, внимательный, улыбчивый. Теперь он поселился в ее глазах.

\* \* \*

Звонка Эрнста Лиз не ждала сегодня и ответила как-то нервно.

— Встретиться сегодня в обед? Это так срочно?

— Лиз, я заеду за тобой. Мне необходимо с тобой увидеться.

— Уж заедь, пожалуйста. Я промерзла с утра и хотела перекусить рядом с работой.

«Что к чему? То пропадает, то резко вдруг — обедать».

Эрнста не было две недели, и Лиз вспомнила, как они расстались в последний раз.

Она заговорила с ним о художнике Павле Филонове. Историю о его жизни и любви она увидела случайно по телевизору и не смогла оторваться. Эрнст был младше Лиз на восемнадцать лет, они познакомились через друзей, на художественной выставке, оба любили живопись, Эрнст стал заезжать к Лиз на работу, приглашать в приятные места. «Дружочек» называла его Лиз и не думала о серьезных отношениях. Эрнст же вел себя безупречно, но никогда не было понятно, ухаживает он за ней или просто ценит ее общество.

«Павел Филонов женился на женщине старше его на двадцать лет, — думала про себя Лиз иногда по вечерам, когда одиночество змейкой сворачивалось в кресле напротив и не сводило с нее холодных внимательных глаз. — Ты же одна. Была одна и будешь одна. Будь с ним помягче. Проверь, может, он любит тебя. Ведь ходит уже год».

Прежние увлечения сделали сердце Лиз отстраненно-холодноватым, после истории с предательством она привыкла оставлять мужчин где-то за пределами входа в свое сердце. Рассказ об удивительной любви Филонова пробудил в Лиз давно заданное чувство. Она поделилась этой историей с Эрнстом и сказала ему тогда:

— Ну, ясно, это гений. Он не замечал разницы, и ему было плевать на общественное мнение.

Эрнст исчез после этого. И вдруг неожиданно появился.

Кафе было в самом центре, даже странно, что он выбрал именно его. Простая кондитерская. Ну, не совсем простая. Лиз любила там бывать с мамой, это было место, куда они ходили всей семьей в ее детстве.

«Как странно, — думала Лиз, пока Эрнст вез ее. — Почему именно туда?» Обычно он приглашал ее в небольшие клубы и ресторанчики с камерной обстановкой, будто опасался людных мест.

Подаренные Эрнстом нежные розы очень шли к тонким чертам лица Лиз и ее бледноватой коже.

— Ты очень красивая, но бледная сегодня. Не выпалась?

— Да, байкеры отмечали начало сезона.

— О, боже. Я понимаю... Знаешь, я перевезу тебя оттуда.

— Перевезешь? Ты? Как друг спасешь жизнь друга?

По радио вдруг зазвучал рэп, но Эрнст тотчас переключил его.

— Оставь, пожалуйста!

— Ты увлеклась рэпом?

«Горевать, не горяя...» — прошептала Лиз.

— Как-как? — тихо спросил Эрнст. — Ты какая-то не такая сегодня.

Внутри Лиз жил серый взгляд чуть ироничных глаз, а рука невольно вздрагивала от прикосновения, такого легкого, что только очень чувствительный человек мог понять, что оно было. Прикосновение, которое не хотело тревожить.

Лиз не заметила, как розы превратились в ромашки. Лепестки валялись вокруг сиденья, на коленях.

— Лиз, о чем ты думаешь? Что ты сделала с цветами?

— Ой, прости... Господи, я не хотела.

— Ты гадала на них, как на ромашке?

— Нет же, тебе показалось.

— Лиз, — Эрнст остановил машину.

Он вдруг посерьезнел и приблизился к Лиз.

— Лиз, я хотел сказать тебе... Я обожаю тебя. Я хочу быть с тобой.



Дыхание. Его не было. Слова не произносились, Эрнст будто выдавливал их из себя щипцами, горячими, коваными.

Дыхание. Лиз проверяла. Оно было спокойно. Сердце уверенно отсчитывало удары и работало с четкостью отлаженного механизма.

— Я не смогу быть с тобой.

Эрнст отстранился. Дыхание, прерывистое и горячее, оказалось в холодном пространстве разорванных роз.

— Но почему? Ты же сама говорила про Филонова. Я же...

— Ты не Филонов, Эрик. Ты придумал это.

— Но... ты же сама говорила...

— Я ошиблась. Мы можем просто дружить с тобой. Прости, я пойду.

— Я подвезу.

Эрнст попытался дотронуться до руки Лиз. Прикосновение, просто прикосновение.

— Не нужно. Тут недалеко.

— Возьми цветы...

\* \* \*

«Горевать, не горя...»

Утро согрело улыбающимися лучами.

«Сегодня!»

Семь ноль-ноль. Горячий душ, дыхание. Цветной отсвет на столе, вчерашний кофе. Забытая чашка. Остатки странного вечера. Вечера вчера. И смутное ощущение прикосновения на руке, здесь, сейчас.

Лиз бежала по улице обычным маршрутом: мост, проулок, сквер, где обычно бежали по утрам и вечерам. Немытые скамейки, черные деревья, спящие на скамейках бомжи, космос ухабин. Маршрут как-то неожиданно изменился, и она оказалась в безлюдном месте. Арка в тупиковый двор-колодец. «Вроде не была здесь никогда. Как во сне». В арке стояли два человека, о чем-то негромко разговаривая. «Филоновские лица у них, — подумала Лиз. — И фигуры...» Гулкий стук шагов раздался за спиной Лиз, она оглянулась, но никого не увидела. Из-за угла появилась собака, дворняга, крупная, с большой головой, жилистым телом, внимательными глазами. «Филоновская собака». Собака подошла к Лиз, обнюхала, повиляла хвостом и направилась к двум разговаривавшим людям. Лиз оглядела их троих, развернулась и побежала обратно.

Заморосил дождь. Музыка в ушах закончилась, и Лиз сначала услышала мерное постукивание барабанов, а потом увидела, как большая группа чернокожих молодых людей, построившись в несколько рядов, танцует под рэп. Дождь усиливался, а они все танцевали. Лиз незаметно влилась в танец. Она двигалась в общем ритме и подпрыгивала, меняя ногу там, где меняли все. Парни и несколько девушек в темных куртках с капюшонами, широких штанах и кроссовках были погружены в танец. Танец лился по жилам, Лиз остановилась, только когда совершенно промокла. Один из ребят накинул куртку ей на плечи, разулыбавшись.

— Good dancing! — с восхищением проговорил он.

— And you!

Лиз прислонилась к стене под козырьком и стала наблюдать. «Какие же они красивые. И ими правит единая вселенская энергия, неразрушимая и загадочная».

Парень кивнул, приглашая Лиз обратно в танец. Она вдруг улыбнулась открыто и радостно, сняла куртку, вернула ее хозяину и, сказав: «Thank you, I have a meeting soon», побежала в сторону дома. Хозяин куртки провожал ее взглядом, и прежде чем исчезнуть из вида, она обернулась в прыжке и махнула ему рукой.

---

---

## Валерий СКОБЛО

\* \* \*

Представьте: вы подбросили монету,  
Она зависла — в жизни, не в игре.  
Висит, сверкая... объяснений нету,  
Всем смыслам вопреки — и на ребре.

Так не бывает? Но вокруг взгляните:  
Не менее чудесно все вокруг.  
Какие удивительные нити  
Заметите, лишь приглядитесь вдруг.

Кто дергает?.. кто оставляет метки?..  
А разбираться станешь — ничего.  
При всем при том: мы — не марионетки,  
И это удивительней всего.

\* \* \*

В старости любовь не претендует на тело,  
Но и не призрачна, хоть и бесплотна.  
В молодости (если помнишь) — другое дело:  
Ей нужно все — разом, бесповоротно.

Никаких компромиссов тебе и уступок,  
Нет кокетства для нее и обмана.  
Слово не то, а тем паче ложный поступок  
Обрушивают начало романа.

---

Валерий Скобло — поэт, прозаик, публицист. Родился в Ленинграде в 1947 году. Окончил матмех ЛГУ. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту», «Записки вашего современника», «О воде и воле», «За тайной печатью». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной (Англия, Беларусь, Болгария, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Канада, Казахстан, США, Финляндия, Эстония и др.) литературной периодике. Основные публикации последних лет в журналах «Арион», «День и ночь», «Звезда», «Зеркало», «Зинзивер», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Литературная газета», «Нева», «Новая Юность», «Новый берег», «Сибирские огни», «Слово\Word», «Урал» и многих других. Стихи для детей — в журналах «Костер» и «Чиж и Еж», переводы — в журналах «Таллин» и «Иные берега». Лауреат премии им. Анны Ахматовой (2012), финалист международных конкурсов стихотворного перевода «С севера на восток» (2013 и 2016), дипломант литературной премии им. А. А. Ахматовой (2015). Живет в Санкт-Петербурге.

А теперь любой каприз, суета, нелепость  
Оставляют в неизменном покое.  
Сердце в старости похоже на замок... крепость.  
Да и что ты можешь сказать такое?..

\* \* \*

Про сенат я читаю, налоги...  
Древний Рим... Просто глаз не отвесь.  
Есть ли толк от прямых аналогий? —  
Сомневаюсь... Не знаю... Бог весть.

И чем Цезаря шутки глупее,  
Тем ликует толпа все сильнее.  
В этой древней, как мир, эпопее  
Место зрителя прочих верней.

Не по той очевидной причине,  
Что чуть реже кидают ко львам —  
В пребывании в Цезаря чине  
Много рисков, неведомых нам.

Страха нет, но отнюдь не уверен  
В едкой пользе сатиры прямой.  
Цезарь глуп ли, жесток, злонамерен? —  
Не склоняюсь к ответу, друг мой.

Потому что представить не в силах,  
Что творилось в их куцых мозгах.  
Эту тайну в глубоких могилах  
Пусть скрывает сиятельный прах.

\* \* \*

Там, где-то внутри, я даже совсем молодой, вполне,  
Хотя порой в транспорте и уступают место.  
Я присаживаюсь, никогда предварительно не  
Изобразив на лице нечто вроде протеста.

Стыдно признаться, даже девушки иногда — о, да!  
А думал, что отнюдь не похож на старика я.  
Как обширно время забросило свои невода,  
Понимаешь, только на лицах жалость читая.

Молодые женщины тоже... хорошо не с детьми.  
Если б с детишками — думаю, умер на месте...  
Сажусь и гляжу за окно, делая вид, черт возьми,  
Что глядеть не на них мне, а в окно интересней.

Думал ли ты когда-то, дурень... молодой зубоскал,  
Что придется болью мучиться... стыдом, виною?  
Старость подходит совсем не неслышно, как ты читал —  
Толая... руки выламывая за спиною.

\* \* \*

Вчера опять читал Овидия. Назон  
Не показался мне несчастным свыше меры.  
За книгу легкомысленную сослан он —  
Теперь мы знаем и печальнее примеры.

Увидел даков и сарматов... Боже мой!  
Я повидал не то еще... без всякой ссылки.  
В парадняках не грелся он зимой  
И не сдавал на выпивку бутылки.

А тоже ведь наука. И под статью вполне  
Искусству этой самой... нежной страсти.  
В имперских ли пределах или оных вне,  
Какая разница? — всегда ты в той же пасти

Судьбы. К чему считаться и равнять тогда  
Все выпавшие в жизни на плечи невзгоды?  
Везде нас ловят точно те же невода  
Под равнодушным взглядом неба и природы.

\* \* \*

Как далек я от вашего племени,  
Сводит скулы от скучных речей,  
И вообще не из этого времени —  
Я, свободный, безумный, ничей.

Я живу, ваших капищ не трогая,  
Вне пределов расчисленных дней.  
Мне, поскольку даровано многое,  
То и больше, чем прочим, видней.

Я пришел из пространства несущего,  
До него кто из вас доплывет?  
Да, мне внятны извивы грядущего,  
И я знаю их все наперед.

Из владений Эразмовой Мории  
Много вынес и многое спас...  
Я листаю страницы истории —  
Этой книги, закрытой для вас.

## БАБУШКА

### Рассказ

Охрана к ним даже не заглянула.

Обычно они в десять, или, там, без четверти, или в начале одиннадцатого заглядывают. Типа все в порядке? То есть как *обычно*? Это когда Гарик задерживался, он знал, а если все разошлись, может, и не заглядывают, тем более что в коридоре камера стоит. Кто их знает, как они контролируют, если тут никого нет?

В большом бизнес-центре все было по-взрослому: турникеты на входе, пропуска постоянные с фотками, временные — на ресепшене, вошел-ушел.

А не проверяли — потому что на этот раз все было оформлено. Потому что на всю ночь — это другое дело. Гена подписал. Гена — это гендиректор. Ген — ген, каламбурчик. Гарик отнес начальнику охраны, а уж тот своим передал или на словах сказал — это не важно. Мало ли как у них это устроено.

Охранная система Гарика не очень волновала. И вообще, такая служба... Специфическая... То есть как вежливый мальчик он всегда с охранником здоровался, с любезной, даже такой легкой улыбкой. Но все равно. Это ведь ясно. Вот он тебе в ответ улыбается, а скажут — так и... Нет, понятно, сейчас не тридцать седьмой год, как говорит Буль, но суть-то одна.

Буль — это бабушка Гарика. Он маленький не мог выговорить «бабуля», у него получалось вроде как «бульбуля». А потом до просто Буль сократилось. Ну, конечно, Буля, но я никто не произносил. Никто — потому что с легкой руки ребенка и другие ее так стали называть.

Ну вот. А остался Гарик на работе из-за того, что в это самое время на Дальнем Востоке их команда сдавала проект. Конечно, по идее все должно быть дистанционно, даже и лучше, если бы на месте никого не было. Но на всякий случай, мало ли что, Гена его оставил. И чтоб не скучно было — Инну. То есть это так говорится — «чтоб не скучно». Можно ведь и так сказать, что ее оставили, а его — чтоб ее развлекать. Они на равном положении были. Но как-то все воспринимали... Конечно, сексизм чистой воды, но что поделать, так уж этот мир устроен.

Да скорей всего, ни ему, ни ей не придется ничего делать, все отлажено. Но на всякий пожарный, как говорится. И слово *пожарный* — вдвойне уместно, потому что их заказчиком было МЧС. И уж тут не должно быть никаких случайностей. Еще бы! Контракт с такой структурой — это вам не шуточки!

Когда этот проект четыре года назад начался, в «Инфосистемсервисе» было что-то около тридцати сотрудников, да и то со всем вспомогательным персоналом. А теперь только в одном Гарикином департаменте — двадцать три! И всем работа находится, еще и задерживаться приходится. Это даже охранники подтвердить могут: бывает, в десять заглянут, а тут... Не то чтобы что-то праздновали, пьянка-гулянка, ну и заси-

---

Михаил Першин родился в 1955 году в Баку, там же окончил университет. Прозаик и драматург. Публиковался в журналах «Юность», «Огонек», «Урал», «Нева» и др.

делись — это да, бывает, у них дружный коллектив, ну в смысле — нормальный. Но все равно редко. А обычно — реально работают. Без дураков.

Они такую базу данных забахали — эмчезовцы сами не ожидали. Ну, кстати, и получать стали. Гена сказал, если все тип-топ пройдет, премия будет о-го-го какая. Так что стóбит, да, одну ночь посидеть на рабочем месте?

Кстати, если б он один был, так в каком-то смысле и лучше. Лег бы на диванчике в холле, вздремнул: до двух часов точно ничего не будет. Да и после — пока они там, на востоке, начнут, пока что. Вряд ли раньше четырех-пяти что-то понадобится. Но, конечно, все равно в два надо быть на рабочем месте. Так что так на так выходит: до двух лучше было бы одному, зато после — вдвоем веселее. К тому же Инка такая, с ней не соскучишься. Ну, их потому и оставили двоих, что они друг другу подходят.

До девяти сидели на своих местах. Новости, там, фейсбук, вконтакте, пятое-десятое. А в девять Гарик позвонил Буле.

Потом пошли чай пить.

Инна говорит:

— Ты что, каждый вечер к ней заходишь?

(Это она услышала, как он говорил, что сегодня не придет.)

— Да, стараюсь.

Он снимал квартиру недалеко от бабушки, так что все равно от метро мимо идти.

— Иногда, конечно, не получается, — уточнил, — но я стараюсь. Особенно сейчас.

— А что, она болеет?

— Нет, слава богу, все в порядке. Просто по «Культуре» «Коломбо» показывают, она смотрит, а не все разбирает. «Почему, — говорит, — сейчас стали так невнятно говорить?» Сама понимаешь, слух снижается, склеротические явления. Причем с головой у нее все о'кей. Кроссворды решает, в Википедии ответы проверяет. Или если какую-то передачу пропустит, может на сайте посмотреть.

— Молодец какая! — покачала головой Инна. — А сколько ей?

— В этом году будет восемьдесят девять. На будущий — юбилей!

— Дай бог, дай бог!

— Кстати, тебе от нее привет.

— Она что, меня знает?

— А как же! Она всех знает, и по рассказам, и по фоткам. Я ей после корпоративов показываю.

— Счастливый ты, такая бабушка! Надо же, в девяносто лет компьютер освоила!

— Ну как освоила, Википедия, ю-тьюб...

— А ты что, хотел ее к нам разработчиком устроить? — засмеялась Инна.

Они пили чай и обсуждали рабочие дела, как это свойственно всем нам в свободное от службы время. Вдруг Инна сказала:

— Погоди, ты же можешь с ней по телефону смотреть. В смысле не смотреть, а...

— Что? — не понял Гарик.

— Ну, смотреть на компе, в онлайн-ТВ и по телефону объяснять, что она не расслышит.

Идея вдохновила любящего внука. Он даже лучше придумал — просто найти в сети серию «Коломбо» и смотреть параллельно, на «Культуре» ведь рекламы нет, так что все будет синхронно. Даже и лучше: онлайн-ТВ всегда с каким-то запаздыванием идет, а так можно точно подогнать. И не по телефону говорить, а по скайпу. К тому же будет видно, что у нее на экране, хоть и нечетко, и если что-то разладится, подогнать.

Нина Егоровна сперва поупиралась, мол, ничего не надо, я и так в целом понимаю, а если какую-то фразу не разберу — не беда. Но когда Гарик сказал, что и ему хочется скоротать время, согласилась.

Короче, с десяти двадцати до начала одиннадцатого они смотрели американский детектив все втроем, потому что Инна тоже не осталась в стороне от этого семейного просмотра.

В час ночи позвонил Андрей — старший группы, отправившейся в Хабаровск. Убедился в их готовности и сказал, что через полчаса у них *начинается*.

Впрочем, наш рассказ посвящен не трудовым подвигам сотрудников компании «Инфосистемсервис» и уж тем более не тонкостям работы самой инфосистемы, которые к тому же и секретны. Мы ведем речь о делах более частных, об отношениях простых людей. Даже так: о простых отношениях простых людей. Поэтому только отметим, что мероприятие прошло отлично. Система работала без сбоев, хабаровчане остались очень довольны. Правда, раза три Гарику с Инной звонили, но ничего серьезного: так, кое-какие мелочи уточнить. А в детали нам и не следует углубляться. Тем более что они еще и секретные. А главным образом потому, что мы в этих вопросах не шибко компетентны, и если наши комментарии попадут на глаза профессионалу, конфуз может получиться. Да и вообще, разговор тут не о технике, а о жизни, о маленьких радостях и таких же небольших огорчениях нашего доброго знакомого Гарри Кутинкина. Ну и уж раз оно так сложилось по сюжету — его коллеги Инны Филобитовой.

Сидят, значит, Г. Кутинкин и И. Филобитова за своими компами, на расстоянии, чтоб не соврать, метров шесть-семь друг от друга, и мирно беседуют, поскольку больше им в два часа ночи заняться нечем.

Инна:

— Вот ты все — «бабушка, бабушка». А про родителей я от тебя никогда не слышала.

— Так она меня и вырастила. Они, когда институт окончили, где-то в начале восьмидесятых, на Север завербовались. Потом меня родили, ей привезли. Они как раз и подгадали к ее пятидесятипятилетию. Мама, конечно, сколько положено, полтора года, просидела. Но это, как ты понимаешь, я смутно помню. И обратно уехала. А дальше я — с Булей.

— А где они на Севере были?

— В Певеке.

— А-а-а...

Они помолчали.

— А что ты спросила?

— Просто моя мама тоже на Севере родилась. Видишь как, одни сами туда ехали, а другие...

— Ну она-то понятно. Родилась. И я мог там родиться, просто мама в Москву приехала рожать. Но ее родители, в смысле твои дедушка с бабушкой, тоже ведь...

Инна не ответила. Гарик понял, что сморозил какую-то глупость. И тут же сообразил, что речь идет о людях на поколение старше. И раз они оказались *там* где-то в пятидесятых...

— А... Они... — Он с трудом подбирал слова. — Как бы... Не сами туда поехали.

— Нет, — коротко ответила Инна.

— Извини, я сразу не допер. Твоя мама какого года?

— Пятьдесят первого.

— А-а-а! — повторил Гарик.

Его родители были сильно моложе: мама — на восемь, а папа — на шесть. Они вместе учились, но он — после армии.

— И за что их? То есть я понимаю, что тогда не надо было *за что*, но все-таки.

— Их — ты имеешь в виду моих... дедушку с бабушкой?

— Ну да.

— Ладно, знаешь, это неинтересная история.  
 — Очень даже интересная. Это же именно *история*.  
 — Да нет, ничего «исторического» там не было. Хотя статью ей пришили политическую. В смысле — бабушке.

— А... — начал Гарик, но не договорил слова «дедушке», сообразив, что того могли и расстрелять.

Хотя мало ли от кого могла зэчка родить? Даже и от охранника. Понятно, что Инне неприятно об этом говорить. Но она поняла незаданный вопрос и ответила. Потому что сколько ни держи в себе, раньше или позже все равно надо кому-то открыться. А тут еще и обстановка такая. Ночь, никого кругом. Кроме одного — кажется, понимающего — собеседника. Тем более родом практически из Певека. Правда, ее мама была из Норильска. Но это уже не принципиально: Певек, Норильск...

В общем, *история* там была такая.

Иннина бабушка окончила экономический техникум и получила направление в сберкассу. Год проработала, была на хорошем счету и в отпуск поехала на Кавказ. В смысле — Минводы. Инна точно не помнила, ей казалось, что в Железноводск, ну да это роли не играет.

Через пару месяцев после возвращения она обнаружила, что беременна. А год — пятидесятый, самый разгар борьбы за нравственность. Тогда много за что боролись. В том числе за нее. С одной стороны, аборт запрещены, а с другой — ребенок без отца будет изгоем. А уж мать — своим чередом. Потому что с какой стороны ни посмотри, а безнравственность выходит чистой воды.

Взвесив все за и против, баба Люся (хотя тогда она, конечно, еще никакой *бабой* не была, а просто Люсей) решила от ребенка избавиться. Стбило это дорого, потому что подпольно всегда дорого, денег у нее не было, с родителями она не решилась свою проблему обсудить. И ничего лучше не придумала, как взять деньги из кассы, рассчитывая за два-три месяца взятую сумму вернуть. А дальше события стали разворачиваться с сумасшедшей скоростью.

На следующий день после ее антиобщественного поступка — ревизия! Деньги Люся еще не потратила и могла вернуть. Но когда она пришла на работу, сейф был опечатан.

Что делать? Разумная девушка здраво рассудила, что скрыть хищение не удастся, все равно выплывет, и решилась на единственно правильный в этой ситуации шаг — покаяться ревизорам.

Ревизоров было два: старший и помощник. Точнее, две. Молодая, сверстница преступницы, должна была ее понять. Впрочем, ее мнение вообще не играло никакой роли. Девушка, очевидно, впервые принимала участие в ревизии, гордилась доверенной ей миссией и вообще только поддакивала старшей и выполняла ее указания. Опасения внушала старшая — строгая, немногословная. Но другого выхода не представлялось, и Люся, выбрав удобный момент, во всем призналась. Она предъявила взятые деньги, которые еще не успела потратить, и, как тогда говорили воспитательницы из дошкольных учреждений, с глазами на мокром месте просила разрешения вернуть их в кассу.

— Зачем же ты это сделала? — строго спросила грозная тетенька.

Хлюпяя носом, Люся рассказала о Железноводске и его последствиях.

И тут произошла чудесная метаморфоза. Старший ревизор начала на нее кричать и ругать предпоследними словами (последние в те пуританские годы были в ходу лишь у антиобщественных элементов; разве что еще у артистической богемы, но в каком-то фигуральном смысле ее тоже можно отнести к этой категории). Однако как ни строга была эта немолодая, повидавшая жизнь женщина, в ее словах звучали горечь и боль за неразумную девчонку, совершившую одну ошибку, связавшись с курортным прощелыгой, и готовую совершить вторую, еще более страшную.



После этого гневно-прочувствованного монолога старший ревизор достала печать, чтобы заново опечатать сейф после возврата денег. Но тут подала голос ее младшая коллега. Она не могла допустить такого потакания преступнице, посягнувшей на народное имущество. Ведь если за преступлением не последует законное наказание, это послужит только во вред нарушительнице, она укоренится в своем антисоциальном образе мысли. Маловероятно, чтобы истовая комсомолка читала Достоевского (он ведь не входил в те времена в школьную программу): уверенность в том, что кара исправляет, была воспитана в ней другими наставниками, но, так или иначе, бескомпромиссностью она могла бы сравниться с Сонечкой Мармеладовой, да, пожалуй, и превзойти ее.

И пожилая женщина, прекрасно видевшая и глубину раскаяния одной, и идиотскую принципиальность другой, испугалась. Времена-то были какие! Узнай кто-то, что она не то что помогла нарушительнице закона уйти от ответственности, а хотя бы заколебалась, ей могло не поздоровиться. И она спрятала печать, да еще и прочла Люсе нотацию в том духе, что с годами она сама поймет, что ей желают только добра.

Результатом этого стало то, что Карусельникова Людмила Петровна получила девять лет лагерей, поскольку опытный следователь сумел придать чисто экономическому преступлению политический характер, квалифицируя его как саботаж (ст. 58-7). Это он еще не узнал о готовности старшего ревизора покрыть преступление, не то ему удалось бы создать антисоветскую организацию и, может быть, даже подвести ее участниц под расстрел. Впрочем, вряд ли беременную Люсю расстреляли бы. Но как бы то ни было, а все вышло к лучшему. Потому что по экономической статье Люся хоть и меньший срок, но отсидела бы полностью, а с политической попала под реабилитацию через три с половиной года. А главное — в результате этих перипетий ее беременность не была прервана, и на свет появились сперва Иннина мама, а затем, в свое время, и сама Инна.

— Так что в каком-то смысле, — закончила она свой рассказ, — я сейчас разговариваю с тобой благодаря этой комсомольской стерве.

И засмеялась.

Однако ответного смеха не услышала. Гарик вовсе не разделял ее легкомысленного отношения к тому, что произошло много лет назад. Как раз за несколько дней до этой ночи они с бабушкой обсуждали некоего Т. — внука одного из советских вождей, на чьей совести (деда, разумеется, а не внука) были многие тысячи жизней и судеб.

Гарик только вошел, сразу заметил, что Буля какая-то раздраженная, взвинченная. Оказалось, по радио этот Т. вещал о грандиозных успехах, которых достиг Советский Союз, как вообще замечательно жилось в нем и с какой болью его дедушка в последние годы своей жизни, уже отставленный от всех постов, переживал из-за того, что страна отходит от принципов, которым он посвятил жизнь.

— Главное, все знают, что за мразь был его дед, и он еще смеет что-то говорить в его защиту!

— Да никто не знает, — пытался урезонить бабушку внук.

— Как никто? Об этом же столько написано!

Она в перестройку читала все тогдашние прогрессивные издания и пребывала в уверенности, что то, что известно ей, знают и все остальные. А когда Гарик в очередной раз объяснил, что это далеко не так, возразила:

— Ну хорошо, другие не читают, не хотят знать. Конечно, ты прав, об этом теперь не пишут. Ладно, пусть так. Но сам-то он уж точно все про деда знает! Как же он может?

— А что ему делать? Ну, был у него дед-кровопийца. Что дальше?

Они целый вечер обсуждали этот вопрос и пришли к тем самым выводам, которые Гарик теперь пересказывал Инне:

— Понимаешь, ведь это же бесконечный процесс. Эти мерзавцы творили черт знает что, а потом им все сошло с рук. И теперь их внуки гордятся ими. А новые мерзавцы

думают: «И с нами так будет». Вот ты даже не интересуешься, кто была эта комсомольская гадина, которая твоей бабушке жизнь разбила. А надо сделать так, чтобы их внуки стыдились их, отрекались от них. Отрекся — никаких претензий. А кто не отречется — считались бы такими же стукачами и палачами, как их предки. Потому что внук за деда, конечно, не отвечает, но за свою-то позицию отвечать должен. Тогда и будущим гадам будет неповадно.

— Что ж мне, выяснять, кто она была? Мстить ей, что ли? Кому? Ее внукам? Они-то чем виноваты?

— Да пойми ты, месть тут ни при чем! Это для будущих доносчиков должно уроком послужить.

— Каким уроком? Что́ одна история может изменить, если даже о ней рассказать?

— Ты расскажешь, кто-то прочтет — займется такими же поисками, кого-то другого разоблачит. И может, какой-то нынешний гад задумается: «А что мои внуки обо мне будут думать?»

— Я что, по-твоему, должна всё рассказать: и про аборт, и про кражу из кассы?

Гарик замолчал. Действительно, история скользкая...

— А где *твоя* бабушка работала? — перевела разговор Инна.

— В мединституте.

Ему расхотелось говорить о представителях старших поколений, как будто то, что им довелось избежать таких трагедий, было чем-то порочащим.

А тут как раз из Хабаровска позвонили.

Попросили проверить, какой флажок стоит на... Ну, в общем, на одном из разделов базы: «Видно всем», «Для авторизованных пользователей» или «Только я» (я — это разработчик).

А потом они к разговору уже не вернулись.

Сдача прошла более чем успешно. Заказчики были полностью удовлетворены, а уж как радовались исполнители, любой себе легко представит. Конечно, и премия была. Тем, кто ездил сдавать, побольше, тем, кто в Москве оставался, поменьше, а больше всех, конечно, тем, кто непосредственно эту часть системы разрабатывал.

Правда, это уже после Нового года произошло. Потому что та ночь, с которой наш рассказ начался, была с пятнадцатого на шестнадцатое декабря: момент сдачи был выбран так, чтобы до Нового года успеть что-то в проекте подладить. Если что́, конечно. Но *если чего* не случилось. Зато меньше двух недель оставалось до двадцать седьмого — профессионального праздника эмчезовцев.

Гена купил два ящика «Курвуазье». Правда, один, как говорится, до кучи — уж покупать так покупать — для своих. А бутылки из второго рассовали по пакетам, и двадцать шестого (понятно, что в день праздника в министерстве будет свой гудеж) отправился поздравлять генерала, курировавшего их проект, и его ближайших помощников.

Поехали большой группой, потому что невозможно же одному пить с каждым бойцом, закаленным не только в борьбе со стихийными бедствиями, но и с алкогольной стихией. В число делегированных вошел и Гарик.

С точки зрения познания нравов и, вообще, бытописания, конечно, интересно описать все, что происходило в этот день. Но сейчас перед нами такие грандиозные задачи не стоят. Мы рассказываем об одном человеке и его бабушке, которая воспитала его таким, какой он есть. И о тех, кто с ними как-то связан. А отвлекаться на случайно попавших в поле нашего зрения персонажей не намерены. Невзирая, кстати, на чины и звания. Поэтому мы не будем задерживаться на том, как ген-Гена и генерал... Эх,

для эстетической завершенности, конечно, хорошо бы, чтоб и его звали Геннадием. Но его звали Виктором Андреевичем. С тем бóльшим основанием мы оставляем эту эстетически не совершенную пару с их двумя бутылками «Курвуазье» (одна — чтоб пить вместе, а вторая — Виктору Андреичу, так скажем, на память) и отправимся вслед за нашим героем в кабинет подполковника Александра Лобанчика, с которым Гарик регулярно общался, что называется, в рабочем порядке и давно перешел на «ты» и без отчества.

Они, как полагается, выпили в честь праздника и приступили к обсуждению обоюдоинтересных тем. Все таковые касались проекта, разработанного «Инфосистемсервисом», благо в нем оставалась еще масса тонких моментов, обсуждение которых в рабочее время представляет из себя рутину и обузу, а вне работы, да еще под легкими винными парами — род интеллектуальной игры.

И вдруг Гарик вспомнил:

— Да, Саш! Скажи, пожалуйста, у тебя нет никого, кто бы такими же базами занимался в...

Он задумался: а по какому ведомству могло идти дело Инниной бабушки?

Подполковник Лобанчик терпеливо ждал продолжения.

— В общем, сам сообрази, где это может быть.

И вкратце все пересказал. Разумеется, не называя имен.

Лобанчик, с четкостью военного человека, не стал отвлекаться на никчемные вопросы вроде «Зачем тебе это надо?». Не было бы надо — не стал бы человек спрашивать, так-нет? Он, не перебивая, дослушал и сказал, что, конечно, во всех ведомствах есть такие информационные базы, одни более автоматизированные, другие — менее, но формально они никак не связаны друг с другом, и никаких контактов между ними нет.

Слово «формально» оставляло надежду на наличие неформальных связей. Так оно и оказалось.

— По правде сказать, есть у меня пара друзей. Мы вместе защиту информации заканчивали.

Гарик понял, что речь идет о названии факультета вполне штатского электронно-информационного вуза, выпускником которого, как он знал, был подполковник.

На следующий день, припомнив этот разговор, Гарик пожалел, что завел его: ну, в самом деле, на кой черт он ввязался? Мало ли было в те времена подобных случаев, да и гораздо более страшных? И вообще, какое ему дело до чужой бабушки? Нужно Инке — пусть сама выясняет. Эти и другие подобные соображения бродили в его голове.

«А все этот чертов „Курвуазье“!» — подытожил он. Правда, оставалась надежда, что и Лобанчик с готовностью откликнулся на его просьбу под расслабляющим влиянием алкоголя, а протрезвев, махнет на нее рукой, а то и вовсе забудет. Гарик даже думал позвонить и попросить не беспокоиться. Но понадеялся на то, что все само собой спустится на тормозах.

Не спустилось. Уже в следующий понедельник Гарик получил по электронной почте письмо с телефоном майора полиции Копылова Ильи Васильевича и припиской, что Лобанчик встречался с ним накануне, вкратце рассказал, в чем дело, и Илья обещал попытаться помочь по мере возможностей.

Гарик понимал, что вряд ли старые друзья встречались исключительно из-за его просьбы, но все равно пренебречь этой помощью было бы неделикатно. Поэтому он реплайнул Лобанчику коротким «Спасибо» и набрал номер Копылова И. В.

Не будем рассусоливать, переполняя повествование деталями, не имеющими художественной ценности. Поэтому дадим лишь краткую сводку последующих событий:

- майор Копылов сказал, что ему нужны подробности: год, фамилия и пр.;
- Гарик спросил у Инны, как девичья фамилия ее бабушки (год он и так знал); Инна спросила, зачем это ему; он ответил, что ему обещали попытаться все узнать; она сказала, что не нужно все это, но фамилию назвала; он записал и добавил, что и сам уже считает, что не нужно, но *перед человеком неудобно*;
- Гарик транслировал майору Копылову полученную информацию;
- через день майор Копылов сообщил Гарику, что материалы 50-х годов не оцифрованы, но он обратится к тем, кто связан с обычным архивом;
- позже майор Копылов сообщил Гарику, что этих материалов в их архиве нет, но что, если нужно, он спросит у своего знакомого из ФСБ; Гарик сказал, что раз это так сложно, то пусть *зabьет*; майор Копылов ответил, что спросит, «а там поглядим»;
- еще позже майор Копылов сообщил, что его знакомый из ФСБ обещал выяснить.

Гарик задумался. На чью помощь он не рассчитывал, так это преемников того самого следователя, который примитивное хищение, причем в не особо крупном раз- мере, превратил в политическую диверсию. С одной стороны, бабушкино воспитание вообще привило ему недоверие (и это еще мягко сказано) к тому, что ее поколение на- зывало словом *органы*. А с другой — ну действительно, с чего бы эфэсбэшнику взять- ся ему помогать?

Как ни хотелось автору минимизировать количество персонажей, ему не избежать ввода в действие еще одного — жены Гарика, Любы. Да оно и к лучшему: все же ка- кое-то представление о личной жизни героя надо дать. В этой личной жизни, помимо упомянутых ранее родителей, давно вернувшихся с *северов*, но так и оставшихся для сына родственниками, хотя и любимыми, но более далекими, чем бабушка, были так- же Люба и их трехлетняя дочь Настя. Кстати, в памятную ночь дежурства Гарик и с же- ной говорил по телефону, но этот эпизод остался вне нашего рассказа, как совсем уж не оставивший в нем следа.

– Вот любопытно, — задумчиво произнес Гарик после того, как они с Любой об- щими усилиями загнали Настю в постель и сели пить чай. — Практически психологи- ческий парадокс.

И рассказал, как сотрудник органов выразил готовность помочь разобраться в деле, которое эти органы, пусть и ретроспективно, не красит.

– Ну, там же разные люди есть, — глубокомысленно заметила Люба.

– Это, конечно, объяснение. Но не очень убедительное. Я до него и сам додумался. Но как-то это... Все равно... Какая-то честь мундира должна же... Уж раз ты пошел туда работать... Вот, скажем, я узнал что-то нехорошее о своем «Инфосистемсервисе». Я мо- гу это обсудить с тобой, со своими ребятами, с той же Инной, да и с Геней. Но разве я буду это сообщать кому-то, кого я даже в глаза не видел?

Люба задумалась и через минуту сказала:

– А кстати! Почему — о *своей* организации? Ты ему сказал, для чего это тебе нужно?

– Ну да.

– Вот видишь, ты же не про них хочешь выяснить, а про ревизоршу. Что ему, жал- ко, что ли, она не *своя*. И потом, месть — это такое понятное всем чувство.

– При чем тут месть! — взвился Гарик. — Я же...

– Ну согласись, что какая-то капелька мести тут все же есть, — охладила его пыл Люба.

Гарик немного поораторствовал, но в конце концов признал, что *маленькая капель- ка* все же есть.

Через неделю позвонил майор Копылов:

— Привет! Ты куда это пропал? — Он еще при первом разговоре, стал обращаться на «ты». — Ставь бутылку! Все выяснил!

Гарик что-то промямлил в том роде, что не надеялся на такую оперативность и собирался позвонить через пару дней.

— Да, у нас все оперативно, — хохотнул майор. — А ты как думал? Копия акта ревизии тебя устроит?

— То, что нужно!

— Как ее тебе передать?

— Ну... Я могу подъехать... Встретиться где-то.

— А хочешь, я тебе ее сфоткаю и кину на телефон?

— Да, отлично!

— Ну а если тебе бумажка понадобится, можно и через Сашку передать. Хотя это же все равно копия, ты и свою можешь распечатать.

— Отлично! А я через Сашку — бутылку.

— Да ладно, я пошутил.

Они немного поспорили и договорились, что разопьют бутылку в кабинете у Лобанчика.

И через несколько минут на телефон Гарика пришло изображение копии документа. Фамилия младшего ревизора была Малич. А с инициалами — Малич Н. Е.

Девичья фамилия бабушки Гарика была Малич. А звали ее, как мы уже однажды упомянули, Нина Егоровна.

Проницательный читатель, поднаторевший в чтении литературы, построенной на том, что автор ловко, как ему кажется, подводит читателя к неожиданному (опять же, как кажется самому автору) событию, уже давно догадался, что именно этого поворота и следовало ожидать в рассказе, носящем название «Бабушка», тогда как сама бабушка до сих пор (а дело идет к развязке) остается за кадром. Чего стоит хотя бы шитая белыми нитками попытка автора скрыть тот факт, что она — экономист по образованию! Ведь он искренне считает себя таким литературным ловкачом: назвал место ее былой работы — мединститут — и, неуклюже объяснив эту недоговоренность нежеланием Гарика продолжать ночной разговор, ушел от указания должности — а она работала бухгалтером, дошла, между прочим, до замглавбуха и, может быть, даже главным бы стала, если бы не пришлось уйти на пенсию из-за того, что сын с невесткой подкинули ей внука.

Впрочем, оно и к лучшему. Уж раз читатель такой проницательный, ему тем паче не надо разжевывать, какие чувства — можно даже сказать: какая буря чувств — всколыхнулась в душе нашего героя. С одной стороны, ужас от того, что твоя родная бабушка, та, благодаря которой ты стал тем, кто ты есть, а именно ярым противником того, чего... Фу ты, зарапортовался... Но читатель, конечно, и без этих корявых объяснений понимает все эти *того* и *чего* с одной стороны, равно как и аналогичные *тому* и *кому* — с другой. Что позволяет автору, не отвлекаясь на глубокомысленные и психологически достоверные рассуждения, вернуться к своей прямой обязанности — изложению событий, происходивших с Гариком Кутинкиным. Потому что именно так он может выразить свою авторскую и — шире — гражданскую позицию.

До чего же тут огромное количество возможностей! Можно повернуть сюжет так, что бабушка сама окажется жертвой тоталитаризма, которой неизвестные нам доселе обстоятельства помешали поступить по велению совести и сочувствия к заблудшей ду-

ше. Ведь, в конце концов, мы знаем ту старую историю только с точки зрения Люси. Согласитесь, что надо, как минимум, выслушать и позицию другой стороны.

А можно, наоборот, дать возможность внуку реализовать свою принципиальную позицию и обличить Булю — именно *чтобы в будущем другим было неповадно так поступать*.

Можно и заставить Гарика договориться со своей совестью, продемонстрировав лицемерие нашей интеллигенции, имеющей две разные мерки для своих и чужих.

Наконец, автор может пойти по самому простому пути — укокошить кого-то из своих героев. Чего проще?

Звонит Гарик к Буле, а она не отвечает, он волнуется, приходит к ней, открывает своим ключом дверь (а можно еще и усугубить: дверь заперта изнутри, он вызывает команду спасателей и пр., и пр. живописные детали). А она лежит распростертая на полу. Удар! Причем не просто какой-то там медицинский удар, а — судьбы. Хотя последнего нюанса никто, кроме Гарика, автора и читателя, не понимает.

Можно и так повернуть: Гарик идет по улице, весь в раздумьях и переживаниях. И вдруг — шррх! — бам — ах! — ох! Он под колесами, все рыдают, а автор доволен: он таким образом выразил довольно банальную идею о том, что каждый поступок — *поступок!* — неизбежно влечет за собой отклик в будущем, пусть даже кара падет не на самого виноватого, а на его близкого.

Хотя это как-то скупо. Пожалуй, стоит развить. Например: автобус не задавил Гарика насмерть, а только покалечил его. И вот лежит он, весь изломанный, в гипсах и трубочках, с маской на лице. И рыдает над ним бабушка, для которой он — единственный свет во мраке существования. Слабым, едва заметным жестом больной показывает медсестре: сними, мол, с меня маску. Та ему: «Что вы! Нельзя! Ни в коем случае!» Но он настаивает. Типа: последнее желание. «Нет! Не может быть! Ты будешь жить!» (Это уже на два голоса — медсестра и бабушка.) Но он твердым, хотя и слабым жестом заставляет их снять с него маску и едва слышным, сбивающимся голосом шепчет:

— Как же... ты... Буля... могла... тогда, в том... далеком... пятидесятом... так поступить?..

С этими словами он испускает дух, а на его труп падает безжизненное тело бабушки. И они остывают вместе, пораженные одним ударом безжалостного рока.

Или так. Все, как выше, бла-бла-бла, сними маску — нельзя — нет, сними. А потом:

— Хотя ты... родная моя... и поступила так... в том далеком... (Бла-бла-бла.) Все равно для меня нет никого ближе тебя... Я тебя прощаю. Ты заслужила прощение, испустила... свою вину. Да, ты загубила жизнь юной девушки, обрекла ее... на годы страданий. Но взамен... ты воспитала истинного гражданина, чье сердце бьется... (Бла-бла-бла.) И кто способен воспринять чужое страдание, как свое собственное... Что и сводит его в могилу... Да, увы... Правда в том, что погубило меня именно это страдание, а не вульгарный удар автобусного бампера...

И со светлой, умиротворенной улыбкой на устах он закрывает глаза и покидает юдоль страстей и горя спокойно, с чувством выполненного земного долга. А бабушка еще годы и годы ходит на его могилку, изнывая от горя и раскаяния.

Вы думаете, это все? Как бы не так! А христианский вариант? Внук обращается за советом к настоятелю ближайшей церкви, и тот ласковым незлобивым словом восстанавливает мир в его душе. Или, наоборот, он гневно отворачивается от бабушки, и от этого потрясения она, истовая атеистка, духовно перерождается, обращается к Богу, ищет поддержки у батюшки, после чего святой отец сам встречается с жестокосердным внуком и открывает ему истину всепрощения. И опять все льют слезы умиления.

А есть ведь и светский вариант обеих этих версий: когда в роли батюшки выступает кто-то из близких: один из родителей, или оба, или любящая жена. И звучат все те же

фразы — по смыслу те же, но только без использования богословских терминов. А вот еще можно — это, конечно, совсем недостоверно, но зато литературно выигрышно — если это же говорит маленькая Настя. Но, разумеется, не в связной, логически выверенной и стилистически отточенной форме, а в виде детского сбивчивого лепета. Чтб, разумеется, усиливает назидательный смысл рассказа.

Не будем сбрасывать со счетов и такой проверенный трюк, как суицид. Скажем, бабушка, поняв, что ее давнишний поступок разбил сердце любимого внука, которому она посвятила свою жизнь, и поняв вследствие этого, что она (жизнь) потеряла смысл, накладывает на себя руки. И теперь уже внук проводит годы в безысходном раскаянии, чтб должно по замыслу автора этой версии показать всю бесплодность и пагубность копания в прошлом. Ну или, наоборот, внук впадает в депрессию и чирик себя, а бабушка — годы безысходного раскаяния, пятое-десятое...

Наконец, можно интегрировать все эти версии, к примеру, вот в такой сюжет.

Значит, так.

Гарик обличает бабушку, раскрыв всю глубину ее морального падения, хотя и произошедшего полвека с лишком, но мораль ведь не имеет срока давности. Она рыдает, он смягчается, но... На следующий день бабушка исчезает. Ее ищут, морги-шморги, объявления в Интернете-шминтернете — все безуспешно. Тут тоже развилка: либо он открывает родителям, чтб произошло между ним и Булей, его все корят, и он страдает, угрызаем совестью, либо держит это при себе и еще больше угрызается.

Проходит время. Бабушка числится без вести пропавшей. И вот Гарику приходится вести гостя столицы... например, того же хабаровского пожарного начальника, приехавшего в Москву. А можно и без гостей — ведет подростковую Настю знакомиться с шедеврами старомосковской архитектуры и духоподъемным новоделом. И в одной из новых церквушек, выстроенной на фундаменте снесенного при большевиках храма (это все — важные худпсихметафоры, если кто не понял), встречает Булю, живущую при церкви и несущую самую черную работу. Они кидаются друг другу на груди... Нет, лучше так: фишка в том, что он ее не узнает! Вот, значит, какая-то старушка ласково говорит с девочкой, все такое прочее. А когда автомобиль с папой за рулем и девочкой на специальном детском сиденье удаляется — тут важны все детали: фыркание мотора, шорох шин, вонь бензиновых паров, — старушка смотрит им вслед, и по глубоким морщинам ее лица точатся горькие безостановочные потоки...

Не-не-не, все не так! Вот хороший финал: папа с дочкой спрашивают, куда ставить свечку. Старушка показывает: сюда, мол, за здоровье, а сюда — за упокой. Они ставят за здоровье и объясняют, что человек пропал, значит, есть надежда, что он жив. Дальше — шорох шин, бензиновая вонь... И старушка, вернувшись под своды храма, переставляет свечку в заупокойный ящичек. А когда ее напарница, такая же благолепная отшельница, спрашивает, чем вызваны такие странные действия, отвечает, что, мол, той, за которую эта свеча поставлена, давно нет на белом свете. А? Недурно же?

Короче, много есть у автора возможностей завершить этот рассказ...

— Так чего ж тянуть кота за хвост? — спрашивает читатель. — Давай уже не томи, выбери какой-то один вариант и заканчивай эту бодягу.

Да не так все просто. Ведь *вариант*-то не автор выбирает, вот в чем штука. Это Гарик должен выбрать, как ему поступить. А уж от этого автор оттолкнется и либо его самого под автобус толкнет, либо в бабуле сдвинет с места какой-нибудь тромб с соответствующими последствиями, короче, там видно будет, по ситуации.

— Ладно, не надо ля-ля! Как будто мы не знаем, от кого эти самые ситуации зависят, кто и Гарика придумал, и мысли ему в мозги вложил, и — давай уж начистоту — сам решает, чтб он выберет. Да кто тут автор, в конце-то концов? Короче, нечего тормозить, давай живей, двигай дальше. Чего там Гарик твой надумал?

Вот! Вот этого, читатель, подлец ты этакий, я от тебя и ждал!

Сидишь ты, значит, в кресле, может быть, даже с чашкой чая, а то и с кружечкой пива. А может, трясешься в вагоне метро, одной рукой держась за поручень, а второй — пытаешься перелистывать странички в своем планшете. Или, почему бы нет, валяешься на пляже при какой-нибудь четырехзвездочной гостинице в какой-нибудь Патаяе или на Гоа каком-нибудь. А не исключено, что стоишь у стенки перед кабинетом стоматолога, потому что все сиденья в коридоре заняты, а тебе уже заморозку вкололи и надо ждать десять минут, и ты впялился глазами в эти строчки, чтобы как-то эти проклятые десять минут скоротать, а главное — отвлечься от мыслей о том, что тебя ждет через... вот уже восемь минут.

Но как бы ни было тебе удобно (кресло, пиво, пляжный топчан, четыре звезды и прочее всякое) или неудобно (все остальное), это все — снаружи, а внутри у тебя в любом из этих состояний — полный комфорт и благодать. Потому что к тебе эта история отношения не имеет. Какой-то там Гарик что-то там узнал о своей бабушке, какой-то там автор сейчас за него решение примет и тем самым тебе все объяснит... Ну не вообще все, а про этот сюжет свою позицию обозначит. А уж там ты вынесешь свой трехпудовый вердикт. Либо: ну да, так ему и надо (Гарику, в смысле). Или ей (бабушке). Или: ну и мудака этот автор, за уши притянул свои личные взгляды, а на самом деле все так не могло быть.

Вот и очень хорошо! Ты знаешь, как оно могло быть (читатель, в смысле). Вот и заверши рассказ, как считаешь нужным.

— Вот еще! Я писатель, что ли? Сам придумал своего Гарика, сам и завершай. А я его и не знаю, Гарика, в смысле. Вот если бы это было про моего знакомого, я бы точно знал, как он поступил бы.

Ага, про знакомого — понятно. А если не про знакомого? А если про тебя? Тогда как?

— Про меня?! Да ты совсем ох... Ну то есть обалдел, автор! Ты чего несешь вообще? У меня и нет такой бабушки, и не работала она ревизором. Какое это имеет ко мне отношение?

Но дедушка-то у тебя был? Или папа с мамой? Или дядя с тетей? Или двоюродные, к примеру сказать? Кто-то же у тебя есть? Был? И вот ты узнаешь о нем... Или о ней...

— А что? И узнаю, — говорит, к примеру сказать, некая читательница. — Вот, к примеру сказать, дядя Юра. Я про него...

Э-э-э, погоди, дорогая! Это не тот ли дядя Юра, который тебя в детстве каждый раз при встрече спрашивал: «Как тебя зовут?» А когда ты, еще не научившись выговаривать «Р», отвечала: «Малина», — он гоготал и говорил, что раз ты малина, он тебя съест, и жутко разевал свою воняющую табаком пасть с желтыми клыками. Не тот ли?

— Ну тот, а что?

А то, что про такого дядю Юру ты, конечно, с удовольствием узнаешь и всем расскажешь любую гадость. Еще, может, и приукрасишь, а? Или тот читатель, которого тетя Анжела всегда спрашивала про успехи и тут же, отмахнувшись от его пятерок в полугодии, потому что это ерунда и никому не интересно, начинала рассказывать, что ее дебильный сынок на районном конкурсе чтецов занял второе место, и то — потому что первое дали дочке местного воротилы (тогда слово «олигарх» еще не было в ходу), а ей один член жюри лично сказал, что все рыдали, слушая Володю, но на них *надавили*. Ясно же: дай ему только узнать что-то нехорошее про эту Анжелу или, того лучше, про ее недоделанного Вовку, уж за ним не заржавеет все, как есть, обнародовать, пусть даже не от своего имени.

Но ведь не только #дядиуры и #тетианжелы в твоей жизни были! Кого-то же ты любишь, кто-то тебе примером в жизни служит? Да хоть бы и не родственник, а ка-



кой-нибудь друг и учитель, фигурально говоря, алкаш в бакалее? Ну хоть какие-то принципы, хоть самый крохотный принципчик у тебя есть, а? И ведь от кого-то ты его перенял, кто-то тебя на этот путь наставил. И пусть тебе этот Гарик просто смешным кажется со своими переживаниями. Может, ты считаешь, что все это глупости и так ему и надо. И вообще, молодец бабка... Ну, в смысле, не бабка, а когда она девчонкой была. Может, ты вообще принципиальный противник (-ца) абортот и только радуешься, что так оно все вышло. Да мало ли что может быть.

Но ведь не в этом дело! Ну его, этого Гарика. Ты про *свои* принципы и *своего* дорогого человека подумай. Вот ты узнал о нем...

— Что?! Что я мог о нем узнать? Ты, автор, говори, да не заговаривайся! Мой (-я) #дед(баб)ушка, #дяд(тет)я, #пап(мам)а, #алкашвбакал(наставницавлиц)ее чисты, никогда не оступались и не отступались и ничем не замараны!

Ну-ну! Вот и Гарик тоже так думал до поры до времени.

— Ты на что это намекаешь?!

Да, читатель, вижу: с тобой каши не сварить. Ты — это ты. А Гарик — Гарик. И давай, мол, автор, занимайся своим авторским делом. Не отвлекайся. Нечего тут! Ладно, проехали...

Короче.

Дело так было. На самом деле.

Ничего никому Гарик, понятно, не сказал, ни в каком фейсбуке или вконтакте ничего не опубликовал.

Во-первых, потому что никто его на это не уполномочивал, вот и Инка сама сказала: «Не надо, не надо». Ну нет так нет, ему, что ли, больше всех нужно?

Во-вторых, если в корень посмотреть, то что? Ну сделала бы эта Люся аборт — и не было бы никакой Инны. Лучше было бы, что ли? Ведь, в самом деле, все нормально обернулось, так-нет? Еще если бы ее расстреляли или она в лагере сгинула — ну тогда другое дело. А то — подумаешь: посидела пару-тройку лет, но ведь вышла же! От сумы да от тюрьмы, сами знаете...

А в-третьих, самое-то главное: его идея в чем заключалась? Чтобы правда выплыла и внуки своих преступных предков устыдились. Вот в чем истинная кара, а не в какой-то примитивной мести. Ну так оно так и вышло: внук узнал и устыдился. Значит, кара что? — правильно, свершилась. То есть цель достигнута. А всякая там шу-миха, покаяние на площади — хоть бы даже этой площадью была социальная сеть — это, знаете ли, дурной мелодрамой пахнет.

Правда, к Буле Гарик стал чуточку реже заглядывать. И что-то вообще в их отношениях... развинулось как бы. Ну, конечно, не так, чтоб она попросила с верхней полки достать кастрюльку, а он кастрюльку снял, шварк на стол перед ней и — «Ну все, что ли? Тогда пока!» — и пошел. Нет, внешне все по-прежнему осталось. Но что-то все ж таки было, потому что она спросила:

— Гаричка, что ты какой-то... уставший, что ли?

А он:

— Да, Буль, на работе дел много.

— Какие-то неприятности?

— Нет, все нормально.

Раз спросила, другой. И перестала. Может, привыкла, что он такой... уставший. А может, со старческой интуицией поняла, что если не хочешь неприятный ответ услышать, то лучше не настаивать.

А Гарик всегда, когда проводил у бабушки десять минут вместо получаса или в ответ на просьбу что-то купить, отвечал: «Ну, послезавтра ведь к тебе соцработник при-

дет — попроси ее. Тебе ведь не срочно?», а она соглашалась: «Да, конечно, никакой срочности нет», — вот каждый раз мелькала мыслишка: «Это и есть высшая справедливость, то самое наказание, что раньше или позже неотвратно наступает, а я его как бы просто орудие». Правда, будучи честным перед самим собой, он задавал себе вопрос: «А не прикрываю ли я этим *орудием* то, что мне просто лень лишний раз зайти на рынок?» И в конце концов покупал, что Буля просила. Но ведь первоначально он ответил отказом, и ей неприятно было. Значит, все же какая-никакая кара осуществилась, да?

И, кстати, в-четвертых. Если на дело внимательно посмотреть и логически разобраться, то все это — две стороны одной медали. Бабушка — она всегда такая принципиальная, твердая в своих убеждениях. Так ведь и тот случай, на ревизии — про это же самое: она тогда эти же качества проявила. Именно что — эти самые! Просто была еще глупая, молодая, неопытная, да еще комсомольскими всякими лозунгами замороченная. Зато потом набралась жизненного опыта и стала такой, как есть — и твердо-принципиальной, и мудро-доброй. И, кстати, его таким воспитала. Тоже, знаете, чего-то это стоит.

И если уж на то пошло, не случайно же автор своего героя назвал именем героя прошедшего десятилетия — непреклонного мальчишки-волшебника, ни разу ни в чем своим принципам не изменившего. Вот и наш Гарик — такой же. По сути дела.

И, между прочим, сам факт, что он спустя какое-то время до вышеуказанного *четвертого* додумался, говорит о том, что вся эта история в его непреклонно-совестливом мозгу продолжает крутиться и покоя не дает.

А с другой стороны, он как-то реже стал с Инной Филобитовой общаться. Не то чтобы он ее избегал — с какой стати, спрашивается? Просто как-то каждый раз так получалось, что то он куда-то спешит, то чем-то занят. «Привет... Да-да...» — и дальше побежали.

Но месяца через полтора... Да, точно, где-то перед Восьмым марта. Ну не прямо, но в начале марта. В общем, это не важно. Подходит она и говорит:

— Гарик!

Он, конечно, сразу:

— Да? Привет! Тыры-пыры...

А она:

— Знаешь, я все думала о том нашем разговоре. И поняла, что ты прав. Только мне самой публиковать как-то неудобно. Ну сам понимаешь, аборт, кража, пятое-десятое... И не в бабушкиной ведь фамилии дело. Ты правильно сказал, что можно ее не называть. Но все равно лучше, если кто-то другой это сделает. Тебе это ведь не сложно, да? Выложишь в сеть? Короче, я обратилась в «Мемориал», и они вчера мне ответ прислали. Фамилия той ревизорши...

Дальше, читатель, сам. А автор пойдет... коньячку, что ли, хлебнуть? Там, кажется, еще бутылочка «Курвуазье» початая осталась. Которая так и не дошла до майора Копылова.

Да, кстати! Можешь придумать, что Инна назвала другую фамилию. Так оно будет спокойней. Всем.

---

---

Алексей КОЛЕСНИКОВ

## РАССКАЗЫ

### ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ВЕКА

И быть над землей закатам,  
и быть над землей рассветам.  
Удобрить ее солдатам.  
Одобрить ее поэтам.

*И. Бродский*

А мы ни в чем не виноваты,  
Мы постучались ночью к вам,  
Как все бездомные солдаты,  
Что просят крова по дворам.

*Г. Шпаликов*

Через три месяца закончится двадцатый век. Белгород превратился в рынок под открытым небом. ЗМК третий день простаивает без работы. Пролетарии вяло бастуют.

Ботинки утопают в разноцветной травке. Пахнет дождевыми червями и плесневелым хлебом. На солнце жарко, а вот в тени ненавязчиво стыннут руки. Хочется уже снега. Пусть летит с неба бесконечным пунктиром. Он так хорош неслежавшийся.

Илья до темноты читал роман постмодерниста. Мечтал научиться ловко плести сюжет. Обещал себе оформить придуманное на каникулах в повесть. Настоящую, крепкую, умную, нужную, живую.

Потом обменялись с матерью грошовыми упреками из-за усталости, способной доконать всякого голодного под вечер. Сели ужинать без отца. В духовке для них вытерпела адскую баню картошка «в мундире», а в морозилке насквозь промерзало сало. Этот чудесный ужин они употребили с невероятным аппетитом, закусив овощным салатом. Три большие картофелины и кирпичик сала, перетянутый мясным ремешком, оставили отцу.

Отец явился к ночи. Ему уже два месяца не платили на стройке. Директор сбежал вместе с деньгами, и крайнего не найдешь.

Время беглецов.

Суетно отец съел нагрешшее сало и остывшую картошку, а потом, спохватившись, ушел в коридор. Из-за голода он совершенно забыл о письме, которое вынул из почтового ящика в темноте подъезда.

---

Алексей Юрьевич Колесников родился в 1993 году в п. Ракитное Белгородской области. Образование высшее юридическое. Публиковался в журналах «Новый берег», «Вопросы литературы». Живет в Белгороде.

Странный адрес на желтом конверте пугал: Тухчар, Новолакский район, Дагестан, Россия. У них нет и никогда не было родственников в Дагестане. О Дагестане часто сообщали в новостях, и новости эти никому не нравились, но при чем тут они?

Собравшись за столом, они вскрыли конверт и прочли. Буквы в письме плясали, как пьяные чертики. Текст, обремененный ошибками, казался путаным и словно не оконченным.

Писал русский солдат, попавший в плен. Он вяло просил у родителей денег на выкуп. Стоимость жизни, подчеркнутая одиночным росчерком, была упомянута дважды. В самом конце послания ютились две строчки о тоске по дому и о мечте: намазать на хлеб домашнего вишневого варенья без косточек.

Мама расплакалась, и Илья, чтобы не слушать причитаний, ушел к себе. Постмодернист не просился читаться. Запланированный променад к знакомым панкам оказался необязательным. Илья все сидел и ковырял мозоли от струн на кончиках пальцев. Актуальный для тех времен бог Виктор Цой пристально рассматривал Илью мудрыми глазами. «Не оставаться в этой траве. Не оставаться...»

— Не стал родителей расстраивать, — сформулировал всем ясное отец, а потом добавил: — Солдатик...

Илью откупили от армии и устроили в институт на последние деньги. Оказывается, он мог сейчас сидеть в яме и сочинять письмо на случайный адрес. Вместо этого судьба позволила ему таскать выбеленные джинсы и иногда после утреннего душа фиксировать истерику волос на макушке маминым полусохшим гелем.

В Белгороде отовсюду ревел «ДДТ». От цветочных магазинов пахло розами. В кинотеатрах вторую неделю крутили «Ворошиловского стрелка».

А что там? Яма из вымытых дождем камней. В ней простуженный солдат, отодвигающий сапогом ведро с собственными испражнениями. У него не по моде отрасли волосы. Сломанные ногти цепляются за пустые карманы брюк. Женщины в теплых платках смотрят на него без уважения.

Где его родители? Может, в Москве, может, в Сибири, а может, их и вовсе нет. А вдруг его отец и мать те трогательные старики из соседнего дома, которые тысячу лет вместе ходят в универмаг за хлебом, кефиром и консервами.

Илья смотрел на полку с чужими книгами и мечтал о своей. Случившиеся переживания следовало выпарить в текст. Перегнуть их, как брагу в самогон. Капелька за капелькой. Пока что у него получилась только одна приличная вещь. В ушедшем месяце он решил отправить ее на конкурс, но письмо с подтверждением никто до сих пор не прислал. Хотя он и не ждал, в общем-то.

Ничего не решив, ничего не придумав, он взял тетрадь и стал заполнять ее неумелыми стихами. Строчка за строчкой, как уродливый домик из перегоревших спичек.

Через месяц было второе письмо, в котором не упоминалось варенье, но было подробно про отрезанную от кителя голову.

Солдату явно диктовали.

Прочитав, мама спросила у стен:

— За что нам это?

А Илья уже все решил. Он планировал успеть до Нового года, до нового века.

В самом конце ноября было третье письмо. Чужая рука требовала денег, щедро размазывая слова по бумаге. Пленный был еще жив — это главное. Вместе с письмом из Дагестана пришел конверт из Москвы. Оказывается, вещичка Ильи заняла первое

место на конкурсе, и денежный приз ждал его в отделении банка, рядом совсем, за углом. Синий диплом победителя чуть измялся.

Заработанные на отгрузке овощей деньги, выклянченные у знакомых, скопленные мамой на шторы, и весь денежный приз Илья запустил мгновенным переводом вместе с письмом в Дагестан.

Снега было удивительно много, и техника не справлялась.

С тех пор, не сговариваясь, они ждали солдата в гости.

Солдат сообщил, что дом его находится в Курске, но захватить не обещал. Однако тридцать первого декабря после шести в дверь позвонили. В подъезде стоял сгорбленный парень с пакетом мандаринов. Синяки на его желтом лице почти выгорели. Откровенный запах смущал. Он сказал, что в Курск уже не добраться, и просился на ночлег. Ему обрадовались как чуду.

Солдат много ел и скупко расходовал слова. Мама поставила перед ним целую банку варенья, правда, не вишневого, а абрикосового. Стесняясь садин, он прикрывал лицо широкой рукой со сбитыми костяшками. Не отказался выпить, а выпив, чудовищно захмелел.

Илья смотрел на солдата как на сползающую к ногам вулканическую лаву. Отец не смешно рассказывал, как варил гудрон в Советской армии на морозе.

Было неловко, но вскоре, устав от искусственных поз, придавленные салатами, все расслабились и замолчали. Раз говорить не о чем, то и не надо. Однако неожиданно солдат скупко рассказал о порядках в плену и о дне спасения. Произнося слово «дерьмо», он виновато глянул на маму.

В одиннадцать часов он уснул на ненадежной раскладушке, так, кстати, и не поблагодарив за выкуп.

Смешивая звуки в единый гул ненастроенного саксофона, Ельцин объявил, что устал.

Илья слушал речь президента и смотрел на замороженных родителей. По их лицам метались лучики, исторгаемые экраном телевизора. Глядя сквозь окошко на горбатый фонарь, можно было заметить, что снег прекратился.

Попрощавшись утром, солдат уехал.

Мама собрала ему завтрак в дорогу, хотя от Белгорода до Курска всего ничего. Солдат некоторое время понуро мялся в коридоре, сам себе наступая на ноги, а потом коротко кивнул и ушел, неплотно прикрыв заскрипевшую дверь.

— Не поблагодарил все-таки! — будто восхищаясь, сказал отец. — Слов не нашел пацан. Или застеснялся.

Илья без всякой обиды махнул рукой и ушел на кухню. Там в пакетике, как яйца в гнезде, приютились солдатские мандарины.

— Мам, иди, мандарин очищу.

С того самого дня Илья ничего не писал, кроме лекций в институте. Мира за окном ему хватало вполне. Выкуп солдатской жизни он считал своим отходным произведением. Честным, чистым и красивым.

Кто-то должен жить в двадцать первом веке. Вот он и будет. А сочиняют пусть другие, если им так этого хочется.

## РАССКАЗ ПРО ЛЕНИНА

Они поняли КАК случайно. Работали совсем в другом направлении — мечтали об омоложении. Когда стало ясно, что МОЖНО, то долго искали подходящий материал. В конце концов решили разбудить Ленина как наиболее сохранившегося мертвеца. Приурочили к юбилею Зюганова. Операцию провели тайно, чтобы патриоты, фашисты, либералы и монархисты не вякали, ведь скоро выборы.

Ленин долго учился ходить и все молчал, растерянно поглядывая на белозубых врачей. Потом он заговорил и все больше спрашивал, нежели рассказывал. Он подробно исследовал систему государственного устройства России и остался недоволен — капитализм. Однако будучи гегельянцем, Ленин особенно не изумлялся увиденному, лишь процитировал: «...когда под пулями от нас буржуи бегали, как мы когда-то бегали от них». Стихотворение Ленину нравилось. Он бормотал его про себя, во время постоперационных исследований. Врачи ползали вокруг слабенького тельца Вождя и удивлялись эластичности его желтоватой кожи. Лепили ему на лоб присоски, ковыряли иглами кожу и дергали волоски с затылка. Во время этих манипуляций пациент хохотал, потому что было щекотно.

Когда Ленина отпустили, была осень. Иногда начинался густой и холодный дождь. Будто от смущения, покрасневшие деревья раскачивались то от теплого, то внезапно от холодного ветра. Редкое солнце ласково покусывало землю, будто извиняясь за неприятности, доставленные дождем.

Ленин, пряча бороду в воротник пальто, снаружи осмотрел мавзолей, не решившись войти внутрь. Не от страха, конечно, а просто потому, что очередь. Нудно ведь стоять без дела, подслушивая чирикание худощавых студентов-бездельников.

Когда стемнело, он некоторое время постоял у Кремлевской стены, подpiraемой трупами товарищей, последователей и жены. Цветы он не возложил, потому что они дорогие.

Ему дали однушку на Ленинском проспекте (провели как «жиле для ветеранов»). Месяц на второй назначили приличную пенсию, как у госслужащих. Ленин учился пользоваться телевизором, микроволновкой, электрической машинкой для стрижки; присматривал одежду, модную, но не броскую; пробовал суши и баночное пиво с анчоусами; как и прежде, много читал; ходил в музей современного искусства — смотрел там на смятые керамические баночки из-под газировки. Он укрывался от бессонницы в кинотеатрах, глушил шуршание Москвы плескающимся в наушниках Бетховеном, прятал карие глаза за синими ибисувскими очками.

Так прошел год. На выборы Ленин как истинный марксист не ходил. Банковскую карту не заводил — пенсию получал на почте. Летом он ездил на велосипеде за грибами в Подмоскowie, а зимой просиживал в библиотеке, перечитывая давно выученные наизусть книги. Через Авито он приобрел Большую Советскую энциклопедию и занял ею небольшой фанерный шкаф. Хотел для смеху занять серую серию собственных сочинений, но смешить было некого.

В один из очень унылых вечеров он посмотрел «Нимфоманку» Ларса фон Триера — соблазнился бродившим в Интернете отрывком, где главная героиня рассуждает о десертной вилке, способной быть классовым индикатором. После он отправился спать, но так и не уснул, ни то от жары, ни то от жара в сердце. Он поднялся с кровати, сунул ноги в адидасовские брюки, застегнул на голом теле олимпийку и пошел встречать рассвет.

Дома меняли оттенки в зависимости от угла солнечного света. Вначале они были серы, но вскоре затянулись голубоватой пленкой. Потом на них проступила розоватая

рябь, как сыпь на безволосом теле. А чуть позже, уже совершенно у края ночи, панельки вспыхнули на один лишь миг алым и мгновенно остыли до привычной белизны.

Ленин неспешно шаркал кроссовками, двигаясь к Красной площади. Менты утрамбовывали в узик посиневшего наркомана, таджик, сплевывая под ноги, драл плитку метлой, белобрысая шлюха, отработав смену, выдернула из багажника такси шелестящий пакет с продуктами. Крохотная старуха с ведром яблок спешила занять место в тени.

Машины в пробке напоминали миграцию бизонов в Африке. Реклама казалась гниющей проказой на теле столицы. Воздух не оставлял шансов астматикам. Дети тащили за спинами квадратные портфели и скупно матерились, затягивая разболтанные шнурки. Далеко-далеко пыхтели заводы, производя фальшивые облака.

Ленин тер руки — они коченели, как у всех стариков. Ему хотелось поговорить с кем-то, поспорить. Устроить «драчку». Он знал, что не станет этого делать. За прожитый год он реагировал лишь на следующую триаду вопросов: «Картой/наличными? Большой/маленький? Бонусы собираете?». Все остальное время до онемения языка и скул он стоически молчал.

На задворках Кремля гремел митинг «За честные выборы». Бастующие с разноцветными флагами выкрикивали ироничные стишки и потели, прижимаясь друг к другу. Тряпочно-металлическое кольцо ментов угрожающе сжималось. Ленин, покривившись, сунул в уши наушники и включил рэп — давно хотел в нем разобраться. Смотреть на происходящее под бит было весело. Увидев беременную девку, которая толкала щит омовца спелым животом, Ленин сощурил глаза и улыбнулся: авангард революции.

Он шел в «Макдональдс», который возле Кремля. Там он любил откусать ролл с курицей и выпить стаканчик кофе. Он, конечно, подозревал, что его не просто так тянет к мавзолею, но особенно рефлексировать не хотелось.

Нужно было как-то протиснуться сквозь митингующий поток. Ленин заметил брешь и проворно ринулся сквозь колонну. Для виду он кряхтел по-стариковски, рассматривая вспотевшие лица сквозь синеватые стекла очков. В тот самый момент, когда толпа была практически преодолена, Ленин увидел мчащегося на него омовца. Он широко растопырил руки, пытаясь поймать метнувшихся врассыпную активистов. Ленин решил, что не дастся. Он пригнулся, прыгнул, не разгибаясь, в сторону и скоренько потрусил к тротуару, на объектив перепуганного фотографа. Чтобы не быть пойманным фотоаппаратом, он прикрыл челюсть рукавом красной олимпийки.

В момент, когда спасение уже было близко, Ленин ощутил на гладкой макушке что-то тяжелое и холодное. Тело содрогнулось от боли, которая стремительно расползлась из сердца. Капелька крови рухнула на веснушчатый нос Вождя, и молодое пламя зарождающегося дня погасло беззвучно.

Его вместе с другими задержанными доставили на автозаке в опорный пункт, приютившийся на Большой Пионерской, но там его почему-то не оставили. Повезли куда-то — он не понимал куда, потому что потрескивало в голове и всю дорогу хотелось спать.

В камере было душно и сухо. У стенки дергался смазливый наркет. Пьяный женоподобный парень требовал позвонить. Перепуганный подросток, пойманный на митинге, тихонько плакал, увлажняя слезами и соплями растянутый свитер. Взятый за вымогательство дядька, блестящий от наколок, восседал на нарах, наслаждаясь статусом хозяина хаты.

Ленин опустил на корточки у стенки и вскоре уснул. Ему снился Иван Бабушкин. Он с товарищами стоял у края неглубокой могилы и улыбался, покручивая гряз-

ными пальцами ус. От мороза трещали худые деревья, и снег казался рассыпанным сахаром. Царская шавка Ренненкампф неподалеку рисовал какие-то знаки веточкой на снегу, подгоняя заковыристым матом невеселых солдат.

Бабушкин что-то шептал товарищам, а они отвечали. Солдатики в долгополых шинелях дрожали от холода, поглядывая на своего жирного генерала — ему тоже было нелегко. При каждом шумном выдохе от его усов отделялось облачко молочного пара. Он даже на морозе потел.

Наконец генерал скомандовал, солдаты прицелились и стрельнули вразнобой. Казенные свалились в яму и затихли, как притворщики. Один только парень рукой поводил, да и тот вскоре замер. Ленин как бы стоял за спинами солдат и провожал расстрелянных без суда и следствия революционеров на последнюю акцию. Во время выстрела он хотел вскрикнуть, но не смог. Только рот приоткрыл и проглотил пузырь почему-то теплого и кислотоватого воздуха.

Он умер под утро, не просыпаясь. К вечеру, конечно, его опознали. Эфэсбэшники увезли тело в Кремль. Там долго думали, что теперь делать. Полноватый мужчина с бордовым лицом и такой же шеей печально отметил вслух:

— Да, не уберегли мы Владимира Ильича...

А тихий сероглазый мужчина в элегантном пиджаке возразил:

— Сидел бы дома, а то опять за старое, — и добавил, значительно помолчав: — Ленин-революционер нам не нужен, господа.

Вождя отвезли в мавзолей, вынули муляж, уложили оригинальное тело, скрестили за чем-то руки и оставили Вождя так. С тех пор Ленина не будили. Он так и остался в том январском сне про расстрел Бабушкина, за спинами у промерзших солдат.

За год жизни Ленина ничего не произошло. О его пробуждении никто не знал, кроме специально привлеченных к операции сотрудников. Честные выборы все-таки состоялись. Народ выбрал всех, кого очень хотел.



Василий МЯКУШЕНКО

# РЫБАЛКА ПОД ПИКАЛОВЫМ МОСТОМ

Повесть

- О чем поют воробушки  
В последний день зимы?
- Мы выжили!
- Мы дожили!
- Мы живы! Живы мы!

На втором этаже углового дома, стоящего на пересечении Крюкова и канала Грибоедова, на диванной подушке без ножек у остывшей печки, замотанный в солдатскую шинель, похожий на тряпичную куклу, лежал мальчик и пустыми глазами смотрел в темный угол. Пыльная комната качалась в полумраке. Все окна, выходящие на набережную, мама с братом утеплили тряпками, прижав к треснутым стеклам железные спинки от кроватей. Только одно большое окно, служившее выходом на металлический балкон, крест-накрест заклеили полосками газет и занавесили старым одеялом. Одеяло отворачивали и крепили за вбитую скобу, для прохождения света через мутное стекло. Комната сквозила пустотой. Почти все дерево, включая межкомнатные двери, сгорело в печке. Осталось самое необходимое. К выступу второго окна одной стороной прислонился шаткий стол. Низкая лежанка матери пряталась за занавеской, еще одно спальное место — кроватьная сетка без спинок с матрасом и заправленным одеялом — лежало рядом с печкой. В углу, без дверок и полок, прислонился к стенке резной сервант с наваленной грудой посуды. Обои вместе с газетами были сорваны со стен косыми полосками. Тут же у печки серыми комочками валялась пожеванная бумага.

Грюкнула входная дверь, обитая рваным ватным одеялом, потянуло морозным сквозняком. В комнату, облепленный снегом, вошел пацан лет тринадцати.

— Валька, привет! Живой, не замерз? Потерпи, братан, я печку сейчас раскопечегрю, согреемся, — бросил он на ободранный пол метровый кусок обгоревшей балки. Продолжая громко разговаривать, Вовка поднял огрызок веника, отошел в другой угол, отряхнулся и стал с валенок счищать снег.

— Забегал к маме, она хлебушка передала и почти варешку гороха насыпала, так что живем, Валуха. Супчик горячий сегодня поедим. А назавтра даже сахар обещали.

---

Василий Викторович Мякушенко родился в 1974 году в г. Бурынь (Украина). Окончил Калининградское высшее инженерное училище инженерных войск. Служил в Западной Сибири в ракетных войсках стратегического назначения. Печатался в литературно-краеведческом альманахе «Оредеж». Живет в г. Гатчине.

Валя зашевелился, но вылезти из-под тяжелой шинели так и не смог.

— Лежи, не трать силы. О, молодец, и растопки нажевал. Смотри бумагу не глотай, только крахмал слизывай, а то кишки забьются и каюк.

Вовка скинул тяжелый ватник и прошел в боковую комнату. Вместо двери отогнул прибитое покрывало, сшитое из кусков шинельного сукна. Под окном стояли раздутые ведра со льдом. Закопченный чайник, литровый бидончик, кастрюли и сковородки, пустые бутылки и банки, разная хозяйственная утварь вперемешку с одеждой и тряпками были свалены по углам. Выбрав из кучи армейский котелок, Вовка куском заточенного штыря наколол в ведре льда. Выбрав ледяное крошево кружкой, прихватил топор и поспешил к брату.

Вскоре комнату затянуло дымком. Расколотая сухая балка потрескивала в железной печи, зашипело в котелке.

Валя уснул. Вовка поправил брату съехавшую на глаза шапку и подвинул ближе к теплу. Вывернув варежку, пересыпал в тарелку горох и пересчитал. Двадцать шесть целых, четырнадцать мятых и двенадцать половинок. Подумав, он достал из шкафа жестяную коробочку из-под монпансье и зацепил ложку перловки.

Теперь порядок. Замотанный в тряпочку кусок хлеба, чтобы не куснуть, накрыл тарелкой. Из кармана ватника достал серый комочек и присел к подоконнику, где больше света. Прежде чем начать кропотливую работу, погрел у печки опухшие от холода красные пальцы.

Замерзшего воробья он нашел в щели между кирпичами, на разбитом чердаке разрушенного бомбой двухэтажного дома. По дороге в нагрудном кармане воробей согрелся и начал трепыхаться. Вовка засунул руку, нащупал пальцами тонкую шейку и сдвинул до хруста.

Лишившись перьев, на подоконнике лежала крохотная сизая тушка, облепленная серым пухом, с раздутым животиком, большой головкой и когтистыми лапками. «На Вальку похожий, такой же дохлый», — Вовка оторвал воробьиную головку и вместе с перьями бросил в печь, а лапки и крылышки с остатками перинок оставил для навару. Из печки завоняло паленым, зашевелился под шинелью Валька. Вовка положил воробья в ложку, сверху посолил и аккуратно опустил в кипящую воду.

— Давай, Валя, вставай потихонечку, — откинул Вовка шинель. Поднял под руки легкое тельце, посадил, прислоня брата спиной к стенке.

— Может, шапку снять?

Валя еле кивнул. Под шапкой его стриженная голова была обмотана сползшим на затылок маминым платком. Перевязав платок, Вовка снял с печки котелок, размял ложкой разваренного воробья. Выловил лапки с перьями, отлил парующей жижи в кружку. Кусок хлеба разделил на четыре части. Два кусочка на утро оставил под тарелкой. Накрошив хлеба в кружку, Вовка подсел к брату.

— Так, давай. Только не трясись и ложку зубами не хватай.

Покормив брата, Вовка дохлебал остатки супа, тщательно пережевывая все воробьиные косточки.

— Ну что, ожил? Вот видишь, а мамка все плачет. Ей сказали, что если говорить перестал и не хнычет, значит, скоро помрет. А ты уже с ноября молчишь и жив-здоров. Да и чего без толку ныть и болтать, да, Валюха? Вот разобьем фашистов проклятых, как погоним от Ленинграда. Ура! Победа! Смерть проклятым оккупантам! Так крикнем — у Гитлера в Берлине уши лопнут.

От Вовкиного рассказа Валя оживился, оскалил мелкие зубки, сжал маленькие кулачки и стал похож на испуганного суслика.

— Ладно, сиди грейся. Я в печьку подкину и сбегаю за дровами на ночь. Мамки сегодня не будет, так что не жди. Ну, все, не скучай.

Пока не стемнело, Вовка побежал на улицу Мастерскую проверить ловушку. В бывшем католическом соборе на дырявой купольной крыше жили голуби. Попасть на ту крышу было непросто, только если перелезть из чердака соседнего дома. В соборе находилась мастерская по сборке противогозлов, но с осени ее закрыли. Сверху между балками Вовка натянул куски рыболовной сетки с привязанными крючками. Сетку, катушки лески и крючки он украл из сарая деда Игната. Раньше Вовка стрелял голубей из рогатки в Никольском сквере, по набережным каналам и на Садовой. Но сейчас почти все деревья спилили, а те мелкие, что остались, стояли голые, без веток. Даже вороны пропали. Ловушки Вовка ставил в разных местах: на чердаках заброшенных складов — на птиц, а в проходных подворотнях — на собак. В узком проходе между сараями в Дровяном переулке он натянул петлю из гитарной струны, а для приманки подвесил крысиную голову. Собаку удалось поймать только раз, в первые морозы. Хорошо, что не пришлось добивать. К его приходу она одеревенела в петле. Там же за сараями Вовка разрубил мерзлое сухое тело. Ножом срезал шкуру и облепленные шерстью кости, варил в ведре. Хлеб, что давала им на день мама, оставлял Вальке, а сам ел собаку.

Под обугленными остатками сгоревшего Могилевского моста, вмерзшего в канал Грибоедова, Вовка услышал утробное рычание.

«Собаки», — похолодело у Вовки в груди. Вот так удача, только бы не спугнуть, — начал он осматриваться в поисках увесистой каменюки. Рядом ничего не наблюдалось, из снега торчали только куски грязного льда. Груды кирпичных обломков разрушенного дома находились на той стороне канала: Эх, далековато. Пока никого нет, надо действовать. Для верности требовалось несколько снарядов. Даже если оглушить в голову, то добивать или защищаться придется с близкого расстояния. Пацаны рассказывали, что так зазевавшегося Жеку из восьмого класса стая собак порвала.

«Надо рискнуть», — достал Вовка из перекинутой за спину противоголозной сумки геологический молоток с короткой ручкой, обмотанной прочной ниткой. Из оружия имелись нож, трехгранный напильник, большая вилка с тремя зубьями и кусок велосипедной цепи с защелкнутым на конце замком. Все эти инструменты Вовка таскал с собой для проникновения в разрушенные помещения и защиты.

Две дворняги, черная лохматая и рыжая с большой головой, перегавкиваясь, трепали что-то торчащее из-под обгорелой стойки. Вовка подкрался поближе и спрятался за сугробом. Расстояние меньше двух метров. Для удобства скинув ватник, он пару раз присел и сделал несколько тренировочных замахов.

«Вперед!» — дал себе команду, сжав в кулаке рукоятку молотка, поднятую над головой. В другой руке держал цепь. Потихонечку обходя сугроб, он с колотящимся сердцем шел на рычание: «Швыряю в голову рыжей, она крупнее, потом добиваю, только бы не поскользнуться». Собаки грызлись внизу на льду, Вовка стоял чуть выше, на удачной позиции. Хриплые рычания с приближением становились громче. Из-за сугроба показались выгнутая дугой тощая спина и лохматый в мелких сосульках хвост, мотающийся из стороны в сторону. У собачьих лап валялся разгрызенный валенок. Вовка дернулся грудью вперед и тут же замер. Под камнем набережной он увидел растрепанные, смерзшиеся седые волосы и серое стеклянное лицо. Отшатнувшись назад, Вовка упал на колени, ткнулся головой в снег, его вывернуло водой и желтой желчью. За всю блокаду он первый раз плакал. Собаки грызли ноги Надежде Семеновне, его любимой учительнице географии.

Ловушки в этот день Вовка так и не проверил. Прогнав собак, он, как смог, временно похоронил Надежду Семеновну. Обложил тело натасканными обломками кирпичей, головешками от сгоревшего моста, кусками льда и курганом нагреб снега. Раз-

битый и вымотанный, он поплелся в Дровяной переулочек. «Сдохну, но собак жрать не стану», — прохрипел Вовка в темноту прохода, сорвав все поставленные петли.

Мерзлых уличных мертвецов Вовка не боялся, уже привык. Ужасался и немел от неожиданных встреч с мертвяками в тесных помещениях, сараях или разрушенных домах, где часто рыскал в поисках чего-то ценного. Ковыряясь в разваленном сарае деда Игната, Вовка полез в дальний захлащенный угол и сдернул с бочки кусок мешковины. Откуда-то сбоку на него свалилась оскаленная мумия старика, стукнув каменной головой Вовку в грудь. От неожиданности Вовка вскрикнул и рванул домой. Пока бежал, теплая струя стекла по ноге в валенок. Просушив штаны, он снова полез в хозяйство деда Игната. Укрыв припорошенного снегом скрюченного деда мешковиной, Вовка вспомнил, что в этом сарае дед не только плел сетки, но и солил рыбу. Рыбы Вовка не нашел, но под верстаком обнаружил превратившийся в камень мешок соли. О своей находке рассказал бывшему управдому, дежурному по бомбоубежищу. Управдом похвалил, назвал Вовку настоящим пионером и обещал премировать сахаром и помочь с дополнительными карточками на хлеб. Но на следующий день о своем обещании забыл.

— Ты, хлопец, что-то попутал. Откуда у нас сахар, это убежище, а не продуктовый склад, еще и соль какую-то выдумал. Иди, не мешай работать. А лучше помогай снег от входа отгрести.

Заступить за Вовку было некому. Отец пропал на фронте в самом начале войны. Мать после пожара в типографии, где работала бухгалтером, с большим трудом устроилась в прачечную при госпитале. Днями и ночами измученные женщины с опухшими красными руками кипятили кроваво-гнойное белье. Простреленные и разорванные осколками шинели убитых и раненых замачивали и вываривали в больших чанах, мешая веслами. Потом сушили, а в помещении через стенку кроили и шивали зимние госпитальные халаты и покрывала. Из обрезков шили рукавицы и стельки для сапог. После смены на выварке мама оставалась мыть полы и ухаживать за ранеными в госпитале. Домой еле приползала, кое-как покормив детей, без чувств падала на лежанку.

Напоив Вальку теплой хлебной водичкой и оставив свой кусок, Вовка побежал к маме на работу. Сегодня дополнительно к норме хлеба обещали сахар и мерзлую капусту.

— Сейчас, сыночек, ненадолго зайдём в женский корпус к тете Тамаре. Она просила ее карточки отоварить, — на выходе из прачечной обняла мама Вовку. — Как Валя?

— Ничего, вроде заснул. Печка горит, пока тепло. Мам, — продолжил Вовка, — Надежда Семеновна умерла.

— Ой, сыночек. А кто это?

— Учительница наша, по географии.

— А-а-а. Горе-горе, — быстро проговорила мама, — у нее ведь дочка в полку связи служит. Наверное, уже сообщили.

— Она под мостом лежит.

— Кто? — испугалась мама.

— Надежда Семеновна. Я ее снегом закидал, от собак.

— Хорошо, сынок, на обратном пути коменданту госпиталя доложим. Кажись, Моршкина ее фамилия?

— Да, — подтвердил Вовка и тихо добавил: — Моя учительница...

В заставленном кроватями коридоре мама сняла пальто и прошла в отгороженный угол за ширму. Вовка снял шапку, расстегнул ватник и уселся рядом на пол у пустых ведер, тряпок и швабр.

— Ой, Нина, как хорошо, что пришла. Ты у меня последняя надежда, единственная из близких во всем городе осталась. Спасибо, родная, — слышался слабый голос из-за ширмы.

— Как ты, Тома? Нельзя сейчас болеть. Твое место держать надо, а меня одной у часов надолго не хватит. Сегодня ночью Степановна помогала. Ну какая из нее помощница? Сама еле ноги волочит, того гляди, в кипяток свалится.

Послышался стон, потом редкие всхлипы переросли в тихий протяжный вой.

— Ну что ты, Тамарочка, не плачь, все будет хорошо, ты только поправляйся, я поработаю, — успокаивала мама подругу.

В ведре с мелкими инструментами Вовка заметил острый железный скребок, похожий на маленькую лопатку. Покрутив в руках, со вздохом положил назад, а блестящий скальпель с отломанным кончиком не удержался, сунул в галошу.

— Тише-тише-е-е. Вот выпей водички, успокойся, — застучала об зубы алюминиевая кружка.

— Все, Нина, я в порядке. Теперь послушай меня, только не перебивай. Обещаешь?

— Обещаю, — мама взяла Тамару за руку.

— Мне, Нина, конец, несколько дней домучиться осталось... Так я же тебя просила, не перебивай, — стал тверже голос Тамары. — Сгнило у меня все внутри, брюхо внизу раздулось, черная кровь с гноем пошла. Врач даже смотреть не стал, махнул рукой и ушел. Но это ладно, я смирилась со своей смертью. Вот только как с Танечкой быть? В детдоме она не выживет, сразу погибнет. Всем святым, что есть на этом свете, умоляю: забери к себе дочку.

Мама отвернулась, не смогла отказать, глядя на больную.

— Куда я ее заберу, Тамара? У меня Валька на последнем издыхании, кожа да кости, не говорит уже. Вовка с голодухи по мусоркам лазит, пропитание ищет. Сама с ног валюсь. Прости, не осилю я троих.

— Подожди, дай мне перед смертью выговориться, — часто задыхала Тамара.

— У меня на квартире немного продуктов спрятано. Вот карточки мои и Тани, все, что сумеешь получить, возьми себе. Сразу не отказывай, подумай хорошо. Я расскажу, как тебе самой выжить и детей спасти. Будешь слушать?

— Буду. Говори, только успокойся.

— Недавно я бабушкино наследство — перстень золотой с изумрудом — обменяла на продукты. Заведующий лекарственным складом Портков Павел Борисович, такой согнутый, как коромысло, в шинели голубой с воротником и шапке каракулевой. Это он помог золото обменять и меня сюда пристроил.

— Поняла, о ком ты, Тома. Видела я его несколько раз в госпитале.

— Ну, так вот. Павел Борисович — очень влиятельный человек. Я до войны с его женой знакомство водила, платья шила. Теперь самое главное. Он мне весной эвакуацию обещал. В ближайшую очередь вписал. Ну, конечно, не просто так. Я ему браслет золотой с рубиновыми рыбками и брошь старинную, бабкину, с драгоценными камнями пообещала. Он как увидел, сразу согласился помочь, заверил, что все сделает и продуктами обеспечит. Сказал, что по нынешним расценкам это потянет на мешок крупы, полпуда сахара и десяток банок тушенки, ну и там другое, может, яичный порошок и горох. Так вот, Нина, если поклянешься, что дочку мою не оставишь и спасешь, я тебе все отдам. На эвакуацию вместо меня с детьми уедешь. У меня сестра родная на Урале живет, бездетная. Напишешь потом ей, она Таню заберет. Только спаси дочку, моллю тебя, главное, вывези из Ленинграда.

В щелочку Вовка увидел, как мама близко наклонилась к тете Тамаре, а та ей что-то долго шептала на ухо. Прощаясь, отдала ключи.

На следующий день Нина столкнулась с Павлом Борисовичем в коридоре, где лежала Тамара. Он вышел из-за ширмы с серым лицом и перекошенным, сухо сжатым ртом. Тамара была без памяти. Металась по кровати и хрипло кричала: «Не обижайте сиротку... Отдайте Тане макароны...»

Утром мама разбудила Вовку и попросила, чтобы он взял санки и ждал ее на Фонтанке у Египетского моста.

Пожевав с Валькой хлебushка, чуть припорошенного сахаром (удалось получить сто граммов), и запив горячей, немного подслащенной водичкой, Вовка побежал на Фонтанку.

— Так, сынок, теперь с нами будет жить девочка Таня, — сказала мама, как только увидела Вовку.

— Той тети, что умерла?

— Да.

— А кто ее кормить будет? — вырвалось у Вовки.

— Не переживай, тебя не обьест, — сухо ответила мама и пошла к парадной желтого дома.

Вовке стало стыдно. Он хотел другое спросить, но получилось, о чем постоянно думал, то и вырвалось.

— Я не жадный...

Но мама махнула рукой и поторопила: «Давай шевелись! На третий этаж санки тащить!»

Одетая в кроличью шубку, Таня сидела на кровати в ворохе покрывал и подушек.

— Здравствуйте, вы тетя Нина? Я давно вас жду. Мама говорила, что вы обязательно за мной придете, — улыбнулась девочка. Возле кровати стояли перевязанный тесемкой фанерный чемодан, сумка и плетеная корзинка с тетрадками, фотоальбомом и книжками.

— Здравствуй, Таня. Все правильно, я тетя Нина, а это Вовка. Ну что, давай собираться, тут недалеко.

— А можно, я подушку и одеяло свое возьму?

— Конечно, Таня. Мы потом еще не раз вернемся, все, что хочешь, заберем. Сынок, давай помогай.

Пока дети копошились возле санок, привязывали чемодан и корзинку, Нина прошла в другую комнату. В шкафу под тряпками достала вещмешок с продуктами. Развязав лямки, сделала быструю ревизию: мешочек перловки килограмма на два, столько же пшена, сухофрукты, замотанные в носовой платок слипшиеся конфеты «подушечки», две пачки печенья, коробка вермишели, пол-литровая банка маргарина и кусок сахара на полкило. После скудного пайка последних недель это было настоящим богатством. Осмотрев комнату, Нина подошла к окну и откинула светомаскировку. Под гранитным подоконником нащупала выпуклость и вытащила кирпич. Из углубления достала деревянную коробочку. «Теперь выживем, спасибо тебе, Тamarочка», — мысленно поблагодарила Нина покойную малознакомую подругу.

Валя сразу принял и полюбил Таню. Как только увидел такую же стриженую девочку, смущенно заулыбался и начал прятаться под шинель. Совсем скоро они лежали на диванной сидушке, покачивая согнутыми худыми ножками в больших валенках и листали книжку с веселыми картинками. Мама тщательно, по дням, распределила продукты и принялась готовить ужин. Вовка убежал за дровами. Вечером за столом ели густой жирный суп с хлебом. В ту ночь Вовке первый раз за последнее время не снились разрубленные собаки и трепыхающиеся в сетке птицы.

Днем Таня с Валею оставались дома, рисовали в тетрадках и листали книжки, а Вовка убежал в прачечную помогать маме. Вместе встретили Новый год. Вовка раздобыл

сосновую ветку, сбегал к Тане домой, принес елочных игрушек и картонного деда-мороза с ватной бородой. Все смеялись и шутили, когда Валя тихонько подошел к наряженной елочке и осторожно стал лизать стеклянный леденец. На короткое время забыли о войне: в мерцании керосиновой лампы вокруг печки водили хоровод, пили из чашек настоящий чай с конфетами и печеньем. Но когда стали загадывать желания, вспомнили о блокаде.

К концу месяца припасы закончились, дети стали хиреть. Нина решила и пошла к Павлу Борисовичу. Она и раньше хотела встретиться и поговорить, но чего-то опасалась, оттягивала. Какие-то нехорошие слухи ходили об этом мрачном человеке.

Аптечный окружной склад находился на охраняемой территории госпиталя, и без специальных пропусков туда не пускали. Почти час Нина гуляла возле огороженного помещения, ждала заведующего складом. Пожилой солдат, куривший на крыльце, стал гнать чужую тетку.

— Не положено здесь шататься, давай топай отсюда.

— Да мне к Павлу Бо... Борисовичу очень надо, — жалобно попросила Нина, — я здесь рядом, в прачечной работаю.

— По какому вопросу?

Нина замялась.

— По личному.

— Ха, по личному, — возмутился солдат, — здесь охраняемый объект, а она по личному. Много таких личностей тут ошивается, всех не согреешь и не накормишь.

— А когда он выйдет?

— Когда-когда... когда Гитлер сдохнет, — скривился солдат. Но взглянув на жалкую и дрожашую тетку, немного смягчился.

— Да занят он. Полночи по складу бегаёт, ящики считает, все проверяет, потом до утра пишет.

— Тогда передайте ему, пожалуйста, что я от Тамары Синельниковой, недавно умершей, из прачечной, он знает, по ее делу хлопочу.

— Ладно уж, скажу. Но если через полчаса не выйду, не жди. Значит, послал он тебя подальше, с твоими хлопотами. Все поняла?

— Поняла! — простучала Нина зубами.

Через десять минут в приоткрытую форточку солдат крикнул:

— Эй, подруга! Завтра в четыре на пропускной скажешь, что с девятого отделения, к заведующему за накладными. Тебя проведут.

В длинном кабинете, заставленном ящиками, мешками и бесформенными тюками с красными крестами, Павел Борисович встретил Нину открыто нелюбезно.

— Чем могу служить-ссс? — цыкнул он сквозь зубы, даже не взглянув на вошедшую.

— Я вот по... Мне передали... вот тогда... Тома... — замялась и совсем растерялась Нина.

— Какая, к черту, Тома? Вообще-то, вы кто? Кто вас сюда пустил? — начал он злиться, и его голос противно заскрипел.

Нина испугалась и хотела уйти, но вспомнила Вальку (он опять тихо лежал и смотрел в угол), собралась и одним духом выпалила:

— Павел Борисович, Тамара Синельникова — это та умершая женщина, которой вы помогли с продуктами и обещали весной эвакуировать. Она мне оставила дочь и...

— Что вы себе позволяете! Какие продукты в блокадном городе? — закричал он и затряс высохшими костяшками кулаков. — Немедленно покиньте помещение!

Нина шарахнулась назад, зацепилась ногой за тюк, свалилась на ящики и больно ударилась спиной.

— Все-все, давайте уходите, — привстал Павел Борисович из-за стола, грозно нависая над стонущей на полу Ниной.

Нина спешила к детям. На Садовой обходила наметенные бугорки жутких форм с торчащими из снега ногами и беззвучно рыдала. «Что же делать, как выжить, как спасти детей?» Боясь потерять, она всю дорогу ощупывала в кармане небольшой сверток с хлебом, полученную дневную норму. «Так, надо успокоиться, собраться... С остатков муки сварю болтушку. Потом, потом, а что потом?.. — холодела она, ища хоть какой-то выход. — Тамара, Тамарочка, что же случилось? — спрашивала Нина, глядя в черное небо. — Почему он, гад, выгнал меня?»

Тут она вспомнила, что, когда забирали Таню, в шкафу под тряпками она видела завернутую в рваные газеты шубу. «Шубу легче поменять или продать. В госпитале много военных, офицеры, начальство приезжают-уезжают, может, и получится. Завтра пошлю Вовку, или нет, лучше с утра забегу сама».

— Мама, ма... смотри, — обрадованный Вовка ждал в арке дома.

— Чего, сынок? — отвлеклась Нина от тяжелых мыслей.

— Вот чего! — протянул Вовка руки, но в темноте она ничего не увидела.

— Морошкина приходила.

— Господи, какая Морошкина, ты же говорил, что она умерла.

— Дочка Надежды Семеновны. Старший сержант связи. Мы же тогда у коменданта свой адрес оставили. Помнишь?

— Ну, да. И что? — у Нины не было сил разбираться со всем этим.

Вовка, все еще волнуясь, продолжил:

— Надежда Семеновна пропала. Дочка Светлана искала маму, и живую и мертвую. Ей сообщили в часть, она к нам и пришла. Стала спрашивать. Я ей все рассказал. Потом мы вместе пошли к сгоревшему мосту и отрыли Надежду Семеновну. Она там так и лежала под снегом, без валенок.

— Вот и хорошо. Хоть попрощается с матерью и похоронит по-человечески, — вздохнула Нина.

— Мама, она мне полбуханки хлеба и две банки каши с мясом... представляешь, две банки, — еще раз повторил Вовка, — целые.

У Нины закололо под лопаткой, она молча обняла сына. Только возле дверей спросила:

— А чего ты меня не дома, а на улице ждал?

— Боялся, что когда Вальке с Танькой покажу, не утерпим, все съедим и тебе не оставим.

Утром Нина забежала в Тамарину квартиру за шубой. Дверной замок взломали. Вынесли все: сорвали паркет, плитуса и деревянные карнизы; шкаф и стол разрубили на куски и растащили по соседним квартирам, где еще теплилась жизнь. Вывернутые струнные внутренности пианино валялись на битом стекле от серванта и железных спинках кроватей. Даже деревянные рамы и те сняли с картин и семейных портретов. Нина собрала мятые фотокарточки, сунула в сумку и поспешила на работу.

Несколько дней протянем, дальше спасет только чудо, — тащила Нина через госпитальный двор тюки с грязным бельем. Возле прачечной увидела сутулую фигуру в каракулевой шапке.

— Как вас зовут? — резко спросил Павел Борисович. — И что вы от меня хотите?

Нина так измучилась, что не стала заискивать, сказала все как есть, резко и даже раздраженно:

— У меня трое детей полумертвых. Еды нет. Норму хлеба по крошкам делим. Сама с ног валюсь...



Павел Борисович скривил свое желтое восковое лицо и хотел что-то сказать назидательное, даже понимая вздохнул и развел руки, но Нина его перебила:

— Не надо. Я не слепая, все вижу и понимаю. Но я обязана спасти детей. Понимаете? Перед смертью Тамара меня заверила, что вы поможете с продуктами и эвакуацией. А я вам за это отдам брошь и браслет.

Нина видела, что он чего-то опасался и колебался. Рискнув, твердо добавила:

— Если вы об этом ничего не знаете, то извините. Видать, напутала Тамара в бреду. Прощайте.

— Пойдите, — шляпкой строчка сморщился его подбородок, — я что-то припоминаю. Давайте так договоримся. Сегодня у нас пятница, вы завтра вечером принесете и покажете..., что там у вас, — покашлял он нервно в кулак. — А в конце следующей недели мы встретимся..., обсудим, я должен убедиться, что...

— У меня дети обои жуют и стены лижут, — опять перебила его Нина. — Если нет, то я сегодня все это обменяю на ведро капустных кочерыжек, — придумала она на ходу. — До следующей недели, я боюсь, мы не дотянем.

Павел Борисович зажевал фиолетовыми губами:

— Так, я сказал, успокойтесь. Через час зайду.

Он принес две пачки пресованного гороха и замотанный в вощеную бумагу кусок мороженого студня из потрохов и кишок.

— Сегодня в десять вечера я жду вас. Вот записка, покажете охране. И не опаздывайте.

Словно африканский гриф, он сгорбленно сидел за своим столом, уткнувшись крючком носа в большую лупу.

— Так-так-так... Четыре крупных, восемь маленьких, вот еще и полукруг... изумрудов, а в центре... да-да-да.. с обратной стороны знак мастера..., — бурчал он себе под нос и аккуратно записывал в маленькую книжечку.

Отодвинув настольную лампу, Павел Борисович поднял в коричневых пятнах голу, блестящую, как запеченная в меду тыква, и посмотрел сквозь Нину:

— Ну, что же. Пожалуй, я свое слово сдержу. Давайте свои бумаги и метрики на детей.

Нина положила на стол конверт с документами.

— Так, теперь с продуктами. Чтобы здесь не мелькать, оставьте свой адрес. Пару раз в неделю постараюсь заходить. Пока только горох, кукурузная мука, немного яичного порошка и рыбий жир для детей.

Павел Борисович, нацепив на нос другие очки, хотел уже попрощаться, но внимательней оглядел просительницу. Помолчал немного и как бы нехотя продолжил:

— Муж-то на фронте? Где служит?

— Танкист. Последняя весточка была в октябре из Старой Руссы.

— Понятно, — пожевал губами Павел Борисович, — там немец сильно бил, живого мало чего оставил, — стал он уже откровенно пристально осматривать Нину.

— Сама-то до войны где работала?

— В типографии. Главным бухгалтером.

— Значит, образованная и считать умеешь.

— Умею.

— А лет-то сколько тебе?

— Тридцать два в марте исполнится, — заволновалась Нина.

— Так-так, — почесал он карандашом вялое ухо в синих прожилках.

— Вижу, не дура, — оскалился он по-дружески. — Если еще и расторопная, то возьму к себе на склад, так сказать, на постоянный усиленный паек. Ну как, пойдешь?

— Да. Конечно, пппп-ойду, — сразу ответила Нина, чуть не задохнувшись от такой неожиданной удачи.

— Тогда свободна, на сегодня все. В понедельник обговорим более обстоятельно.

«Вот и солнышко выглянуло в первую оттепель и отдаленно запахло весной. Теперь точно переживем проклятую зиму», — бежала в госпиталь оживленная Нина. Сегодня утром она не делила на граммы еду, а довольно неплохо покормила детей. Вовка даже удивился, когда мама сварила на день похлебку из целой банки перловой каши.

Возле склада Нина увидела военных в серых шинелях с малиновыми петлицами. Госпитальное хозяйственное начальство толпилось на ступеньках. Тот самый пожилой солдат из охраны курил табак у ворот.

— Простите, а что случилось? — спросила у него Нина.

— А тебе что за дело? — сдвинул он мохнатые брови.

— Проверка на складе, у Павла Борисовича?

— Иди, куда шла. На том свете черти его проверят, — сплюнул солдат на снег коричневой слюной.

Чуть позже Нина узнала, что в эту ночь в своем кабинете от инсульта скончался Павел Борисович. Ходили слухи и странные пересуды, что заведующего то ли задушили, то ли он сам застрелился при аресте. В его кабинете обнаружили неучтенные лекарства, продукты и трехлитровый алюминиевый бидон, под завязку набитый золотом. Все последующие дни Нина ничего не помнила, ходила в плотном тумане. Рухнула последняя надежда. А в конце недели у большого котла подкосились ноги, падая, она по локоть сильно обварила руку. В перевязочной наскоро наложили повязку и отпустили на больничный.

Вовка снова полез по крышам проверять птичьи ловушки. В бывшем католическом соборе появились военные. Голуби от шума и грохота сразу разлетелись. Свою сетку забрать не удалось, дырки в куполе наглухо заколотили. В разбитом помещении склада на Пряжке тоже не везло. Сетку сорвало ветром, и она, перекрученная, забилась снегом и висела, как замерзшая сопля. Кое-как распутав и растянув ловушку, Вовка слез с крыши. За разрушенной стенкой он спрятался от ветра и слизывал кровь с разорванной крючком ладошки.

Надо спешить домой, еще и дров где-то найти, а то стемнеет, и все, до утра в холоде дрожать, ладно, я привычный, а как Вальке с Танюхой, да и мама больная.

За поваленной стеной валялись разбитые ящики и прочий деревянный хлам. Но теперь тот угол замело снегом. «Ну, что здесь ковыряться? Или к Дровяному переулку сбежать? Нет, лучше к дому ближе, только надо немного согреться», — подумал Вовка, ускоряя шаг. Через минуту у него закружилась голова, и, огибая угол, он задел плечом кирпичное строение. Лежа в мягком сугробе, он так захотел спать, что закрыл глаза и мучительно сладко подумал: «Вот сейчас только немножко полежу и сразу домой», провалился он в тягучее, вспыхивающее желтыми искрами марево. В сознание Вовку вернула собака. Она тихо скулила и сухим шершавым языком лизала его закрытые глаза. Вовка очнулся, качнул головой и приподнялся на локоть. Страх быть сожранным собаками заставил часто забиться сердце и разогнал по замерзшему телу густую кровь. Собака отбежала в сторону и громко залаяла, окончательно рассеивая плотный туман забвения. Вовка вылез из сугроба и поплелся домой. По дороге недалеко от дома в арке одного из домов увидел замотанного в платок бородатого старика, отдохавшего на широких санках. Из санок торчала вязанка напиленных досок. Вовка прошел мимо, но, вспомнив недавнюю собаку, вернулся назад. Надо разбудить деда, пока не замерз.

— Дедушка, вставайте, — потряс Вовка его за плечо.

Старик склонился и ооченело ткнулся головой в снег. Санки с дровами, пока никто не видел, Вовка утащил к себе на этаж.

У мамы за занавеской сидела Степановна из прачечной. Она принесла полученный по карточке хлеб, баночку керосина, мазь от ожогов и делала перевязку. Вовка напился воды и подсел к печке. Расколов сухую доску, он посмотрел в детский угол. Валя спал, а Таня перебирала его рисунки.

— Таня, дай мне что-нибудь на растопку.

Таня подсела к Вовке и протянула листики.

— Смотри, что Валя рисует. Каждый день одно и то же.

— Рыба, что ли? А это круглое на мину похоже.

— Да, а вот мост и машина.

— А почему грузовик, перевернутый вверх колесами, по волнам плывет?

— Не знаю. Он хотел мне что-то рассказать, но не смог. Только мычал, шевелил руками, показывал на рисунки и тянул к окну. Потом устал, заплакал и уснул.

— Ладно, это ему приснилось плохое. Пусть отдохнет.

На третий день стало совсем худо. Мама не могла встать с постели. Рука распухла, поднялась температура, она тихо стонала, уткнувшись головой в стенку.

— Сынок, — позвала она утром Вовку, — я совсем расхворалась и не получила карточки на следующий месяц, ты сбегай на работу, попроси Степановну. Вы ели?

— Да, мам, хлебушек вчерашний.

Степановны в прачечной Вовка не нашел. Другие женщины были заняты работой и отправили его в хозслужбу госпиталя. Там в большой очереди Вовка простоял почти до вечера, но карточек не получил. Требовали мать или документы.

Нина, как услышала о документах, похолодела.

— Ой, сыночек, что же делать? Надо бежать на склад и спросить Павла Борисовича, заведующего. Документы у него, — в горячке порывалась мать встать с лежанки.

Утром, растопив печку перегородкой Танькиного чемодана, Вовка пошел на склад. Но так толком и не смог никому объяснить, какие документы он хочет получить от покойного Павла Борисовича. Охранявший склад солдат жалобно посмотрел на беспомощно мычащего Вовку и, чтобы хоть как-то успокоить, сунул ему в руку черный сухарь.

— Ты не видела у Вали отцовскую зажигалку?— спросил Вовка у Тани, когда пришел домой.

— Нет, не видела, — тихо ответила Таня, ковыряясь в своем чемодане.

В начале зимы Вовка таскал в прачечную простреленные бурые шинели. Потом перед стиркой, сидя на наваленной куче, срезал пуговицы, петлицы и нашивки. В одной из командирских шинелей в подкладке нашел блестящую коробочку, зажигалку с орлом и надписью «Zippo 1936» на крышечке. Пару дней Вовка хвастался и всем показывал свою находку. Управдом дядя Коля хотел заполучить такую ценность, предлагал взамен шоколадку и две банки сгущенки. Но Вовка отказался, а зажигалку подарил Вальке. Чтобы поддержать брата, Вовка придумал историю, что зажигалку ему привез раненый солдат с фронта, подарок от отца. И самое главное, отец передавал на словах: «Оставаться мужественными и сильными, защищать маму и обязательно его дожидаться». Валька так обрадовался, закивал головой: «Обязательно дождусь», — стал гладить и целовать металлическую коробочку, пахнущую керосином. С отцовским подарком Валька не расставался, хранил в нагрудном карманчике и даже спал с ней, зажав в кулачке.

Растолкав Валю, Вовка начал спрашивать о зажигалке. Но Валя ничего не понимал, только мычал, плакал и показывал ручкой на окно. Вовка обыскал Валю, но ничего не нашел, стал кричать на брата.

— Где папина зажигалка? Отдай ее мне! Я только гляну и сразу верну...

Но Валя хныкал и тянулся к окну.

— Ну, что ты там увидел? — измученный Вовка посадил Вальку на подоконник.

Валька, присев на коленки, тыкал пальчиком в стекло, указывая на мост, и издавал сухими с белым налетом губами непонятные урчащие звуки.

— Что ты хочешь, зараза? — психовал Вовка, дергая Валю за воротник пальто. — Отдай зажигалку по-хорошему.

Не выдержав, Вовка взвыл и ладошкой смазал Вальке по скривленному, как у старичка, дрожащему личику, а потом схватил за тонкую воробьиную шейку. Валька захрипел и свалился с подоконника. В защиту Вальки, сжимая кулачки, на Вовку бросилась плачущая Танька. Вовка оттолкнул Таньку, и та полетела в угол через корзинку с рисунками, стукнувшись головой о стенку. За занавеской страшно закричала мать. В следующее мгновение все утихло. Дети опомнились. Так и замерли, раскиданные на полу, словно тряпичные куклы, только прерывисто дышали и размазывали по лицам слезы и сопли.

Валька на карачках тихо полез в свой уголок. Вовка подсел к брату и стал вытирать ему мокрое лицо тыльной стороной ладони.

— Валя, прости, — тихо повторял он. — Ну, прости ты меня, я ведь хотел...

Танька сидела под стенкой, поправляла платок, потирая ушибленный лоб.

— Вова! — вдруг громко крикнула она.

От ее резкого окрика Вовка вздрогнул и втянул голову в плечи.

— Вова, я все поняла, — кинулась Танька к братьям с одним из Валькиных рисунков.

Вовка посмотрел на нее подозрительно.

— Что, башкой сильно треснулась? Не хотел я, Танюха, ты тоже прости.

— Да ннн-ет, все хорррошо, — от волнения Танька стала заикаться.

Таня уселась перед ними и повернулась к Вале, показывая ему рисунок.

— Валечка, это та машина, которая упала с нашего моста, — тыкала Танька пальчиком сначала в нарисованный корявый грузовик, а потом в окно.

Валя печально улыбнулся и кивнул головой. От перенапряжения он глубоко задышал, закатил глаза и повалился на бок, теряя сознание.

Вовка испуганно смотрел на глупо хихикающую Таньку.

Успокоившись и попив водички, Таня застегнула шубку, надела шапку и потянула Вовку на улицу.

Сначала Вовка ничего не понимал: при чем тут грузовая машина? Какая-то непонятная давнишняя авария? И основная неясность — это утонувшая рыба-селедка.

Таня отдышалась и на мосту начала подробно рассказывать.

— В начале сентября у меня день рождения.

— Ну, и что? Прямо событие, — начал раздражаться Вовка.

— Не перебивай, пожалуйста, Вова.

— Ладно, давай быстрее, мне еще на Пряжку надо сбегать.

— Ну вот, — продолжила Таня. Седьмого сентября 1940 года, в день моего рождения, ровно в семь часов вечера, на этом мосту я должна загадать желание. Так у нас с папой повелось. Ведь наше Семимостье — волшебное место в городе. Все желания обязательно сбываются. Моя бабушка еще рассказывала ...

— Не отвлекайся на бабушку, — буркнул Вовка.

— Ага. Не буду. Слушай дальше. В тот день мы с папой шли по Крюкову каналу от Фонтанки. Часы показывали без пятнадцати семь, я торопилась и нервничала, словно чувствовала, тянула папу за руку, боясь опоздать. На подходе мы увидели ограждение и милицию. Мост перекрыли и никого не пускали. У разрушенных перил стоял кран, кричали люди, пытались подцепить и вытащить из воды перевернутый грузовик. Я да-

же расплакалась. Папа меня успокоил и сказал, что ничего страшного, загадаем желание на следующий день рождения. Но на следующий уже шла война, и папа погиб...

— И зачем ты мне все это рассказала? — недоумевал Вовка.

— А вот зачем, — начала злиться Танька. — Вон на том углу, — указала она рукой в конец Крюкова канала, — в зеленом доме был рыбный магазин «Волна» — недалеко отсюда, помнишь?

— Ну, помню.

— Так вот. Машина, которая свалилась из моста, везла в магазин селедку в бочках, копченую рыбу в ящичках и все остальное, рыбное. Когда краном поднимали грузовик, разломалась будка, и все, что там было, посыпалось напрямик в воду. Мы вон там стояли с папой и все видели. Бочки и неразломанные ящики потом выловили, а остальное, наверное, так и осталось на дне...

— Что остальное? — заорал Вовка. — Вяленые леци и развесная килька? Ты совсем дура!

— Сам дурак, — обиделась Танька. — А рыбный паштет в маленьких баночках, а селедка в таких больших круглых... может, еще что-то... крабовое мясо. В витринах такие высоченные пирамиды выкладывали, — подняла Танька руки вверх. — В большом окне так красиво горками стояли!

— Ты хочешь сказать, что сейчас вон там, на дне, валяются банки селедки?

— Ну да. Наверное. Ведь Валька тогда откуда знает? Авария прямо под вашими окнами случилось, он сам видел, как машину вылавливали, раз вспомнил и столько времени пытался нам объяснить. Банки эти, на мины похожие, рисовал. Пошли теперь к нему, спросим спокойно.

Вовка задумался: «Черт, а ведь, может быть, и правда. Валька часто болел, гулять его не пускали. И он днями сидел закутанный на балконе».

— Давай так, — серьезно сказал Вовка, — я на Пряжку, ловушки гляну. А ты походи по дворам, дров поищи. Напой Вальку горячим и все разузнай.

Вовка шел по улице и думал о селедке: «Стоп, даже если там и осталось кое-что на дне, то как достать с глубины? Снег, лед, вода. Нет, дурная затея. Ничего не получится. Только растревожила зря, глупая».

В сетке слабо трепыхался голубь. Вовка сразу обо всем забыл и полез за добычей. Выпутав птицу, стал зубами рвать перья еще с теплого судорожного тела. В разломе стены увидел знакомую собаку. Отрезав ножом голову, лапы и крылья, швырнул вниз. Плохо ошипанную тушку опалил спичками и спрятал в карман. Вытащил из снега деревянный обломок, заспешил домой. Собака увязалась за ним, но, увидев на улице людей, скрылась в развалинах.

За занавеской тихо стонала мама. Вовка неподвижно лежал под шинелью, а Танька ломала валенком фанерные бока своего чемодана.

— Нет нигде дров. Я все обыскала. Потом взяла ключи и побежала на Фонтанку. А там, в нашей квартире... — Таня зарыдала.

Вовка помог маме выпить несколько глотков воды, глянул на Вальку, успокоил Таньку, разжег печку и принялся варить голубя.

Ночью они лежали рядом и тихо шептались.

— Вова, а я знаю, как зимой рыбу ловить. Я видела из нашего окна на Фонтанке.

— Ладно, молчи уж, видела она, — отвечал Вовка. — Ничего не получится. Там снег больше метра и толщина льда о-го-го. Морозы какие трещали!

— А мы потихонечку все расчистим и дырочку проковыряем.

— А дальше что? Тебя за веревку привязать и водолазом на дно опустить? Так, что ли?

— Не знаю, Вова. Я плохо плаваю, меня папа только учить начал.  
— Все, спи. Пока зима, ничего не получится.  
— Вова, я рыбки хочу, я раньше селедку не любила. А теперь очень люблю. Давай рыбки наловим, может, крючком.

— Спи, я сказал, крючком вязать будешь.  
— Не могу я спать, я рыбку хочу, хотя бы хвостик. Маленький-премаленький. Вовка отвернулся и натянул одеяло на голову.  
— Карасики, карасики, любимые мои карасики, золотыми хвостиками все машут и машут., — тихонько напевала Танька придуманную песенку, когда утром Вовка открыл глаза.

Мама сидела на полу и пыталась надеть пальто. Замотанная рука не лезла в рукав. Закусив до синевы дрожащую губу, она мучилась, но ничего не получалось.

— Сынок, мне надо на работу сходить, карточки получить.  
— Хорошо, мама, я с тобой. Только печку растоплю и за водой сбегаю.  
Когда Вовка прибежал с ведром воды, мама без сознания лежала возле топчана с наполовину надетым пальто.

— Таня, смотри за печкой, как закипит в котелке, дай остыть и напои Вальку с мамой, а я в прачечную сбегаю.

На полдороге Вовка встретил Степановну.  
— Я к вам, Вова, хлебушка несу. Завтра к маме обещались прийти из службы, карточки выписать. Вот и с фельдшером из хирургии получилось договориться, к вечеру должен подойти.

Проводив до квартиры Степановну, Вовка побежал к ловушкам. На Банном мосту встретил старших пряжкинских пацанов. Они с палками и кусками труб шли на Галерный остров бить собак.

— Айда с нами в загон, — предложил Вовке Витька Шилов, местный бандюк. Он когда разговаривал, щурился и подергивал головою и постоянно сплевывал зеленую харкотину.

— Нам как раз не хватает мелкого, чтобы по всем щелям прошуршал.  
Даже среди своих Шилов слыл психом и гадом. Его давно выгнали из школы за издевательство над младшими и воровство. С такими же он сколотил шайку и промышлял на Коломне мелкими кражами и грабежами пьяных. Говорили, что даже мать его боялась и все ждала, когда он отправится в тюрьму к родному отцу. А когда началась война, то ребята из школы рассказывали, что его кодла занимается чем-то уж совсем нехорошим. Но чем именно, не знали или боялись говорить.

Вовка промышчал что-то невразумительное и сразу же юркнул в арку ближайшего дома. В ловушках было пусто. Только в одном из ангаров увидел несколько ворон, но без рогатки не достать. Возвращаясь домой, заметил Таньку. Танька вся в снегу лезла по сугробам канала, таща за собой большую лопату.

Вовка спрыгнул с набережной и, утопая по колено, полез к Таньке.  
— Вова, прости, мы с Валею твой сахар слизали, а хлебушек вот, — достала она из кармана со всех сторон обкусанный кусочек.

— Лопату где взяла?  
— В кладовке, за корытом.  
— Все, пошли домой, — взял Вовка лопату.  
— Я не пойду, — опустила голову Таня.  
— Ну, и торчи здесь, как дура, хоть целую ночь. Собак приманивай. Они сейчас голодные и злые, сожрут и не подавятся.

Танька поправила шапку, но осталась сидеть в сугробе.

— Не пугай. Я не боюсь собак, у нас пудель четыре года жил. И ладно, подумаешь, лопату он забрал, — крикнула она Вовке в спину, — я руками норку выкопаю.

Вовка остановился. Вот зараза упертая, ведь точно замерзнет, ищи ее потом ночью, спасай, — а вслух сказал:

— Таня, давай так. Согреемся, отдохнем, а завтра у Вальки узнаем точное место. Я кое-что интересное придумал.

— Ой, Вова, а что ты придумал? — повелась Танька.

— Шагом марш домой, там расскажу.

В отблесках печки они сидели на полу и сёрбали теплую водичку с размоченным хлебушком. В дверь постучали.

Степановна привела усатого фельдшера в больших очках с толстыми стеклами и железным чемоданчиком с красным крестиком. Фельдшер потоптался на пороге, стряхивая снег, и спросил о больной. Вовка зажег керосиновую лампу и передал за занавеску.

Мама так кричала, что Валька с Таней спрятались под шинель, когда ей сдирали всохшие бинты в оголенную плоть загнившей руки.

— Срочно в госпиталь, — прикрикнул фельдшер, топорща усы, — надо резать... — Хотя нет, куда тут дергаться. Не выдюжит, слишком слаба.

— Как же так, — запричитала Степановна, — посодействуй, мил человек, ты же знаешь, я в долгу не останусь.

— Да знаю я, Степановна, но ты же видишь, доходит она, пару дней осталось, если заражение не пошло. А начнут руку резать...

— Давай попробуем в больничку, хотя бы не при детях отойдет страдальца, мать все же...

— Ладно, завтра с утра жду, тащите свою горемычную.

Степановна аккуратно промокнула гноящуюся рану, перевязала руку смоченной чистой тканью и осталась ночевать возле мамы. Вовка стал ладить краденые широкие санки.

Еще затемно, кое-как одев маму, они спустились на улицу, там уложив в санки, потащили к госпиталю. По дороге помогли два солдата. Сдав маму фельдшеру, Степановна ушла в прачечную, а Вовка с Таней потащились домой.

Таня еле шла, ноги скользили и заплетались. Несколько раз упала, если бы не Вовка, так бы и осталась лежать.

— Вова, а мы пойдем селедку ловить?

— Пойдем, обязательно пойдем. Только надо отдохнуть и что-нибудь пожевать, а то сил совсем нет.

— Да, Вова, а что пожевать? Голова кружится, давай немножко посидим.

Чего пожевать, Вовка не знал.

— Некогда рассиживаться, дома Валька один, проснетя, испугается и будет плакать. Ты садись в санки, так быстрее доедем.

Дома Вовка уложил Таньку под шинель к Вальке, а сам побежал обратно в хозчасть за карточками.

В приемной, громко назвав фамилию, Вовка рассказал, что мама тут в госпитале на операции, фельдшер такой с усами, может подтвердить.

Главная тетя в лисьей шапке с острым в красных пятнах лицом, полистав журналы, сказала, что на эту фамилию все выдано. Хлебные карточки на месяц получила доверенное лицо, старшая швейно-прачечного блока. Вот приписка.

— Степановна? То есть Кулешова, тетя Маша, — обрадовался Вовка.

— Нет. Некая Туманова, швея. Вот ее подпись. Даша, — крикнула главная в другую комнату, — ты на Виноградовых карточки выдавала?

— На каких именно? — Вышла из комнаты коротко стриженная светлая девушка в распахнутом полушубке с комсомольским значком на груди.

— На Нину Николаевну, Грибоедова, сто тридцать один.

— Нет, но я в курсе, что Виноградова болеет. Просили прийти на дом, но потом увидела учетную запись.

— Ладно, мальчик, мы сейчас еще раз проверим, а ты пока сходи в швейную мастерскую, спроси Туманову Жанну, наверное, она забыла передать.

Но Туманова не появлялась на работе несколько дней. Где она проживает, точно никто не знал. Сказали, что где-то на Васильевском острове. Вовка снова побежал в хозяйственную часть. Там служащие пошептались и пообещали разобраться. Вовка вышел из кабинета и в коридоре под стенкой сел на пол.

— Мальчик, я все сказала, иди домой, — выглянула из кабинета пятнистая тетя в шапке.

Вовка поднял голову и тихо сказал:

— Я боюсь. Там Валя... Что я потом маме скажу.

— На держи и отнеси своей сестренке Вале, — наклонилась к нему комсомолка и сунула в руку бумажку с вареной картошкой и двумя слепленными желтым жиром кусками хлеба.

Вовка зашевелился, начал приподниматься, опираясь о стенку.

— Валя — это брат, а девочка Таня, — непонятно зачем уточнил Вовка.

— Ой, а ты совсем плохой, — сказала тетя в шапке, — пойдем хоть чаем напою.

К кипятку с размешанной ложкой сухого молока Вовка получил сухарь и два кусочка сахара.

На следующий день, узнав точный адрес швеи Тумановой, Вовка вместе со Степановной пошли к ней домой. На Пятой линии в незапертой квартире на полу увидели скрюченную мертвую старуху и холодного младенца в кроватке. Швея так больше нигде не появилась, пропала без вести.

— Это я во всем виноватая, — корила себя Степановна. Много лишнего о вас болтала, что Нина плохая и вы доходяги, еле-еле душа в теле... Вот Жанка и... решила хотя бы своих спасти, но, видать, не судьба... сама где-то по дороге сгинула и дочку с матерью за собой утащила.

Вовка не слушал, всю дорогу зыркал по сторонам и думал о прирученной собаке на пражкинских развалинах.

— Пока мама болеет, я с вами поживу, — продолжала Степановна. — После ночной соберусь и переедем скоренько, двумя санками. Ты приходи завтра с утра, дров побольше захватим. Может, и протянем с божьей помощью на мои карточки. Мне капустных кочерыжек и засоленной ботвы в столовке обещали. Да и зиме скоро конец, а с теплом и жить легче.

Танька ходила по протоптанной дорожке по краю моста, внимательно осматривала, протирая рукавом перила. В одном месте залезла на ограждение, перегнулась, глядя под опору моста. Если бы пожилой прохожий в треснутых очках не одернул ее за воротник, так бы и ухнула вниз.

Вовка подрос, когда прохожий, похожий на учителя музыки, вяло отчитывал Таньку за опасные игры на мосту.

— Вова, вот это место, — зашептала ему Танька, когда отделился прохожий, — смотри, видишь, решетки заборчика другой краской покрашены, хорошо видно, если приглядеться. Значит, ремонтировали, точно здесь машина свалилась. А вот отсюда ее поднимали, — вытянутой рукой Танька изобразила стрелу крана, — машина еще качнулась и стукнулась о камень набережной, вон царапина, я точно помню, — наклони-



лась Танька, тыча варежкой под опору. — А потом с разломанной будки вода хлынула, и все смыло в канал.

Вовка посмотрел вниз и увидел, что снега там особо не было. Ветер завихрениями намет с боков сугробы, огибая выступ опоры.

— Значит так, я сейчас гляну Вальку, притащу топор, а ты побегай тут рядышком, дровишек поищи.

Когда Вовка крошил в кружку последний кусок хлеба, взятый у Степановны, прибежала запыханная Танька.

— Вова, ты посмотри, что мне солдатики дали, — полезла Танька в карманы шубки и достала краюшку хлеба, золотистую луковицу и сморщенную, свеженадкушенную мерзлую репку.

— Это репка, мне сказали, из сказки: тянут-потянут Жучка, а за ней внучка... репку надо кусочками нарезать и все вместе сварить. Потом лук на сладкие дольки разделить и бульоном запивать, так вкусно будет, — зажмурилась Танька, радуясь своей добыче. Пока готовили еду и делили поровну вареные кусочки, быстро стемнело.

Утром, стараясь не разбудить детей, Вовка побежал в службу выдачи. Но там никого не было, всех послали на разбор завала дальнего корпуса. В прачечной узнал худые новости. Ночью померла Степановна. Упала на бетонный пол возле парящих котлов. Остановилось надорванное сердце.

Вовка долго лазил по развалинам, высматривая знакомую собаку. Больше надеяться было не на что. Мама после операции не приходила в сознание. Утерянные непонятно по чьей вине карточки восстановлению не подлежали. Ловушки смерзлись и оборвались с боков, так и висели непригодные, треплемые ветром. Чинить, искать новые места и перетягивать сетки у Вовки не было ни сил, ни желания. В одном из заброшенных амбаров он увидел, как от дохлой вороны отбежала крыса. Вовка поднял высохший пучок перьев и отломил голову. Из тушки посыпалась труха. Сунув воронью голову в карман, Вовка пошел дальше. Он даже не заметил, откуда появилась та собака. Присев на обломок кирпичной стены, вытащил клюв с перьями и протянул собаке. Та приблизилась, понюхала, но грызть не стала, только печально посмотрела в глаза Вовке и улеглась у его ног. Вовка наклонился, погладил ее за ухом, достав из кармана молоток.

Добычу у Вовки отобрали Витька Шило с двумя старшими пацанами. Не сказав ни слова, просто толкнули в снег. Один из них наступил Вовке на грудь, а Шило протряс сумку, забрав нож и спички. Схватив собаку за хвост, уволок в подворотню.

Ни слез, ни обиды, ни даже злости у Вовки не возникло. Все плыло, как в замедленной съемке немного кино. Отчаяние и безразличие ко всему происходящему. Даже не отряхивая забившийся за шиворот и в валенки снег, он побрел, не разбирая дороги. Очнулся на своем мосту, глядя на темные окна своего жилья.

Окончательно разломав свой чемодан и отобрав ненужные карандаши, возле дымящей печки, растапливая снег в котелке, хозяйничала Танька. Ей опять удалось принести домой немного хлеба и сахара. Проходившие в штаб на Фонтанку небольшие группы солдат и матросов жалели странную девочку в облезлой кроличьей шубке, лазающей внизу по замерзшему каналу.

— Вова, мы сейчас сладкого хлебного супчика поедим и пойдем на рыбалку. Я там почти все расчистила, осталось только дырочку во льду проковырять.

Вовка безразлично кивнул и завалился на свой тощий матрас с выдерганной на растопку ватой. Разбудила его Танька и дала в руку половину горячей кружки мутной водички. Сделав глоток, Вовка услышал, как Танька беседовала с Валей.

— Ты, Валечка, подожди и пока не умирай, — строго свела она жиденькие бровки, — мы с Вовой за рыбкой ходим. Так что надо подождать, а то принесем рыбку, а кто ку-

шать будет? Помнишь, как в сказке: «Ловись, рыбка, большая и маленькая». Вот мы и наловим большой и маленькой, тебе какую? Лучше маленькую, ты же сам маленький, — приговаривала Танька, сунув ложку с хлебной кашцей Вале в рот.

— Бу-бууу-бо-бо..., — мычал Валька, хватая зубами ложку.

— Ну, конечно, большую. Самую большую-пребольшую, как сом. С таким огромным ртом и длинными усами, — Танька, как могла, широко распахнула свой маленький роток, выкатила глаза и показала пустой ложкой длинные закрученные усы.

Валя хихикнул и пустил по подбородку серую кашу.

Вовка уже ни во что не верил и ничего не хотел. Только одного: крепко заснуть и не просыпаться до тех пор, когда не кончится кошмар постоянного страшного голода. Хотя и в кратковременном бессознательном состоянии сновидений дико хотелось есть и снилась только еда. В особенности каша. Гора парящей желтомасленной каши с жареным луком и мясом, в которую Вовка прыгал и, медленно погружаясь, набивал руками рот и все ел и ел. Часто просыпался оттого, что во сне рвал клочки ваты из матраса и пихал в рот.

Но глядя, как непонятно с чего оживал почти умерший Валька, Вовка словно прозрел: надо идти долбить лед. Пока у Таньки и Вальки теплится несбыточная надежда на, скорее всего, придуманные банки селедки на дне канала, то еще немножко протянут. А если и умрут, то хоть в надежде, а не в безнадежных мучениях.

Пока Танька докармливала Вальку, Вовка нашел самое плохое ведро, отбил дно, с боков наткнул гвоздем дырок и обмотал двойной сеткой. За дужку привязал кусок ржавой цепи. Получилось подобие сачка, только без палки. Взяв в руку топор, показал Таньке и Вальке ловушку и пошел на улицу.

До ночи при свете луны они ковыряли плотный лед. Вовка стоял на коленях и наискось рубил топором. Пока отдыхал, Танька отгребала в сторону ледяное крошево. Изогнутую лунку углубили сантиметров на тридцать.

— Завтра с утра добьем, выдохся я, Танюха.

Таня вычистила углубление, отряхнулась и серьезно сказала:

— Да, Вова, надо отдохнуть и просушиться. У тебя спички есть? А то я сегодня последние из коробки пожгла.

Вовка вспомнил о собаке, ноже и спичках: вернулась обида и зажала сердце горячими клещами злобы. Скрипнув зубами, хрипло ответил:

— Пойдем домой, посмотрим, может, уголек в печке найдем.

Печка чуть теплилась. Порвав Танькину книжку, Вовка раздул огонь. Последняя табуретка, заменяющая им стол, и ножки от маминого топчана-лежанки тлели до появления в занавешенном окне полоски серого света.

Поднявшись, Вовка еще раз оглядел квартиру, ища что-нибудь способное гореть. Остались только безногий мамин топчан и Танькин альбом с фотографиями без титульных обложек. Мамину лежанку трогать ни в коем случае нельзя. Искать дрова по улицам не хватало сил, да и ближайšie окрестности Вовка излазил вдоль и поперек. Он вышел на лестницу и поднялся наверх. Чтобы попасть на чердак, где можно найти плохо прикрепленные доски и разный деревянный хлам, надо сорвать амбарный замок с маленькой железной чердачной двери. Вовка несколько раз примерялся, но пока не решался.

— Попробовать сбить замок, когда все убегут в бомбоубежище, все равно при налетах сидим дома и не таскаем Вальку по тревоге, — вздохнул Вовка и вышел на улицу.

Окна на первом этаже заколотили толстыми щитами. Вовка попробовал оторвать, но не хватило сил. Он забрался на обледенелую кучу, наметенную под стеной, стал на колени и заглянул в слуховое полукруглое окно, наполовину засыпанное снегом. Что

находилось по ту сторону, Вовка не знал. До войны там обитал дворник, но выход с улицы заложили кирпичом. Решившись, Вовка стукнул молотком в стекло форточки, выбрал осколки и по раме юркнул вниз. Путаясь в пыльных занавесках, свалился на стол. В чужом жилище было темно и пахло плесенью. Вовка на ощупь прошелся по заставленной комнате и уперся в стену. По стенке он спустился на несколько ступенек вниз и вышел в узкий коридорчик к двери. Возле двери стояли шкафчик и вешалка с одеждой. В темноте послышались шорохи. Вовка замер, прижимая молоток к груди. В панике стал шарить рукой и толкать дверь. Нажав на выступ, щелкнул замок, и Вовка вывалился в какой-то закуток, забитый мебелью. Схватив в руки первое, что попало, полез по узкому проходу, в конце толкнул дверь и оказался в пустом заброшенном полуподвальном помещении угловой пристройки второго крыла дома.

Уже дома возле печки Вовка рассмотрел красивый резной стул с тремя изогнутыми темно-красными ножками, львиными лапами и круглым кожаным сиденьем, обитым золотыми гвоздиками.

От треска проснулся и заворочался под шинелью Валька, Таньки рядом не было. Вовка подкинул в печку и выглянул в окно. Танька стояла на коленях на льду и ковыряла штырем вчерашнюю лунку.

— Эй, ребята, вода на той стороне, за серым домом, во дворе — рабочая колонка, — кричали на мосту люди, видя, как дети непонятно зачем рубят лед.

Вовка сначала отмахивался, а потом и вовсе перестал обращать внимание на советы прохожих.

К вечеру на мосту появилось десяток солдат наряда, идущих в сторону Фонтанки.

— Ты смотри, какие упертые, второй день долбят, — остановился один из солдат, показывая рукой вниз.

— Чего хотят, непонятно, — удивился совсем юный парень в длинной шинели с обмерзшим низом.

— Может, вода нужна, вон и ведро стоит, токо дырявое.

— Какая вода, рядом колонка, вон бабы санками таскают.

— Тогда чего?

— Спроси.

— Эй, хлопец, вы чего тут делаете?

Вовка поднял голову, посмотрел вверх, ничего не ответил.

— Ты смотри, молчит.

— Может, рыбу ловить хочет, — сказал смуглый раскосый солдат, пожимая плечами. Другие нестройно хмыкнули.

— Какая тут рыба? Совсем, что ли... — пожурил его солдат постарше. — Тут и летом ерша не поймаетшь. Эт надо к заливу или к Неве... ближе к Биржевому...

— Да откуда ему знать? Он, кроме лошадей в степях, ничего не видел, — заступился кто-то из отряда за неместного солдата.

В подтверждение со льда слабо крикнула Танька:

— Мы рыбку поймать хотим. Тут много-много рыбки, только на самом дне.

— Ох, ты боже мой, — вздохнул седой командир в коротком полушубке, — совсем детки с голодухи умом тронулись.

— Тряхните карманы, ребята, может, у кого завалился сухарь, хоть как-то мальчикам перебиться.

Пара солдат сняли вещмешки. Несколько сухарей, серый кусочек сахара и запеченную в костре обугленную картофелину дали раскосому солдату.

— Спустись к ним и помоги выбратсья, — сказал командир и с досады ругнулся.

Солдат прыгнул с набережной и пошел к детям.

— Ну, ты... остывай, давай наверх, — сунул он Таньке в заледенелую варежку армейский гостинец.

— Ой, спасибочки, — заулыбалась Танька, держа сухари и картошину на вытянутых руках. — Вова, смотри, что нам дали.

Вовка безумно глянул на солдата и от усталости завалился на бок, не выпуская топор из рук.

— Ты чего это, устала? Вот на выпей чай, — сунул он Вовке под нос отвинченную фляжку.

Вовка сделал несколько глотков холодного, сладковато-терпкого чая и просипел:

— А Тане можно?

— Девачке? — переспросил, улыбаясь, солдат. — Можна-можна, — передал фляжку Таньке.

— Скажи, зачем лед ломаешь? Да еще так? Не круг, а подковой?

Танька открыла рот, чтобы все рассказать, но Вовка ее перебил:

— Иди домой, Вальку покорми. Только так не давай, подавится. Все размочи и подогрей немножко.

Танька недовольно пробурчала:

— Да знаю я, — и, рассовав сухари по карманам, полезла на сугроб набережной.

— Что, правда рыбу поймать хочешь? Дырявым ведром? — неуверенно спросил солдат. — Я сам-то не ловил, нет рыба в степи.

— Да, рыбу, — серьезно ответил Вовка.

— Ну, тады давай порублю, — сунул солдат винтовку в снег и взял в руку топор.

Через двадцать минут он скинул шинель, а еще через некоторое время с одного края хлынула черная мутная вода. Прорубив изогнутую лунку шириной сантиметров сорок, полукругом около двух метров, солдат оделся, похлопал Вовку по плечу и, смеясь, сказал: «Рыба хорошо, а конина лучше».

Когда Вовка выбрал куски льда, стало совсем темно. Закинув и протянув по дну, он еле вытащил ведро, набитое липким илом. На третий раз нижняя сетка оборвалась, и ловушка стала бесполезной.

«Лишь бы к утру сильно не замерзло», — полез Вовка на сугроб, таща за собой цепь с ведром.

Утром, починив снасть, попив холодной воды (печка окончательно затухла), шатаясь от голода, Вовка снова поплелся на лед. Через пару часов с обледенелыми рукавами и валенками он в очередной раз вытряхивал из ведра черный ил и разный мусор. Танька ходила вокруг кучек грязи и ковырялась палочкой.

— Ну, и где твоя селедка? — не выдержал Вовка.

— Не знаю, Вова, — виновато отвечала Танька, — может, глубже.

— Куда? — скривился Вовка. — Прыгнуть мне туда с лопатой и покопаться глубже, так, что ли? — злобно хрипел Вовка.

Танька замолчала и отошла немного подальше.

— Так елозить без толку. И упора нет, и дно прошупать не получается, даже если что-то там и есть, то так не подцепить и тем более не поднять, — присел Вовка на колени, вглядываясь в темную ледяную муть.

Его мысли прервал дурной возглас. Вовка и не заметил, как к ним подошел Витька Шило. Его дружки стояли на мосту и смотрели сверху.

— Ты че здесь трешься? — спросил Шило, пнув грязное ведро.

Вовка встал и, насупившись, сжал мокрые красные кулаки.

— Оглох, что ли, тебя спрашиваю? — повторил Шило, кривя рот.

Вовка молчал.

Шило приблизился и взял Вовку за воротник ватника.

— Ну?

От него шел кислый сивушный дух.

— Мы тут рыбку ловим, — сказала испуганная Танька.

На мосту громко заржали.

— А ты кто такая? — повернулся Шило к Таньке.

— А, ну иди сюда, детка, — поманил он ее скрюченным пальцем.

— Не трожь, — хрипло сказал Вовка и посмотрел на притрушенный снегом топор. —

Это моя сестра.

— Ты гляди, какая сестренка тут у нас нарисовалась, — растянул Шило в улыбке мокрые губы, — иди ко мне, моя хорошая, — заржал он, дергая головой.

— Кушать небось хочешь? — схватил он Таньку за плечи и немного приподнял.

— Пойдем с нами, я тебе шоколадку дам. А где папа и мама?

— Умерли, — пискнула Танька, пытаясь вырваться.

— Тогда забираю с собой, а потом, может, и братика, — оскалился Шило.

— Ну, что потянет? — подняв голову, крикнул своим друзьям.

— Давай пакуй, там посмотрим. Сгодится. Собачатина совсем надоела, — закричали вразнобой пьяные голоса.

Вовка поднял топор и обухом стукнул Витьку в спину.

На мосту засвистели.

Шило выпустил Таньку, упал и от удивления выпучил налитые кровью глаза.

— Ты че, с..., совсем рехнулся? На кого тянешь? Сейчас придушу и утоплю, как щенка, — оттолкнув Таньку, Шило поднялся и рванул на Вовку, доставая из кармана заточку.

Тут же поскользнулся на кучке ила и растянулся возле проруби, съехав одной ногой в воду.

Дружки заржали, тыкая пальцами с моста. Вовка быстро схватил Таньку и отбежал на другую сторону канала.

Шило снял намокший валенок, вылил воду и, страшно ругаясь, полез наверх.

Уже возле дружков он повернулся и крикнул:

— Все, падла, тебе кранты. Поймаю — придушу и девку не пожалею.

Злобный и мстительный Шило был старше Вовки года на три, он раньше учился в той же школе и знал, что Вовка живет где-то поблизости. Так что его угрозы были реальны и выполнимы.

— Вова, как же теперь, ведь он меня украдет, — испуганно тараторила Танька, ища защиту, прижималась к Вовке.

— Не украдет, — успокаивал Вовка, — он, гад пьяный, ничего не вспомнит.

— А как же рыбку ловить? Увидит нас с моста и опять приставать начнет.

— Ладно, разберемся, — обнадеживающе сказал Вовка, — теперь от меня ни на шаг.

Даже в уборную с разрешения. Поняла? А теперь домой, греться.

Вовка размышлял о другом: как переделать сак, чтобы тщательней обследовать дно. Для этого требовались длинная палка и железный обруч. «Где найти такую деревяху?» — думал Вовка, поднимаясь по ступенькам. Печка затухла, а под шинелью привычно не зашевелился Валька.

— Вова, Валя совсем холодный, — испуганно крикнула Танька, — а ты куда?

— Спит?

— Не знаю.

— Укрой его сверху моим и маминым одеялом. Я скоро.

Вовка вспомнил, что недавно, влезая в окно, он сорвал занавеску с карниза. Постав у стены, увидел, что форточку заколотили куском кровельной жести.

«Придется лезть через подвал, лишь бы дверь осталась открытой». Вскоре он за- тащил домой палку карниза с намотанной занавеской и красивый стул с мягкой спин- кой и резными ножками.

Сделав новый сачок, Вовка позвал Таньку.

— Тань, слушай внимательно. Я к мосту, а ты стой возле дома и проси спички. Если увидишь тех гадов, сразу убегай и прячься. Поняла?

— Да, Вова. А долго мне там стоять?

— Пока десять спичек не выпросишь. Если что, кричи, я рядом.

К ночи Вовка совсем выдохся. Появилось несколько куч ила с разных сторон лун- ки. Не хватало сил доставать со дна набитый илом сачок. Два раза прибежала Танька, грустно докладывала, что спичек не дают, а Валька так и не шевелится, лежит вытяну- тый, как засохший червячок.

— Дышит? — кусал Вовка губы.

— Не знаю, я боялась и кричала ему от дверей. Пошли посмотрим, там темно и страшно.

Вовка от отчаяния и вспыхнувшей злости затопал тяжелыми промокшими валенка- ми и с руганью прогнал Таньку. Еле вытащив сачок, вывалил в сторону грязь. Руками стал лазить в липкой куче. Горлышки битых бутылок, мотки проволоки, огрызки ре- зиновых шин, гнутые скобы, руль от детского велосипеда и другой мусор вылавливал Вовка со дна канала, но банки с драгоценной рыбой так и не попались. Если и были, то, наверное, в другом месте или хоронились значительно глубже, под толстым слоем ила, нанесенным течением.

В глазах от усталости и безнадёги засверкали желтые искорки, Вовка упал на спину и, крича в темноту неба, зарыдал в голос. Ему захотелось покончить с этой проклятой рыбалкой, он подлез к проруби, собираясь нырнуть на самое дно и уже там как следу- ет все проверить и окончательно убедиться, что никакой баночной рыбы не существу- ет. Схватившись за кромку льда, он в бессознании сунул лицо в обжигающую воду. И тут в глазах мигнула яркая вспышка, и, как наяву, Вовка увидел деда Игната, расска- зывающего Вовке о древнем способе битья щук самодельной острогой. Кованую остро- гу с длинной ручкой дед нахваливал Вовке, потом обмотал тряпкой и спрятал в угло- вой щели своего сарая.

Вовка дернулся назад и, задыхаясь, вырвал голову из черной стылой дыры. Тут же в его задубевшем теле, от груди вниз, волнами пошел горячий поток прилива сил. Что с ним случилось, он так и не понял. В кромешной тьме полуразрушенного сарая без дверей и крыши, занесенного снегом, Вовка греб в углах, шаря ободранными в кровь руками в щелях между кирпичей. Уже в начавшейся панической горячке онемевшими пальцами он схватил мерзлую тряпку и со стоном вырвал из стены забытую острогу.

Как вернулся назад, Вовка не заметил, очнулся, услышав в темени моста Танькин плач.

— Ой, Вова, это ты... — прыгала вокруг, старалась обнять Танька покрытого коркой льда шумно дышащего Вовку.

— Я испугалась, что ты нас бросил, а потом подумала, что утонул. Как хорошо, что ты нашелся. Я так замерзла, пойдем домой, Вова, надо Валю разбудить.

Вовка, выдыхая, отрывисто повторял:

— Сейчас, сейчас, сейчас...

Утопав вокруг лунки куски хрустящего льда, Вовка твердо стал у края проруби и чуть наискось со всей, что осталась, силы вонзил стальные заостренные вилы в по- дернутую ледком трещину замерзшего канала. Острога полностью ушла глубоко под воду и, пробив мягкий грунт, уткнулась в твердое дно. Послышался слабый хруст. Вов-

ка упав на колени, выпустил из рук древко, стал шарить в воде, пытаясь нащупать ко-нец. Схватившись двумя руками и выпучив глаза, он потянул острогу на себя. Сначала она даже не пошевелилась, словно скользкая деревяшка ручки под водой превратилась в живое дерево, пустившее из концов заостренной стали глубоко в грунт железные корни.

— Таня-я-я, Валя-я-я, а-а-а! — хрипел Вовка, вытаскивая отяжелевшую острогу из воды.

Подо льдом пошло бурление, и Вовка из последних сил выволок на снег что-то тя-желое, круглое, насквозь пробитое торчащими снизу зазубринами вил.

Ощупывая в темноте руками, счищая липкую грязь, Вовка, срываясь на плач, крикнул:

— Танька, что это? Я ничего не вижу.

И тут через вонь тины и перегнивших водорослей в холодном воздухе Вовка уловил густой сладковато-пряный запах рыбного магазина.

— Танька! — кричал Вовка. — Ты где?

— Я здесь, Вова, мне страшно. Что ты там поймал?

— Иди сюда! — нервно, во всю глотку хрипел Вовка.

Танька плюхнулась рядом и протянула к темному предмету дрожащие ручки.

— Вот, вот, вот... — задыхаясь, повторял Вовка, глядя ладошками края банки. — Осторожно, тут острые зубья! — крикнул Вовка, отбивая Танькину руку.

— Какие зубы? — заплакала испуганная, ничего не понимающая Танька. — Пошли домой, Вова!..

Очистив липкий ил и обмыв в проруби банку, Вовка, как ни старался, не мог снять насаженные вилы. Рыбным рассолом пахли его руки, и Вовка, облизывая свои онемев-шие пальцы, совал их Таньке в лицо.

— Вот, Танька, чуешь рыбу, мы поймали!..

Танька перестала плакать, хватала Вовкины пальцы, стала их целовать и лизать.

— Стой, погоди. Мизинец откусишь. Сейчас я открою. Таня, где топор? — ощупы-вал он возле себя подмерзшие кучки грязи. — Таня!

— Я не знаю... ничего не видно...

В отчаянии Вовка приподнял острогу и впился зубами в край банки.

— А-а-а, — заорал Вовка, теряя последние силы. — Скальпель... забытый скальпель, который стянул в госпитале и спрятал в галошу.

Скинув валенок, сплевывая смерзшиеся куски грязи, стал зубами срывать примерз-шую галошу. На лед глухо упала тонкая полоска заточенного металла.

Зажав скальпель в кулаке, Вовка воткнул острие в бок банки и вырезал в металле дырку. Отогнув жезл, запустил пальцы и за голову вытащил скользкую холодную рыбину. Обессиленно завалившись на бок, он, ничего не слыша и не видя, рвал зубами и не жуя глотал жирные куски сельди. За мгновение осталась одна голова. Пожевав ее, Вовка выплюнул в руку и сунул в карман.

Танька в сторонке сжалась в комочек, со страхом слушала стоны, рычание и скре-жет зубов. Когда Вовка затих, она осторожно спросила:

— Вова, а там осталась рыбка?

Вовка перевалился на другой бок и достал еще одну селедку. Откусив голову, протя-нул Таньке половинку скользкой тушки.

— На, Танюха, жуй, только не спеши, не подавись и косточки плюй!

Пока Танька, хихикая, жевала селедку, повторяя: «Какая сладкая!», Вовка надел ва-ленок и поднял острогу с нанизанной банкой.

— Пошли, Таня, домой, Вальку порадуем, — сказал тихо, боясь вырубиться на ходу от усталости.

Когда они с трудом забрались на набережную, в темном небе зажглась единственная звезда. Они не знали, что час назад закончился последний календарный день зимы 1942 года.

Темная комната дохнула холодом. Вовка на ощупь подлез к стенке и стал потихоньку тормозить горку одеял, под которой лежал Валька.

— Валя, слышь, братуха, какой же ты молодец, представляешь, мы на твоём нарисованном месте поймали рыбу. Целую банку. Вот такую, — развел Вовка руки.

Валя никак не реагировал на слова брата. В темноте Вовка не видел его лица и не слышал дыхания. Скинув одеяла и шинель, расстегнул Вальке пальто и прижал ухо к тощей грудке. Ничего не расслышав, схватил за воротник и начал трясти.

— Валя! Валя! Валя! Просыпайся! — сипел Вовка.

— Он замерз, надо согреть, — пропищала Танька, когда Вовка с грудным стоном отвалился к холодной печке.

— Как согреть? Ты спички нашла? — начал Вовка в бессилии винить Таньку. — Целый день без толку бегала.

Таня от обиды захныкала.

— Я просила. Никто не давал. Даже не отвечали.

Она подлезла к лежащему Вальке, нащупала его сжатый кулачок, обхватила ладошками и стала дышать, пытаясь согреть его пальчики своим слабым дыханием.

— Давай, Валенька, просыпайся! Мы рыбку тебе принесли, как обещали, большую-пребольшую, как сом, — разжала она его тонюсенькие пальцы, стала тереть и греть в своих ладошках.

О пол что-то глухо стукнуло.

— Вовка, что это? — протянула Танька в темноту.

Впотьмах Вовка нащупал Танькину руку и от удивления завопил:

— А-а-а, зажигалка!

Под утро, когда печка накалилась докрасна (Вовка еще пару раз сбежал на чей-то тайный мебельный склад и приволок небольшой, расписанный розами столик и деревянную кушетку, обшитую золотым бархатом), Валька задрожал веками, приоткрыл глаза и как-то жалко, виновато скривился.

— И-и-и, Валечка, мой миленький, щас я тебя рыбным супчиком накормлю, — рыдала Танька и целовала его приоткрытые синие губы и прозрачное испуганное личико.

Вовка сидел на полу и помешивал в котелке парящую жирную уху из трех разваренных селедок. Голые хребты с хвостами и головы он выловил ложкой и сложил остывать на подоконник.

В банке оставалось еще две рыбины. Целый день они сушили одежду, отсыпались и ели душистую сытную похлебку. Как стемнело, Вовка оставил Таньку с Валькой, а сам засобиравшись опять под мост. После небольших раздумий он все понял. Снимая разрезанную банку, он увидел, что зубья остроги пробили еще и тонкую доску. Значит, глубоко в иле остался целый ящик на двенадцать банок, такие он видел в магазине. А может, еще что-то по мелочи, разбросанное по дну. Теперь Вовка почувствовал свои силы, стал уверен, собран и осторожен. Пробив не сильно замерзший лед, Вовка со второго раза крайним зубом остроги легко нанизал и вытащил новую банку с деревянным обломком ящика. Четвертый и седьмой удары также были удачными. Разгорелся такой дикий азарт, что Вовка еле сдерживался, чтобы не закричать от счастья туда, в глубину черного канала с отсвечивающими блестящими звездочками. Еще вчера в это же время он, рыдая, проклинал все на свете и, особенно, эту черную дыру. Сложив три банки в ведро, он сверху замаскировал льдом и снегом, спрятал под мостом острогу и с радостно колотящимся сердцем победителя пошел домой. После несколь-



ких ночных походов под тощим матрасом его кроватной сетки лежали восемь больших банок селедки «Иваси», двенадцать продолговатых баночек рыбного паштета, консервы маленьких рыбок в томате и две банки черной икры. Три раза в день они хлебали жирные рыбные супы, заедали паштетом, а икру делили по-честному: три ложки Вальке и одну Таньке. А Вовка не очень любил икру, хрустел подсушенными головами и косточками сельди.

Теперь все у них наладилось, главное, имелись еда и тепло. Только от мамы пока не было известий. Из окна Вовка не раз видел торчащего на мосту Витьку Шило. Тот останавливал редких прохожих и что-то у них спрашивал. Когда на улице темнело, Вовка осторожно выходил из дома за чужой спрятанной мебелью и водой.

Рано утром, замотав в газету три селедки и баночку паштета, Вовка пошел в госпиталь к маме. До обеда просидел в проходе между лестницей, спрашивая у людей в белых халатах о маме и усатом фельдшере.

Наконец он увидел мелькнувшего на ступеньках фельдшера и понесся к нему.

— Где мама, скажите, где моя мама? — задыхаясь, повторял Вовка, крепко ухватив его за мятый халат.

— Какая мама? — остановился фельдшер.

— Моя мама Нина, с обваренной рукой, вы к нам домой со Степановной приходили, — сорвался на крик Вовка.

— А, это ты, — узнал фельдшер.

— Жива пока. Руку отрезали, слабая. Но, видать, выкарабкается. Я думал, сразу, а она, того, и нет, держится. Значит, есть из-за чего за этот свет цепляться.

Вовка полез в противогазную сумку, шурша газетами.

— А вы как, все живые? Кто приютил? Степановна ведь померла.

— Все, все... и Танька, и Валька. Вот передайте маме, пожалуйста, скажите, что у нас хорошо, еда есть, пусть не волнуется.

— Селедка, что ли, — приоткрыл фельдшер газету, — где взял?

— Под мостом поймал, — не думая, ответил Вовка.

— Ладно, рыбак, передам. Похлебку санитарки сделают. Через пару дней приходи, проведу к матери.

В конце марта маму выписали. К этому времени нашли документы и восстановили карточки. В мае их всех эвакуировали в Свердловск. В конце лета из Челябинска за Танькой приехала ее родная тетка. Прощались недолго. Вовка по-братски, без слов, пожал Таньке руку, обнял и отошел в сторону. А Валька с Танькой не выдержали, разревелись. В последнее время они как будто срослись воедино. «Словно сиамские близнецы», — шутил Вовка. Теперь их единую душу рвали пополам. Ведь благодаря стараниям Таньки Валька быстро поправился и снова заговорил. Она возилась с ним с утра до ночи, читала книжки, постоянно разговаривала, даже спала в обнимку. Уже на станции возле шипящего поезда Валька схватил ее за шею и, всхлипывая, повторял: «Та-та-та-танечка, как закончится война, приезжай в Ленинград, встретимся на нашем мосту, помни, я буду ждать».

## МЕДАЛЬ ЗА «ФИНСКУЮ»

### НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВАЛЕНТИНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ КОКОРЕВОЙ

Весной 1940 года закончилась советско-финляндская война. Те, кто участвовал в ней, думали, что это самое страшное испытание, пережитое ими. Но это было только начало. Многие, так и не успев снять гимнастерок, вскоре вступили в новую — Великую Отечественную войну.

Среди них была и Валентина Александровна Кокорева, в то время, — Четверухина.

После завершения «финской» кампании из армии ее не отпустили. Ее направили служить в Латвию. Перед нападением Германии на СССР перевели в Брест, где она, военврач 3-го ранга, и встретила новую войну. Дальше были плен и шесть фашистских концлагерей, в которых она делала все возможное, чтобы спасти жизнь наших пленных солдат и узников.

Об этом периоде своей жизни Валентина Александровна написала в повести-были «Век человеческий», опубликованной в журнале «Нева» № 5 за 2015 год.

Есть в этой повести один фрагмент. Когда Валентину Александровну после освобождения из лагеря начал допрашивать молодой капитан в новеньком мундире, она робко ему сказала, что имеет боевую награду — медаль «За отвагу». На что «особист» отмахнулся: «Это за финскую. Не считается».

К счастью, тогда разобрались. В лагерь в Сибири Валентину Александровну не отправили. Но шлейф «была в плену» долго тянулся за ней. В Ленинград ей вернуться не позволили. Все оставшиеся годы она прожила в Мурине, тогда деревне Ленинградской области, где трудилась врачом.

На долю Валентины Александровны выпала трагическая, но и счастливая судьба. Пройдя через тяжелые испытания, она в итоге обрела то, к чему стремится любая женщина: семью, любимого мужа, детей.

Она прожила долгую жизнь. Валентины Александровны не стало в 2017 году, когда ей было 104 года.

Разбирая документы, ее внучка Надежда Преображенская обнаружила рукопись воспоминаний о финской кампании. Их Валентина Александровна написала в 1979 году. Тогда, 40 лет назад, об их публикации не могло быть и речи. Скорее всего, Кокорева их сделала для себя как своеобразные «узелки на память», которые, может, когда-нибудь могли превратиться в книгу. Но не случилось...

Тем не менее воспоминания Валентины Александровны — очень любопытный документ о неизвестной и отдаляющейся от нас войне.

**Анатолий АГРАФЕНИН**

В 1936 году после окончания I-го Ленинградского медицинского института имени академика И. П. Павлова меня зачислили в аспирантуру при кафедре детских нервных болезней. Тема научной работы была о полиомиелите. Я уже сдала кандидатский минимум. В скором времени предполагалась защита диссертации. Но неожиданно 15 ноября 1939 года меня вызвали в Петроградский райвоенкомат и сообщили, что я как врач мобилизована в Красную армию.

Мой шеф — профессор Адриан Сергеевич Грибоедов (ученик академика Бехтерева) вызвал меня к себе и стал уговаривать снова пойти в военкомат и постараться избежать мобилизации: «Неужели вы ничего не сказали о том, что на носу защита диссертации, причем тема ее актуальна в наше время. К тому же вы не совсем здоровы, у вас ревматизм. С таким диагнозом нельзя в армию. Сейчас морозы часто сменяются оттепелью — обострится болезнь, что тогда будете делать? В медкомиссию входит мой друг — профессор Георгий Федорович Ланг, я могу с ним поговорить. Соберите справки о ваших болезнях».

Но я наотрез отказалась от сбора каких бы то ни было справок. Наоборот, я решила скрыть от медкомиссии все свои недуги. Я считала, что мой комсомольский долг пойти в армию. Тем более, как мне казалось, это ненадолго.

В военкомате никто меня о здоровье и не спросил. Простившись с Адрианом Сергеевичем и своими товарищами, уже 16 ноября я уехала в деревню Вартемяги Всеволожского района Ленинградской области, где формировался наш медсанбат.

Там я со многими подружилась, тем более что некоторые были из нашего института. Но из нашей клиники была я одна. В то время я ни о чем дурном не думала, но вскоре пожалела о том, что не послушала своего профессора и не осталась в Ленинграде. Мои болезни напомнили о себе.

В Вартемягах я познакомилась с ленинградским врачом Марусей Левиной. Ее направили в полковую санчасть, меня — в батальонную. С тех пор мы дружили многие десятилетия. В Отечественную войну она дошла до Берлина. Моя судьба была иной.

Нам выдали новую военную форму. Она не была пригнана по фигуре, мы ушивали ее по несколько раз, без конца осматривая себя в зеркале и спрашивая друг друга: «Ну, как? Теперь лучше сидит?»

Какими мы были молодыми и глупыми! Мы даже не могли предположить о том, что в скором времени станем свидетелями и участниками настоящей кровопролитной войны.

17 ноября нас привезли в деревню Порошкино Всеволожского района Ленинградской области, разместили на постой к жителям в неказистую избушку.

На следующее утро меня вызвал к себе начальник медсанбата Смирнов. Подробностей той встречи я не помню. Но лицо самого Смирнова, одутловатое и усталое, память сохранила. Он долго задавал мне вопросы по специальности, словно экзаменуя меня. А узнав, что я невропатолог, да еще и детский, недовольно сказал:

— Вакантных врачебных мест в медсанбате уже нет. Предлагаю зачислить вас зубным техником с окладом четыреста рублей. Терапевтам платим семьсот, но, как я сказал, мест для вас нет. Но зато вы будете не на переднем крае, а в тылу в медсанбате за двенадцать километров от передовой.

Он не сомневался, что я соглашусь. Но я возразила:

— А я не боюсь передовой. Я принципиально не согласна числиться зубным техником. Принципиально! Я — врач, как все, да еще и аспирант. А вы мне «четыреста», «в тылу». Пусть мне тоже платят семьсот. Или отправляйте обратно в клинику. У меня скоро защита диссертации.

Теперь-то это выглядит смешно и нелепо: ну, кому нужны деньги на войне? Правда, в Ленинграде оставались мама, младший брат и сестренка, и лишний рубль им бы не помешал. Но тогда я всерьез об это не думала. Просто у меня несговорчивый характер. Да и гордость задело.

Смирнов побагровел, встал с табуретки и закричал:

— Что вы здесь размахиваете руками? Что себе позволяете? А ну статью «смирно»! Вы где находитесь? Это вам не гражданка, это — армия! Извольте подчиняться. Сдать новое обмундирование и кру-у-гом! На передовую! В батальон!

А писарю сказал:

— Выпишите ей командировочное удостоверение на три дня в Ленинград. Пусть простится с родными.

Я сдала новую, уже подогнанную по себе форму. Напялила на себя чью-то старую, потертую: замусоленный бушлат, кирзовые поношенные сапоги и буденовку. Буденовке я страшно обрадовалась. Ее выдали взамен моей ушанке. Она тоже была не новой, но постиранной и — настоящей, как те, которые носили в легендарную Гражданскую: шлем с ушами и со звездой. Мне вдруг стало легко и свободно. Будь что будет! А пока меня ожидала встреча с родными.

С моим тогдашним мужем мы снимали комнату на Васильевском острове. Виделись редко. Он работал инженером на Кораблестроительном заводе имени Орджоникидзе. Я все время торчала в институте.

Когда я приехала на побывку в Ленинград, мужа дома не оказалось. Я оставила ему записку и поехала к маме в поселок Никольское Тосненского района. Мама работала фельдшером на Ульяновском заводе особого назначения. Обрадовалась моему приезду, — может, отпустили? У нас ведь такая сильная армия, зачем им неумехи, вроде меня.

Я, конечно, не стала рассказывать обо всех перипетиях: зачем расстраивать. Тем более мама очень переживала за моего брата-близнеца Александра. Мы с ним вместе учились на одном курсе мединститута. Брату предлагали идти в Военно-медицинскую академию. Там была стипендия больше, но он не хотел быть военным. И все равно по окончании института все ребята стали военными. Теперь он был кадровым офицером, врачом. Интересно, что мама была совершенно спокойна за меня: я — женщина, что со мной может случиться? А за брата боялась по-настоящему: вдруг призовут и пошлют куда-нибудь в самое пекло. Но мобилизация пока Александра миновала.

К вечеру прибыл мой муж Дима. Ему-то я все выложила начистоту. Мое новое назначение его огорчило, но побранив меня за мой неуживчивый характер, он немного оттаял.

На другой день мы с Димой возвратились в Ленинград и решили сфотографироваться на память. Но его срочно вызвали на работу. И я направилась в фотографию одна. У меня были длинные волосы, и их никак не удавалось спрятать под буденовкой. Хотя и не очень-то было нужно. Ведь именно из-за буденовки я и хотела сфотографироваться. Потом я решила сходить в баню.

В бане все обращали внимание на мою мужскую одежду, солдатское белье. Когда я стала одеваться, какой-то мальчик лет трех не выдержал и, указывая на меня пальчиком, спросил у своей мамы:

— Кто это — дядя или тетя?

Женщины вокруг заулыбались, рассмеялась и я. И решила: раз так, пойду и обстригу волосы.

Рано утром 25 ноября я на попутке выехала к месту расположения 2-го батальона 650-го стрелкового полка 138-й дивизии. Мне надо было принять дела батальонного врача Сергея Герасимовича Дмитриева. Его направляли в тыловой медсанбат. Мне же было немного обидно, что мужчин отправляют подальше от передовой, а меня, напротив, поближе. Но ведь мы сами добивались равенства. Чего же обижаться?

Доктору Дмитриеву, москвичу-хирургу, было 38 лет. Он передал свое нехитрое хозяйство батальонного пункта медицинской помощи и познакомил с фельдшером Иваном Ивановичем Ивановым. Мой будущий помощник только что окончил фельдшерское военное училище при Военно-медицинской академии. Ему было не более двад-

цати, стройный розоволицый блондин, казалось, еще мальчик. Он был аккуратен, и по-военному дисциплинирован. И очень гордился своим званием лейтенанта, старался соответствовать.

Вскоре я убедилась, что Иван Иванович хорошо знает свое дело. Когда мы простились с доктором Дмитриевым, мой фельдшер отложил в сторону врачебную сумку и сказал:

— Ее не берите, она не очень соответствует своему назначению, особенно на фронте. Возьмите мою фельдшерскую. Она хороша, да я и сам туда кое-что добавил.

— А как же вы сами? — спросила я.

— Обойдусь, — потом подмигнул мне, доверительно добавил: — У меня есть еще одна в запасе. Что поделаешь? Без этого нельзя.

В фельдшерской сумке действительно было все необходимое вплоть до разнообразных таблеток. В дальнейшем мы брали именно эти сумки — небольшие, легкие, а главное — вмещающие в себя все самое необходимое для обработки и перевязки раненых, сюда же входил даже небольшой набор хирургических инструментов.

В сумке я также нашла перочинный нож.

— А это зачем? — спросила я.

Фельдшер только деликатно улыбнулся:

— Пригодится. Иногда ножницы не так полезны, как нож.

Позже, на передовой, я убедилась, что нож ничем не заменимый инструмент.

Пока не было никаких боевых действий, нам предстояло проводить амбулаторный прием бойцов (тогда не говорили «солдаты»). Нам с фельдшером выделили небольшой финский домик, состоящий из маленьких сеней и одной комнаты. Он стал нашей амбулаторией. Здесь же за ширмой стояла кушетка, где я и Иван Иванович по очереди отдыхали.

Доктор Дмитриев перед отъездом сказал одну фразу, которая меня кольнула:

— Вы не очень-то их жалейте, они без конца ходят и жалуются, как будто все вдруг заболели. И не делайте никому никаких поблажек. Они вам тут наговорят.

Мобилизованные бойцы, узнав, что прибыла новая «докторша», сразу же повалили ко мне на прием. Это были в основном крестьяне и рабочие мужики из Калининской области. На вид они казались здоровыми и крепкими. Но когда я их стала осматривать, поняла, что их жалобы на головную боль, одышку, кашель, на больные ноги вполне обоснованы.

— Кашель совсем забил и не дает дыхнуть, — говорил мне один боец.

У него был сильнейший бронхит. С таким в больницу надо, а его отправляли в окопы... Что с таким делать?

Выяснилось, что перед мобилизацией практически никого из прибывших новобранцев не успели осмотреть и гуртом направили на войну. Теперь некоторые из них надеялись, что я найду у них какую-то болезнь и смогу их опустить домой. Какая наивность!

Мужики были разные: и молодые, совсем еще юные с чуть заметным пушком на губах; и средних лет, кряжистые в самой поре; и уже стареющие, небритые, начинающие полнеть... Кто добродушный, кто с хитрецей, а кто грубоватый, переплетающий свою небогатую речь крепким русским словцом. Иван Иванович, несмотря на свой возраст, таких осаживал. Вообще, он оказался незаменимым помощником. Понимал меня с полуслова: кому-то давал таблетки, кому-то менял повязку или смазывал потерянные ноги.

— Как же ты: еще не воевал, а уже ноги в кровь стер! — укорял он бойца. — Разве не знаешь, что портянки надо сушить, менять — иногда даже несколько раз в день. И, господи, ноги помой!

Боец только ворчал: теплой воды, мол, нет.

— Можно и холодной, — не унимался Иван Иванович.

— И так мы тут заволодели, кашель бьет всю ночь, — отвечали бойцы разом.

Я старалась быть с ними поласковее. Раздавала лекарства, успокаивала, говорила, что скоро все закончится и все мы вернемся домой. Хотя наперед знала, что мало чем могу им помочь. Этим парням и мужикам совсем не то было надо. А надо было им отдохнуть, выспаться в тепле возле своих жен, вечером согреться на русской печке, повозиться с ребятишками, утром снова пойти на работу — к скотине или трактору. Людям была нужна жизнь, дом, работа, мир, а не война. Кому нужна война? Умирать никому неохота.

Кроме фельдшера, в мое распоряжение выделили санитаров. И им отбывающий доктор Дмитриев успел дать характеристики:

— Посмотрите, Валентина Александровна, кого к вам направили в санитары и носильщики — одних эмфиземщиков и бронхитников. В покое и то у них одышка, а что будет на передовой? Вряд ли они смогут выносить раненых.

Дмитриев поворчал и уехал. А время показало, что все же мои санитары не отлынивали. Кряхтели, охали, задыхались и кашляли, но по несколько километров тащили на себе раненых. В первые дни войны у нас даже волокуш не было. Их придумали гораздо позже, когда война затянулась, а число раненых только прибавлялось.

По вечерам я долго не могла заснуть. Слышала, что за ширмой Иван Иванович стягивает с себя форму и сладко проваливается в сон. Я же спала в одежде, боялась, что поднимут тревогу, и я не буду готова.

29 ноября нас вызвали в штаб и сообщили, что 30 ноября предстоит бой. В ту ночь мне снилось, как я перебегаю границу — реку Сестру. Некоторые сны запоминаются на всю жизнь. Я оступилась на мосту и упала. Мимо меня пробежали солдаты. Кто-то тормошил: «Ну что же ты, вставай!»

Я проснулась. Меня по-тихому старался разбудить Иван Иванович, хлопая по одеялу.

— Уже пять утра. Все собрались...

Соскочив с кровати и ополоснувшись холодной водой, я окончательно проснулась. У крыльца стояли две санных повозки, в которые накануне мы уложили все наше имущество. Теперь их запрягли лошадьми два мужичка. В темноте светились их сигарки. Было слышно, как они переговариваются:

— Сейчас нам дадут жару.

Следующие дни я помню очень смутно. Бои шли жаркие. Санитары выносили с поля боя раненых. Мы с Иваном Ивановичем их перебинтовывали. Кого задело не сильно, возвращали на передовую. Тяжелых оставляли в повозках, после боя отвозили на полковой пункт медицинской помощи, а уж оттуда в медсанбат или госпиталь.

Однажды приключился случай. Наш обоз полз куда-то по лесной дороге. Вдруг из темноты вышел комбат, с ним несколько солдат.

— Куда вы?! Там финны! — шепотом сказал комбат. Он был ранен в предплечье, я обработала ему рану и перебинтовала. Офицер поведал, что его часть попала в окружение. Странно, но я нисколько не испугалась. Я хорошо помнила дорогу к нашему пункту медпомощи. Я предложила комбату и его отряду следовать с нами. В конце концов мы вышли к своим.

Мне тогда некогда было разбираться, в чем суть да дело. Вместе с санитарями я передавала раненых. И тут появился какой-то командир — с ромбами на петлицах, что тогда соответствовало высокому званию. Пожал мне руку и поблагодарил, что вывела часть из окружения. Потом осмотрел меня, запарившуюся от дел, с ног до головы и добавил, что и его жена тоже на фронте.

Мне бы по-военному вытянуться в струнку и выпалить: «Служу трудовому народу!», но я же не военный человек. Я тут же стала уточнять:

— А где ваша жена служит?

— В медсанбате, — ответил командир с ромбами.

— Ну, — разочарованно протянула я, — вот бы ее на передовую, а то медсанбат, это ж за двенадцать километров!

— А вы бедовая, молодец, — сказал обладатель ромбов. — Мы вас наградим.

— Очень нужна мне награда! Была б голова цела, — сказала я и, обращаясь к санитарам, крикнула: — Пошли передавать раненых.

Уже потом фельдшер Иван Иванович спросил:

— Вы знаете, с кем вы разговаривали? Это командир фронта, а вы как на «гражданке»!

Эпизодов всяких на войне как на войне. Однажды ко мне подошли несколько офицеров. Оказалось, военные корреспонденты. Стали меня расспрашивать, что и как там на передовой, как наши воюют, как мы, медики, оказываем им помощь, чем в нас стреляют. Я от них отмахнулась:

— Я врач, мое дело — спасать бойцов, а в остальном разбираться вам, идите на передовую и все увидите сами.

Все эти люди, тыловики, были в полушубках, в бурках, некоторые даже распахнули одежду от того, что им, видите ли, жарко. А мы на передовой, на морозе, в шинелишках, ушанках и кирзачках.

А морозы стояли страшные. Они запомнились больше всего. По приказу сниматься и идти вперед мы выехали на шоссе, ехали долго по направлению к Терийокам, я замерзла, устала и залезла в двуколку согреть руки о химическую грелку. Нам выдавали такие пакеты пятнадцать на тридцать сантиметров, а в них какая-то химическая смесь, напоминающая крупную соль. Пакет помнешь — он становился теплым. Этими грелками широко пользовались, ведь обмороженные раненые нуждались в тепле, а у нас не всегда была возможность их доставлять на полковой пункт медицинской помощи, располагавшийся в стационарных зданиях. И вот оказалось, когда я хотела согреться и залезла в двуколку, кто-то из идущих по шоссе крикнул:

— Ишь, какая барыня, залезла в тепло.

Меня, как плетью, ударили эти слова. Выскочила и прокричала:

— Это я-то барыня? Да на ходу теплее, чем в двуколке. А ну забирайся туда, и посмотрим, какое там тепло?

Никто, конечно, не отозвался.

Действительно, в движении было теплее. Однажды мы шли по густому лесу. Я держалась за двуколку и, очевидно, задремала и чуть не упала, Иван Иванович меня подхватил и посоветовал залезть в двуколку, но я отказалась, боялась, что замерзну.

Стояла ночь, вокруг темно, хвойные деревья обступили нас, как сказочные великаны, игольчатые ветки били нас по лицу. Все ушли вперед. А мы, как всегда, плелись позади. Никто нас не охранял. И казалось, что никому мы не нужны. Вспомнились слова из романа Алексея Толстого «Петр Первый»: «А сзади шли брадобреи, лекаря и прочая обозная сволочь». Я произнесла их, и мы с Иваном Ивановичем и санитарями засмеялись.

Постоянная усталость — еще одно, что преследовало меня все дни финской кампании. Однажды я так устала и замерзла, что присела у костра и чуть ли не в сам огонь сунула ноги. И заснула. Проснулась от жара, мои сапоги прогорели и развалились. Кое-как замотала их портянками и добрела до землянки, где мы обосновались, заботливый Иван Иванович достал мне новые кирзовые сапоги.

Когда взяли Терийоки, раненых и больных стали сдавать сразу в развернутый здесь госпиталь, минуя пункт медицинской помощи.

Встретили в пути снова Марусю Левину. Она шла и курила. Поговорили с ней, она уже слышала о том, что я вывела из окружения людей, и сказала:

— Молодец, Валечка! Мы еще повоюем!

В Терийоках бойцы разместились по домам и подвалам. А мне стали приносить то варенье, то печенье.

— А нам комиссары и политруки говорили, что все отравлено, ничего пробовать нельзя, — подмигивали мне бойцы. — Угощайтесь, доктор, мы уже все попробовали. Как видите, живы.

Наконец нам выдали зимнее обмундирование. И это сыграло со мной дурную шутку. Зимняя форма была на вате. Я в молодости была полненькой, а тут и совсем округлилась. Впрочем, сноровки не потеряла, помощь раненым оказывала споро. За что меня прозвали «танкеткой».

Снова были бои и привалы, привалы и бои. Война не отпускала нас даже в редкие часы отдыха. Обстрелы с вражеской стороны не прекращались. В одном из таких артолетов меня контузило — рядом разорвалась не то мина, не то снаряд. Зазвенело в голове и ушах, из левого уха потекла кровь, закружилась голова. Контузило и нашу лошадь Копну. Мы быстро пришли в себя, но после этого слух у меня ослаб и я стала хуже ориентироваться в пространстве.

Мы воевали под девизом — разведка боем. Однажды из штаба прибежал нарочный и приказал срочно кого-то послать на передовую сопровождать взвод. Я, схватив полевую сумку, выскочила из землянки, но Иван Иванович заявил, что сам пойдет, а мне лучше остаться:

— Еще успеете, — сказал он, и я смалодушничала, осталась.

А Ивану Ивановичу, как позже оказалось, пришлось не только оказывать помощь, но и принять участие в бою. Задача стояла занять высоту. С ней успешно справились, закрепились. Но санитары и некоторые бойцы завопили, что долго не везут обед, они хотят есть. Старшие в команде и Иван Иванович пытались их урезонить. Действительно, питание должны были доставить с минуты на минуту. Но те никак не могли угомониться. В тот момент ни в коем случае нельзя было разводить огонь. Противник мог обнаружить наш отряд, и тогда быть беде. Но бойцы стали разжигать костры, чтобы разогреть НЗ в банках. И конечно, их засекли вражеские наблюдатели. Финны начали обстрел и выбили наших с высоты. Было много жертв. Ивана Ивановича тяжело ранило осколком в шею. Его успели отправить на пункт медицинской помощи, а через сутки он прибыл к нам. Оперировать его не взялись, рядом находилась сонная артерия, и в полевых условиях это было слишком опасно. Над ключицей прощупывался злополучный осколок, довольно крупный. Иван Иванович сильно побледнел и осунулся. На следующее утро его отправили в Ленинград.

Я очень расстроилась. За этот месяц мы сдружились, сработались. Но больше всего было обидно, что преступная оплошность нескольких шалопаев привела к таким последствиям.

На смену моему раненому фельдшеру прислали нового, и его тоже звали Иван Иванович. Фамилию его я не запомнила. Он был украинцем, кадровым медработником, очень хорошим человеком и специалистом. Это очень быстро выявляется в боях. К сожалению, воевали мы с Иваном Ивановичем недолго.



Прошло дней пять, как пришел приказ выдвигаться на передовую. На этот раз я бесповоротно решила — пойду сама. А Иван Иванович стал меня упрашивать не ходить. Я обратилась к комбату — кому идти? А он улыбнулся и сказал:

— А жребий бросьте.

Я протестовала, на моей совести и так лежало ранение первого Ивана Ивановича. По жребию выпало идти фельдшеру. Но я не осталась в землянке и пошла вместе с ним.

Начался бой. Мы перевязывали раненых. К счастью, их было немного, и мы уже стали отходить по команде. И тут прозвучал взрыв. Я оглянулась и увидела, как Иван Иванович схватился за дерево и стал оседать на землю, затем упал на спину. Его ранило в живот. Картина предстала ужасная: кровь лилась рекой и кишки выползли наружу. Иван Иванович был мертв.

Через несколько дней меня направили на пункт медицинской помощи. Я не хотела уходить с передовой, сопротивлялась, но приказ есть приказ. На мое место прислали студента пятого курса Военно-медицинской академии по фамилии Александров.

Начальником пункта медицинской помощи был врач Сергей Усов из Ржева. Здесь же я встретила доктора Дмитриева. В перевязочной рядом со мной работал красивый молодой фельдшер Августин, выходец из Прибалтики.

Раненых поступало очень много. Мы порой сутками не вылезали из перевязочных. Но здесь было безопаснее, теплее, сытнее.

Ранения в основном были мягких тканей, огнестрельные переломы, ранения в легкие. Очень мучились ребята с пневмотораксом — это когда разорвана грудная полость, и человек не может вдохнуть, он задыхается. Кроме раненых, были больные с пневмониями и плевритами.

Нас почему-то заставляли делать «пяточки» вокруг ран, обрезать много ткани. Очевидно, так боролись с опасностью столбняка или гангрены. Но раны затягивались очень долго.

Хочу сказать о лекарствах. Антибиотиков у нас не было. Антибиотики и сульфаниламиды в начале двадцатого века только начали исследовать. К 1939 году всего-навсего был описан эффект пенициллина, но не удалось выделить достаточно стабильный его экстракт, а из сульфаниламидов пока только начали исследовать первый из них — прontosил. Лечили стрептоцидом и, как обычно, симптоматическими средствами — банки, горчичники.

Под Новый 1940 год была передышка между боями. Наш интендант привез из Ленинграда всяческих продуктов и сладостей, и мы встретили Новый год. Ходили на стрельбище, на лыжах. Я выбивала тридцать очков, и меня ставили в пример некоторым командирам за меткость в стрельбе.

Однажды я разбежалась на лыжах и перепрыгнула через «какую-то веревочку».

— Дура! — закричал доктор Дмитриев. — Это же мины!

С тех пор я была осторожнее.

Во время передышки мы ходили посмотреть так называемую «линию Маннергейма». Мощные доты, дзоты, надолбы. Конечно, такие сооружения наши орудия и танки не могли пробить, разве что с воздуха — бомбами. Впечатление было потрясающее и ужасное. Вокруг сметенный лес — одни пни. Танки, превращенные в искореженный металл. Вокруг в снегу лежали замершие обрубки тел. Я вспомнила, как мимо нашего медпункта проезжали танкисты — молодые, красивые, здоровые юноши. Они угощали нас шоколадом, смеялись, говорили, что скоро вернутся и пригласят нас на танцы... Кошмар.

Во время службы на пункте медицинской помощи я вступила в ряды ВКП(б).

В середине января снова начались бои. Мы услышали какой-то непонятный нарастающий шум и выскочили из перевязочной. Летели наши эскадрильи к Выборгу. Самолетов было так много, что они закрыли полнеба, и вокруг стало темно.

Затем меня перевели в госпиталь, где я снова встретила с Марусей Левиной. Шла та же непрерывная работа. Я ассистировала доктору из Москвы Преображенскому.

Война подходила к концу. Я стала терапевтом вместе с врачом из Москвы Лизой Былиной.

Я заметила, что у меня больные довольно быстро поправляются, выздоравливают от пневмонии. Припоминаю, при обходе много с ними беседовала, успокаивала их, при этом брала за руки. Как-то заглянул к нам ленинградский невропатолог и сказал, что я занимаюсь гипнозом. У меня появились от этого головные боли, так как способ лечения мой был не безразличен для организма — так сказал он.

— Поменьше себя расстраивайте, — посоветовал невропатолог.

Смешно. Кому это он говорил? Теперь бы это назвали мануальной терапией.

Нездолго до окончания войны вызвали меня в штаб полка, и начальник штаба в торжественной обстановке объявил, что меня наградят медалью «За отвагу». Я удивилась:

— За что? Я выполняла свой долг.

Медаль мне в Кремле вручал сам М. И. Калинин. Но это уже случилось позже.

13 марта 1940 года было объявлено о завершении войны. А 14 марта нас срочно отправили в Ленинград.

Андрей ПОПОВ

## «Я НЕ ЗНАЮ, В ЧЬЮ ПОЛЬЗУ САЛЬДО»: ДЕНЬГИ В ЗЕРКАЛЕ ОТКРОВЕНИЙ И СУДЕБ

Деньги давно стали не только предметом непреходящего вожделения человека, но и объектом его напряженных размышлений. Далеко не все отзывались о них сочувственно. «Деньги — зло, а потому стремиться к богатству предосудительно» — это расхожее убеждение в продолжение многих веков пытались утвердить как раз и навсегда предустановленную истину.

Непрекращающаяся демонизация денег со временем стала раздражать даже тех, кого никак нельзя причислить к заступникам толстосумов. Бернард Шоу, в конце жизни называвший себя коммунистом, с неприкрытым негодованием заявлял: «Учить детей, что грешно стремиться к деньгам, — значит доходить до крайних пределов бесстыдства в своей лжи и лицемерии... Деньги — главное в жизни, и эта аксиома должна быть в основе всякой здоровой морали — как личной, так и национальной». Но можно ли и этот директивный вывод принять за безусловную истину?

Давно замечено, что афоризмы и цитаты в бесчисленных антологиях «мудрых мыслей» притязают на особую объективность, всеобщность утверждений, оценок, наставлений. Но лишённые личного измерения, не соотнесенные с конкретными обстоятельствами, они часто воспринимаются лишь как умозрительные рассуждения. Нельзя понять отношение великих и известных людей к деньгам только по мыслям, извлечённым из таких сборников. Важно знать, что побуждало их к этим размышлениям. Нуждались они или были людьми обеспеченными? Как вели себя в денежных вопросах? Были бережливými или расточительными, скупыми или щедрыми, расчетливыми или беспечными?

У героев публикуемых заметок «личные отношения» с деньгами складывались по-разному. В истории этих отношений отразились не только их денежные убеждения и внутренние качества — порой не самые привлекательные. Это еще и оценка личных поражений и выигрышей, подведение жизненных итогов, подсчет сальдо в «балансе судьбы»...

---

Андрей Николаевич Попов родился в 1958 году в Караганде (Казахстан). Кандидат филологических наук, доцент. Отличник образования Республики Казахстан. Автор более 40 научных и научно-методических работ, а также многочисленных журнальных и газетных публикаций в российской и казахстанской периодической печати. Живет в Москве.

**«Деньги лучше, чем советы»**

Он не просто предчувствовал — он знал, что рано или поздно безумие его настигнет. Однажды во время прогулки по парку, кивнув на дерево с засохшей верхушкой, мрачно заметил: «Вот так буду умирать и я, начиная с головы...» Джонатану Свифту не было и тридцати, когда его стали преследовать мучительные приступы головокружения и глухоты. С каждым годом они повторялись все чаще и чаще, а со временем стали сопровождаться еще и потерей памяти. Вот это Свифта более всего и пугало. Приступы не просто отнимали прошлое, они делали его совершенно беспомощным и лишали возможности общаться с миром.

Он готовился к сумасшествию так, как готовятся к смерти. Старался привести в порядок дела и бумаги, ничего не оставляя на волю случая. Понимал, как важно успеть написать завещание до того, как начнут сомневаться в его дееспособности. Именно поэтому так настойчиво добивался, чтобы опытные лондонские юристы сделали юридически безупречными и точными все его завещательные распоряжения. Без этого было никак нельзя: Свифт понимал, что у многих возникнет искушение его посмертную волю оспорить — настолько она была странной и безрассудной.

Собственно, догадаться, каким будет его волеизъявление, было несложно: об этом он рассказал еще лет за десять до того, как завещание стало юридическим документом. Но тогда ему мало кто поверил. Поэму-мистификацию «На смерть доктора Свифта» великий писатель-сатирик завершил вот такой эпитафией самому себе: «Он отдал все, что имел, на постройку дома для глупцов и безумцев и этим доказал, что ни одна другая нация не нуждается сильнее в подобных заведениях». Все отнеслись к этому только лишь как к язвительной, издевательской насмешке.

Насмешка? Да! И над самим собой, и над современниками... Но насмешливые слова позже преобразились в предельно четкие деловые указания: «Желаю, чтобы все мое состояние было обращено в наличные деньги, и оные затрачены на аренду земли, и годовой доход от аренды был обращен на приобретение участка вблизи Дублина, достаточно обширного, чтобы построить на нем госпиталь, и чтобы оный госпиталь мог вместить такое количество слабоумных и умалишенных, на содержание какового будет достаточно доходов с означенных земель...И чтобы данный доход был обращен на снабжение помещенных в означенном госпитале слабоумных и умалишенных продовольствием, лекарствами, одеждой, услугами и на потребный время от времени ремонт...»

Ему действительно надо было торопиться. Завещание было составлено и подписано в мае 1740 года, а уже в июле он напишет последние свои строки: «Всю ночь я невыразимо страдал и сегодня ничего не слышу и охвачен болями. Я настолько отупел и потерял разум, что не могу объяснить, какие муки унижения переживают мой дух и тело. Все, что могу сказать, — я еще не в пытке агонии, но жду ее ежедневно и еже часно... Я уверен, что дни мои сочтены, они должны быть недолги и жалки».

Расчет не оправдался: жалкими и мучительными оказались не дни, а долгих пять лет... Болезнь стремительно стирала его память: исчезло прошлое, исчезли друзья и знакомые, которых он не узнавал. Порой возвращалась боль — как еще одна пытка. Биографы уверяют, что однажды несколько санитаров едва могли удержать Свифта, когда он пытался вырвать себе глазное яблоко — такой невыносимой была боль от воспалившегося глаза.

Вскоре после этого случая Свифт перенес инсульт, потерял способность говорить и впал в глубокую апатию. Для него уже не было прошедшего и будущего — время

ушло из его жизни. Когда-то он неосторожно назвал себя «несуществующим человеком». Он им и стал — с помрачившимся рассудком, без памяти, без переживаний, без слов. В августе 1742 года врачебная комиссия решила, что Свифт «не в состоянии заботиться о себе и своем имуществе, как лицо слабого ума и лишенное памяти».

Это так: ничто его уже не могло волновать и заботить. Ну а раньше — до того, как застыть в долгом глухонемом ступоре, — заботился ли он о деньгах и имуществе? Вне всякого сомнения! Ведь писал же Свифт безоглядно влюбленной в него Эстер Ваномри, которую он называл Ванессой: «Помните, что богатство составляет девять десятых всего, что есть хорошего в жизни, а одна десятая — здоровье».

Правда, немного позднее, вероятно, исходя из житейского опыта, он изложил этот категоричный наказ со смягчающими поправками: «Здоровье, хорошее расположение духа и богатство — вот самое дорогое в сей жизни, и последнее из них способствует двум первым».

При жизни Свифт имел репутацию скупца. В письмах к самому близкому ему человеку, Эстер Джонсон, он, не переставая, сокрушался о каждодневных вынужденных тратах:

«Последнюю неделю стоит дрянная погода, я израсходовал из-за нее десять шиллингов на наемные кареты и портшезы».

«Ушибленное колено разорит меня на наемных каретах: я истратил нынче не менее двух шиллингов, чтобы доехать до Сити и обратно».

«Сегодня опять ушло два шиллинга на карету и портшез. Я разорюсь!»

«Этот дождь разорит меня на каретах. Туда я часть пути прошел пешком и сберег тем шесть пенсов, а когда осталось расстояние на шиллинг, нанял карету; обратно же меня подвезли даром».

«Я наведалься к мистеру Гарли, но не застал его и при этом потерял еще полкроны на рождественских чаевых его привратнику».

«Лорд Галифакс без конца ко мне пристаёт, зазывая к себе в поместье, а ведь мне придется тогда дать на чай его лакеям не меньше гиней да еще истратить двенадцать шиллингов на наемную карету, так что его скорее повесят, чем я это сделаю».

Читая такое, легко поверить, что Свифт и вправду был скупым и мелочным. «Скупость и черствость сердца — вот два качества, доставляющие человеку наибольшее счастье», — это ведь тоже его слова. Правда, вряд ли в этом случае он имел в виду себя. Счастливец он — увьи! — не был. Да, экономил — на карете, еде, чаевых. Не скрывал своего довольства, когда получал приглашения на званые обеды: «Как ни скареден этот город, у меня сейчас больше приглашений на обед, чем когда бы то ни было, и на некоторых званых обедах я не смогу присутствовать по той лишь причине, что на эти дни меня уже пригласили раньше».

Но все это — совсем не для того, чтобы приумножить свое состояние. Если и был он скупцом, то необычайно странным, может, даже единственным в своем роде. Все сэкономленные деньги он, оказывается, раздавал нищим!

С тех пор как Свифт стал настоятелем собора Святого Патрика — самого большого храма Ирландии, он своим годовым доходом распорядился, разделив его на три части: одна шла на содержание прихода и личные расходы, другая — на будущий госпиталь для душевнобольных и третья — на благотворительные пожертвования. Так вот эта третья часть, как правило, была самой большой: в течение года она заметно возрасла за счет того, что Свифт постоянно урезал личные расходы. Получается, что экономил он только затем, чтобы быть более щедрым в подаяниях!

Домоправительница, которой Свифт доверял денежные поручения, знала: вернувшись со званого обеда или ужина, он непременно прикажет передать несколько шил-

лингов бедным. Подвезет его попутчик в карете — опять выдаст шиллинг или два для нищих. Конечно, то была помощь не от случая к случаю. Свифт, как мог, ее упорядочил: составил список нуждающихся — в основном старых, одиноких и больных женщин своего прихода, которые уже не могли работать, — и регулярно выдавал им милостыню, отмечая, кто, когда и сколько денег получил.

Поддерживал он не только тех, кто обнищал. Ремесленникам, мелким торговцам выдавал из своих средств беспроцентные ссуды. Помогал деньгами родственникам и знакомым, стараясь и в этом придерживаться определенного порядка: многим выплачивал ежемесячные или ежегодные денежные пособия.

А ведь доходы Свифта были довольно скромными и не особо располагали к такой жертвенности. Он и сам признавался: порой помогал другим только потому, что находил в этом удовольствие — настолько большое, что оно казалось ему предосудительным: «Иногда мне доставляет удовольствие способствовать обогащению других, и, боюсь, удовольствие это слишком велико, чтобы быть добродетелью — по крайней мере, для меня».

Один из своих главных жизненных выводов Свифт сформулировал с присущим ему насмешливым остроумием: «Никто не стремится получать советы, зато деньги получать горазды все, — выходит, деньги лучше, чем советы». Понятно, что сказано это еще и с самоиронией. «Деньги лучше, чем советы и слова» — не самый утешительный расклад для проповедника и писателя. Но будет справедливым заметить: сам Свифт отлично понимал, в каких случаях требуются советы, а в каких наставлениям и поучениям следует предпочесть деньги...

\* \* \*

«Госпиталь Святого Патрика для имбецилов» был открыт в Дублине в 1747 году на деньги, завещанные Свифтом. В настоящее время эта лечебница известна как Университетская больница Святого Патрика — старейшая и крупнейшая в Ирландии некоммерческая служба психиатрической помощи. По многочисленным свидетельствам, больничные койки в ней никогда не пустовали...

### **«Деньги — это веселящий газ»**

Один из самых именитых психологов XX века, основатель психоанализа Зигмунд Фрейд, намекая на грязную природу денег, отождествил их с фекалиями. Впрочем, такое уничижительное сопоставление — всего лишь экстравагантный декор его головоломных психоаналитических построений. Истинное отношение Фрейда к деньгам было совсем иным. Оно живо и красноречиво запечатлелось в таком его откровении: «Мое настроение очень сильно зависит от моих заработков. Деньги для меня — это веселящий газ».

«Веселящий газ» (он же — закись азота), как известно, вызывает чувство опьянения, часто сопровождающееся смехом. Недоброжелатели Фрейда — знай они об этом его ироническом признании — не преминули бы съязвить, что многие идеи только в таком состоянии и могли прийти ему в голову. Но то злопыхатели и ненавистники! Тем, кто относится к Фрейду без предубеждения и знаком с его биографией, в этом сравнении, возможно, откроется иной метафорический подтекст.

В смеси с кислородом «веселящий газ» используют в медицине для анестезии. В небольших дозах он обладает также успокаивающим эффектом и может снять стресс,

тревогу и страх. Именно об этом уместно вспомнить, обращаясь к теме денег в жизни Фрейда. Великий психиатр, как утверждают некоторые его биографы, страдал тяжелейшим неврозом: на протяжении всей жизни его преследовал страх финансовых потерь и утраты материального благополучия.

Одним из первых на это обратил внимание знаменитый экономист Питер Друкер, лично знавший Фрейда. Друкер симптомы его невротического расстройства усматривал в «постоянном нытье и волнении по поводу недостаточных заработков, неспособности оправдать собственные надежды и надежды семьи», в «навязчивых разговорах о деньгах».

По признанию самого Фрейда, страх бедности стал для него пожизненным травматичным переживанием: «Я с юных лет знаю, что стоит накинуть лассо на диких лошадях из пампасов, и они навсегда сохраняют тревогу. Так и я, познав беспомощность нищеты, постоянно боюсь ее». Он родился и вырос в семье, часто нуждавшейся в деньгах. Нужда порой была столь острой, что подталкивала родных Фрейда к отчаянным и опрометчивым поступкам. Известно, что его родной дядя был осужден за изготовление фальшивых купюр. По слухам, к этим неблагоприятным делам были причастны и отец Фрейда с двумя сыновьями от первого брака, сводными братьями Зигмунда.

Из-за нехватки денег рушились многие жизненные планы Фрейда. После окончания университета он решил посвятить себя науке, справедливо полагая, что именно в этом его настоящее призвание. Но тогдашнего жалования, которое он получал в Институте физиологии, не хватало даже на каждодневные нужды — при том, что потребности его были весьма скромными. Научный руководитель Зигмунда не раз с сожалением говорил ученику, что занятия наукой — это «роскошь, которую могут позволить себе лишь состоятельные люди», и советовал ему заняться медицинской практикой.

Много позже, вспоминая то время, Фрейд напишет: «Особого пристрастия к карьере врача я в те юные годы не питал, а впрочем — не питал и в дальнейшем... После 41-го года врачебной деятельности я осознаю, что никогда, собственно, не был настоящим врачом. Я стал им, будучи принужден отклониться от своей первоначальной цели». А принудило его к этому безденежье. Ну и еще любовь к женщине: решение отказаться от науки в пользу практической медицины Фрейд принял после помолвки с Мартой Бернайнс.

Однако заработки начинающего врача мало отличались от доходов молодого ученого и также не позволяли содержать семью. Бедность была единственным, но почти непреодолимым препятствием, мешающим Зигмунду и Марте вступить в брак. От помолвки до свадьбы прошло более четырех лет! К тому же три года влюбленные были еще и разделены расстоянием: после того, как они тайно обручились, семья Марты переехала из Вены в Гамбург. За время разлуки Фрейд написал и отправил своей невесте около тысячи писем!

В своих посланиях он часто упоминал и о деньгах. Они были постоянным атрибутом идиллических картин будущего, которые рисовались его воображению: «Я приезжаю с деньгами и надолго остаюсь с тобой, привожу тебе нечто восхитительное, а затем еду в Париж, становлюсь великим ученым и возвращаюсь в Вену, окруженный громкой славой. Мы сразу поженимся и счастливо проживем». Но куда чаще он жаловался на бедственное положение и невозможность его изменить: «Как это ужасно, моя любимая, когда нет денег. Просто ума не приложу, как люди содержат семью».

Любопытно, что сразу после помолвки Зигмунд стал каждую неделю посылать Марте отчеты о своих денежных расходах. Он фактически отдал себя под финансовый присмотр невесты, навязав ей еще и роль личного банкира. Фрейд отправлял ей

все деньги, которые ему удавалось сэкономить. Когда же деньги требовались ему, он их получал от Марты, считая это займом, который нужно вернуть с процентами.

В те годы он часто поддавался суевериям, связанным с деньгами. Впрочем, ничего удивительного: суеверие маскировало все тот же его постоянный страх бедности. Он настоятельно советовал Марте класть в копилку не банкноты, а серебряные монеты: «Металл обладает магической властью и притягивает к себе монеты; бумажки выбрасываются на ветер».

Однако суеверные ухищрения не могли приблизить день свадьбы: денег все еще было недостаточно. Фрейд экономил на всем, но увеличить накопления не получалось. Ему по-прежнему приходилось занимать деньги у друзей. И не только деньги. Для визитов в респектабельные дома он не раз брал у приятеля пальто, потому что свое протерлось до дыр. Угнетало его также, что не мог помогать матери и сестрам — они после смерти отца жили в нищете. Фрейд вспоминал, что однажды, находясь в гостях, он за обедом не мог есть мясное блюдо при мысли о голоде, который испытывали его сестры.

Еще до помолвки Фрейд подсчитал, что нельзя жениться, не имея, по меньшей мере, 2500 гульденов. А у него спустя четыре года было всего около тысячи гульденов, сохранившихся от денег, подаренных приятелем. Положение спасла состоятельная родственница Марты — ее тетя, благодаря денежному подарку которой приданое невесты заметно увеличилось. Впрочем, незадолго до свадьбы случился скандал, который едва ее не разрушил.

Марта неосторожно сообщила жениху, что одолжила своему брату Эли деньги — примерно половину приданого. Эли занимался коммерцией, полученную сумму незамедлительно пустил в оборот, заверив Марту, что в скором времени вернет долг. В ситуации не было ничего чрезвычайного: срочные вложения — обычное дело для бизнеса. Но Фрейд, не имевший представления о том, как ведут дела коммерсанты, заподозрил Эли в обмане, в намерении присвоить деньги из приданого. Он написал Марте негодующее письмо, потребовав от нее сделать все, чтобы деньги были немедленно возвращены. Этим требованием он не ограничился и ультимативно заявил, что Марта должна назвать брата подлецом и прекратить с ним всякие отношения.

Марта была потрясена эскападами жениха и неистовыми проявлениями его меркантильности. Она наотрез отказалась в чем-либо обвинять брата. В конце концов Зигмунд сам написал гневное письмо Эли, после чего тот деньги сразу вернул и признался сестре, что был совершенно обескуражен грубым напором ее жениха. Фрейд впоследствии объяснял свою несдержанность опасениями, что Эли затынет с возвратом долга, из-за чего свадьба будет отложена. При этом его ничуть не смущало, что изрядная часть расходов на свадьбу, жилье, мебель будет оплачена из приданого невесты. Он и этому находил оправдание: «Ты осталась бы старой девой, если бы я позволил тебе ждать, пока смогу за все заплатить».

В молодые годы Фрейд получал ощутимую денежную поддержку от материально обеспеченных друзей и коллег. Причем помогали они не по просьбе Зигмунда, а по собственной инициативе. Сам Фрейд так писал об этом жене: «Сначала мне было очень стыдно, но позже... я смирился с мыслью быть в долгу у хороших людей, одной с нами веры, не чувствуя личных обязательств». В этом откровении вызывают некоторое замешательство последние слова: «не чувствуя личных обязательств». А что они, собственно, означают? Что эти деньги можно не возвращать?!

Похоже, что именно так! Вот что о Фрейде писал Арон Белкин, в недавнем прошлом — почетный президент Русского психоаналитического общества: «Его состоя-



тельные друзья навязывали ему помощь, уговаривали не стесняться, убеждали в том, что ничего плохого он не сделает, если примет этот залог дружбы от хороших людей. И он принимал эти деньги... Но психологический итог выходил ужасный... Фрейд сердился на себя — и не мог противостоять искушению, тратил бездну душевных сил, чтобы заглушить чувство униженности... Казалось, единственной реальной защитой было бы сказать себе: я беру деньги в долг, я верну их, как только встану на ноги, — и, разумеется, так и поступить. Но если подобное намерение и возникало, исполнено оно не было. Ни вскоре, ни по прошествии лет долгов Фрейд не возвращал — выше его сил было расстаться с деньгами, которых никто с него и не требовал».

В письмах к жене он не раз убеждал ее, а еще больше самого себя в том, что оказываемое им денежное покровительство нужно принимать как должное: «Не правда ли, замечательно, что богатый человек смягчает несправедливость нашего бедного происхождения и несправедливость своего собственного привилегированного положения?»

Получив клинический опыт в различных больницах, Фрейд смог затем открыть частную практику. В выборе специализации был исключительно расчетлив: «Из материальных соображений я начал заниматься нервными болезнями». Ведь в Вене, как он иронически пояснял, целые «толпы невротиков бросались в отчаянии от одного врача к другому, не находя облегчения». И самое главное — они готовы были платить за свое исцеление немалые деньги!

Фрейд был уверен: теперь будущее своей семьи он с легкостью сможет обеспечить. Он успокаивал Марту: «То, что нам требуется для нашей независимости, может быть достигнуто честной равномерной работой без гигантских усилий». Но без усилий не получилось. «Даром ничего не дается. Становиться богатым, должно быть, очень трудно», — еще одно его выстраданное убеждение. Даже когда к Фрейду пришла известность, он продолжал работать по 14–15 часов в сутки. Первого пациента принимал, как правило, уже в восемь утра. Заканчивал прием в девять вечера. Ну а после писал статьи, работал над рукописями книг, отвечал на письма. Ложился спать в час-два ночи, а то и позже. Легко поверить в его слова, что он при этом «валился подобно спиленному дереву».

Став вполне обеспеченным человеком, он по-прежнему с тревогой и беспокойством относился к своему финансовому положению: все так же ежедневно подсчитывал доходы и расходы, все так же часто писал и говорил о деньгах. «Ничто в жизни не стоит так дорого, как болезнь и глупость» — сложно сказать, чего в этих словах Фрейда больше: мрачной иронии, откровенной издевки или денежного расчета. Он быстро поднаторел в умении извлекать доходы из чужих слабостей. Сеанс психоанализа у него стоил недешево и был доступен только состоятельным людям. За один прием он брал сумму, равную стоимости весьма дорогого мужского костюма.

«Плата за терапию, — доказывал Фрейд, — должна существенно сказываться на кармане пациента, иначе терапия идет худо». В подтверждение ссылался на собственную практику: еженедельно он принимал одного пациента бесплатно, но, как правило, никакого прогресса в состоянии такого больного не наблюдалось.

Врачебный авторитет и популярность Фрейда подкреплялись не только его высокими гонорарами. В одном из писем он писал: «Я избалован и испорчен многочисленными подарками из продуктов, сигар и денег, которые люди мне преподносят и которые я должен принимать, поскольку иначе не смогу жить». Надо заметить, что такие подарки и подношения не делали Фрейда более уступчивым и покладистым в вопросе вознаграждения, которого он требовал за свой труд. В этом он всегда и со всеми оставался болезненно педантичным, порой даже неприглядно мелочным.

Среди пациентов Фрейда было немало знаменитостей. Однажды ему пришлось консультировать известного австрийского композитора и дирижера Густава Малера, у которого были серьезные проблемы в отношениях с женой. Фрейд уделил ему более четырех часов. По признанию самого Малера, эта беседа помогла ему восстановить душевное равновесие. Но так случилось, что через несколько месяцев композитор, работая по контракту в США, заболел и умер. Фрейд, узнав об этом, вместе с соблезнованием отправил его вдове счет за неоплаченную консультацию. Но, наверное, и такой бездушной неделикатности можно найти психологическое оправдание: ведь долгие годы Фрейд жил на грани бедности и остро переживал потерю даже самых малых сумм.

Судьба нередко насмешливо и злорадно откликается на страхи и волнения человека. Уже будучи всемирно известным и материально вполне обеспеченным, Фрейд действительно попал в бедственное положение, которого так опасался. Во время Первой мировой войны его благосостояние заметно пошатнулось, а сразу после войны — вместе с крахом австрийской денежной системы — он лишился всех своих сбережений. В его жизнь опять вернулись нищета и лишения. А ведь он тогда был кормильцем огромной семьи. На его содержании были не только жена и дочь, но и сыновья, оказавшиеся без работы, мать и сестра Марты, а также две его овдовевшие сестры.

Правда, восстановить былое благополучие удалось довольно быстро. Среди пациентов Фрейда было немало приехавших из США — страны, валюта которой не пострадала от войны и финансовых кризисов. Плату за лечение он брал с них в долларах, что и позволило ему за два-три года приблизиться к уровню своих довоенных доходов. Уже тогда — более ста лет назад — отец психоанализа проницательно заметил, что «нашим Старым Светом доллар правит так же, как и Новым».

Фрейд всегда стремился к жизненной свободе и независимости — эти слова часто встречаются в его письмах. Что он понимал под этим? Прежде всего — возможность управлять собственной жизнью. Получил ли он эту свободу? Удалось ли ему в конце концов преодолеть болезненную зависимость от денег и обрести психологическую устойчивость? Ответы находим у самого Фрейда, которого — нужно отдать ему должное — всегда отличали внутренняя честность, объективность и порой даже беспощадность самоанализа.

В одном из писем к своему другу Вильгельму Флиссу он рассуждает о том, как опасна для человека работа ради денег. Фрейд метафорически сравнивает ее с неоплазией — образованием в организме человека опухолей: такая работа — «разновидность неопластического вещества, которое просачивается в человеческую природу, а затем заменяет ее». И после этого сравнения — пугающий вывод, фактически приговор: «Для меня работа и заработок идентичны, так что я целиком стал каким-то раковым новообразованием... К такому новообразованию ничего нельзя прилепить, и мое существование с недавних пор походит на жизнь такой опухоли».

Фрейд писал эти строки, когда ему было 43 года. Через четверть века рискованная метафора станет страшной реальностью: у него диагностируют рак ротовой полости. После нескольких операций (а всего их будет 33) Фрейд скажет о себе еще более прямо и откровенно: «Я на самом деле очень устал и нуждаюсь в отдыхе. Правильней было бы отложить в сторону всю работу и обязанности и ожидать в тихом углу естественного конца. Но искушение — противоречащее необходимости — продолжать кое-что зарабатывать, слишком велико».

Да вовсе и не искушение то было, а глубоко укоренившаяся привычка, изнурительная и неистребимая потребность — продолжать зарабатывать! За месяц до своей

смерти, измученный многочисленными операциями, он все еще будет принимать пациентов, до конца оправдывая ту фатальную и горькую характеристику, которую когда-то сам же себе и дал: «Я просто машина для зарабатывания денег...»

**«Деньги созданы, чтобы их тратить,  
если вам повезло их иметь»**

Бывает так, что детские мечты становятся юношеской страстью, а потом и пожизненной одержимостью: той неукротимой силой, которая одних поднимает на вершины успеха, других — валит с ног, опрокидывая и калеча. У Франсуазы Саган такой неослабевающей страстью были автомобили. Уже в детские годы быстрая езда вызывала у нее бурный восторг: отец часто брал маленькую дочь в поездки в машине с открытым верхом и даже позволял братья за руль.

По сути, именно мечта о собственном автомобиле и вдохновила ее на сочинительство. Свой первый роман «Здравствуй, грусть!» Саган написала, когда ей было 18 лет. Еще до того как сесть за рукопись, она уверенно заявила лучшей подруге, что заработает на этой книге большие деньги и купит «ягуар». Все сбылось! Книга сразу разошлась тиражом более миллиона экземпляров. Уже первый гонорар сделал Франсуазу, не достигшую совершеннолетия (во Франции тогда оно наступало в 20 лет), миллионершей. После того как роман был переведен и издан более чем в 20 странах, на Саган, по ее словам, «пролился золотой дождь». На смену подержанному «ягуару» пришли «гордини», «астон мартин», «бьюик», «мазерати», «феррари».

Такой ранний и успешный дебют был событием поистине феноменальным: Франсуаза чуть ли не в одночасье стала и необыкновенно знаменитой, и по-настоящему богатой. Рассказывают, что юная романистка, растерявшись от ошеломительного успеха, совершенно не знала, что делать с неожиданно появившимися у нее баснословными деньгами. Обратившись к отцу, она получила краткий и недвусмысленный совет: «Все их растрать! В твоём возрасте они опасны».

Отцовское наставление стало в каком-то смысле роковым. Поспешив исполнить рекомендации отца, Франсуаза навсегда стала заложницей так восхитившего ее ощущения свободы, праздника и беззаботности — оно неизменно сопровождало нерасчетливую и беспечную трату денег.

«В двадцать лет, съехав от родителей, — вспоминала Саган, — я поняла, что у меня чудовищно много денег. Я купила квартиру, где жила вместе с братом; там постоянно находилась толпа людей, которых я запросто могла содержать; я могла купить билет на самолет, чтобы провести вечерок в Сен-Тропе, покупала машины, яхты, кутила, и многочисленные друзья жили за мой счет».

Позже она поделится еще таким вот откровением: «Эти деньги были немного сумасшедшими сами по себе». Понятно, что это не столько о деньгах, сколько о самой себе, о своем сумасбродстве и чудачествах. Единственный сын писательницы вспоминал: «У нас в шкафу стояла шляпная коробка, до краев заполненная бумажными ассигнациями. И если к матери приходили знакомые, испытывавшие финансовые затруднения, им нужно было просто заглянуть в шкаф и взять столько, сколько было необходимо. Таким образом, им не приходилось ничего просить у моей матери, а ей — ничего давать». На самом деле вряд ли кто-то из окружения Франсуазы мог испытать неудобство, если бы ему пришлось просить о денежной помощи. Да и сама она легко откликнулась на подобные просьбы. Так что никакая это не забота о вну-

треннем комфорте возможных просителей, а, скорее, забава, развлечение, домашний аттракцион щедрости.

Для Саган деньги всегда были обещанием праздника, игры и приключений. «Это правда, — рассуждала она, — что деньги, пока играешь, опять становятся тем, чем и должны были бы оставаться раз и навсегда, — игрушкой, жетоном, чем-то взаимозаменяемым». И это сказано не только об игре в казино. Саган не раз признавалась, что ей невыносима обыденность и монотонность жизни. Потому она и относилась к деньгам как к способу защиты от тусклой повседневности, стремилась при любой возможности «обменять» их на праздничное веселье и острые, яркие ощущения.

Проще всего было эти ощущения получить, разогнав автомобиль до предельной скорости: «Ехать на бешеной скорости — значит испытывать настоящее наслаждение и даже ликование, забывая о безопасности на дороге и, возможно, о пределах собственных рефлексов... Я свято верю: скорость — не признак жизни, не вызов ей, а порыв к счастью». Но такой порыв, о котором она писала, как раз и был вызовом судьбе, игрой со смертью — игрой, в которой человек далеко не всегда выигрывает.

В апреле 1957 года Саган попала в страшную аварию: ее автомобиль занесло, он перевернулся и, пролетев метров 30, упал в придорожную канаву. С большим трудом Франсуазу извлекли из искореженной машины. Долгое время она находилась в коме, и шансов на ее спасение практически не было. В госпиталь даже пришлось вызвать священника, который ее соборовал. Однако она выжила! Это назовут чудом. Но за чудо пришлось расплачиваться по непомерно высокой цене. В продолжение нескольких месяцев, чтобы снять невыносимые боли, Франсуазе кололи наркотический анальгетик. От возникшей тогда наркозависимости она так никогда и не избавилась. С годами наркотики стали едва ли не самой затратной статьёй ее личного бюджета.

И была у нее еще одна болезненная тяга — к игре в казино. Ну а как могла Саган не поддаться этой страсти, если уже через пару недель после первой своей игры в рулетку стала обладателем фантастического выигрыша в восемь миллионов франков! На выигранные деньги она на следующий же день купила старинный особняк в Нормандии.

Слухи о необычайном денежном везении сопровождали писательницу на протяжении многих лет. На улицах к Франсуазе нередко обращались незнакомые люди с просьбой купить для них лотерейные билеты, объясняя это тем, что ей всегда везет и деньги ее любят. Но она свое отношение к деньгам оценивала не так однозначно: «Я их, разумеется, не презираю, но и не люблю».

Вызывающе свободный образ жизни, который вела Саган, на долгие годы сделал ее героиней светских сплетен и пересудов. «Не знаю, чего мне больше не могут простить, — иронизировала она в одном из интервью, — что я заработала много денег или что их растранила». Насколько справедливыми были эти упреки в мотовстве? Она и сама признавалась, что порой бросала деньги на ветер, не в силах устоять перед искушением купить какую-нибудь «преlestную вещицу» и не задумываясь о ее цене. Но тут же находила себе оправдание: «Я сама зарабатывала эти деньги. Они никогда не доставались мне за чужой счет, и тратила я их всегда не одна. Виноватой себя ни в чем не чувствую. Деньги оказывают услуги: они созданы, чтобы их тратить, если вам повезло их иметь».

Автомобильные забавы, казино, божественные вечеринки, многочисленные любовные приключения... Невольно задаешься вопросом: а когда же она книги писала? Если верить Саган, вдохновение приходило вместе с нуждой в деньгах: «Наступает момент, когда в голове появляются сюжеты, смутные идеи, неясные силуэты... И возникает какой-то внешний фактор — больше нет денег или надо платить налоги. Приходится

садиться за стол... Меня часто упрекают в том, что я выбрасываю деньги в окно. Но именно это меня, может быть, и спасло. Будь я человеком обеспеченным и материально независимым, не знаю, стала ли бы я писать».

А еще она однажды в интервью сказала так: «Деньги — груз, мешающий набрать высоту». Журналисты подхватили эти слова, растиражировали и сделали их чуть ли не крылатыми. Фраза действительно яркая и запоминающаяся, но сбивающая с толку. И смысл ее без пояснений далеко не каждому был очевиден. Это совсем не апология бедности, которую Саган считала ужасным бедствием. Но порой, как она полагала, имеет смысл «разгрузиться», истратить все свои деньги. Это будет стимулом к развитию, движению, полету: так, чтобы увеличить подъемную силу воздушного шара, надо сбросить вниз груз, балласт. Примерно о том же, но более прямо писала она в зрелые годы, обращаясь к молодым писателям: «Будьте расточительны, это будет вынуждать вас не стоять на месте».

Все, знавшие Саган, в один голос говорили о ее поразительной щедрости. Впрочем, сама она ничего необычного в этом не видела: «Человек, у которого есть деньги, если это нормальный человек, — ну, скажем, нормальный в моем понимании, — делится ими с теми, кто в них нуждается». Однако представление о нормальном у Саган заметно расходилось с общепринятым: она отправляла большие суммы незнакомым людям, присылавшим ей письма с просьбой купить, к примеру, стиральную машину или холодильник.

«Она не придавала деньгам никакого значения и раздавала их налево и направо, — вспоминал сын писательницы. — Сколько раз, когда мы выходили вместе из дома и сталкивались с нищими на улице, она отдавала им все деньги из своей сумки. И ее абсолютно не заботило, какая сумма там лежала — тысяча франков или две».

Если кто-то, находясь у нее дома, выражал восхищение каким-либо понравившимся предметом — часами, картиной, украшениями, — то он тут же или на следующий день непременно получал его в подарок. «Я не собственница и не люблю экономить деньги», — не раз говорила о себе Саган. Но в этом ее признании не вся правда, как и в другом, еще более эффектном и броском: «Я настолько же люблю тратить деньги, насколько ненавижу их считать». Ни экономить, ни считать она попросту не умела! И было это не столько богемной блажью, сколько домашним, бытовым пороком, делавшим ее житейски очень уязвимой. В быту она всегда оставалась инфантильной и беспомощной — до такой степени, что ей пришлось обратиться к своему банкиру Эли де Ротшильду с просьбой выделить помощницу для решения финансовых вопросов.

В те годы, когда она находилась под опекой банка, денежные дела ее были в отнесенном порядке. Банк следил за уплатой налогов и страховых взносов, оплатой аренды и коммунальных услуг. Чековой книжки у Франсуазы не было: без обсуждения с банком она не могла совершить ни одной сколько-нибудь серьезной покупки, а на карманные расходы ей выделяли небольшие суммы наличными.

Все изменилось, когда в начале 80-х стилист и дизайнер Пегги Рош, самая близкая подруга Саган, поселившись с ней вместе, стала фактически хозяйкой в доме. Она отказалась от помощи банка и сама взялась управлять общим бюджетом. Франсуаза вновь получила финансовую свободу, могла пользоваться и чековой книжкой, и кредитной картой. Однако эта свобода вскоре обернулась серьезными денежными проблемами и в конце концов привела Саган к жизненной катастрофе.

В начале 90-х к ней обратился давний ее приятель Андре Гельфи, в прошлом известный автогонщик, ставший к тому времени мультимиллионером и пользовавшийся большим влиянием в бизнес-кругах. Он подвизался в качестве иностранного совет-

ника и консультанта в правительствах нескольких среднеазиатских государств — бывших республик СССР, помогал французским компаниям налаживать связи с госаппаратом этих стран и получать там выгодные контракты — как правило, с помощью взятки и откатов.

Франсуазу он просил передать президенту Франции Миттерану, ее другу и поклоннику, материалы, которые должны были помочь госкорпорации Elf Aquitaine начать разработку нефтяных месторождений в Узбекистане. За посредничество, а также организацию встречи Миттерана с представителями узбекской стороны Саган получила от Гельфи 600 тысяч долларов.

Ловкий авантюрист убедил доверчивую Франсуазу в том, что деньги были не платой за услугу, а подарком — личной благодарностью за участие, которое она приняла в его судьбе. В молодости Саган помогла ему встретиться с важными для него людьми: те встречи способствовали его карьере, и он уже давно искал возможность ее отблагодарить. Гельфи тут же предложил на эти деньги отремонтировать пришедший в запустение дом Франсуазы в Нормандии.

Саган действительно передала все документы Миттерану. Тот в шуточной форме ответил, что не стоит ей примерять на себя образ Маты Хари и вмешиваться в это дело. Но разрешение и средства на нефтеразведку Elf Aquitaine получила. Однако вскоре после смерти Миттерана разразился громкий коррупционный скандал, связанный с этой компанией. В ходе судебного расследования всплыло и имя Саган. Выяснилось, что деньги на ремонт ее особняка через подставную фирму перевел именно концерн Elf Aquitaine. Некоторые журналисты даже поспешили назвать ее «узбекской шпионкой». Впрочем, никаких обвинений в том процессе Саган не предъявили.

А с особняком все было непросто. Вскоре после начала ремонта в нем случился пожар, по-видимому, из-за умышленного поджога. Дом полностью сгорел. Чтобы его восстановить, полученной от Гельфи суммы было мало. Пришлось вложить еще и деньги, полученные по страховке.

Отстроенный особняк привлек внимание налоговых служб, которые потребовали предъявить документы об израсходованных на ремонт средствах и объяснить их происхождение. Ремонтную компанию к тому времени уже ликвидировали. Но по сохранившимся сметам установили, что строители во много раз завысили стоимость работ. Стало ясно: и пожар, и ремонт были прикрытием для отмывания денег, а сама Саган стала жертвой мошенничества. В вину ей вменяли лишь то, что она не задекларировала полученные доходы и не уплатила с них налоги.

Франсуаза объясняла все тем, что деньги были подарком, дружеской помощью, и ей в голову не могло прийти, что в этом случае тоже нужно платить налоги. На судебном процессе ее не было: незадолго до этого она сломала шейку бедра, перенесла несколько операций и не могла самостоятельно передвигаться.

Адвокат, воспользовавшись отсутствием в зале подзащитной, решил сказать то, что было бы не вполне тактичным в ее присутствии: «Это дело надо увязать с неординарной личностью госпожи Саган. Моя клиентка до сего дня не понимает разницы между сотней франков и ста миллионами». Если и было в этой оценке преувеличение, то только для того, чтобы подчеркнуть поразительную инфантильность и наивность Франсуазы в денежных вопросах.

Однако оснований для оправдательного приговора суд не нашел, приговорив ее к году тюремного заключения и огромному штрафу в размере более 800 тысяч евро. Принимая во внимание преклонный возраст и слабое здоровье подсудимой, обвинение согласилось с ее условным осуждением.

Саган оказалась полностью разоренной. Она потеряла все сбережения и недвижимое имущество, была лишена возможности получать доходы от издания книг. Но уплатить долги налоговому ведомству она до конца жизни так и не смогла. «У меня нет ни одежды, ни кровя, ни стола, ни стула, и я живу только благодаря помощи друзей», — таким плачевным оказалось конечное сальдо ее жизни.

Ее последние годы стали временем беспросветного унижения, когда она — тяжелобольная, без своего угла, денег, семьи — медленно умирала в чужом доме. Вспоминала ли она тогда свою давнюю простодушную убежденность: «У меня никогда не будет времени быть старой»?

В печати несколько раз появлялись обращения к властям с призывами помочь обнищавшей и больной знаменитости. Наиболее громким и резким стал обличительный выпад ее младшего собрата по перу Фредерика Бегбедера: «Самая великая из ныне живущих французских писательниц брошена своей страной. Я обвиняю президента и премьер-министра в неуважении к французской литературе. Франция убивает своего последнего литературного гения... Вы, чудовищные монстры, вершите расправу над красотой и искусством!»

Бегбедер, известный своими экстравагантными взглядами и поступками, конечно, безосновательно причислил Саган к пантеону литературных гениев. И на власть он обрушился напрасно. Ведь жизненная катастрофа Саган была вполне предсказуемой. Ее отношение к деньгам никогда не было рациональным, балансируя на грани игры и эпатажа, беспечности и безрассудства.

И не только к деньгам: фатальными были многие ее жизненные пристрастия и предпочтения. «Терпеть не могу в людях уверенность в завтрашнем дне и стремление к безопасности... Меня привлекает все, что не обнадеживает, — откровенничала Саган и сокрушалась: — Мы живем в такое отвратное время, когда непредсказуемости, иррациональности на каждом шагу противопоставляются точные цифры и ограничения».

Но «точные цифры и ограничения» — универсальный инструмент здравомыслия и практичности, без которых невозможно сохранить жизненное равновесие и устойчивость. Тот, кто предпочитает им иррациональность и непредсказуемость, расплачивается благополучием и судьбой: как Саган, чья жизнь, подобно автомобилю, потерявшему управление на безумной скорости, так и не смогла выйти из крутого заноса, перевернулась и рухнула вниз с дорожной насыпи...

Виктор КОСТЕЦКИЙ

## АНТИ-ХЕЙЗИНГА: ДРУГАЯ ФИЛОСОФИЯ ИГРЫ

Но кто еще сомневается в том, чего я хочу, —  
каковы три требования, которые на этот раз  
влагает в мои уста моя злоба, моя забота,  
моя любовь к искусству?

Чтобы театр не становился господином над искусством.  
Чтобы актер не становился соблазнителем подлинных.  
Чтобы музыка не становилась искусством лгать.

*Ф. Ницше*

Было бы, конечно, странным приписывать открытие игры автору «*Homo ludens*»: античность хорошо знала игру под видом олимпийских игр, театра, дионисизма, гладиаторских боев, а еще ранее, в дворцовых цивилизациях Древнего Востока, мир игры расцветал пышным цветом в азартных военных приключениях и царственных гаремах. В философию последних двух столетий понятие игры вошло благодаря «Письмам об эстетическом воспитании» Ф. Шиллера (1795 г.). Тем не менее будет справедливым признать, что Й. Хейзинга открыл игру заново, причем не только для философии, но и для всего корпуса гуманитарных наук. После Хейзинги число только диссертационных работ в области психологии, психиатрии, педагогики, лингвистики, социологии, искусствоведения вряд ли поддается счету. Едва ли не в каждом крупном городе мира защищались диссертации по игре и проводились научные конференции. Вокруг игры за прошедшие после выхода книги десятилетия создана целая индустрия текстов по самым различным направлениям науки. В результате естественным образом сложилась некая «философия игры», предзаданная парадигмой Хейзинги. Но Й. Хейзинга, как известно, никакой «философии игры» не планировал, не пытался вникать в понятийные смыслы игры, в логические исследования, в психологию, в этнографию и даже, по большому счету, в историю культуры. Единственной целью работы «Человек играющий» служила идея универсальности игры: от резвящихся щенков и детей до бизнеса, музыки и Шекспира. Между тем навязчивость «парадигмы Хейзинги» даже для философии имела колоссальное влияние. В качестве примера можно привести философские диссертации и монографии замечательного, но, к сожалению, покойного профессора Тамары Антоновны Апинян, в которых философия игры стремилась к иллюстрации концепции Хейзинги на материале научной (Г. Спенсер, К. Лоренц, М. Лацарус, К. Гросс,

---

Виктор Валентинович Костецкий — доктор философских наук, профессор. Родился в 1955 году на Крайнем Севере, учился в Ленинграде, жил и работал в Сибири. С 2000 года преподает в разных вузах Санкт-Петербурга, в настоящее время — профессор Академии художеств.



К. Бюллер, Э. Берн, Ж. Пиаже, Д. Эльконин) и художественной (Э. Гофман, А. Пушкин, Ф. Достоевский, Бальзак, Ибсен, Гессе, Джойс, Кортасар, Беккет) литературы, причем без слова критики в адрес мэтра [Кривко-Апинян 1992, Апинян 2003].

В работе Ф. Ницше «О пользе и вреде истории для жизни» есть образы «вредных историков»: «монументалистов», для которых все великое в прошлом, и «антиквариив», которые стаскивают в домашние музеи случайные предметы своих предположительно великих современников. Голландский историк Й. Хейзинга заполнял свою коллекцию игры всем, что только напоминает игру: и в этой плюшкинской методе относительно сбора информации не могли не проявиться интеллектуальная пустота и вредность предвзятых, но красивых лозунгов. «Игра старше культуры», — спору нет, красивый тезис. Но аргументация его у Хейзинги несостоятельна, если не сказать, абсурдна: «...животные вовсе не ждали появления человека, чтобы он научил их играть... Животные играют точно так же, как люди. Все основные черты уже присутствуют в игре животных. Достаточно понаблюдать хотя бы игру щенят...» [Хейзинга 1992, 10]. Автор то ли совсем не знаком с философией Канта и понятием антропоморфизма, то ли отождествляет себя посредством эмпатии со щенками, причем вписывая себя в ситуацию еще до возникновения человечества. Откуда автору со «средствами культурологического мышления», о чем заявлено во введении, знать, играют ли щенки, или их, прошу прощения за выражение, «колбасит» возрастной метаболизм? Отождествление дурачества с игрой, а Хейзинга их принципиально не различает, наносит непоправимый вред самосознанию искусства: от живописи и музыки до искусства политики и педагогики. Дурачество, обусловленное метаболизмом, психотропными средствами, плохим воспитанием, комплексами неполноценности или тягой к «своему и новому», «к самовыражению» — не имеет никакого отношения к игре как таковой. Й. Хейзинга не случайно избегал понятийного отношения к предмету своего исследования (точнее, коллекционирования), поскольку в противном случае все тезисы его «теории» потеряли бы смысл сами собой.

При понятийном отношении к игре прежде всего следует обратить внимание на лингвистическую сторону проблемы. Мы говорим «магнитофон играет», но об игре тут речи нет. Мы говорим «щенки играют», но есть ли в этой деятельности игра, остается под вопросом. Мы говорим «пианист играет», но что в деятельности профессионального пианиста относится к игре, а что к труду, совсем не очевидно. На стадионе игра в футбол для футболистов может быть совсем не игрой. Мы говорим «волна играет», но из этого никак не следует распространение термина игра на явления природы. Конечно, игра может существовать и существует в природе (как произвольное отклонение атомов у Эпикура), но признание этой возможности не следует из речевых оборотов повседневного общения.

Еще одним лингвистическим препятствием к осмыслению понятия игры является то обстоятельство, что семантика слова игра застревает между существительным и глаголом: играть можно не в игру, а игру можно исполнять, иметь, делать, робить (был такой глагол). Для языкового представления понятия игры необходимо создать специальную конструкцию типа «играть игру играючи» или «игра играется играючи». Наречие «играючи», соединяющее существительное с глаголом и выражающее образ действия, принимает на себя основную смысловую функцию «игры». Тот факт, что ни в одном языке мира нет адекватного слова для игры во всей полноте ее смыслов, хорошо осознавался (точнее, проверялся в рамках доступной эрудиции) автором «Человека играющего». Однако у Й. Хейзинги речь шла только о том, что объем понятия «игра» в его представлении в разных языках разбит на ряд слов с меньшим объемом и, соответственно, с частным содержанием. Впрочем, предположение о том, что предмет обсуждения (игра) в различных языках должен иметь одинаковую семантику, было бы просто не-

уместным. Поэтому консультации Хейзинги по поводу вербального выражения игры в индийских, японском, китайском, арабском языках (в сравнении с греческим, латынью, немецким, французским, английским, испанским, итальянским) придают его трактату шарм, но и не более того. Проблема языкового выражения понятия игры упирается не в семантику слов в различных языках, а в структуру языка в соответствии с известной гипотезой Сепира-Уорфа.

Когнитивный горизонт игры у Й. Хейзинги ограничен исключительно набором представлений, в которых игра предстает в образах деятельности: вот щенки играют, вот дети, вот спорт, вот праздник, вот бизнес или политика. Поскольку между щенками и политикой нет ничего общего, кроме поведения, похожего на игровое, постольку голландский мыслитель объявляет игру особой деятельностью: «...она, так сказать, выходит вон из ряда обыкновенных видов деятельности...» [Хейзинга 1992, 51–52]. Этот вывод для Хейзинги очень важен, поскольку игра принимает таинственно-очевидный характер по типу средневековых учений о теплороде или эфире. Игру как «особую деятельность» можно добавить в любую деятельность, и та окрасится в игру. Или любую деятельность можно сделать причастной к игре (как к идее в философии Платона), и та превратится в игру. «Идейно-теплородная» трактовка игры позволяет Хейзинге фетишизировать игру уже в самом начале своего исследования. Между тем универсальность игры обусловлена как раз тем, что она не является деятельностью в разнообразных формах: игра — не деятельность. Игра, как мной уже отмечалось ранее [Костецкий 2002], есть вид модальности, что в логическом плане вполне можно выразить через специальные операторы модальности. Например, можно к членам суждения (субъекту, связке, предикату) приставить словечко «как бы» или «нарочно», и модальность суждения сменится на игровую. В случае с театральными ролями это очевидно. Если человек представляется словами «я — Гамлет», это не игра, но фраза «я — как бы Гамлет» уже игра. Если человек говорит: «Я женился», это не игра, но если он говорит: «Я нарочно женился», то без игрового отношения к браку здесь явно не обошлось. Операторы модальности могут иметь различный вид. Например, в математике таким оператором выступает словечко «допустим». В физике модальные компоненты порой включены в саму терминологию: например, «ток идет» (терминология физика Андре Мари Ампера, кстати, автора «Размышлений на тему математической теории игр»), что следует переводить «как бы ток» и «как бы идет». В теориях физиков игровых моментов значительно больше, чем им бы хотелось.

Игру как модальность деятельности можно выразить через отрицание закона тождества, на чем в свое время настаивал Гегель, то есть  $A$  не есть  $A$ :  $A$  как бы  $A$ , но не  $A$  или  $A$  еще  $A$ , но уже не  $A$ . В таком виде игровая модальность является всеобщей чертой бытия в его становлении и развитии. «Вещь не есть то, что она есть», — настаивал Гегель [Гегель 1972, 291]. В культуре повседневности игра, конечно, не функционирует в качестве игровой модальности, но отождествляется с видом деятельности. В таком случае, в зависимости от конкретных обстоятельств, необходимо уточнить анализ игровой ситуации с помощью понятий «полуигра» и «антиигра». Примером последней может служить ситуация «игры кошки с мышкой»: если кошка играет, то мышкой играют. Играть и быть сыгранным не есть одно и то же. В античной драматургии антиигра называлась трагедией. Промежуточное положение между игрой и трагедией занимает условное понятие полуигра — это актеры, спортсмены, политики, педагоги, торговцы. В полуигре смысловая частица «играючи» либо не соединяет существительное «игра» с глаголом «играть», либо отсутствует в связи с утратой смысла. В реальной жизни модусы модальности игры могут незаметно сменять друг друга: например, карточная игра из игры может перейти в трагедию (антиигра) или, напротив, в способ хорошего заработка (полуигра).

Если от логического анализа игры перейти к онтологическому рассмотрению, то игра сместится в границы «обмана» и «самообмана». Об обмане можно сказать, если последовать стилю Хейзинги, что обман точно старше культуры. Мимикрия, имитация, иллюзионизм в живой природе служат как самосохранению, так и способам добычи пищи. Культура, хронология возникновения которой приурочена к использованию огня и появления табу, не возникает через обман, но игра в культуре имеет отношение к обману и самообману. «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад!», — писал А. Пушкин. «Жизнь — обман с чарующей тоской», — вторил С. Есенин. «Не может ли Бог быть обманщиком?» — таким вопросом не без оснований задавался Р. Декарт. Для А. Шопенгауэра ответ на этот вопрос был бы однозначно положительным. Во всяком случае, человек в этом мире является и обманутым, и не может не быть обманщиком, по крайней мере, в отношении самого себя. Поэтому фраза от имени богов «познай самого себя» является не столько добрым советом человеку, сколько сарказмом по типу совета врачу «сначала излечись сам».

История культуры и история игры имеют разную хронологию. Игра появляется не в детских забавах и не с первобытной культуры. В жизни аборигенов, как хорошо известно из этнографических исследований, нет ни игр, ни игрушек, так же как нет разделения труда или противопоставления труда и досуга. Радостное участие детей в хозяйственной жизни взрослых является не игрой, а образом жизни. Родиной игры является совершенно другой образ жизни, при котором появляется «лишнее время» и потребность «убить время». Скука как мучительное состояние в условиях обеспеченного и безопасного существования, при котором «не знаешь, куда себя деть», обусловлена спецификой возникновения цивилизаций: типом поселения, сословной организацией, системой ценностей. Культура первых цивилизаций концентрировалась в замкнутом пространстве «дворца», пределы которого женское население не покидало никогда. По мере того как военная дружина уходила на поиски приключений, женское население оказывалось обреченным на бесконечное ожидание в условиях стесненного пространства и вынужденного безделья. Проблема «убить время» решалась взрослыми женщинами путем искусственного создания азартных ситуаций: «прятки», «догонялки», «загадки», карты. В рамках стихийно возникшего игрового досуга, особенно в условиях гарема, сформировались сказка (волшебная), музыка (флейты) и танец (хореография поз). Никакого отношения «игры досуга» к дурачеству изначально не имели. Более того, игры взрослого игрового досуга привносились в систему детского воспитания специально для того, чтобы вытеснить дурачество (по типу щенячьих резвостей) из форм общения детей. Игра в человеческом обществе оказывается не только не старше культуры, но довольно поздним явлением, причем не первобытной культуры, а цивилизации с ее дворцовыми строениями, приключенческим образом жизни военной дружины и социальным институтом гарема. С точки зрения культургенеза игра как структурированная деятельность является ровесницей «общества знати» (Н. Элиас), роскоши, моды и младшей современницей письменности, градостроительства, зиккуратов, доместикации растений и животных, ювелирной металлургии и выплавки цветного стекла. Игра целиком вписана в культурный контекст ранних дворцовых цивилизаций с учетом всех психологических особенностей той эпохи. После распада первых цивилизаций игра оказалась достоянием «этнографического материала» и заняла прочное место в так называемых «народных культурах». Даже в условиях народной культуры игра навсегда сохраняет следы аристократического происхождения из «общества знати».

В контексте своего генезиса игра есть искусственное воспроизведение приключения в условиях замкнутого и безопасного пространства. В качестве организующего игрового элемента выступает случай. Поставить группу людей в иерархическом обществе в случайные положения уже есть приключение. Перед случаем все равны: и наложницы, и вла-

стелины, — случай демократичен и справедлив. С другой стороны, случай мистичен как гадание и выводит на религиозное общение. При приключенческом образе жизни (то есть особой форме досуга) формируется потребность встречи со случаем, чего, кстати, избегают при трудовом образе жизни. Посредством отношения к случаю игра поддерживает сословное разделение общества. При этом, с одной стороны, игра и играющие противостоят труду и трудящимся, а с другой стороны, игра освобождает играющих от жесткой социальной иерархии игроков. Ощущение свободы в игре, которое так ценил Ф. Шиллер и отмечают все, кто берется писать об игре, имеет своей подосновой деспотическую организацию общества. В игре возникает не свобода вообще, а свобода от подспудной деспотии труда и иерархически организованной власти. В игре, ограниченной выбором «вариантов», нет «свободы для», есть только «свобода от», поэтому не стоит преувеличивать значимость свободы именно в игре. Игроки и по своей страсти, и по социальному положению есть люди не свободные. Свободные люди не нуждаются в игре, но нуждаются в приключениях, лишь иногда заменяя их игрой как суррогатом («симулякром») приключения. Типичными формами приключения свободных людей являются либо путешествия, либо рискованные формы деятельности, либо творчество. С формально-логической точки зрения приключение определяется через досуг, а игра через приключение. Образно говоря, игра есть женский (домашний) вариант приключения, а приключение, в свою очередь, есть мужской вариант игры: с дорогой, непредвиденными случайностями и готовностью к добровольной встрече со смертельной опасностью.

В содержательном плане игра связывает между собой две крайности — дурачество и творчество. Дурачество в культуре достаточно оформлено, например, в условиях «праздника дураков», в элементах карнавала, в ярмарочных балаганах, в пирушках, в юродстве, в содержании шутов. В триаде дурачество-игра-творчество возможны взаимопереходы, но это не означает, что они совершаются в пределах игры. Все члены этой триады суверенны и независимы друг от друга. В дурачестве можно найти игру, и в творчестве можно найти дурачество, но тем не менее они не должны смешиваться друг с другом — они по понятию разные. Типичным историческим примером взаимопереходов в пределах указанной триады может служить история дионисизма в Древней Греции. Дионисизм возникает как дурачество на основе заимствования от чужеземных культур, затем переходит в игровые формы поведения посредством синкретизма с олимпийской мифологией и, наконец, достигает стадии творчества по мере развития театрального искусства. Римляне, заимствовав дионисизм у греков, обратили его в дурачество в форме различных частных и городских вакханалий, выдаваемых за праздники. Особенность трактата Й. Хейзинги, которая достойна резкой критики, состоит в том, что автор трактата «Человек играющий» методично смешивал совершенно различные понятия в целях утверждения своего тезиса об универсальности игры, чем в открытую мифологизировал реальность. Хейзинга создал миф об универсальности игры, и этот миф не шел и не идет на пользу человечеству.

В концепции голландца игра противостоит серьезному, причем серьезное трактуется как отсутствие игры. «Если теперь, отвлекаясь от языковедческого подхода, — пишет Хейзинга, — внимательнее всмотреться в дизъюнкцию «игра-серьезное», то можно заметить, что ее элементы неравноценны. „Игра“ в этой паре есть положительный термин, а „серьезное“ — негативный... „Серьезное“ есть „не-игра“, и ничего более» [Хейзинга 1992, 59–60]. В своем трактате Хейзинга многократно повторяет мысль о том, что понятия игры и серьезного столь глобальны и заоблачны, что их невозможно определить, невозможно определить границы их взаимоотношений. Если не идти на поводу мистификации игры у Хейзинги, то надо признать, что серьезное противостоит отнюдь не игре, а только дурачеству (в различных его формах). Что же касается

противоположности игре, а не дурачеству, то исходить следует из того, что игра появляется в культуре через досуг, а досуг противопоставляется труду как трате собственной телесности в обмен на сохранение жизни. Соответственно, игра в противоположность труду предстает как деятельность, в которой телесность в ее физиологии и энергетике или не умалется, или восстанавливается, или возрастает (психологи этому факту придают особое значение). Но компенсаторное значение игры отнюдь не специфическая особенность именно игры, это общая черта любой здоровой досуговой деятельности, включая добровольную учебу, творчество, спорт, праздники. Общим в этих видах деятельности является не игра, к чему бесконечно склоняет Й. Хейзинга, а досуг. Хейзинга в собственных интересах мифологизации игры переворачивает отношения игры и досуга таким образом, что досуг во всех его вариантах оказывается априори видом игры, поскольку в противном случае игра теряет универсальное, природно-космическое, значение. По той же причине Хейзинга считает оппозицию «игра — труд» частным, «специальным аспектом»: «Игре, с нашей точки зрения, противопоставит „серьезное“, а также, в более специальном аспекте, труд...» [Хейзинга 1992, 58]. В концепции Хейзинги нет исторического понимания досуга и приключения — они априори включаются в понятие игры, поскольку «игра старше культуры». В таком случае «труд» исключается из человеческой феноменологии игры, и образ игры переводится в царство зверей и пернатых. При историческом подходе, без априорных тезисов, игра не определяется вне оппозиции труда и досуга, причем досуга, закрепленного сословной организацией общества. В оппозиции труда и досуга особое место занимает ситуация «безделья», которая является не столько досугом, сколько тем же трудом в состоянии отсутствия работы. В «безделье» человек не покидает стихию труда, но только обращает труд в ноль, оставаясь собственным сознанием под гнетом «нулевого труда». Аристократическое общество по своей природе деятельно, так что на упрек в «безделье» Екатерина II ответила: «Жить в обществе — не значит ничего не делать».

По отношению к телесности не все формы досуговой деятельности ведут себя одинаково, есть специфика и у игры. Физкультурная пробежка на дистанцию марафона или зубрежка в свободное время иностранного языка довольно далеко отстоят от игры. Игра требует встречи со случаем, игра сужает объем понятия досуга до объема приключения. В арабских языках случай обозначался тем словом, от которого произошло слово «азарт». Азарт как аффективная реакция психики продуцируется предуготовленными случайностями игры, будут ли это футбольный гол или шахматный пат. Азарт возможен и в других видах досуга и приключения, но в игре он доведен до самозабвения, при котором время теряет длительность, а социальность утрачивает иерархическую организацию общества. Тем самым жизнь вне пут времени и социальности переходит из бытия-для-другого в бытие-для-себя. В аффекте игры жизнь и игра действительно мгновениями совпадают. Потребность в аффекте, реализуемая в досуговой деятельности, заложена в цивилизации и обусловлена прежде всего двумя обстоятельствами.

Во-первых, в аффекте исчезает отчуждение между телесностью и духовностью человека. В повседневной жизни человек чаще всего говорит одно, думает другое, чувствует третье, делает четвертое. Расщепленное сознание в условиях цивилизации на речь, мышление, чувственность и поступок называется «воспитанностью» и добывается средствами родительского и школьного принуждения. Обратной стороной подобного рода воспитанности оказываются неискренность, лживость и, по выражению Д. Н. Овсяннико-Куликовского, чувство «деревянности» собственного тела. Соответственно, в цивилизации должны формироваться средства компенсации расщепленного сознания и одереvenевшего тела. И действительно, в игровом азарте речь, мысль, чувство и поступок совпадают, порождая ощущение единства духа и тела, чувство целостности

человека в состоянии бодрости и жизненного порыва. Подобное состояние греки маркировали словом «энтузиазм» (от «эн-то-теос») как бытие-в-духе, как выход из камеры собственного тела наружу (аналогичным образом Аристотель сформировал слово «энтелехия»). И. Кант, следуя Аристотелю в данном случае, считал, что энтузиазм есть «идея доброго в соединении с аффектом» [Кант 1979, 111]. Игра в этом смысле как нельзя лучше подпадает под идею доброго в сочетании с аффектом, то есть является видом, подвидом, частным случаем энтузиазма.

Во-вторых, необходимость игрового азарта обусловлена тем, что в условиях цивилизации существует настоятельная потребность выходить из так называемого нормального сознания в «измененные состояния сознания», с которых, собственно, начиналась история человеческого сознания. Нормальное состояние сознания, нормальность которого весьма относительна, появилось позже и обусловлено необходимостью совершать механические телодвижения в искусственных условиях «труда» (например, при шитье, ткачестве, сверлении). Нормальное состояние сознания условно не нуждается в психотропных средствах, поскольку оно непрерывно репетируется механическими телодвижениями (одеться-раздеться, открыть-закрыть дверь и пр.). Однако досуговая деятельность требует выхода за пределы логико-механического состояния сознания; это наблюдается уже в танце. Винопитие в греческом дионисизме появилось не случайно, поскольку греки без винопития были не в состоянии перейти к досуговой деятельности даже в условиях свободного времени. Свободное время само по себе, как отмечал Аристотель, не гарантирует досуга (ограничиваясь бездельем) и нуждается в особых усилиях, например, в образовании (грамотность, гимнастика, танцы, музыка, литература).

В основе «измененных состояний сознания», исторически подготовленными транссовыми ритуалами первобытной культуры, лежит та или иная «техника экстаза» (М. Элиаде), то есть буквально «выход-из-себя». В России эта проблема была подробно изучена еще в конце XIX века Д. Н. Овсяннико-Куликовским (1853–1920). В своей публикации «Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общности»<sup>1</sup> он интересовался экстатическим воздействием речи на психику. В итоге автор пришел к выводу, что у всякого народа есть собственная норма экстатических состояний, которые он подразделил на нормальные и острые. Как только социальная норма экстатичности не выполняется, так она начинает добираться девиантными формами поведения. К обычным экстатическим состояниям автор относил язык жестов, речевые жанры, а к острым такие, как культ, праздники, искусство и т. д. Как следует из теории экстаза Овсяннико-Куликовского, игра в обществе не является обязательным элементом культуры в том случае, если социальная норма экстатических состояний исполняется другими средствами (религия, спорт, гражданская активность, творчество). В противном случае присутствие в культуре игровых форм деятельности является обязательным, а отсутствие игры чревато алкоголизмом, наркоманией, сексуальными девиациями, рукоприкладством. «Оскудение стихий экстаза нормального, вытекающего из самой сути психического воздействия, — писал русский автор теории экстаза, — вызывает страдание, неудовольствие, неудовлетворенность, скуку и заставляет прибегать к суррогатам, например, к вину» [Овсяннико-Куликовский 1883, 229].

<sup>1</sup> Трактакт Д. Н. Овсяннико-Куликовского «Опыт изучения вакхических культов...» имел настолько малый тираж, что остался полностью неизвестным общественности. Например, филолог Вяч. Иванов, защищая в 1923 году диссертацию о дионисизме, не знал об этой работе. Мной эта работа была обнаружена в специальном хранилище Российской публичной библиотеки в Москве при подготовке докторской диссертации на тему «Экстаз как феномен культуры: философский анализ „трансцендентального субъекта“» (Тюмень, 1996), в которой взглядам Д. Н. Овсяннико-Куликовского посвящена специальная глава.

Социальная роль игры и ее место в культуре полностью определяются в отношении игры к экстазу, к нормам экстатичности в разных культурах. В работах Й. Хейзинги нет и намек на эту тему. В трактате «Человек играющий» автор связал игру и со спортом, и с политикой, и с животными — единственный момент, пропущенный голландским культурологом, это связь игры и экстаза. Между тем без отношения игры к формам экстатичности понимание игры в искусстве останется более чем проблематичным. В свою очередь, и игра по-разному обнаруживает себя в различных видах деятельности. Однако при всех различиях у игры есть общая функция — подготовка экстатичности, феноменология которой наиболее ярко проявляется в самозабвении и вдохновенности. Игровое состояние сознания является промежуточным звеном между нормальным и измененным состоянием сознания, востребованным, например, как для музыки или театра, так и для боя или изобретения. В силу промежуточного состояния между состояниями сознания — нормальным и измененным — игра выступает модальностью деятельности, но не самой деятельностью. Боги в греческой олимпийской религии всегда пребывали в игровом состоянии сознания. Именно по этой причине никаких особых игр богам не требовалось: они все превращали в игру, как в золото царя Мидаса.

При анализе видов искусства уже в силу лингвистических причин возникает вопрос об их «игровой природе». Конечно, пианист не играет на инструменте, а исполняет произведение, равно как артист не играет роль, а исполняет ее. Язык, во всяком случае, прав в том, что пианист переводит себя и публику в игровое состояние сознания. То же делает артист или танцовщица. Танец может быть игрой, может не быть игрой. Сам по себе танец не есть игра, поскольку игра не является какой-либо деятельностью (а является видом модальности). Искать игру в танце аналогично поискам сознания человека в его мозге. В танце нет игры как некоей натуральной «деятельности», но в танце есть максимальные возможности переводить себя и публику в игровое состояние сознания, без которого, собственно, увидеть в танце танец просто невозможно. Герменевтика танца состоит в том, что танец уже своими костюмами и исходными позами формирует игровое состояние сознания, после чего игровому сознанию подчиняются все телодвижения. Значительная доля игривости танца обусловлена костюмом, причем многие танцы настолько связаны с костюмом, обувью, платками и шляпами, что без них танец оказывается невозможным. Искусство танца держится не только на технике танца, но и на степени формирования игрового состояния сознания. Не случайно на балетных спектаклях всегда находятся скучающие зрители, для которых балетные па артистов не воспринимаются игрой, тем более игрой рук или ног. Без игрового настроения невозможно увидеть, как балерина «то стан совет, то разовьет, и быстрой ножкой ножку бьет» (А. Пушкин), а, к примеру, не дурачится.

Вопрос о связи танца с игрой с философской точки зрения является самым провокационным в теории игры по причине навязчивой самоочевидности этой связи. Танец есть искусство, но не все в искусстве сводится к игре. Для того чтобы выразить связь танца и игры, надо предварительно ответить на три вопроса: Что есть искусство? Что есть игра? Что есть танец? Й. Хейзинга не отвечает на эти вопросы, он их даже не ставит. В трактате Хейзинги игра вводится в рассмотрение посредством резвящихся щенков [Хейзинга 1992, 9–10], образ которых закрепляется брачными танцами птиц [Хейзинга 1992, 62], а впоследствии танец определяется через игру, то есть те же брачные танцы петухов и павлинов (токующих тетеревов, если говорить по тексту). И все, образами резвящихся щенков и танцующих птиц понимание игры и танца заявленными «средствами культурологического мышления» в концепции Хейзинги исчерпывается, и только указательный палец автора продолжает блуждать по миру в поисках аналогий. Насколько мышление игры у Хейзинги привязано к красочным картинкам из жизни птиц и зверьков, может свидетельствовать отношение к шахматам: «...шахматы за-

хватывают окружающих, хотя это занятие остается бесплодным в отношении культуры и, кроме того, не содержит в себе видимых признаков красоты» [Хейзинга 1992, 63]. Автор этого высказывания, очевидно, не видит в шахматах игру позиций, аналогичную игре поз в хореографии. В шахматах нет дурачества, без которого в хейзинговской теории игры концы не сходятся с концами. По той же причине Й. Хейзинга никогда не обращается со своим видением игры к математикам, у которых сложилось свое видение игры еще двести или более лет тому назад. Математики аппроксимируют игровое состояние сознания, интуитивно им присущее, на систему отношений, комбинаций, вариаций, вероятностей и ожиданий. Очевидно, что материальная, деятельностная составляющая игры и танца вполне соответствует представлениям математиков об игре. Между тем существует герменевтический разрыв между игровым состоянием сознания и соответствующей ему деятельностью: на этом основаны «Черный квадрат» в живописи К. Малевича и «Четыре минуты тридцать три секунды для любых инструментов» в музыке Дж. Кейджа. В творчестве этих художников акцент сделан на игровое состояние сознания при обращении деятельной, предметной стороны произведения в ничто.

Культурный генезис танца представляет собой крайне непростой процесс. Танец, например, легко увязать с архаичными ритуалами, но это будет ошибкой. Ритуал не является искусством по той причине, что в нем нет ни публики, ни личности (актера, автора); назначение ритуала состоит в организации определенного состояния сознания, приуроченного, как правило, к определенным видам деятельности (промысла, войны, брака, лечения). По телодвижениям самим по себе невозможно определить, представляют ли они собой ритуал, дурачество или искусство. Если речь идет об искусстве, то обязательно должен присутствовать момент управления публикой в интересах танцующих (или постановщика танцев). В гаремах искус танца состоял в том, чтобы управлять вниманием властелина на пользу себе: выделиться, очаровать, привязать к себе, склонить на свою сторону, в конечном счете повелевать повелителем. О дурачестве или свободе в условиях гарема не могло идти и речи — танец возник как точный творческий расчет. Изначально в танце, в отличие от ритуалов, полностью отсутствовал момент неистовства. Игра танца имела место, но состояла лишь в том, что танец презентовался в форме, скрывавшей сам танец: например, под видом игры в мяч или подбрасывания вверх шелкового платка. Занятие имело спортивный характер, но позы в изгибах женских тел меняли состояние сознания вооруженных мужчин, взгляд которых знал цену позы на примере поединков. Искусство танца возникло в условиях куртуазной культуры, как бытие-под-взглядом и как «мягкая сила». Именно эти условия сформировали то явление, которое позднее будет известно в образе «искусства». В архетипе искусства изначально есть обман, есть приключение, есть власть, но практически нет игры. Игра появится лишь после того, как возникнет рефлексия в понимании искусства, когда танец из творческого угадывания того, какими средствами повлиять на властелина, превратится в сознательный процесс воздействия с гарантированными последствиями. Игра выводит искусство из рискованной зоны творчества в границы гарантированной манипуляции сознанием. Соответственно, танец, возникнув как искусство в рискованной зоне творчества (под взглядом властелина), опускается до игры по стандартным правилам, так что искусство хореографа состоит уже в том, чтобы покинуть сферу игры переходом в приключение с его рисками и творческим поиском «мягкой силы». В искусстве танца игровые моменты остаются, исполняя служебную роль в формировании игрового состояния сознания (то есть подготовительного, переводящего нормальное сознание в аффективно-окрашенное в соответствии с некоей «идеей доброго»). Творческая составляющая танца представлена не игрой, не виртуозностью телодвижений (эта составляющая неизменно тяготеет к спорту или



цирковой акробатике), а выразительностью поз (пауз телодвижений на пике их выразительности) и властью над публикой и «общественным сознанием».

Й. Хейзинга утверждает, что в трактате «Человек играющий» танцу вообще не стоит отводить никакого места, поскольку «взаимосвязь танца и игры не составляет проблемы» [Хейзинга 1992, 187]. «...Танец есть сама Игра, более того, представляет собой одну из самых совершенных форм игры» [Хейзинга 1992, 186]. Тавтология по поводу того, что танец есть игра, а игра есть танец, не позволяет Й. Хейзинге анализировать не только танец, но и музыку. Голландскому культурологу не удастся даже начать свой разговор о музыке, ограничившись популярным пересказом Платона. Для придания величия бессодержательному разговору о музыке Й. Хейзинга просто пишет слова «игра» и «танец» с «большой буквы».

Микроскопические разделы трактата «Человек играющий», посвященные танцу и музыке, явно дают понять, что серьезная критика концепции Й. Хейзинги просто неуместна. Трактат Й. Хейзинги не имеет отношения ни к философии, ни к культурологии, ни к науке вообще. Это блестящий образец классической риторики, посвященной хвалебной речи Игре. Так писал Горгий в «Похвале Елене», Цицерон «В защиту Марка Целия Руфа», Лукиан в «Похвале родине», Эразм Роттердамский в «Похвале Глупости». В классической риторике речи «за» и «против» не пишутся в жанре диалога, раздумий, сомнений. Патетика речи искусственно подогревается абсолютной уверенностью в своей правоте, без тени сомнения — такова техника организации речи в риторических произведениях. Если бы Й. Хейзинга в качестве названия своему трактату взял фразу «Похвальное слово Игре», то степень мистификации с его стороны снизилась бы до уместных — литературных — пределов. Однако Й. Хейзинга претендовал, причем без достаточных оснований, на большее, и это стало реальностью на многие десятилетия благодаря странной любви образованной публики к авторитетным мистификациям в форме «воли к власти», «экзистенции», «методологии науки», «общественно-экономических формаций», призванным проложить новый путь человечества к светлому будущему. Поэтому не исключено, что и Й. Хейзинга мистифицировал игру из благородных побуждений: как путь человечества к новому образу жизни. Однако в реальности «массовой культуры» «воля к игре» и интенция к «игровой общественной формации» обернулись игровым сбросом «десяти заповедей», снятием серьезных табу с сексуальности, мошенничеством в демократии и декадансом в искусстве. Театр все-таки стал господином над искусством, а театр абсурда стал господином над современной европейской цивилизацией, — и произошло это не без мистификации игры со стороны Й. Хейзинги.

## Литература

Апинян Т. А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. СПб.: СПбГУ, 2003.

Гегель Г. Работы разных лет. Т. 1. М.: Мысль, 1972.

Кант И. Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1979.

Костецкий В. В. Метафизика игры: от представления к понятию // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб., 2002, № 2. С. 22—35.

Кривко-Апинян Т. А. Мир игры. СПб.: СПбГУ, 1992.

Овсяннико-Куликовский Д. Н. Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общественности. Ч. 1. Одесса, 1883.

Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс-академия, 1992.



---

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

---

Вера ХАРЧЕНКО

## ЧТЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ ГЕНИАЛЬНОСТИ

Мы живем в эпоху многочисленных юбилеев. Прошедший год ознаменован (давайте вспомним!) памятными датами. Это Пушкин — 220 лет со дня рождения, Кольцов — 210 лет, Ахматова — 130 лет, Олеша — 125 лет, Набоков — 120 лет, Платонов — 120 лет, Солженицын — 100 лет. А наступивший год, 2020-й, тоже обещает нам не менее разветвленное и интересное юбилейное изучение-исследование наших патриархов. Здесь Грибоедов и Чехов, Пастернак и Баратынский, Куприн и Есенин, Бунин, Белый, Блок, Фет. И конечно же, год обещает быть увлекательным далеко не только по этим именам. Россия — страна высочайшей культуры, и в юбилейные годы это особенно хорошо просматривается. А мы поставим вопрос несколько в иной плоскости: что высвечивается при взгляде на юбиляров независимо от их вклада в литературу и культуру своей страны? Впрочем, «высвечивается» — напрасно мы так написали, потому что это как раз и не высвечивается, почему и возникла идея данной статьи.

Все писатели (и поэты, конечно же, и ученые!) много читали, точнее сказать: читали очень много. «Когда такой же начинающий человек, булочник Горький стал писать, то он уже успел перевернуть в себя целую библиотеку. Он уже был в состоянии книжного запоя. Писателя формируют либо жизнь + книги, либо только книги, но никогда только жизнь без книг. Из последних — чудачки, которые, может быть, украшают жизнь, но не литературу», — пишет Людмила Улицкая в книге «Священный мусор».

---

Вера Константиновна Харченко родилась в Калинин (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета. Автор более 600 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). Живет в Белгороде.

Нет-нет, фраза: тот или иной автор много читал, конечно же, встречается в биографиях великих людей, но для нас сейчас важнее на этой фразе не ставить точку. Мы тоже будто бы много читаем, однако...

Разделим изложение на маленькие параграфы.

Начнем с наименее исследованного: **описание библиотеки писателя**. О да, здесь наблюдается существенное белое пятно. Перечислять все книги ску-учно, тем более если еще анализировать не сразу заметный вклад их в развитие будущего гения. Конечно, здесь есть исключения: это статья В. А. Мануйлова «Пушкин и книга», в которой подчеркивается, что поэт так много читал, что в конце жизни немало времени тратил на перечитывание ранее изученного<sup>1</sup>. А до и после Пушкина? Из многочисленных биографий, почерпнутых в последнее время, остановимся на жизнеописании Якова Бруса — это правая рука Петра Первого, человека, знавшего все и вся. Откроем работу Александра Филимонова «Яков Брус»<sup>2</sup>. Страницы с 312-й по 327-ю (пятнадцать страниц!) посвящены подробному описанию библиотеки, которая содержала 1579 томов по двадцати научным дисциплинам на четырнадцать языках. Приводятся названия по различным темам, подчеркнута (это важно!), что почти нет случайных книг. Яков Брус был настоящий ученый, специалист по математике и фортификации, архитектуре и... (далее со всеми остановками!): это первый российский профессиональный астроном, а еще инженер, географ, артиллерист, ботаник, метеоролог. А еще он руководил всем книгопечатанием того времени, организовывал преподавание артиллерийского дела, расплачивал послепожарную Москву, собирал коллекции, создал дивную библиотеку из 1500 томов, фактически разработал Табель о рангах. И воевал дольше самого Петра<sup>3</sup>. И про него подробно можно и не писать, коль скоро есть информация о книгах в его личной библиотеке. Мы не знали об этом человеке практически ничего, поскольку с 1810—1820 годов его имя обросло эзотерическими легендами. Ах, это эзотерик, колдун, чернокнижник, ату его! Но, повторим, Петр Великий все время спрашивал мнения шотландца Якова Бруса и никогда не пренебрегал его советами.

Речь идет, подчеркнем, не об отдельных книгах, а в сознании будущего светила науки или литературы — о целых библиотеках.

По словам Бунина, его детские воспоминания были связаны с Пушкиным, стихи которого в доме читали вслух все: и родители, и братья. А наставник Бунина, Николай Осипович Ромашков, пристрастил будущего писателя к чтению. Когда Ивана Бунина впоследствии забрали из гимназии, то его брат Юлий составил список книг, которые мальчик должен был внимательно прочесть, что и утвердило потом окончательно жизненную стратегию будущего писателя. Это не две-три-четыре книги — это целая библиотека классики.

В. Набоков считал, что настоящая его биография — это библиография. Но здесь есть одна трудность: интересно описать чужое чтение — это особо трудное искусство. Не каждый автор книги серии ЖЗЛ решится на это. Одни книги нужно процитировать, другие просто упомянуть и не жалеть времени на это, не жалеть усилий.

В это совокупное чтение естественно вплетались **иностранные языки**.

Вернемся к Бунину. Домашнее образование включало обучение языкам, при этом особое внимание уделялось латыни. В числе первых книг, прочитанных Буниным самостоятельно, были сборник английской поэзии и гомеровская «Одиссея». Латынь? Мертвый язык? Но... «Мертвый язык воздействует иначе. Не противореча живому языку, он дарует ему обоснования и корни. Он подтверждает живой язык, указывая на его про-

<sup>1</sup> Мануйлов В. А. Пушкин и книга // Звезда, 1975, № 6. С. 205.

<sup>2</sup> Филимонов А. Яков Брус. — М.: Молодая гвардия, 2013.

<sup>3</sup> Съянова Е. Русский Фауст // Знание — сила, 2014, № 7. С. 97—102.

исхождение, открывая его исток. Тем самым он ставит предел произвольности и, заменяя онтологически, так желанное детству обоснование слова историческим, научно подтвержденным, смягчает испуг разума. Язык становится скромнее: он отнюдь не все, а кое-что, подступ, этапы и основания которого могут быть открыты и подтверждены. Человеческий, только человеческий, и потому более достоверный»<sup>4</sup>.

Откроем воспоминания Анастасии Цветаевой: «Немецкие слова die Öde, die Wüste, unheimlich, sonderbar, wundervoll, die Höhe, die Tiefe, der Glockenklang, Weihnachten (глушь, пустыня, таинственно-жутко, чудесно, высота, глубина, звук колокола, Рождество), и сколько еще их было с французскими splendeur, écat, ténèbrts, naufrage, majestueux, jadis, le rêve (великолепный, блеск, мгла, кораблекрушение, торжественный, когда-то, сновидение), и все, чем наполнена первая же книга, дарили двойной смысл тому, что старшие звали... „изучением языка“. На том „языке“ (сколько их впереди еще было! Родители знали французский, немецкий, английский, итальянский, мать хотела возле него, как гитару возле рояля, — еще и испанский...) мы отплывали от учивших нас, как на корабле, и каждое из этих слов было — талисман. Так заколдованным словом Karmilahn (Кармильхаан), которое в гауфовской сказке (откуда я помню только пещеру и край гибели) — спасало звуком своих букв, кем-то произносимых, — горевшее, как темный карбункул!.. Может быть, этой органической усладой „языка“ объясняется, что я не помню трудностей „изучения“ языков? Это было просто вхождение в свой дом, где все узнавалось»<sup>5</sup>.

Приведем слова В. В. Розанова о знании иностранных языков: «Напротив, в то время „учить язык“ значило не пачкаться в его грамматике и писать „экзерсизы“, а — читать и знать литературу и науку соответствующих народов. Через это и получалось „европейское образование“ <...> уже с 14 лет невинный еще отрок или девушка входили незаметно и сами собой в весь трепет поэзии Байрона, Шиллера, Гете, позднее Вальтера Скотта и Шатобриана <...>. Это было полное претворение поэта в себя, полное претворение себя в поэта. Из этого обильного и роскошного чтения на трех-четырёх языках, чтения неторопливого, чтения наконец „художественного“ по всем условиям, по всей обстановке, выходили <...> такие чудно-образованные и всесторонне развитые люди, как Пушкин»<sup>6</sup>.

Следующий параграф, содержание которого мы уже начали излагать, — **чтение в устах близкого человека:** мамы, бабушки. Речь идет о самых ранних воспоминаниях, когда будущему писателю или ученому читали вслух, много читали, и регулярно, и, повторим, даже на иностранных языках.

На семейных вечерах в семье Достоевского в гостиной вслух читали Карамзина, Жуковского, Державина, Пушкина, Полевого, Радклиф. Позднее Федор Михайлович особенно выделял чтение отцом «Истории государства Российского».

О чтении вслух в семье откровенно писал нобелевский лауреат 1981 года Элиас Канетти. Мать академика В. А. Обручева (у нее было семь детей) каждый вечер читала своим детям. Судьба юной поэтессы Ники Турбиной сложилась трагически, но поэтическое начало заложила мать девочки, много читавшая юному созданию стихотворения Цветаевой, Блока, Ахматовой, Есенина.

Вот что вспоминает герой романа И. Грековой «Кафедра» Николай Николаевич Завалишин о своем отце, прототипом которого, кстати сказать, был отец писательницы: «В нашей семье чтение вслух было ритуалом, праздником. Годами подряд каждый ве-

<sup>4</sup> Бло Жан. Набоков. — СПб.: Русско-Балтийский информационный центр. Блиц, 2000. С. 49.

<sup>5</sup> Цветаева А. Воспоминания. Изд. 2-е. — М.: Советский писатель, 1974. С. 63—64.

<sup>6</sup> Розанов В. Историко-литературный род Киреевских // Кодры / Молдова литературная, 1991, № 4. С. 147.

чер, перед сном, когда мы, дети... лежали в своих кроватях, начиналось самое главное: приходил Пулин и читал нам вслух. Читал он великолепно, артистически, но не как профессиональный чтец (таких я терпеть не могу), а как посредник, интерпретатор, знакомящий самых своих дорогих с самым для себя дорогим. Его прекрасный, довольно низкий голос менялся, переходя от реплики к реплике. Он словно показывал нам драгоценный камень, поворачивая его разными гранями и любуясь его игрой... Чего только не услышали мы в его чтении! Всего Гоголя от „Вечеров на хуторе“ до „Мертвых душ“, включая вторую часть (читалась отрывками), после чего была нам рассказана трагическая история сожжения рукописи (до сих пор не могу забыть боли, которую тогда испытал!), Толстой „Детство“ и „Отрочество“, „Севастопольские рассказы“ и „Война и мир“. Достоевский: „Записки из мертвого дома“, „Преступление и наказание“, „Братья Карамазовы“... А Гончаров, Тургенев, Помяловский, Лесков! Всего и не сочтешь! Теперь понимаю, какой это был титанический труд: прочесть своим детям всю русскую классику! И не только русскую: были тут и Марк Твен, и Диккенс, и Гюго, и Кэптен Дойль...»

Митрополит Сурожский Антоний в своих воспоминаниях тепло писал о бабушке, так много читавшей ему, мальчику, вслух.

Нет, здесь можно собрать целую книгу о чтении в семье вслух (детей же было, как правило, не один, не два — несколько, если не сказать: много!). А литература шла — на вырост. О том, что классика обеспечивает ребенка чтением «на вырост», пишет Наталья Ростова в статье «Новая эстетика детства»: «Советское образование, на обломках которого пока еще стоит современное образование, имело очень важную черту. Оно позволяло охватить русскую и мировую литературу **в ее недетской сложности**. Оно давало знание „на вырост“. То есть сеяло зерно, которому было суждено в свое время прорасти. Детская душа нуждается в метафизических иероглифах, в которых могла бы оплотниться и организоваться субъективность. Неоформленная субъективность — это всегда поле для необратимости случая и манипулирования»<sup>7</sup>. Мы выделили про недетскую сложность не случайно: сейчас намечается скорбная тенденция, что в чтении ребенку не должно быть ничего непонятного, и многие книги остаются за бортом детского чтения. А роль родителей? А остаточное «непонятное» на вырост? А возвращение к тексту потом, перечитывание?

Но вот здесь начинается и самое интересное: что давало, что дает домашнее чтение «для себя». Параграф можно назвать: **библиотека прочитанного и зарождение стиля**.

Известно, что Федор Достоевский в детстве увлекался готическими романами Анны Радклиф с призраками, заброшенными могилами, духами, грозой. Не случайно поэтому многим памятно его слова, что нет литературы без занимательности. Не случаен поэтому и его стиль, приближающийся к увлекательному повествованию, подчеркнута нарративному.

Нам уже приходилось писать ранее, что Пушкин испытывал влияние не одного писателя, как подчеркивает это Н. Н. Скатов, Пушкин подражал многим: и Батюшкову, и Жуковскому, и Гомеру, и Байрону... Внимательно читал Хвостова и Боброва, а также других неизвестных нам теперь авторов. А Хераскова ценил и изучал с особым вниманием.

Покажем это зарождение стиля на отрывке из рассказа Луизы Акбаевой «Содовый»: «В конце августа у нас родилась дочь. Я ходила и кормила, ходила и укачивала, ходила и напевала, ходила и наводила порядок, и опять кормила, купала, укачивала, утешала

<sup>7</sup> Цит. по: Коняева Е. П. «Моя мама любит читать Пушкина и книги про овощи» // Дружба народов, 2015, № 6. С. 219.

и передевала. Родители мои были тогда далеко, муж в восемь утра уходил на работу, а мы с лялькой были вдвоем»<sup>8</sup>. Мы выделили курсивом это стилистическое средство. Повтор *ходила и...* создает ощущение особого стиля, материнско-младенческого, узнаваемого.

А вот фрагмент из другой книги: «*Ветер. Два лебедя. Последний рывок Петьки. Чистый мир. Потеря чувства реальности. Ощущение, что все, случившееся сегодня со мной, не могло произойти ни при каких обстоятельствах. И все-таки произошло...*» Это же сплошь назывные предложения, едва ли даже выражающие законченную мысль и просто с большей или меньшей степенью расплывчатости указывающие на то, что открывалось глазам — «это», «это». Простейшие фигуры языка пространства...»<sup>9</sup>. Описание природы, дикой, непознанной, тяготеет к назывным предложениям, к суровой и по-своему прекрасной констатации самого факта.

Только на основе библиотеки прочитанного можно выработать свой стиль, и этот стиль будет отличаться от любого автора из ранее изученных. Ведь мы не случайно привели списки юбиляров в начале статьи. Стиль Кольцова радикально отличается от стиля Ахматовой, а стиль Олеси не совпадает со стилем Платонова, потому что здесь важно не только, *что*, но и *как* читать.

Итак, следующий параграф — **как читать**. Здесь вступает в силу непростой закон конспектирования, конспектирования, опять же, для себя.

Василий Розанов вспоминает свои гимназические годы: «Конспектирование мое произошло через желание все схватить, все удержать и при немощи купить хотя бы одну «собственную» книгу. Книги даются только читать, но ведь я должен их помнить! Как же сделать это, когда я не могу ни удержать книги, ни купить новой такой же? Самый простой исход и был в том, чтобы, возвращая книгу в библиотеку, оставить дома у себя „все существенное“ из нее, до того существенное, что, обратившись к тетради, я как бы обращался к самой книге. Нужно заметить, что о существовании конспектов и вообще о самом методе этого отношения к читаемой книге я ничего не знал (3-й класс гимназии) и ни от кого не слышал. <...> Конечно, времени сохранялось тем больше, чем конспект был сжатее... С тем вместе конспект должен был вполне заменить книгу, ибо цель-то его была именно в замене книги»<sup>10</sup>. Далее В. Розанов вспоминает, как он с величайшей точностью, торопливостью и вниманием ухватился за Фохта. «Мне неизвестно, поступали ли так другие читающие, но это все равно, — идя другими путями, они срывали другие плоды!..»<sup>11</sup> В. Розанова называют русским Ницше, он превзошел других философов, а нас восхищает, среди прочего, его манера указывать, где, на чем или когда была записана та или иная мысль. *Жалость — в маленьком. Вот почему я люблю маленькое* (в лесу). Оказывается, так иногда писал и Ницше, помечая свои соображения. Мелочь, но мелочь знаковая.

У Пушкина была собственная книга Степана Крашенинникова о Камчатке, но Пушкин все равно эту книгу конспектировал. Почему? Современные ученые установили, что «когда мы пишем, активно работает самая важная часть мозга — префронтальная зона. Получается, что это хорошая тренировка для нее»<sup>12</sup>. Пушкин намеревался исследовать Камчатку, поэтому конспектирование было остро необходимо ему для далеко идущих целей.

<sup>8</sup> Акбаева Л. Содовый // Книга, ради которой... Книга гастрономических историй. — СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2018. С. 24.

<sup>9</sup> Голованов В. Я. Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий. — М.: Вагриус, 2002. С. 57–58.

<sup>10</sup> Москва, 1991, № 10. С. 156–157.

<sup>11</sup> Там же. С. 157.

<sup>12</sup> Ковальшима Рита. Как заставить работать мозг в любом возрасте. Японская система развития интеллекта и памяти. — СПб.: Питер, 2018. С. 51.

Мариэтта Шагинян вспоминает, что конспектирование сперва велось вслепую, «потом я научилась отличать существенное от случайного и записывать только существенное. Потом вспыхивало, утрамбованное накопленным опытом, — качественное суждение. Не только о самом тексте, о его языке, стиле, удачном и неудачном месте, верной или неверной мысли, — и конспект стал превращаться в отклик, в разговор с книгой».

Конспектирование — это не столько для учебы, конечно, сколько для себя. Очень важно: мы конспектируем то, что нам нравится. А если ничего не понравилось, полезно оставить в записях хотя бы фамилию автора и название книги.

До сих пор значимыми являются книги из личных библиотек, содержащие так называемые мартирологи, карандашные пометки на полях. Это не конспектирование, но свидетельства внимательного прочтения книги, и при возвращении к чтению эти пометки станут еще более говорящими.

**Чтение открывает нам глаза на детали**, которыми так полна жизнь. Это может быть мысль, афоризм, высказывание, речевой оборот, метафора...

При внимательнейшем чтении мы обращаем внимание на самые мелочи. Так читал Набоков. Много раз я перечитывала «Мертвые души», но никогда не замечала, какой мастер Гоголь в описании покинутого хозяином сада. Про сад у Плюшкина захотелось тут же перечитать, вникнуть в детали описания.

Читая «Кавказского пленника» Льва Толстого, я не заметила, что два русских офицера, Жилин и Костылин, находясь в плену, в яме, грязные, униженные, обращаются друг к другу на «вы» и, попав в положение зверей, не теряют человеческого достоинства. Книга Виктории Токаревой<sup>13</sup> помогла это понять.

Читаю Веру Павлову: «*Любовь бывает, когда она прибывает. / Когда она убывает, ее не бывает. / А если она в равновесии пребывает, / она убывает...*» («Вездесь»). У о. Меня есть интересное наблюдение: «*Любовь, как цветок, требует ежедневной поливки*». Вроде мысли похожие, но выражены они каждая по-своему, и каждая открывает нечто новое в будто бы давно известном.

А вот о печальном: «*Все умирают внезапно. Даже те, о которых ты знать не знаешь*». Это из Татьяны Соломатиной («Роддом, или Поздняя беременность»). Спросим себя: да неужели так? И оказывается, что, действительно, смерть всегда внезапна. А вот тоже из Татьяны Соломатиной: «*Девушка она была умная и прекрасно отдавала себе отчет о том, что отчество надо еще заслужить!*» («Девять месяцев, или Комедия женских положений»). Заслужить отчество — хорошо сказано.

Тысячи мелочей проходят мимо нас, но книги, именно книги при внимательном, неторопливом чтении позволяют нам их заметить.

**Чтение и расширение горизонта познания.** Известно, что Пушкин за границей не был, и так же хорошо известно, что он о Германии писал как житель Германии, об Испании как житель Испании и т. д. Что это как не следствие погружения в литературу тех стран?

Мы не случайно упомянули выше об ученых. Да, литературные образы далековато стоят от того, чем непосредственно занимается тот или иной специалист. Но почему тогда научный руководитель советует начинающему исследователю прочитать... Дикенса и Теккерея?

Игорь Евгеньевич Тамм каждый четверг приглашал к себе своего аспиранта, ныне известного физика Юрия Ивановича Кулакова. «Мы с ним завтракали, потом шли в его кабинет, и здесь я отчитывался за всю неделю: что я за это время сделал, о чем думал, какие книжки прочел. Кстати, читать рекомендованные им книжки следовало обяза-

<sup>13</sup> Токарева Виктория. Кругом один обман: Рассказы и очерки. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 227.

тельно. Это были и философские книги, и даже средневековые мистики, то есть далеко не только специальная литература. По молодости лет я тогда не очень понимал, зачем мне нужны хотя бы те самые мистики, и однажды солгал: сказал, что читал одну книжку, а на самом деле даже не заглянул в нее. Разоблачен я был мгновенно...»<sup>14</sup> Если бы не это чтение вширь, разве удалось бы Ю. И. Кулакову увидеть архитектонику физического знания, разглядеть изоморфизмы и симметрии, произвести синтез знания не по горизонтали, а по вертикали, обосновать идею метаморфии?

«Какую массу книг он читал! — вспоминает о Н. И. Вавилове Лидия Петровна Бреславец. — Помню, из месячной стажировки привез целый чемодан книг и, возвращая их, сказал: „Извините, что задержал, но зато все прочел“»<sup>15</sup>.

Действительно, все наши великие люди (гении) исключительно много читали, а память... (Прервем мысль ради одной весьма значимой цитаты!) Выдающийся исследователь памяти Эндель Тулвинг прославился своей теорией «ключей к воспоминаниям». По Э. Тулвингу, воспоминания извлекаются из долговременной памяти благодаря тому, что вместе с запомнившимся эпизодом или событием память хранит также «ключ» к нему в виде какого-то специфического слова или образа.

Э. Тулвинг выдвинул интригующее предположение, что память вообще является вторичным феноменом и возникла в ответ на потребность предвидеть будущее, «воображать» его. Эта идея о связи запоминания и воображения не нашла никакого подтверждения и так и осталась смелой гипотезой. Но в последнее время появился целый ряд работ, которые как будто бы такие подтверждения обнаружили. Исследования недавнего времени подтвердили, что память неразрывно связана с воображением, и эта связь реализуется в гиппокампе<sup>16</sup>.

Итак, все гении много, очень много читали, а если учесть, что память связана с воображением... Да, XXI век на дворе, но мы не все понимаем в трудном деле творческого поиска.

**Чтение как самозащита, самоустояние.** Читая, вы становитесь открытыми миру, но надо подумать и о замкнутом пространстве, о себе. Протоиерей Владислав Свешников в Духовной семинарии выступал со специальной лекцией о грехах ума и выделял девять грехов: *самость* ума или своеумие с доверием способности собственного суждения; *слабость* ума; *ложь* (самообман, не ориентированность и отсутствие безошибочных критериев); *рационализм*; *идеологизм* или доверие массовым идеологическим движениям; *не искаание истины* с довольством пустыми приобретениями; *сон разума*; *ложные философии* как системы; *бессистемность* ума<sup>17</sup>.

Приведем отрывок из интервью Арины Абросимовой с Захаром Прилепиным: Россия многолика, и каждый из «ликов», вне зависимости от времени, считает свою линию генеральной, а все остальное отмечает как необязательное... На что Захар Прилепин отвечает: «Я как раз не отмечаю, готов все принять: и монархическую Россию, и белую, и красную. Мне кажется, приятие этого разноцветья и есть залог нашего процветания и движения. Но чаще практически все говорят: вот вы это сделали — и уходите отсюда, чтобы вас больше не было, а кто не отрекся от этой химеры, тот больше не с нами...»<sup>18</sup> Какая глубокая мысль и насколько же она современна! Что это как не сопротивление идеологизму, альтернатива доверию к массовым идеологическим движениям? Это публицистический посыл, а художественный? У меня на столе свежая книга Гузель Яхи-

<sup>14</sup> Знание — сила, 1991, № 12. С. 62.

<sup>15</sup> Поповский М. Дело академика Вавилова. — М.: Книга, 1991. С. 61.

<sup>16</sup> Нудельман Рафаил. Воображение и память // Знание — сила, 2007, № 6. С. 16—17.

<sup>17</sup> Знание — сила, 1991, № 7. С. 83

<sup>18</sup> Прилепин Захар. «Идеалы — это не дар, это труд...» // Русский мир, 2018, № 4. С. 25.



ной «Дети мои», в которой сопротивление идеологизму прекрасно показано на примере «немого» Баха, защищавшего девочку Анче от нашествия *большого мира*<sup>19</sup>, но в итоге... Впрочем, почитайте сами.

Получается удивительная диалектика: чтение и расширяет горизонты охвата, и суживает их, делая более своими, человечьими.

Скажем теперь то, с чего следовало бы начать статью. «...На чтение книг в стране среднестатистический гражданин тратит не более 9 минут в день, а молодежь и того меньше — таковы результаты конкурса „Литературный флагман России“. В этом конкурсе исследовались 80 регионов, и самыми читающими оказались Новочеркасск, Пенза, Ставрополь»<sup>20</sup>. Учитель-словесник Е. П. Коняева провела анкетирование среди учащихся трех школ Белгорода. Респонденты пятых и девярых классов должны были ответить на вопрос «Что читает моя мама?». Результаты экспресс-мониторинга были опубликованы в центральной печати в статье под выразительным заголовком «Моя мама любит читать Пушкина и книги про овощи»<sup>21</sup>. Элиас Канетти писал: «Если он долго не читает, дырочки в сети его разума расширяются, и все пролетает насквозь, и всего этого, кроме самого грубого, как не бывало. Именно прочитанное служит ему для улавливания собственных впечатлений и чувств, а нет прочитанного — и пережитого нет»<sup>22</sup>.

Чтение нужно для выработки телеологической, пассионарной компоненты личности: с кого брать пример? Судьбы писателей, ученых, известных людей, даже династий — все это обладает свойствами зажигания личности: огонь от огня. Чтение нужно и для такой значимой цели, как формирование фелицитарной философии личности, или философии счастья, о чем замечательно написал К. Г. Фрумкин в своей статье «Политическая экономия счастья. Футурологический этюд»<sup>23</sup>.

Книги уходят... Да, но речь идет у нас об отдельной личности, о ее развитии, о попытках сопротивления интенсивному, если не сказать, агрессивному настоящему, речь идет о современном Дон Кихоте, воюющем с телевизором, компьютером, смартфоном (и что там еще впереди?), но в итоге побеждающем — способном победить эти влияния.

<sup>19</sup> Яхина Гузель. Дети мои. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 493.

<sup>20</sup> Читать надо больше // Русский мир, 2015. № 10. С. 3.

<sup>21</sup> Коняева Е. П. «Моя мама любит читать Пушкина и книги про овощи» // Дружба народов, 2015, № 6. С. 217–236.

<sup>22</sup> Канетти Элиас. Человек нашего столетия. Художественная публицистика. Перевод с нем. — М.: Прогресс, 1990. С. 269.

<sup>23</sup> Фрумкин К. Г. Политическая экономия счастья. Футурологический этюд // Знамя, 2011, № 11. С. 204–214. Фрумкин К. Г. Политическая экономия счастья. Футурологический этюд // Знамя, 2011, № 11. С. 204–214.

Альберт ИЗМАЙЛОВ

## СЛОВО ВАЛЕНТИНА ПИКУЛЯ

Три десятилетия назад ушел из жизни замечательный русский писатель Валентин Саввич Пикуль (1928–1990). Но остались его книги на русском и иностранных языках, суммарным тиражом более полмиллиарда экземпляров. Остался его богатейший архив.

Как надо любить своих литературных героев, чтобы писать о них как о живых. Да, они живут на страницах его книг: врач Илья Мамонтов, князь Борис Голицын, генерал Михаил Драгомиров...

В жизни каждой книги случайность порой определяет ее судьбу.

В городской библиотеке финского города Лахти на книжной полке русскоязычных книг я увидел книгу Валентина Пикуля «Миниатюры. Исторические новеллы». Рядом стояли русскоязычные тексты новелл финских писателей Юхани Ахо, Майю Лассила, Пентти Хаанпяя, Вейко Хуовинена...

Валентин Саввич в юности изучал финский язык, любил Финляндию, ее историю, финский народ.

Вейко Хуовинен, ровесник Валентина Пикуля, когда писал о войне («Трубка мира»), то становился сатириком, обличая милитаристские цели.

Валентин Пикуль после окончания школы юнг на эскадренном миноносце «Грозный» Северного флота воевал против немецких подводных лодок, конвоировал англо-американские караваны, доставлявшие грузы по «ленд-лизу». В 1945-м на борту миноносца «Грозный» участвовал в параде Победы на рейде Мурманска. Написал немало книг и новелл о войне, о русской истории.

«Писание миниатюр, — отмечал Пикуль, — процесс утомительный, берущий много времени и немало кропотливого труда. Так, например, миниатюру о художнике Иване Мясоедове в 15 машинописных страниц я писал 15 лет...».

Валентин Саввич создал новеллы о судьбе Карла XII после Полтавского сражения, о легендарном греческом борце за свободу и честь своего народа Ламбро Качиони, о Венере с острова Милоса, об освободителе финского народа от шведов русском майоре Якове Петровиче Кульневе, портрет которого хранится в Военной галерее 1812 года в Эрмитаже, о создателе флота США Поле Джонсе, которому чин адмирала вручили в России, когда он по приглашению российского вице-канцлера дал согласие посту-

---

Альберт Федорович Измайлов родился в Ленинграде в 1937 году, житель блокадного Ленинграда, кандидат филологических наук.

пить на русскую службу. В чине контр-адмирала с именем, писавшимся по-русски «Павел Жонес», он, командуя русской эскадрой, громил на Черном море турок, сражался на Кинбурнской косе рука об руку с Суворовым против турок.

В литературных портретах его исторических личностей, отраженных событиях и суждениях не приходится сомневаться. Рецензентами его книг были известные ученые, доктора исторических, филологических наук.

Он был благодарен друзьям, в письмах которых видел дружескую критику отдельных исторических эпизодов из его книг. Однако когда эти книги вновь и вновь переиздавались, его друзья не находили исправлений тех исторических эпизодов, на которые они указывали автору.

Пикуль не любил возвращаться к написанному, уже изданному. Не хотел тратить на это время. Полагал, что, пройдя первый раз цензурные, редакторские, корректорские барьеры, текст не нуждается в исправлениях.

Валентин Саввич почти не читал опубликованных критических выпадов. Все удары критики принимала на себя его супруга, которая не все пересказывала мужу, оберегая его нелегкий творческий труд.

Настоящий писатель, утверждал Валентин Саввич, не пишет карандашом, только пером. И он писал литературную историю Отечества своим художественным пером «рондо».

\* \* \*

В свое время, как писал Пикуль в одной миниатюре, послом прусских королей в Петербурге служил Отто Бисмарк фон Шенхаузен. Русскому языку его учил студент-юрист Алексеев. Нередко они говорили на политические темы. И Бисмарк отмечал: «Россия будет иметь великое будущее, а народ ее велик сам по себе...»

При канцлере Александре Михайловиче Горчакове Россия стала усиливаться. Александр Михайлович помнил слова своего друга-лицеиста Александра Сергеевича Пушкина о радости, славе, любви.

Бисмарк учился политической дипломатии у Горчакова.

В то время когда Пруссия была родиной матери русского императора Александра II, она могла делать на европейском политическом театре все, что ей вздумается. Но только при одном условии: при нейтралитете России.

В 1862 году Бисмарк покинул Петербург и был направлен послом Пруссии в Париж. Вернувшись в Берлин, став президентом, Бисмарк принялся вершить дела железом и кровью. Он разбил армию Дании, отняв у нее часть территории.

Горчаков не стал заключать военный союз с Пруссией, но и не стал мешать ей конфликтовать с Францией.

Горчаков знал, что Пруссия желает ослабить Австрию, Францию, Россию. И когда прусская армия вошла в Париж, Бисмарк короновал Вильгельма I в зеркальном зале Версаля.

Горчаков решил, что исторический момент наступил. Россия отказалась от соблюдения Парижского трактата 1856 года о том, что Черное море объявлено нейтральным. После заявления Горчакова возмущенные послы Англии и Австрии явились к нему, но российский канцлер твердо заявил, что Россия стояла и будет в веках стоять на Черном море. Бисмарку Горчаков твердо заявил: нам, русским, нужна сильная Франция.

Но Бисмарк ковал коварный план войны на два фронта: против Франции и России. И переговоры железных канцлеров Горчакова и Бисмарка в результате настойчивости и гибкости Горчакова предотвратили войну в 1875 году.

Но Бисмарк понял, что Россия «всегда будет камнем преткновения на путях германской агрессии». Позже Бисмарк предупреждал горячих на голову депутатов рейх-

стага: не забывайте, что у Германии бьется одно сердце — Берлин, у русских их два — Москва и Петербург.

\* \* \*

У Валентина Саввича есть удивительная миниатюра о замечательном человеке — Михаиле Константиновиче Сидорове, романтике, дельце, патриоте. Он открыл богатства Сибири, золото, графит и давнюю русскую мечту — Великий Северный морской путь, коим ходить можно в Европу.

Сидоров организовал выращивание в зоне мерзлоты огурцов севернее Туруханска, экспонировал эту сельхозпродукцию на Всемирной выставке в Лондоне, а в своей обширной петербургской квартире демонстрировал дары Севера: жемчуг и серебро, графит и меха, нефть и сланцы, асбест и хрусталь, известняки и каменный уголь.

Сидоров утверждал: «Россия развернута своим „фасадом“ прямо в Арктику... Там ее будущее». И шхуны Сидорова шли через льды Карского моря.

Валентин Пикуль цитировал слова Сидорова: «Уважение к нашим морякам до того было велико... что даже дамы, являвшиеся для осмотра шхуны, награждали капитана своими фотографическими карточками и букетами и писал ему стихи о победе, совершенной над грозной стихией».

Сидоров вел разведку на реке Ухте в поисках нефти. И он нашел нефть. И первая скважина на Ухте была названа «Сидоровской».

И герой миниатюры, и сам автор одинаково мыслили и говорили: «Я не встречал ни в ком сочувствия к своей мысли, на меня смотрели как на фантазера, который жертвует всем своей несбыточной мечте. Трудна была борьба с общим мнением, но в этой борьбе меня воодушевляла мысль, что если я достигну цели, то мои труды и жертвования оценит потомство».

Велик был человек мечтами и делами.

\* \* \*

Привкус эпохи ощутим в строках Пикуля о выставке книгопечатного искусства в Лейпциге 1914 года.

Первые писатели мира писали свой рассказ об охоте, вырубая на скале сцены охоты.

И если покопаться в архивной пыли, пересмотреть сотни заметок, статей, портретов, то проявится некий образ человека, первого на Руси печатника книг — Николая Еремеевича Струйского. Владельца усадьбы и земель в Инсарском уезде Пензенской губернии, графомана и строчкогона, автора элегий, од, эротид, эпиграмм, эпиграмм, владельца крепостной типографии. Издания Рузаевской типографии соперничали с лучшими голландскими работами.

В настоящее время уникальных печатных книг Рузаевской типографии почти не найти: все они вывезены, проданы, перепроданы. За их внешним броским видом скрывалось бездарное содержание.

Национальные самобытные таланты есть повсюду, надо быть только внимательным и чутко слышать голос времени.

\* \* \*

В Вене разведчику можно узнать все, если действовать через женщин.

Эту предысторию Пикуль раскрыл в детективной событийной миниатюре «Выстрел в отеле „Кломзер“». В ней рассказывается о работе разведки российского Генштаба в канун Первой мировой войны.

Завербованный русской разведкой офицер, некий «В», вел в Вене разгульную жизнь, на которую слеталась порочная и продажная публика.

Однажды в своем гостиничном номере господин «В» застал представителя учреждения, что «под аркою» Главного штаба на Дворцовой площади. Представителя интересовала личность некоего майора Альфреда Рэдля.

Господин «В» рассказал петербургскому гостю все, что знал, отметил, что Рэдль руководит агентурным бюро при австрийском генштабе и работает против России.

Вскоре русского разведчика под псевдонимом «В» сменил другой — полковник Марченко, который опутал Рэдля долгами, затем завербовал. Это было в 1902 году. Однако Рэдль работал и на Германию, и на Россию. Генштабисты Вены и Берлина изучали российскую армию.

И когда Рэдль провалился в 1913 году, об этом узнали почти все европейские газеты, сообщившие, что Россия имела своего агента в самом центре немецкого гнезда.

\* \* \*

В одной новелле Пикуля изложена история о загадочной полярной империи где-то за островами Новой Земли, где зимовал Виллем Баренц. Но если пробиться сквозь льды, то откроется земля вечной весны.

Об этой таинственной земле рассказывал итальянский картограф и мореплаватель Себастьян Кабот в 1553 году.

Три корабля сэра Уиллоби ушли с Темзы на поиски этой загадочной полярной империи. Два корабля с мертвецами обнаружили в 1554 году у берегов Мурмана местные поморы.

И только третий корабль «Бонавентуре» («Добрая удача») с рваными парусами продолжал идти на север. Корабль дошел до Холмогор. Капитана корабля Ричарда Ченслера привечали поморы, доставили до Москвы, царь Московии Иван Васильевич устроил гостю пышное застолье, передал ему письмо для английского короля с добрыми словами и пожеланиями для торга.

Вернувшись в Лондон, Ченслер передал письмо Ивана IV Марии Тюдор и Филиппу II. В 1555 году была создана «Московская компания» для торговли с Московией. В Холмогорах, Вологде, Ярославле, Новгороде, Казани, Астрахани были созданы английские консульские конторы. Возник новый город Архангельск. «Московская компания», созданная в 1555 году, просуществовала до 1917 года, ведя англо-российскую торговлю.

\* \* \*

Есть у Пикуля новелла об истории русской артиллерии. В ней приводятся строки из одной монографии: «Доблесть родителей — наследство детей. Дороже этого наследства нет на земле иных сокровищ... Каждый шаг, каждое деяние защитников Отечества запечатлевайте в памяти и сердцах детей ваших от самой их колыбели».

\* \* \*

Когда Валентин Саввич писал о Цусимском сражении, он описывал переход нашей эскадры от Либавы до берегов Японии с остановками в иностранных портах. Все члены экипажей знали, что идут почти на верную смерть, но за весь переход был лишь один дезертир.

\* \* \*

Много писал Пикуль об истории русского искусства, о художниках.

В церкви Измайловского полка можно увидеть образа, сделанные талантливым русским художником Алексеем Егоровичем Егоровым. Эти образа вначале разругал царь Николай II. Унизил художника, обязал его вернуть выданный аванс, разорил живописца, а затем сам повелел повесить образа в церкви.

Русского «Рафаэля» Алексея Егорова похоронили на Смоленском кладбище в Петербурге. Позднее искусствоведы писали о Егорове так: «Егоров понимает героизм не как поединок с врагом, а как стоическое терпение, отрешение от собственных страданий во имя счастья грядущих поколений».

\* \* \*

Кого не приведет в восторг словесная музыка мысли. Вместе со своим литературным героем Валентин Саввич шел по Невскому проспекту, читал наизусть стихи русского поэта Дмитрия Дмитриевича Минаева.

Счастливым быть не всякий мог,  
Но в каждом сердце человека  
Найдется темный уголок,  
Где затаились слезы века...

Почему он писал о Минаеве, несчастном в любви, с тысячью литературных врагов, утомленном одиночеством?

Может быть, хотел сказать: не губите талант человека. А этому человеку прозаические слова были не нужны. Он сам помогал несчастным своим поэтическим словом:

Обстоятельствами суженный  
Изменил вам, Даша, суженый,  
Не забудьте вы о суженом —  
Ждет шампанское вас за ужином.

И не разобрать, то ли Минаев, то ли сам Валентин Саввич написал: «О, если бы женщины всегда могли соображать, какой свет, но зато и какой мрак могут они вносить в жизнь человека!»

И спустя годы жилая площадь поэта, когда его не стало, была отмечена памятной доской.

\* \* \*

Давно вы были в Русском музее? Останавливались ли у полотна, на котором «обнаженная высокая женщина с перстнями на пальцах рук и ног всходила на шаткое ложе, как на заклинание». Эти строки Валентин Саввич написал, побывав в музейных залах на площади Искусств, увидев образ петербургской Сары Бернар.

В театре, что на этой же площади, Комиссаржевская готовила к постановке пьесу Уайльда «Саломея». Заглавную роль должна была играть Ида Рубинштейн, «пластичная, сладострастно-окаменелая грация Востока».

И вот когда Париж был сыт «Русскими сезонами», русской живописью, русской музыкой, русским пением — грянул русский балет с Идой Рубинштейн. И ее увидел в Париже Валентин Александрович Серов. Увидел в «Клеопатре». Увидел «архаический барельеф». И стал рисовать ее обнаженной в полутемном прохладном храме Шатель. Работал матовой темперой. Только перстни чуть подцветил маслом. Через цветные витражи храма лился полусвет. В обширном пространстве художник стремился не выбить образ из света.

Серовскую «Иду» видели Рим, Москва, Петербург. Этот портрет ругали поначалу критики и специалисты. Постепенно все разом переменялось. Портрет стал классикой русской живописи.

Валентин Саввич записал: «Женщиной, прошедшей по жизни раньше тебя, иногда можно увлечься, как будто она живет рядом».

Слабый художник всегда топчется на месте, сильный — рвется вперед. Скажем за эти слова Валентину Саввичу спасибо.

\* \* \*

Осенью 1837 года в таверне древнего ганзейского Любека сидел молодой человек. Звали его Рихард Вагнер. Он дочитывал в потертном журнале легенду о корабле-призраке, который мотался по волнам и никак не мог достичь заветного берега.

Вагнер писал музыку, наполненную более громким звуком труб и литавр, чем нежным голосом скрипок. Таково было его время. Таковой была его музыка, зовущая на баррикады. Но не всем она нравилась.

Как писал Пикуль, «в музыке, как и в жизни, тоже существует подлость и крохоборство». Композитор, как и писатель, возводил мосты через болота злодейства в счастливые миры человеческого духа.

Хорошо известно, что директору театра, как и многим руководителям, нужны сговорчивые, порой глупые люди, чтобы не подвергать себя критике вышестоящих начальников.

Переехав в Дрезден, Вагнер познакомился с революционером Михаилом Бакуниным, который убеждал композитора в том, что «если государство отвергает талант, если власть делает художника зависимым от капризов бюрократии... такое государство должно быть разрушено».

\* \* \*

Пикуль любил цитировать А. С. Пушкина. Напоминать о славном, героическом прошлом в русской истории. Напоминать об укреплении рубежей государства на Балтике и Черноморье. Напоминать строки поэта: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие!»

Писатель вводил читателя во времена Анны Иоанновны — в 1736 год. Когда русские легионы фельдмаршала Миниха выступали в поход на Крымское ханство.

Иностранные генералы в русской армии полагали, что «кровь солдата на Руси дешевле чарки вина». А на крымских подступах пылала солнцем голая степь и мучило безводье. Сколько костей русских воинов скрыто на степных подступах к Перекопу, возле Ор-Капу, у ворот в ханскую Орду.

И в той дикой бойне за Крым немало полегло русских солдат. И вот в дыму и пламени на вал пробился первый русский солдат, совсем еще мальчишка, четырнадцатилетний воин Василий Михайлов.

Запомним: в 1736 году русский человек вошел в Крым воином, а не рабом.

Солдат Василий Михайлов воевал в рядах русской армии в разных войнах, в битвах за Берлин, в сражениях с ордами хана Крым-Гирея. Он был из рода Долгоруких, солдат Василий Михайлов, а этот род знатен верной военной службой. Василий Михайлов не раз был изранен, но фронт не покинул, заслужил чин генерал-поручика, сумел взять Перекоп, Бахчисарай, Феодосию. Алушту...

«Я солдат, — с гордостью говорил о себе Михайлов, — в чернильной купели не купан, с острия пера не вскормлен, казенной бумагой не пеленат... Я прост, как ружейный багинет».

В 1842 году, как писал Пикуль, в Симферополе «солдату Василию Михайлову был сооружен памятник. Как открывателю лучезарного Крыма для России, памятник не сохранился. Зато остался в Москве дом его, где размещалось московское „Благородное собрание“, а позже — Колонный зал Дома Союзов».

\* \* \*

Медицина, театр, литература в некие времена функционируют как замкнутая корпорация, куда посторонние не допускаются. Об этом Валентин Пикуль писал в одной из своих исторических миниатюр.

Ведь медицину, театр и литературу роднит знание анатомии, антропологии.

И в медицине широко известно имя талантливого русского хирурга Ильи Васильевича Буяльского, которому присваивали почетные звания университеты Кембриджа, Берлина, Филадельфии, а в России ему дали лишь должность консультанта Мариинской больницы, без жалованья.

В 1837 году, когда в доме на Мойке умирал Пушкин, вместе с другими врачами у постели поэта был хирург Буяльский. И хорошо известно, что такое ранение, которое было у Пушкина, чаще всего кончается смертью.

Всегда и везде Буяльский доказывал, что в основе русской национальной хирургии стоит человеколюбие. Более полувека он верно служил медицине. Скончался в декабре 1866 года, погребен на Охтинском кладбище в Петербурге.

\* \* \*

Встречали ли вы в живописи такие работы, которые посвящены дипломатии? Этим вопросом задался Валентин Саввич в миниатюре «Две старые картины».

Когда Наполеон сжег Москву, то долго находился в ожидании, надеясь получить из российской столицы письмо о заключении мира. Письма не было. И тогда французский император решил двинуть войска на Петербург.

Наполеон намеревался возродить Казанское ханство, на Дону — казачье королевство, раздробить Россию.

Но Россия с потерей Москвы не была побежденной. Наполеон, посылая дипломата в Петербург, хотел добиться мира на любых условиях, чтобы спасти свою честь.

...Взгляните повнимательнее на картину В. В. Верещагина «Мир во что бы то ни стало»...

\* \* \*

Любопытные люди были всегда и везде. Были они и в парижском предместье Сен-Жак.

Как известно, войны горячие начинаются с войн холодных. Экономические войны — с политических. А за экономическими войнами следуют реальные боевые действия.



Но до начала боевых действий в бой вступают денежные ассигнации. Тайные типографии уже где-то печатают миллионы фальшивых денег, которыми оплачиваются оппозиции, «троянские кони», «пятые колонны», засылаемые в стан врага.

Да, как писал Валентин Саввич: «деньги иногда стреляют».

\* \* \*

Врача Григория Антоновича Захарьина, как писал Пикуль, при приеме пациента интересовало все: какая у больного семья, куда выходят окна его комнаты, что он ест утром, что вечером, на каком боку спит, что пережил в прошлом, как мыслит свое будущее...

И пациент, рассказав врачу все, как на исповеди, выслушивал его совет очень внимательно, ибо совет разумного человека гораздо лучше рецепта худого врача.

Врач Захарьин в основу диагноза ставил личный контакт с пациентом. А уж потом анализ должен был либо подтвердить, либо опровергнуть выводы, к которым он пришел при беседе с больным.

Лечить надобно, утверждал Захарьин, всего человека, а не отдельно сердце, печень, легкие...

Постепенно внешняя среда толстосумов научила его брать высочайшие гонорары за визиты.

Время строго судит человека, отделяя дурное от доброго. Захарьин умер в одиночестве. Его опыт и трагедия учат современников.

\* \* \*

Пикуль писал о Морском корпусе на берегу Невы. Писал о морских офицерах, которые в 1871 году примкнули к народовольцам. Те, кто по разным бытовым причинам сидел в камерах корпусного карцера, читали Лассаля, Чернышевского, Герцена... Начитанных гардемаринов тянуло к бунтарству, тянуло в народ, тянуло к товарищам из пехотных и артиллерийских училищ.

Вскоре на вольнодумцев донесли куда следует. Прошли аресты. Адмирал Краббе пригласил к себе всех арестованных поодиночке. Вначале он ласково беседовал с каждым, угощал чаем с печеньем. Затем к арестованным пришли жандармы. На допросе Краббе, как мог, защищал своих моряков. Спасая допрашиваемых, Краббе спасал свою адмиральскую карьеру.

Но первый политический кружок на флоте, в Морском корпусе на берегу Невы, дал миру храбрых мичманов, лейтенантов, капитанов. И лишь один минный офицер, друг революционера Желябова, Веры Фигнер, был расстрелян в Кронштадте в марте 1882 года. А его матери, жившей в Риге, жандармы вернули только карманные часы...

\* \* \*

Помнить людей, работавших на благо культуры, — значит жить ради пользы отечества. Помнить людей, работавших с русским словом, — значит уважать героическое и трагическое былое нашего прошлого. Слово — дело серьезное. С ним надо обращаться осторожно, как с оружием, которое заряжено. Заряжено проверенным, пережитым, проникновенным словом Валентина Пикуля.

«Я написал много романов, отмечал он, написал и забыл о них. Но роман „Реквием каравану PQ-17“ всю мою жизнь будет оставаться „романом на рабочем столе“... ибо это моя юность... она и сейчас еще живет во мне».

Валентин Пикуль не только писал: «я попросту русский человек» с всепоглощающей страстью к русской истории, он был таким в делах и в жизни. Был уверен в том, что отсутствие исторических знаний оставляет народ без умного руководства. Полагал, что культура нации начинается с бережного отношения к архивам художников, композиторов, литераторов.

Валентин Пикуль отмечал: «Есть в моей библиотеке книги просто уникальные, которые я не имею права после своей смерти оставить кому-то. Я обязан их завещать государству. Это очень редкие книги».

Вдова писателя, Антонина Ильинична Пикуль, на протяжении трех десятков лет бережно сохраняет в Риге богатейший архив Валентина Саввича, который содержит около 10 тысяч книг по вопросам культуры и истории на русском и иностранных языках, а также обширный каталог с уникальными сведениями о героях его произведений: 800 портретов, фотографий, гравюр.

Государственные и политические деятели РФ, близкие друзья Пикуля пытались и пытаются перевезти архив писателя-фронтовика в Россию, однако до сих пор положительных подвижек не наблюдается.

Были попытки перевезти часть архива в Санкт-Петербург, в помещение бывших Крюковских казарм, Матросского клуба Ленинградской морской базы, однако не получилось. Там расположился Военно-морской музей.

Время от времени появляются почитатели и состоятельные знакомые Пикуля из США, Финляндии, желающие принять архив и библиотеку писателя.

Неужели наследие выдающегося русского писателя-фронтовика переедет на Запад и будет использовано в антироссийском направлении?

---

## КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

---

### **Жизнь обретенного смысла. Виктор Лавров. Стихи, проза, заметки. — СПб., 2019. — 278 с.**

Книга памяти, посвященная Виктору Васильевичу Лаврову (1952–2018) — искусствоведу, литератору, поэту, исследователю петербургской старины. В воспоминаниях художников, журналистов, друзей и коллег предстает харизматический человек, создатель, обладавший уникальным талантом притягивать к себе ярких творческих людей и заряжать их энергией действия. Стремительный, ироничный, трогательный и глубокий, любящий жизнь, искусство, друзей. Он заслужил добрую память о себе. В его наследии — книга о петербургских художниках «Негромко вслух», двухтомник по истории города «Петербург по старому стилю» (в соавторстве с И. Холмовой), многочисленные статьи, сценарии к телевизионным программам по истории Петербурга. Он навсегда вписан в историю художественной жизни Петербурга хотя бы потому, что в смутные времена конца XX века возглавил уникальную художественную галерею при редакции журнала «Нева» на Невском, 3. «Невограф» просуществовал с 1997-го по 2003 год, пока помещение редакции не закрылось на ремонт. За это время было проведено более ста персональных, групповых и тематических выставок с участием 250 российских и зарубежных художников. Открытый новым веяниям времени, новым художественным поискам и именам, В. Лавров давал возможность художникам представить свои работы публике в различных форматах. Выставки регулярно освещались в журнале

«Нева», где В. Лавров вел свою рубрику. В динамично меняющемся сложном мире рубежа двух веков «Невограф» стал одним из светлых и романтических уголков в Петербурге. Подробный отчет о работе «Невографа» представлен в книге. После закрытия выставочного зала В. Лавров, подвижник порубежного времени, стал организатором фестивалей поэтического, музыкального и живописного творчества для Ленинградской области. Основное содержание книги — тексты самого В. Лаврова, уже публиковавшиеся и ранее не изданные. Среди них журнальные статьи. Одна из них, «Американский петерговец, или Петергофская Америка в Петербурге» была навеяна учрежденным ЮНЕСКО Днем памяти памятников, В. Лавров взглянул на эту память изнутри, из Петербурга. С любовью, со знанием дела он пишет о роли уличных памятников в формировании художественного облика бывшей российской столицы. О тех, что пользуются мировой известностью: памятники Петру I работы Фальконе и Растрелли. Об уличных монументах блестящих российских ваятелей, достигших поразительного гармоничного слияния памятников со сложившейся уже до них городской архитектурой. Отмечает обособленные, как бы стоящие сами по себе какие-то уютные, укромные и интимные памятники. Не обходит вниманием уродливые. О памятниках советского периода говорить не считает нужным, все они, по его мнению, ущербные, ушибленные идеологической пропагандой. Кроме одного — памятника Ломоносову на Менделеевской линии Васильевского острова. И может быть, один из немногих критиков, резко отзываясь о работах М. Шемякина: Петр I в Петропавловской крепости, сфинксы на невской набережной, памятник первостроителям Петербурга около Сампсониевского собора на Выборгской стороне. Убедительно доказывает историческую и художественную несостоятельность, порочность трудов Шемякина. По мнению Лаврова, Шемякин, американский петерговец (Петергофом названо американское жилище Шемякина), выступает как разрушитель. Острополемическая статья была опубликована в журнале «Нева» (1996, № 8). Тончайший искусствоведческий анализ проведен В. Лавровым в статье «Линейка света». Исходя из того, что природой всего сущего является энергия Бога и мир, созданный божьей энергией, — это творение света и светом, автор размышляет о том, кто из художников прошлого имел дар передать божественный свет, а кто из них — просто подельщик. Имена, картины, воплощение идей. Немеркнувший свет в творениях Леонардо и Рафаэля, светносный Рембрандт, певец света Коро, разглядевший *горний* свет Ван Гог. Талантливейший Ге, лишь в двух картинах сумевший передать свет Божий. Свет в картинах В. Серова, П. Филонова, К. Малевича, К. Юона. Алхимик живописи Куинджи, чародей, но и фокусник, владевший суммой технических приемов, позволявшей создать иллюзию света. Лукавый живописец темноты и живописный фарисей И. Репин, в чьих картинах нет проблеска света. Суждения неожиданные, поражающие. Теплом и любовью пронизана повесть «Семейный мемурандум», где главной героиней является уроженка брянской деревни, бабушка автора, на долю которой выпали и голод 30-х годов, и немецкая оккупация. Быт брянской деревни с конца XIX века, люди, характеры, судьбы. Историческая память у исконно русских людей, считает автор, в словах, и проводит исследование этимологии местных фразеологизмов: «охтимненюшки» «неруш» увалился, трушком — рысцой. О масштабе личности В. Лаврова представление лучше всего могут дать его стихи, практически не публиковавшиеся. Стихи философские, религиозные, лирические. «Спасе детушек / Вы своих детей, мамы, / Мимо церкви не водите, / Изнутри вы церковь нашу / Видеть соблаговолите; / Вам откроется над главкой / Красота Христова храма, / Мимо церкви Православной / Вы с детьми не йдите, мамы. / Нива всхожая / Даст нам хлебушек, / Церковь Божия / Спасе детушек». Сквозные темы поэзии: время, Бог, жизнь, смерть. Как подведение итогов жизни стихотворение 2017 года «Такое вот кино»: «Жизнь про-

шла каким-то призраком, / Лунным светом след посеребря, — / Будто посмотрел по телевизору / Кинофильм про самого себя. /...Да к тому же не цветной, а черно-белый, / Будто в темноте прозрел слепец.../ Промелькнул, как призрак луннобледный, / С надписью последнею: „конец“.../ Лента отправляется на полку, / Пусть там пролежит до страшного суда... / Телевизор выключен, поскольку, / На экране жизни — темнота».

**Людмила Максимова. С любовью, мама: Проза. СПб.: Радуга, 2020. — 272 с.**

Истории Людмилы Максимовой вполне житейские: судьбы наших современников, их радости и невзгоды, любовь, дружба, занимательные случаи. Действие может происходить в деревне, в городках Молдавии, в российских мегаполисах. Во всех этих обычных, казалось бы, текстах есть удивительная особенность — обширное временное пространство. Яркими деталями, штрихами, картинками автор умеет воссоздавать время, смешивать в единое целое настоящее и прошедшее, советское прошедшее. Вот забавные истории о добряке и балагуре Ваське, что рос неулыбчивым дичком, не желающим разговаривать. Малыша отправили к бабушке в деревню на Псковщине. А в это время «цинковые гробы шли из Афганистана на Псковщину десятками. Да и не всем свезло в последний раз взглянуть на сыночков и схоронить их в родной земле». Отец Васьки вернулся. «Приехал он в звании капитана с почерневшим лицом и седыми волосами. В свои-то неполные тридцать лет. Накрыли во дворе для всех желающих, как водится, стол... Выпили за помин погибших, потом за здоровье живущих. Сидим, молчим. Только слышно жужжание мух. И вдруг — страшный удар в днище стола. Аж посуда запрыгала, рюмки наземь повалились. И в полной тишине — голос, мужицкий, никому не знакомый». Это засевший под столом Васька ударился головой, в миллиметре от которой торчал ржавый гвоздь, о доску и заговорил, «выражаясь культурно с обильным использованием ненормативной лексики. Так в деревне все говорили. Ругательством это не считалось». Рассказ, где немало вписанных в бытовую исторический контекст историй о том, как ангел-хранитель в последний момент уводил Ваську от гибели, заканчивается колоритной финальной сценой. В Тунисе туриста Ваську преследует африканец, и русские друзья «решили Василия в одиночестве не оставлять и для верности вооружиться». Ларчик открылся просто. Когда-то в Иркутске Васька помог двум студентам Московского университета дружбы народов, отставшим (зимой) от экскурсии. Африканец помнил русское дружелюбие. И на посиделках с русской «Путинкой» и тунисской водкой «Буха» «до самой ночи над плоскими крышами Хаммамета разносилось не слишком стройное, но могучее разноголосье: „По ди-иким стейям Забайка-а-ля, где зо-о-лото ро-о-т в горах...“» («Васька»). Еще гуще намешаны бытовые временные пласты в рассказе о любовном треугольнике («Соседи»). Тут и дочь бывшей владелицы квартиры графини Игнатовой, осевшая в бывшей гостиной. Классовой ненависти к вселившимся не высказывала, зато сумела припрятать спасенные от экспроприации ценные вещи. Последнее очень пригодилось ее сыну в перестройку. Он объявил себя поэтом, издал на свои деньги два сборника (из экономии — мизерными тиражами). Отсутствие читателей его не смущало. Правда, его стихи (образчик — «Люблю тебя, поэт мой Брюсов, / Люблю твой строгий, стройный вид») почему-то приводили в бешенство его соседку, внучку когда-то известного в России профессора русской литературы. Еще один пример соединения времен рассказ «Нежадва». Нежадва, от слова «нежадный», — название деревни, где до перестройки двери на замки не запирали, сытно жили, детей в техникумы да институты отправляли, и многие возвращались. Местный патриарх дед Матвей наставлял потомков: «Не воруй! От воровства государства гибнут». А его правнук тащил все и до перестройки, и после. А «в перестройку не-

жадовские мужики, до того щепки без спросу не бравшие, тоже тащить начали. Стыдась и таясь. Поначалу. К новой жизни приспособливаясь». Контрастные картинки — времена и нравы, и снова неожиданный финал: известный любитель чужого Витька для могилы деда выписал официально за свои деньги арматуру, хотя в сараюшку было натаскано все, что надо. И даже использование казенного сварочного аппарата для своих собственных нужд пожелал оплатить. «Через неделю стоял он у могилы деда Матвея: „Ну вот тебе, дед, оградка. Ни болта не украл. — Постоял еще, подумал и добавил: — Глядишь, и не погибнет оно. Государство-то“». В рассказах Л. Максимовой есть и юмор, и скрытая ирония, и лиризм, и сочувствие к своим героям, и даже рецепты выживания для тех, чья судьба в новое время не задалась. В Петербург на встречу однокурсников приезжает Лиза, пережившая немало драм. Когда-то в молодости высокомерная гордячка, она найдет поддержку у бывших однокурсников. Так же как и героиня рассказа «Надоба» Рита, придавленная нищетой и стесненная болью невозвратимых потерь, приехав в молдавский городок на встречу выпускников русской средней школы, найдет помощь и поддержку. Впрочем, далеко не все ее захотят оказывать. И снова время: превращения, которые произошли с бывшими одноклассниками, однокурсниками, разбросанными по всему свету (Израиль, Европа, США постсоветские республики). Бывший борец за свободу, барышня, которая вместе с сыновьями-подростками выкрикивала: «Русские, чемодан — вокзал — Россия», уезжает ухаживать за старушкой в итальянскую деревню, а ее дети рады черной работе на стройках Москвы и Санкт-Петербурга. Секретарь комсомольской организации, фанатично преданная идеалам коммунизма, стала богомольной старушкой. Украинка, поляк и молдаванка слушают проповеди католического священника, посещают православные службы, а по праздникам, крепко выпив молдавского вина и закусив украинским борщом с русскими расстегаями, яростно дискутируют. Ритм времен присутствует и в повести «С любовью, мама». Молдавский городок, идиллическое украинское село Катериновка, находящееся по непонятной причине на молдавской территории, Ленинград. И мир сначала маленькой, некрасивой девочки, потом красивой девушки, потом молодой женщины, совершившей немало ошибок на своем пути. Л. Максимова не судит времена, не дает им оценок, но бережно их реставрирует, они — естественная среда обитания ее героев.

**Олег Трушин. Звуки тишины. Рассказы и очерки о природе /  
Художник И. Маковеева. — М.: ИКАР, 2019. — 200 с.: ил.**

А разве у тишины могут быть звуки? Оказывается, могут. Можно услышать рождение первой листвы, когда молодой лист, пробиваясь сквозь плотное «зерно» почки, спеша на волю, заявляет о себе тихим шорохом. «А лист-то на дереве не один! Вот и слышатся хорошо тихими вечерами легкие шорохи — сотни, тысячи листочков о своем рождении миру сообщают. Развернется лист, стихнут шорохи. Пропустил день-другой и не узнаешь тайны рождения листа». Весной легким шорохом, прорываясь сквозь пожухлую прошлогоднюю некое, дает о себе знать молодая трава. А когда небесный простор покидают стрижи и ласточки и он умиротворенно спокоен, слышно, как ложится наземь опадающая листва. Срывается с крон березовой рощи золотой дождь — звучит мелодия листопадного вальса. Похрустывает снежок в морозной тишине. Тишина на самом деле состоит из звуков, возникающих порой совсем неожиданно, считает писатель-натуралист Олег Трушин. Впервые с таинством звуков он соприкоснулся в детстве, затаившись ночью на печной лежанке в дедовском доме. Первые звуки тишины: покряхтывание стен, дающих осадку в рубленых углах, неожиданный писк половицы, грохот в чулане. В детстве же его охватила страсть к лесным походам, и он

окунулся в окружающую его сказку-быль Мещерского края, окруженного болотами, озерами и непролазными лесными дебрями по суходолам. Для кого-то места неказистые, но живописные для пристального взгляда, говорливые и напевные для чуткого слуха того, кто умеет слушать лес. Богата палитра красок мещерской природы в разные времена года. Особенно осенью, которая «каждое дерево и каждую былинку-травинку по-особому раскрашивает, словно напоказ выставляет. Первым в осеннем лесу осинный лист перемену чувствует. Осины в пору осеннего листопада самые приметные в лесу. Принарядились так, что и взгляд трудно оторвать. Где крона малиновая, а где осинки с березами спорят — чистое золото на себя набросили. Есть и такие, что словно зорьку на себя примерили — яркий багрянец до самой маковки. На рябинах ожерелье из рубиновых ягодных кистей тянет вниз ветви, словно осени кланяются стройные деревца. Да и листва на рябинах вся в разноцветных тонах — чем моложе деревце, тем ярче на нем в цвете лист... Вон и вечнозеленые сосны с елками в особой красе... Те, что выросли в обнимку с березами-осинами, разноцветной листвой обсыпаны. Мох, что прижился на стволах и ветвях, где посветлел, а где, наоборот, „наступил“, забурел, нагнав мрачность. В борах будто бы самотканые дорожки раскинулись из мха молочно-го, красного, оливкового цветов, а где и вовсе таких красок, что словами не передать». И только «весной хвоя на елях и соснах такая нежно-зеленая. Только весной можно увидеть рождение первой зелени, увидеть прозрачно-голубую дымку, которая окутывает еще не одевшиеся в молодую листву стройные березы». Сезонная жизнь Мещерского края в поэтических и красочных картинах О. Трушина. Лесные походы подарили ему много неожиданных встреч и впечатлений. Хлопотливая белка, собирающая сухой мох для утепления своего жилища. Росомаха, что лакомится остатками ухи из оставленного на улице котелка. Дятел, залезший в муравейник за муравьиными яйцами да схваченный за хвост наблюдателем. Ондатра, что набросилась на «нахала», заградившего ногой ей путь, и пришлось обидчику уносить ноги от «мягкого мехового мячика» с острыми зубами. Забавных, занимательных историй немало. А многие ли знают, как устроена в лесу зимняя ежовая спаленка? Или как проходит беличья свадьба? С дробовиком в руках, в сопровождении любимого спаниеля ходил писатель и рябчиков мантий, и на дальние глухаринные токовища, и на вальдшнепиные высыпки. И все-таки он не охотник, а тонкий наблюдатель мира дикой природы и — еще важнее — ее «оберегатель», способный оплакивать сосну-исполину, проросшую из семечка в 1627 году. 380 лет спустя ее спилили, «сила убивает красоту», — горько заключает автор. Он не прогонит зайца-беляка из найденного зверьком укрытия — поленицы дров во дворе, ведь сбросивший серую шубку заяц в бесснежную осень заметен всем врагам. С началом крепких морозов предзимья организует столовую для пернатых, подбирая им лакомства по вкусу: синицам — несоленое сальце на сучке, снегирям — чечевичное семя, воробьям — крошки ржаного хлеба, свиристым — мороженую рябину. Устраивает заячьи солонцы: расщепленный обрубок осинового ствола, сверху которого — соляной валик. С 1976 года и по сей день О. Трушин ведет дневники своих лесных походов, многие из записей составляют основу очерков. В отечественной словесности скоплено богатое сокровище мастерских рассказов, очерков и колоритных этюдов о русской природе: Аксаков, Тургенев, Пришвин, Паустовский. Сегодня таких мастеров мало. Работая в классической традиции, обладая собственным стилем и манерой повествования, автор достойно продолжает классическую тему природы в русской литературе, открывая читателю прекрасный и удивительный, знакомый и незнакомый мир русской природы. Иллюстрировала книгу И. Маковеева, один из ведущих художников-анималистов России.

**Юрий Влодов. Портреты. Книга стихов. М.: Издательство Евгения Степанова, 2019. — 88 с.**

Король поэтического андеграунда 60–70-х годов прошлого столетия Юрий Влодов (1932–2009) — легендарная, почти мистическая фигура. Первые публикации его стихов появились в 1950-х годах, во времена, когда любовь к поэзии была повсеместной. Был замечен. Советские классики — Б. Пастернак, И. Сельвинский, К. Чуковский — прочили ему большое поэтическое будущее. По словам Б. Пастернака, каждое стихотворение тогда еще начинающего поэта «есть кирпич, заложенный в основание современной русскоязычной поэзии». Друзья называли Ю. Влодова «советским Вийоном». Но литературная карьера не сложилась, в так называемый «литературный процесс» Влодов не вписался. Слишком острыми и необычными для того времени оказались его стихи. Ставшие крылатыми его строчки «Прошла зима. Настало лето. Спасибо Партии за это!» и «Под нашим красным знаменем гореть нам синим пламенем!», выступления с запрещенными стихами перед большими аудиториями надолго лишили поэта возможности печататься. Он попал в черные списки. Его не печатали, не издавали, ни в каких творческих союзах он не состоял. Даже в «официальном» андеграунде места ему не нашлось. Ни с какими группами, течениями, направлениями связан не был. Почти всю свою жизнь провел в скитаниях, не имея «ни кола ни двора», писал «под заказ» для так называемых «литературных клиентов», иногда за ночлег, иногда за тарелку супа, позволял публиковать свои стихи под именами других поэтов. В советские годы изредка его стихи печатали в отраслевых и в региональных изданиях, но для рецензирования и упоминания в прессе имя его было запрещено. Выйти из подполья в перестройку у него уже не хватало сил. Но все-таки подборки с его стихами стали появляться в центральных изданиях. Вышли и книги: «Крест», «Люди и боги», «Стихи», «Летопись». Творчество Ю. Влодова не ограничивается диссидентскими либо сатирически-ироническими стихами, оно многопланово и разнообразно. Три основные темы его произведений: военная, портретно-историческая и библейская. В основном он работал в рамках классического рифмованного стиха. От увлечения молодых лет — модернизма — отошел, считая, что будущее за вечной, классической формой с небольшими поправками на время. Фирменный знак Влодова — краткость при емкости смыслов. «Портреты» — одна из трех главных книг Юрия Влодова. Герои его «Портретов» — цари, короли, завоеватели, полководцы, а также собратья по перу: поэты и писатели прошлого и даже литературные персонажи. В исторических персонажах поэта интересовали прежде всего личности, историю творившие. В коротких исторических зарисовках он достигает невероятного: создает емкий и многомерный психологический портрет своего героя, соответствующий духу эпохи, к которой обращается. Вот грозный Чингиз: «„Мне снились белолицые уроды... / Они тонули в собственной крови“... / А сам, зажмурясь, / думал о любви... / Гонец сказал: / у младшей будут роды...» Вот полная накала страстей трагедийная сцена убийства Иваном Грозным своего сына: «Ах, по головшке тугой — / Неслышанным жезлом!.. / И целый миг трясет ногой / И пучится козлом... / Ах, по головшке — жезлом!.. / С оттяжкой!.. Да сплеча!.. / И оплывает под углом / Истории свеча... / Иван сморкается в полу, / Дрожит, как Вечный Жид... / А русский Гамлет на полу / Расплющенный лежит». Вот Петр I, еще подросток, «живые мощи, — / Загривка нет. Ходули тощи», но «Он — фантазер! Он Русь-голубу / Рванет за потные меха! / И вывернет ее, как шубу, — / Так что посыплется труха!..» Или Екатерина II, порицаемая за безразличие к делам российским каким-то маршалом «царица-ерманка»: «Майн готт! И откуда морщины? / Хоть всех массажистов зови! / И нету на свете мужчины / Достойного женской любви! / Чтоб ноженьки выгнул босые!.. / Чтоб выдох-

нул: „Девка, молчи!“ / И сердце болит о России, / Но в это не верят врачи...» Поразительна галерея портретов поэтов, где Ю. Влодов опять-таки в емких и кратких стихах передает и дух эпохи, и стилистические особенности поэтики портретируемого, ткань его стиха и состояние души. «Пехотный пыльный понедельник. / Шальная пуля впереди. / Усталым сердцем бьется Терек / В Кавказа каменной груди. / Здесь воздух медленный, как песня. / А полдень тонкий, как свирель. / И сердцу больно, сердцу тесно / В ловушке проклятой своей!.. ...Он — демон. Враг Земного Бога. / Кто в смертной схватке победил?! / Не пощадит его эпоха! / И он ее не пощадит!.. / А под глазами — синие-синие.. / В больших зрачках — немой вопрос... / И вдалеке — она — Россия.../ Своя... немытая до слез!» Ну разве можно не узнать Лермонтова? Или вот так, эпоха и поэт и человек: «Дежурной улыбкой лучится / С кого-то срисованный бог. / И мечется огненной птицей / За темными окнами Блок. / Он светлые видит аллеи.../ Он слышит волшебный рояль... / Воздушное платье алеет... / Пугливо взлетает вуаль...» И воскресший в звуковой основе Маяковский в драматический момент своей жизни: «Бензиновый конь копытами — прыг! / Стоп! — задрожал. Железно заржал. / Пять шажищ к телефону: „Квартира Брик? — / Уехала? Жаль“». Или вот так, пронзительно, о Николае Рубцове: «Что тоскуешь, русский человек, / Над воскресной свахой-заливайхой? / Ты утрись-ка, русский человек / До пупа разодранной рубахой». И не случайны — как продление мысли — неизменные многоточия в конце строк. Достоевский, Толстой, Анненский, Ахматова, Есенин, Солженицын... Но больше всего стихотворений о Пушкине, который для Влодова — символ поэзии вообще и поэта в частности, и о Мандельштаме, с бытовой неустроенностью которого Влодов отождествлял свою судьбу, судьбу скитальца. Заключают книгу «полшутки» — едкие, язвительные, подчас жесткие мини-стихотворения о своих современниках, поэтах и писателях.

**Ирина Чайковская. Классика XX—XXI веков. От Булгакова до Водолазкина.  
Книга статей и рецензий. М.: Академический проект, 2019. — 212 с.**

Герои книги — гении Серебряного века: Б. Пастернак, А. Ахматова, М. Цветаева, В. Маяковский, а также М. Булгаков, И. Бродский, Б. Окуджава и многие другие. Ирина Чайковская, писатель и драматург, главный редактор журнала «Чайка», рассматривает их творения и зигзаги судеб сквозь призму посвященных им работ. «Мне было интересно разбираться в том, как и что писали о них талантливые современные литературные критики — Дмитрий Быков, Андрей Арьев, Бенедикт Сарнов... Согласитесь, такая задача, словно взгляд через двойное зеркало, становится вдвойне привлекательной». И. Чайковская полемизирует с критиками, не соглашаясь с их интерпретацией произведений и событий, размышляет над вопросами, возникающими в ходе чтения, делает акценты на серьезные проблемы, поднятые авторами, и высказывает свой взгляд на эти проблемы. Так, отталкиваясь от книги Л. Яновской «Записки о Михаиле Булгакове», она размышляет о возможности воссоздания правдивой биографии писателя и его достоверных, очищенных от посторонних наслоений (цензурной правки, недобросовестной редактуры) текстов. И. Чайковская высоко оценивает уважительную книгу Яновской, полную любви и понимания по отношению к самому Булгакову и его гениальному творению «Мастер и Маргарита». И вслед за автором, опытным архивистом-текстологом, размышляет о трактовке булгаковских текстов; кем мог быть анонимный доносчик и осведомитель из ближнего окружения Булгакова и как это отразилось в романе «Мастер и Маргарита»; был ли Булгаков антисемитом; по какой причине третья жена Булгакова Елена Сергеевна не вызывает симпатии у булгаковедов. Догадки-«золотинки» в книге А. Демидовой «В ахматовских зеркалах», актрисы, про-



чувствовавшей вобравшую в себя жизнь Ахматовой «Поэму без героя» как свою, осознав ее своим дыханием, голосом, пластикой, всем существом. И. Чайковская дополняет своими догадками о героях, чьи смазанные силуэты отражаются в зеркалах поэмы. Попытками разгадать тайны личной жизни Ахматовой называет Чайковская книги А. Марченко и С. Коваленко об Ахматовой. Отдав должное авторским догадкам и прозрениям, связанным с расшифровкой ахматовских стихотворений и поисками их адресатов, отметив заслуги авторов, их крамольные мысли и гипотезы, в которые трудно поверить, Чайковская высказывает и свой взгляд на проблемы. Читателю предлагаются три версии — А. Марченко, С. Коваленко, И. Чайковской — некоторых сердечных тайн великой поэтессы. Был ли Гумилев главным мужчиной в ее жизни? В чем фатальная неудача брака Ахматовой и Гумилева? Каковы были истинные отношения Блока и Ахматовой, Ахматовой и Модильяни, Ахматовой и Л. Чуковской? Позитивную оценку получила книга А. Арьева о Г. Иванове, а вот построенную в обвинительном ключе книгу Б. Сарнова об А. Солженицыне Чайковская не приняла: слишком похожа она на методично собранное досье, где портрет Солженицына, писателя и человека, сформирован в рамках заданной автором схемы. Сегодняшнее литературное поле довольно уныло, на нем лишь редкие колоски съедобных злаков, считает Чайковская. И на безликом фоне выделяет фигуру Д. Быкова, яркого публициста, талантливого поэта, автора книг, вызывающих спорные, порой диаметрально противоположные отзывы. Нашумевшую книгу Быкова о Пастернаке, взрывающую традиционный канон ЖЗЛ, она приняла как книгу высокого класса, главное достоинство которой то, что она будит мысль. Безоговорочно и с восторгом восприняла быковские анализы стихов, но отметила перегруженность ненужными сведениями, композиционные просчеты. А вот две другие, о В. Маяковском и Б. Окуджаве — нет, не приняла, причины: перегруженность деталями, категорическая безапелляционность высказываний, произвольность и субъективность оценок, амбивалентность и противоречивость в рассуждениях. К ее удивлению, менее всего Быкову удалось анализы поэтических текстов Окуджавы, а на фоне имен, стихов, чужих судеб как-то теряется сам герой Булат. Маяковский и Лиля Брик — особая тема книги Чайковской: судьба Лили Брик интересовала ее с детства. Далеко выходя за рамки книги Быкова, но и опираясь на нее, размышляет она о треугольнике Осип Брик, Лиля, Маяковский. Подробно анализирует «Пристрастные рассказы» Лили Брик — ее записки, переслоенные письмами Маяковского. В эссе «Владимир Маяковский и Лиля Брик: сходство несходного» пишет о том, что их сближало и что разделяло. Погружаясь в многотомные воспоминания, дневники, переписку героев своей книги, Чайковская из разнородной мозаики воссоздает объемные портреты М. Цветаевой и ее детей Георгия и Ариадны, прочерчивает линию их судеб. Не только книги, но и фильмы будят мысль, уводя далеко от содержания самого фильма. Так, фильм «Ты сын и ужас мой» стал поводом для размышлений о трудных отношениях Ахматовой и Л. Гумилева. О сходстве-несходстве судеб двух сестер Марины и Анастасии Цветаевых заставил задуматься фильм «Мне девяносто лет. Еще легка походка». Искать акценты в облике «человека в плаще» побудили фильмы, вышедшие к 75-летию Иосифа Бродского. Разгадку отношения С. Довлатова к женщинам Чайковская нашла после просмотра фильма «Жизнь нелегка. Ваш Сергей» и сопоставления его с повестью «Филиал». Неожиданным в этой книге выглядит обращение к книге «Авиатор» Е. Водолазкина, в чьих книгах автор увидела нечто новое, связанное с древнерусской темой, хотя чрезмерное увлечение физиологическими подробностями и отвращает от книги. Эрудированный автор, Чайковская не только всегда указывает на значимые неточности в текстах и в комментариях, делает свои поправки к ним, но и привносит много нового в отечественное литературоведение. Многие ее работы, включенные в книгу, ранее печатались в журнале «Нева».

**Людмила Сукина. Жены русских государей. СПб.: Питер, 2018. — 288 с.: ил. — (Серия «Романтические страницы русской истории»).**

Искусствовед Людмила Сукина рассказывает, как в Московской Руси XIV—XVII веков девушки из знатных и не очень знатных семей становились великими княгинями и царицами, как жили женщины, оказавшиеся в гуще политических событий, дворцовых интриг, столкновений интересов противоборствующих группировок. Судьба каждой из них — увлекательная драма, а часто и трагедия шекспировского масштаба, затмевающая воображаемые приключения. Рассказ начинается с биографии великой княгини Евдокии Дмитриевны — жены Дмитрия Донского — и заканчивается историей первой супруги Петра Великого Евдокии Федоровны Лопухиной. Двух Евдокий разделяют жизнеописания почти трех десятков женщин. Автор обращается и к бытовой стороне жизни своих героинь, по возможности реконструирует их внешний облик, подробно излагает их родословную. Первые русские государыни выходили замуж в результате договоренностей между их отцами и будущими мужьями. Это были союзы не любовные, а политические, где женщины служили залогом прочности отношений великокняжеских домов. Права жен великих князей обеспечивались тем, что они были «ровнями» супругам, принадлежа к другим великокняжеским династиям Руси и Литвы. Супруга Дмитрия Донского — из династии суздальских князей, основателем которой был младший брат Александра Невского. Софья Витовтовна, жена Василия I, сына Дмитрия Донского, приходилась внучкой прославленному литовскому князю Кейстуту. Жена Василия II — Мария Ярославна, внучка знаменитого героя Куликовской битвы, серпуховского князя Владимира Андреевича, прозванного Храбрым, как и две ее предшественницы, была наделена талантом государыни. С сокращением количества, а потом и при полном исчезновении других великокняжеских домов православных невест стали искать среди представительниц русских знатных и дворянских родов. Новые царицы XVI—XVII веков уже имели меньшие права, могли влиять на государственные дела только благодаря особой привязанности мужа. Но во все времена от женщин требовалось еще одно качество — плодовитость. Жизнь государынь отнюдь не была благодатной сказкой. Им приходилось ожидать мужей из военных походов, бежать из осажденной Москвы, попадать в заточение, спасаться от пожаров и моровой язвы, бороться за престол для своих детей со стремящимися к престолу великокняжескими или царскими родственниками и поддерживающей их знатью. Первой регентшей при малолетнем сыне стала вдова Дмитрия Донского. Именно при нем впервые был нарушен вековой порядок наследования княжеского стола старшим мужчиной в роду, свой престол он завещал сыну, беречь который мог доверить только своей жене. С девятилетним сыном Василием на руках осталась вдовой Софья Витовтовна, но сумела сохранить княжеский стол за сыном. Ее ждала бурная старость, против ее сына Василия II, уже вступившего во княжение, выступил Юрий Звенигородский, ослепленный противниками Василий II все-таки остался властелином земли Русской. Некоторое время и мать Василия II, и его беременная четвертым ребенком жена провели в заточении. Великая интриганка, вторая супруга Ивана III византийская принцесса Софья Палеолог сумела, расчищая путь к престолу своему сыну, переиграть жену первого сына Ивана III, умершего при жизни отца, Елену Волошанку и ее сына. Черты Софьи: большие миндалевидные глаза под тяжелыми веками и крупный «греческий нос» — отчетливо проступают в облике ее сына Василия III и внука Ивана Грозного. Не от нее ли и характер Ивана Грозного? Совершив политический переворот, стала регентшей при сыне, будущем Иване Грозном, вторая жена Василия III великая княгиня Елена Глинская. Бороться за престол для своего сына, десятилетнего Петра, пришлось и молодой вдове Алексея Михайловича Ната-

лье Кирилловне Нарышкиной. В борьбе за сохранение престола для своих детей женщины не раз выступали как жесткие и жестокие правительницы. Но и жили они в постоянной опасности. Могли погибнуть от яда, подсыпанного конкурентами или завистниками. До сих пор неизвестно, кем и как была отравлена первая супруга Ивана III, дочь тверского князя Мария Борисовна. Была ли отравлена Елена Глинская, или ртуть в ее останках связана с употреблением лекарств и косметики, где использовалась сулема. Они могли стать жертвами «чародейства и колдовства», как Марфа Собакина, третья жена Ивана Грозного, скончавшаяся сразу после венчания. О накале страстей при дворе свидетельствуют судьбы двух «царских невест», Михаила Романова и его сына Алексея. Обе были избраны по душевному влечению властелинами на «смотре» (обычай, введенный Софьей Палеолог), но нареченная Михаила Мария Хлопова заболела, пережив сладостей, а нареченной Алексея Ефимии Всеволожской так затянули волосы и голову тугим венцом, что ей стало плохо. Обоих объявили больными и вместе с родственниками сослали в места отдаленные. Оба царя долго не хотели жениться. В историях о женах русских государей не раз находится место и для любви. Печальным исходом для царских жен мог стать постриг в монахини, иногда насильственный. На беспрецедентный шаг — развестись и жениться на другой — решился Василий III, отправив в монастырь бездетную Соломонию Сабурову, с которой прожил в браке двадцать лет. Предпочла власти монастырь Ирина Годунова, любимая и любящая жена Федора Иоанновича. В монастыре, долго не принимая постриг, нашла спасение Мария Буйносова-Ростовская, жена Василия Шуйского, царица Смутного времени. Трагичны судьбы и других цариц Смутного времени: жены Бориса Годунова, Марии Григорьевны Скуратовой-Бельской, авантюристки Марины Мнишек. Последняя героиня очерков, Евдокия Лопухина, первая супруга Петра I, у которой не было «ни ума, ни характера», также оказалась в монастыре. А вот жены сводных братьев Петра I, Федора Алексеевича и Ивана Алексеевича, мудрые и прозорливые, сумели наладить отношения с Петром и остались в кремлевских покоях, а затем и переехали в Санкт-Петербург. Дочь Прасковьи Федоровны Салтыковой, Анна Иоанновна, станет русской императрицей. История женщин у власти в изложении Л. Сукиной — это неотъемлемая часть государственной и политической истории России, в которой есть место и большим свершениям, и дворцовым страстям, и любви, и даже загадочным эпизодам. Так, пропавший на свадьбе Евдокии и Дмитрия Донского пояс стал поводом последней в истории Руси междоусобицы, продлившейся тридцать лет, а жемчужное саженье, принадлежавшее первой жене Ивана III, чуть не расстроило семейную жизнь Палеологини.

**Елена ЗИНОВЬЕВА**

Редакция благодарит за предоставленные книги  
Книжную Лавку Писателей  
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,  
[www.lavkapisateley.spb.ru](http://www.lavkapisateley.spb.ru))

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

## ОБИТЕЛИ АФОНА

### Часть 8

#### ЭСФИГМЕН

Подобно неприступной и суровой крепости, стоит на берегу открытого моря Эсфигмен (Есфигменов) монастырь. Его насельником, как полагают, был зачинатель русского монашества преподобный Антоний Киево-Печерский: над его пещерой, вырытой в утесе, иноки поставили особую церковь. Имя основателя обители, точное время ее основания и достоверная этимология ее названия неизвестны<sup>1</sup>. Относительно названия монастыря существует несколько версий. Самая убедительная из них свидетельствует, что монастырь обязан своему основанию монаху Эсфигмену. Согласно письменным источникам, монастырь был основан в конце X века и до нашествия турок находился в хорошем материальном состоянии. Этому способствовала помощь, оказанная монастырю византийскими, сербскими и дунайскими правителями<sup>2</sup>.

Как и весь Афон, он пережил периоды расцвета и запустения. В эпоху турецкого владычества монастырь пришел в упадок и начал возрождаться благодаря щедрой помощи России, о чем пишет архимандрит Порфирий (Успенский).

В 1584 году посол Иоанна Грозного Мешенин лично подал игумену сего монастыря Никифору и пятидесяти старцам по рублю на каждого и еще три рубля двенадцати старцам в трех скитах его. В мае 1623 года приезжал в Москву за милостыней строитель Авксентий, а 30 августа представлялся патриарху Филарету Никитичу, которому и поднес часть мощей св. архидиакона Стефана, за что одарен был нескучно. В ноябре 1634 года есфигменский архимандрит Симеон с келарем Герасимом приехал в г. Путивль и на пути оттуда в Москву скончался. Келарь же был в этой столице и получил обычное жалованье. В том же 1634 году отпущен был в Есфигмен проживавший в Москве Севастийский митрополит Иосиф, — отпущен по его прошению и при отпуске получил три сорока соболей на 100 рублей и еще сто рублей для монастыря в вечный поминок александрийского протосингелла Иосифа за его заслуги и труды, оказанные нашему правительству.

В январе 1640 года прибыл в Путивль из Царьграда вышепомянутый митрополит Иосиф, а 31-го дня того же месяца представлялся со своим архимандритом Леонтием государю и поднес ему, государыне и царевичу бархат, *обьярь* и другие вещи, вза-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

<sup>1</sup> Талалай Михаил. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 159.

<sup>2</sup> Цацанидис Панайотис. Афон и русский Свято-Пантелеимонов монастырь. Салоники, 2017. С. 144.

мен чего получил обычное жалование. Из челобитной его видно, что он в Есфигменовом монастыре построил новую церковь в память Рождества Богоматери, где намерен был поминать царских родителей, и потому просил у государя жалованной грамоты Есфигменову монастырю на проезд оттуда в Москву за милостыней да еще ризницы, кадила и мантии. Указом 19 марта Иосифу велено было дать соболей на 200 рублей государева жалования, по его челобитию, и жалованную грамоту, которою дозволялось есфигменитам приезжать за милостыней в седьмой или восьмой год. По силе этой грамоты архимандрит их Антоний в первый раз приехал в Москву за милостыней в апреле 1644 года и в своей челобитной, поданной государю, просил его выкупить монастырскую вотчину, заложенную у турков за 500 рублей. Но сколько дано было ему на сей выкуп, это не оповещено. В 1656 году, 3 октября, государь Алексей Михайлович пожаловал Есфигменову монастырю новую грамоту, в которой повелено было старцам сего монастыря приезжать в Москву за милостыней в пятый год<sup>3</sup>.

Кроме того, в XVII–XVIII веках русские цари посылали на Афон «заздравные» и «заупокойные» милостыни<sup>4</sup>.

В ходе греческой национально-освободительной революции 1821 года монастырь, находящийся в непосредственной близости от моря, был разрушен турками, многие из его монахов были убиты, а имущество монастыря разграблено.

**С. Германов (1912 г.):** «В обители хранится глава мученика Агафангела, бывшего инока Есфигменовой обители, пострадавшего в Смирне 19 апреля 1819 года. Жизнеописание нового мученика, вошедшее уже в новейшие русские издания жития святых, весьма трогательно! Оно передает о раскаянии юноши, отрекшегося от Православия и принявшего ислам. Долговременные подвиги его в обители, принятие схимы и жизнь, полная лишений, не могли успокоить совести покаявшегося отступника, и тогда он решил добровольным всенародным исповеданием христианства перед мусульманами искупить свою вину. Это решение было приведено в исполнение в Смирне. После заключения в темнице, юноша-мученик был казнен, а глава его тайно увезена в Хиос, а затем перенесена в родную обитель»<sup>5</sup>.

Указом Синода в 1742 году была введена единообразная дача милостыни афонским монастырям: Московская синодальная контора обязывалась выдавать Эсфигмену по 35 рублей в год. В XVIII веке из-за русско-турецких войн эти суммы поступали нерегулярно, но в XIX веке деньги монастырям выплачивались аккуратно, в том числе за прошедшие годы. Так, в 1837–1839 годах Эсфигмену за 70 лет было выплачено 2100 рублей<sup>6</sup>.

«В 1847 году, 10 октября, в пятницу, явился в Санкт-Петербургскую Свято-Троицкую Лавру Есфигменский игумен Агафангел с двумя простыми монахами, по высочайшему разрешению, для сбора милостыни в течение полутора лет во всей России, на устройство церкви во имя святых киево-печерских внутри монастыря и на возобновление северной стены монастырской, подмытой волнами моря, — пишет о. Порфирий (Успенский). — Ему дана была рассрочка времени, и он собрал столь богатую милостыню, что вновь выстроил многоярусные кельи на северной и восточной стороне своей обители с церковью во имя святых чудотворцев киево-печерских»<sup>7</sup>. В 1850-х годах в Эсфигмене были построены новые кельи в несколько ярусов, возведенные на деньги, собранные в России<sup>8</sup>.

<sup>3</sup> Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Т. 1. М., 2007. С. 896–897.

<sup>4</sup> Кочетов Д. Б. Русско-афонские связи в XVIII–XIX вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 160.

<sup>5</sup> Германов С. На Афон и Святую Землю. Ч. 1. На Афон. М., 1912. С. 432.

<sup>6</sup> Кочетов Д. Б. Русско-афонские связи в XVIII–XIX вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 159.

<sup>7</sup> Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Т. 1. М., 2007. С. 897.

<sup>8</sup> Брандт А. Ф. На Афоне. Из путевых заметок. СПб., 1892. С. 210.

Соборный храм обители Вознесения Господня был построен в 1806—1810 годах.

Кроме собора, в Эсфигмене есть небольшие церкви: 1) Успения Богоматери; 2) Свв. Архангелов; 3) Св. Григория Паламы; 4) Свв. Константина и Елены; 5) Св. Анфима, свмч. Никомидийского; 6) Свв. Нилов — Святогорского и Синайского; 7) Св. Геннадия, патриарха Константинопольского<sup>9</sup>.

### Из записок Виктора Каминского (1857 г.)

Посетить пещеру преподобного Антония, помолиться там, на месте его святых молитв, выслушать потом обедню в нагорной церкви его имени, стоящей над пещерой, более всего жаждала моя душа, по прибытии в Эсфигменскую обитель, — пишет Виктор Каминский. — Между тем, отцы ее ввели меня в соборный храм, где я преклонился пред стопой той, которая первая пала к стопам воскресшего Господа. Итак, я видел в Галилее родину св. Марии Магдалины, — в Иерусалиме — место ее поклонения Спасителю, и на Афоне удостоился лобызать святые ее мощи. Потом поклонился св. главе апостола Иакова Алфеева и частям других святых. Когда прикладывался к кресту Животворящего Древа, то чувствовал теплоту, и от мощей Марии Магдалины — благоухание. Из храма меня пригласили в архондарик, недавно устроенный в русском вкусе, — с высокими диванами и с деревянным полом. Он называется европейским для отличия от другого, азиатского, — с низкими диванами, и с полом покрытым коврами.

Украшения европейского архондарика: копия с чудотворной киевской иконы Успения Богоматери, портреты государей императоров Александра Николаевича и Николая Павловича и карта Европы. «Лучше я не мог украсить лучшую свою залу», — сказал мне отец игумен Агафангел, когда я взглянул на эти предметы. «Образ Успения, — продолжал он, — знаменует родство Эсфигменской обители с Киево-Печерской Лаврой; портреты русских императоров напоминают нам благодеяния России и обязанность нашу молиться о ней, а карта сближает с Афоном любезные нам православные страны». Отец Агафангел долго странствовал по России и питает к ней самые нежные чувства. Он принимал и русского пришельца в русском духе<sup>10</sup>.

В 1858—1859 годах Святую Гору посетили питомцы и выпускники Санкт-Петербургских духовных школ — архимандрит Порфирий (Успенский)<sup>11</sup> и Н. А. Благовещенский<sup>12</sup>.

### Из записок Н. А. Благовещенского (1858 г.)

Большинство русских насельников проживало в тогдашнем греко-русском Свято-Пантелеимоновском монастыре (Русик), в Свято-Ильинском и Свято-Андреевском скитах. Но некоторые из русских монахов находили пристанище в греческих обителях. С одним из таких соотечественников Н. А. Благовещенский встретился в Эсфигменском монастыре, о чем он и поведал в своих записках.

<...> «Молитвами св. отец наших, Боже помилуй нас!» — слышится за дверью. Я молчу. Молитва повторяется громче. Мне бы следовало ответить «аминь», но я не знал еще этих условий монастырского этикета и опять промолчал. Тогда в щели двери показалась седая борода монаха и заблестел черный глаз, устремленный на меня.

— Чего вам? — спросил я.

— Благословите войти! — сказал старик по-русски.

— Войдите.

Монах сбросил башмаки и, поклонившись мне, смиренно сел на диван. Я почувствовал запах ладана, которым была пропитана одежда старика.

<sup>9</sup> П. Н. Б. С. Святая гора Афон. Краткий очерк Афона и его монастырей. М., 1900. С. 67.

<sup>10</sup> Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859, С. 624—625.

<sup>11</sup> Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию в 1829 году.

<sup>12</sup> Окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию в 1857 году.

— Прослышал я, что земляк, и пришел..., — заговорил он, не поднимая на меня глаз.

— Очень рад. А вы откуда?

— С Нижнего.

— А давно с родины?

— Давно. Скоро тридцать лет будет.

— И все здесь?

— Все в Симене (Есфигмене) с греками. Бог помогает: привык.

Я с любопытством осмотрел монаха, тридцать лет не видевшего мира. Он сидел, по-прежнему, опустив глаза, и перебирал нитяные четки.

— Как же вы попали сюда, к грекам? — опять спросил я.

— Да вот, был сперва в турецкой кампании в 1829 году, и попался в плен туркам. Года два они таскали меня по разным тюрьмам, а потом дали, значит, свободу. Еду-чи домой, захотелось мне помолиться св. угодникам афонским, дай, думаю, зайду по пути, помолюсь на радости. Ну, заехал сперва в Симен, да тут и остался совсем: больно приглянулось мне ангельское житие. И вот с той поры все живу здесь, даже дру-гих монастырей не пришлось видеть.

— И не тяжело вам было?

— Известное дело тосковал, особливо сначала, а потом ничего: *пересилился*.

Монах замолчал и утер глаза, из которых постоянно сочились слезы.

— Скажи-ка мне, что на Руси поделывается? — спросил он, взглянув на меня исподлобья.

— Ничего, живет себе помаленьку.

— Слышно, что волю дать хотят?

— Да, хотят. Скоро крепостных не будет в России.

Старик трижды перекрестился и прошептал: «Слава Богу!»<sup>13</sup>

<...> Мы пошли за монахом, и он привел нас в келью игумена. Старик игумен принял нас очень приветливо и угостил водкой и кофеем. Узнав, что мы русские, он принялся расхваливать щедрость русскую; рассказал нам, с каким почетом принимали его в Москве, когда он ездил за сбором подаяний, и радовался, что на Руси сильна еще вера православная<sup>14</sup>. Но не всегда собранные средства шли на богоугодные дела. «Несколько лет тому назад есфигменский сборщик привез из России около 50 тысяч рублей серебром, и монастырское начальство сразу же после этого возобновило свою застарелую тягбу с соседним Хиландарским монастырем о нескольких десятинах земли, — пишет Н. А. Благовещенский. — Спор был проигран, но в нем Есфигмен ухлопал весь свой капитал и, кроме того, наделал множество долгов, для покрытия которых ему пришлось посылать за новым сбором»<sup>15</sup>.

### Из записок архимандрита Порфирия (Успенского) (1858 г.)

Архимандрит Порфирий питал особые надежды в отношении Эсфигменской обители, полагая, что этот монастырь в будущем обретет особые отношения с Россией. Свои мысли на этот счет он изложил на страницах дневника под 1 июля 1858 года.

*Июль. 1, вторник.* Есфигменов монастырь на деньги, недавно собранные в России игуменом Агафангелом<sup>16</sup>, расширен и устроен, по-афонски, великолепно. Две стороны его, северная и восточная, с основания созданы вновь в несколько ярусов. Нельзя не порадоваться тому, что впрок пошли все лепты, кои благочестивый народ наш усердно давал на обновление сей древней обители. Игумен Агафангел желает со-

<sup>13</sup> Благовещенский Н. А. Среди богомольцев. Афон. Путевые впечатления. Изд 2-е. СПб., 1872. С. 6—7.

<sup>14</sup> Там же. С. 4.

<sup>15</sup> Там же. С. 161.

<sup>16</sup> Щедрые пожертвования собрал в России в 1847 году в Санкт-Петербурге игумен Эсфигмена Агафангел. См.: Кочетов Д. Б. Русско-афонские связи в XVIII—XIX вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 159.

брать в нее русскую братию и, по примеру русского монастыря на Афоне, учредить богослужение на славянском языке в созданном храме св. Антония Киевопечерского и в строящемся обширном приделе во имя всех Святых Киевопечерских. У него нет средств к украшению сего придела и к первоначальному снабдению русских иноков, но есть упование на Господа, упокояющего всех труждающихся на крестном пути, и надежда на вспоможения доброхотных дателей в России. Уверенный в Божием содействии всякому доброму делу и в нашем сочувствии духовным подвигам русской братии на Афоне, он намерен просить Св. Синод о том, чтобы ему, по силе милостынной грамоты царей наших, пожалованной Есфигменову монастырю, дозволено было приехать в Россию за сбором подаяния. Да исполнится желание сердца его! Да сбудется над его обителью слово Господне: Ему же дано будет, и преизбудет (Матф. 13, 12). Пусть и Есфигмен украшается памятниками нашей католической веры и любви! Пусть и в этом вертограде созревают наши крины для рая!<sup>17</sup>

### Из записок архимандрита Антонина (Капустина) (1859 г.)

Открылась нам, вдали над самым морем, в устье глубокого удоля, величественная и прекрасная обитель Эсфигменская, приятно поразившая меня своим стройным, чистым и веселым видом, какого не представляют ни одна из виденных мною доселе обителей афонских, — пишет о. Антонин. — Монастырь вытянулся параллелограммом от запада к востоку. Северная сторона его обращена к морю, южная к удолю и горам. Посреди сей последней устроен главный вход в монастырь с ровной и широкой площади. Высокая колокольня над воротами монастыря напомнила мне наши монастыри, преимущественно же — московские. Мы застали в монастыре вечерню. Братия были в соборе. Туда же последовали и мы. Церковь, во имя Вознесения Христова, недавней постройки, украшена во вкусе святой Горы — пестро, ярко и чересчур румяно, и загромождена нужными и ненужными предметами до того, что кажется тесной. За отсутствием игумена, управлял монастырем один из братьев, который и принял нас со всею вежливостью и расторопностью, и поставил нас на первые места в церкви»<sup>18</sup>.

В своих записках о. Антонин кратко описывает архитектурное устройство обители: «Мы обозрели монастырь, позволяющей замечать в себе две резко отличающиеся части: старую — западную, и новую — восточную, выстроенную в весьма недавнее время, и еще неоконченную. Посреди восточной стены возводится высокая, и снаружи прекрасная, пятикупольная церковь, выдаваемая то за церковь *всех святых русских*, то за храм *Преображения*, смотря по тому, кажется, к какой народности принадлежит вопрошающий»<sup>19</sup>.

**Иеромонах Павел (Вертоградов) (1862 г.):** «Рано утром пришли мы в монастырь Есфигмен. Здесь есть часть древа Креста Господня и многих разных святых мощей; еще хранится завеса наполеоновская. Когда Наполеон воевал, в Египте в то время, как-то удалось отхватить грекам судно его вместе с палаткой; из материи, покрывавшей ее и сделана завеса»<sup>20</sup>.

**Арсений (Стадницкий) (1883 г.):** «Здесь в соборе показывали мне несколько богатейших икон, пожертвованных русскими во время сбора пожертвований в России. В Есфигмене нас приняли радушно. Здесь нашлось два-три человека, понимающих и кое-как говорящих по-русски, они прежде были торговцами в России. Они рассказывали

<sup>17</sup> Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. VII. СПб., 1901. С. 173–174.

<sup>18</sup> Антонин (Капустин), архим. Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1874. С. 291.

<sup>19</sup> Там же. С. 292.

<sup>20</sup> Павел (Вертоградов), иером. Путешествие по святым местам на Святой Земле, во Святую Афонскую гору и в Палестину в 1862 году. Ч. 1. М., 1866. С. 46.



нам, что монастырь их беден (это, впрочем, общая жалоба); главную поддержку составляют пожертвования русских богомольцев, а греки-миряне никогда и не заглядывают сюда и ничем не помогают»<sup>21</sup>.

**С. Германов (1912 г.):** «Мы посетили параклис, посвященный памяти Григория Паламы, жившего в XIV веке, бывшего игумена Есфигмена, впоследствии епископа Салоникского».<sup>22</sup> На территории монастыря находятся шесть параклисов, один из которых построен в память о русском монахе Антонии Печерском, по преданию, находившемся в монастыре в XI веке<sup>23</sup>.

**А. А. Дмитриевский (1913 г.):** «В Эсфигмен русских паломников привлекает предание, появившееся на Афоне, впрочем, лишь в половине XIX столетия, о том, что близ этого монастыря, в пещерке на берегу моря, где ныне сооружена и церковка, подвизался киево-печерский игумен и основатель Лавры преп. Антоний. Монастырь, созданный на щедрые пожертвования, собранные в России, весьма гостеприимно встречает паломников»<sup>24</sup>.

Следует отметить, что сейчас афонское братство фактически состоит из девятнадцати обителей: монастырь Эсфигмен, не поминающий Константинопольского Патриарха, вышел из состава «республики», хотя и продолжает гостеприимно встречать посетителей (его выход, впрочем, остальной святогорской общиной не признан, и в Протате за эсфигменского игумена подписывает все документы некий «исполняющий обязанности»)<sup>25</sup>.

### Пещера преп. Антония Печерского: pro et contra

По сообщению «Повести временных лет» под 1051 год, Св. Гору посетил преп. Антоний Печерский, который был там пострижен в монашество и отправлен обратно в Киев с благословением и пророчеством о том, что от него «мнози черньци имут быти» на Руси<sup>26</sup>. По **позднему** афонскому преданию, преп. Антоний подвизался на Св. Горе в пещере близ Эсфигмена (храм над ней во имя преп. Антония Печерского был сооружен в 1849 году; на Афоне преп. Антония именуют Эсфигменским)<sup>27</sup>.

В числе богомольцев, посетивших пещеру преп. Антония, был и иеромонах Аникита (Ширинский-Шихматов). В 1835 году о. Аникита прибыл «в общежительную обитель Эсфигменскую, тем для русских поклонников особенно знаменитую, что в ней пострижен и подвизался преподобный отец наш *Антоний Печерский*»<sup>28</sup>. И о. Аникита сподобился лицезреть эту пещеру: «Поныне видна еще вне монастыря его келья с малой во имя св. Николая церковью, в которой преподобный облекся в ангельский образ и близ которой должна находиться и пещера его, теперь уже лесом заросшая»<sup>29</sup>. 6 июля 1835 года о. Аникита молился в Эсфигменской обители за литургией и, «приложась

<sup>21</sup> Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник паломника на Афон. М., 2014. С. 215.

<sup>22</sup> Германов С. На Афон и Святую Землю. Ч. 1. На Афон. М., 1912. С. 432.

<sup>23</sup> Цацанидис Панайотис. Афон и русский Свято-Пантелеимонов монастырь. Салоники, 2017. С. 145.

<sup>24</sup> Дмитриевский А. А. Церковные торжества в дни великих праздников на Православном Востоке. Ч. II. Пг., 1920. С. 111.

<sup>25</sup> Талалай Михаил. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 14.

<sup>26</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 156.

<sup>27</sup> Максимович К. А., Турилов А. А. Афон и Россия. Русские иноки на Афоне в XI–XVII вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 146.

<sup>28</sup> Жмакин Василий, свящ. Путешествие иеромонаха Аникиты (в мире князя С. А. Ширинского-Шихматова) по святым местам Востока в 1834–1836 годах // Христианское чтение, 1891, ч. 1, май–июнь. С. 532–533.

<sup>29</sup> Там же. С. 533.

к частям разных святых мошей и учрежден быв от отцов любезно доброй трапезой, пополудни поехал далее»<sup>30</sup>.

**Схимонах Селевкий (1844 г.):** «Монастырь *Есфигмен* отстоит от Кареи на 6 часов ходу. Здесь собор Вознесения Господня, очень богатый: иконостас весь вызолоченный, и иконы в позолоченных ризах; паникадилы богаты. Вообще, весь этот монастырь новый: колокольня прекрасная, келлии — тоже. Только то жалко, что греки не принимают сюда русских и не могут с ними жить. А между тем, здесь пострижен начальник монашествующих в России, преп. Антоний Киевопечерский. Здесь есть пещера, в которой он подвизался, и в ней устроен храм, в честь сего угодника»<sup>31</sup>.

**Инок Парфений (Агеев) (1847 г.):** «Монастырь Есфигмен, или Симен: храм во имя Вознесения Господня. Монастырь стар и ветх. Сначала выстроен по повелению царицы Пульхерии. Церковь нововыстроенная и вся иконописанная. Много есть от св. мошей частей и два креста от Честного Древа. Келлий имеет мало, и те бедные <...> В этом монастыре жил и пострижен св. Антоний Киевопечерский. И донныне показывают его пещеру. В 1846 году начали над пещерой становить новую церковь во имя его. И сия святая киновия много произрастила великих мужей, святителей и великих отцов: Афанасия, патриарха Константинопольского, и Григория Паламу, митрополита Солунского, также Анфима, патриарха Константинопольского, который и донныне находится на кафедре, т. е. в 1847 году. И аз грешный сподобился в сей обители пожить два месяца»<sup>32</sup>.

#### **Из записок иеросхимонаха Сергия (Веснина) (Святогорца) (1847 г.)**

К обеду мы были в Эсфимене. В отношении к России этот монастырь замечателен тем, что здесь полагал начатки иноческих подвигов преподобный Антоний, впоследствии отшельник киевский, пещера которого недалеко от монастыря на север, иссечена в набережной скале<sup>33</sup>.

<...> После небольшого отдыха, по обозрении монастыря и после поклонения и лобзания св. мошей и животворящего Древа, мы направились к горной пещере нашего киевского пещерника, преподобного Антония. Путь туда лежит через быстрый ключ: крутизна и неудобства всхода между кустарниками и, вдобавок, невыносимый жар нас задушали и обессиливали. В некоторых местах так суживалась тропа и так подмыта дождевыми стоками, что мы должны были беспрестанно цепляться за кустарники, чтобы не пролетать под гору. Впрочем, не более четверти часа мы взбирались так.

Пещера св. Антония иссечена в скале; гладкая площадка разбита перед нею и обнесена каменной легкой загородкой. Вровень с главной пещерой есть другая, теснее и гораздо нестройнее первой. В нескольких шагах отсюда стоит отшельническая двухэтажная келейка, северо-восточный угол которой треснул и отвалился. Келейка эта выдвинута на самый край отвесной скалы, при которой лежит глубокая пропасть до самого моря, бурно утесняющего волнами своими хладный гранит... Внутри кельи страшно оставаться: один подземный удар, легкий вулканический пережат, и она может восточной своей частью, а, всего скорее, северо-восточным, отшатнувшись уже углом улететь в бездну. Мы застали в ней престарелого отшельника, который, презирая страх и опасения, спокойно доканчивает здесь подвижнический век свой. Он принял нас очень ласково и провел к пещере, нашего киевского Пещерника.

Пещера преподобного Антония, вероятно, ничего не изменила в себе со времени ее первоначального обитателя, разве только строгую постель его, которая теперь заменена, приметно, новыми дощечками, и камин. Радушный пустынный по-гречески

<sup>30</sup> Там же.

<sup>31</sup> Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия о странствовании по святым местам. СПб., 1860. С. 174.

<sup>32</sup> Парфений (Агеев), инок. Описание святой горы Афонской. Белый город, 2016. С. 31.

<sup>33</sup> Письма Святогорца о святой Горе Афонской. Изд. 8-е. М., 1895. С. 389.

объяснял нам и бедность монастыря, и самой пустыни Антониевой, указывал на Россию, и со старческим простосердечием располагал будущей судьбой келейки, здесь находящейся. Ему хотелось здесь устроить церковь, обновить келью и иметь все удобства и условия к спокойному отшельничеству. Мы не мешали старцу заранее восхищаться будущим и поддерживали в нем дух справедливой веры в небесный Промысл и в щедрость России<sup>34</sup>.

<...> При пещере преподобного Антония нельзя не пожалеть о ее пустоте и грустном забвении. Почему бы, кому есть возможность из нас, не принять участия в поддержании здешней пустыни, где великий начальник русского отшельничества полагал начатки дивных своих подвигов и питал в своем непорочном сердце залогов тех подвижнических успехов, которые из мрачной теснины киевских пещер впоследствии проявлялись на диво всей Русской земли, и к славе и благу св. Церкви, и не перестают проявляться даже доныне? — Решение этого важного вопроса я не беру на себя; не требую и от вас, друзья мои.

Пустыня преподобного Антония обратила на себя внимание и высокого поклонника здешним святыням, Великого Князя Константина Николаевича. Здесь я мирно отдыхал на том самом месте, и в тех самых стенах пещеры, где труженическая плоть первоначальника русской иноческой жизни находила себе временное упокоение; я любовался, может быть, отсюда на красоты природы в таком же духе благоговения перед творческой мудростью и с таким же чувством райского наслаждения, как иногда и великий Антоний!..

При обозрении здешней пустыни, я удивляюсь, почему ни слова не сказал о ней наш единственный путешественник Василий Григорьевич Барский? Был ли он здесь? Если был, не может статься, чтобы он не посетил этой пустыни, столь драгоценной каждому русскому, а, тем более, Барскому, как уроженцу киевскому. Это немаловажная загадка, которой я со своей стороны никак не могу разрешить<sup>35</sup>.

#### Из записок А. Н. Муравьева (1849 г.)

Мне хотелось непременно написать хотя несколько строк из обители Есфигменской, потому что здесь спасался св. Антоний, и как будто еще веет отселе, благословением Св. Горы, на дальнюю родину. Теперь уже ночь; море с шумом ударяет о берег и в стены угловой башни, где я поселился. Полная луна, только что освободившаяся от затмения, освещает передо мною узкий залив и гору Самарскую, на коей спасался великий Антоний; его пещера и новая церковь видны влево от обители, на верженье камня, и серебряными кажутся голые их утесы. Гора названа Самарской, не от библейского имени Самарии, но от наружного ее сходства с *самаром*, т. е. вьюком мулов; их колокольчики слышны в саду монастырском, сквозь шум набегающих валов. Вечер застал меня у подошвы горы Антониевой, куда ходил я на молитву, и великолепная восточная ночь заключила меня в крепкие стены Есфигмена <...>

Есфигмен более других для нас любопытен своими историческими лицами. Удивительно, что никто из наших доселе об нем не писал. Я узнал о том, что св. Антоний тут спасался, только из письма владыки Киевского, а он от игумена Агафангела, собиравшего милостыню для своей обители. Даже Барский, любознательный Барский, описав с такой отчетливостью все обители Афона, безмолвствует о св. Антонии, при посещении Есфигмена, хотя он сам уроженец киевский. Какое непонятное забвение преданий, столь для нас священных, и какое равнодушие здешних иноков, которые могли бы извлечь из сего много для себя пользы! Патриарх бывший Вселенский, Анфим, подтвердил мне в Царьграде предание, близкое нашему сердцу о св. Антонии, потому что сам был постриженником Есфигмена; но только здесь я поверил истине его на самом деле<sup>36</sup>. <...>

<sup>34</sup> Там же. С. 390—391.

<sup>35</sup> Там же. С.392—393.

<sup>36</sup> Муравьев А. Н. Письма с Востока в 1849—1850 годах. Ч. 1. СПб., 1851. С. 208—210.

При безмолвии иноков есфигменских, один из них, весь седой как лунь, разрешил мое недоумение. «Когда блаженной памяти Никодим Святогорец, сказал он, в исходе минувшего столетия составлял *жизнеописание Святых Афонских*, он обращался ко всем обителям, прося их доставить в его келлию Карейскую, все сведения о их великих мужах; но, по несчастью, не было тогда кому собрать желанные сведения в Есфигмене. Обитель была в совершенном упадке, и едва ли оставалось в ней более трех иноков. В последних годах минувшего столетия Преосвященный Солунский Даниил, удалившись сюда на покой, учредил общину и восстановил Есфигмен, вызвав из скита св. Анны игумена Евфимия с братией. С помощью архиепископа Касандрского Игнатия, он создал и новую церковь: теперь же вся надежда на игумена Агафангела, дабы помощью преподобного Антония обновить обитель, где спасался ваш великий авва».

Я взглянул на умное, выразительное лицо старца, отличавшегося беседой от прочих убогих братий общины, и спросил о нем; мне отвечали, что это бывший дидаскал, а так как много можно встретить подобных дидаскалов на Афоне, я не обратил на него внимания. Я увлекся невольно беседой с любопытным старцем и расспрашивал его о св. Антонии. Он уверял, что с давних лет, будучи здешним постриженным, всегда ходил молиться в пещеру нашего аввы, где теперь построена церковь во имя его, но прежняя праздновала святителю Николаю, и ему памятливы одни только ее развалины.

Архимандрит, провожавший меня из Ватопеда, сказал, что есть здесь житие и новая служба авве Антонию, составленная другим дидаскалом, старцем Иаковом, которого мы накануне видели в убогом ските великомученика Димитрия. Я попенял архимандриту, (так) как он ни слова мне не упомянул о том, будучи в ските, и спросил себе эту службу. Если вам любопытно, как прославляют наших святых на Афоне, вот ее начало: «Монашествующих лики, обители Есфигменския и Российския лавры Печерския, днесь соберитесь вкупе, праздновать священную память Антония блаженного, сей бо удостоился, по исходе своем, источать обильное миро». Вот и кондак: «Рождение Российское, всесладостнаго Антония, подвизавшагося на горе Афонской и просветившаго лик иноческий Киева, и там славную лавру Печерскую создавшаго, приидите купно восхвалим в песнях взывая: радуйся отче Антоние».

Утешительно видеть прославление нашего великого аввы и на горе Афонской, которую теперь обратно озаряет он лучами своей славы, и укрепляет помощью своих российских чад; но драгоценны и сведения, какими можно дополнить начало жития угодника Божия. Скитский дидаскал Иаков из местных источников почерпнул: игуменом Есфигменским, по списку ста восьмидесяти предстоятелей различных обителей Афонских, которые скрепили общую грамоту в Протате, был некто Феокист в 973 году, и к нему пришел инок Антоний; с его благословения поселился он в пещере, на расстоянии одного поприща от обители, и не один раз, а дважды был посылаем в Россию отцом своим духовным, потому что возвращался опять на Афон, по случаю возникших смут.

Я просил, чтобы для меня списали службу и житие, и удалился для отдыха в келлию<sup>37</sup>. <...>

Вчера после вечера мы посетили на горе развалины бывшей обители св. Антония и нашли только один обломок стены алтарной, живописно обросший густым плющом, как бы для ознаменования места благоговейных молитв. Потом, узкой каменной тропой, поднялись к новой церкви св. Антония, только что оконченной, на самом обрыве скалы, над двойной пещерой преподобного. Мы спустились в пещеру, перед которой видны остатки бывшей церкви с тремя алтарными окнами. «Чувствуете ли благовоние, сказал мне старец, внутри пещеры Антониевой? — это память его благодатного тут жительства». Действительно, благовонный запах по временам будто исходил от камней низкого свода, и бывшие со мной все его почувствовали. Пещера сия так тесна, что едва могла служить жилищем одному человеку. Другая, рядом с нею, с малым отверстием для окна, недавно только обновлена одним русским

<sup>37</sup> Там же. С. 211–213.

пустынником Саввою, который прожил здесь 15 лет и скончался в глубокой старости, в русском монастыре св. Пантелеимона; но в этой пещере не было запаха.

Я взял из первой малый камень и доску, вероятно бывшей старой иконы, чтобы написать на ней новую в России. «Не дивитесь благовонному запаху, сказал мне старец, я расскажу вам еще чудо св. Антония, случившееся в прошлом году, когда строили церковь, и все здесь стоящие вам подтвердят истину. Один из мастеров, молодой человек, очищая место от груды камней, сорвался вместе с камнем, который хотел бросить с утеса, где мы стоим; но падая, он призвал имя св. Антония, и что же? — как бы ангелы Божии взяли его, дабы не преткнул о камень ногу свою, по словам псалма. Он вышел цел и невредим из этой пропасти и продолжал строить». Я посмотрел на стремнину и ужаснулся; до десяти иноков, бывших со мной, все единогласно засвидетельствовали истину события. Что скажут неверующие против столь ясного знамения?

Когда я был в последний раз в Киеве, владыка благословил меня, за обедней в Лавре, образом преподобных Печерских Антония и Феодосия. Мне пришло на мысль оставить сию икону в новой церкви св. Антония, и я просил отслужить перед нею молебен. Братия принесли с собой священную утварь, потому что в ожидании иконостаса не освящена еще церковь. Итак, это было первое молитвенное призывание аввы в будущем святилище. Оно было умирительно до слез, при лучах заходящего солнца, при шуме волн морских, над самою пещерой преподобного, как сказано в таинственной песни: «свете тихий» — «пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, и Сына и Св. Духа Бога». Пели канон Божией Матери, ибо это было накануне отдания праздника Успения, что также согласовалось с памятью св. Антония, и канон нашему великому авве, составленный на Св. Горе, услаждавший душу, созвучием Киева и Афона во славу общего их Отца. Молились о великом государе нашем и всем августейшем его Доме, помолились и о нынешнем настоятеле лавры Печерской<sup>38</sup>.

### **Эсфигмено-Вознесенский монастырь на Святой Горе Афонской (1851 г.)**

В отношении к России этот монастырь замечателен тем, что здесь полагал начало иноческих подвигов преп. Антоний Печерский, впоследствии отшельник киевский и первый основатель в России монашеских подвигов, пещера которого невдалеке от своего монастыря к северу, на горе Самарской, иссечена в прибрежной скале; перед пещерой развита гладкая площадка и обнесена каменной легкой загородкой вровень с главной пещерой. Кроме нее есть и другая, теснее и не стройнее первой; в нескольких шагах отсюда отстоит отшельническая двухэтажная келейка; северо-восточный угол этой келейки треснул от подземного удара и отвалился. В ней теперь престарелый подвижник доканчивает свой подвижнический век.

Пещера преп. Антония ничего не изменила в себе, со времени ее первоначально обитателя, разве только строгую постель его, которая теперь заменена новыми досочками, подвизавшимся в оной пустынником. Вид от пещеры на восток чрезвычайно восхитительный; пустыня единственная во всех отношениях своего аскетического достоинства.

Пещера преп. Антония обратила на себя внимание и высокого поклонника святогорским святыням — великого князя Константина Николаевича, и в настоящую пору над оной, во имя преп. Антония, посильными споспешествованиями благочестивых россиян, устроена прекрасная небольшая церковь, которая и освящена 10 июля 1850 года преосвященным епископом Анфимом, не так давно поселившимся в Эсфигмене на покой после трудов епархиального управления<sup>39</sup>.

<...> Современное положение Эсфигмена, по милости Божией и по внимательности к нему России, чувствительно улучшается, особенно с тех пор, как с высочайшего соизволения и благословения Св. Синода, дозволено было прибыть со сбором в Рос-

<sup>38</sup> Там же. С. 217—219.

<sup>39</sup> Эсфигмено-Вознесенский монастырь на Святой Горе Афонской. Киев, 1851. С. 2—4. // Воскресное чтение, № 14, 1851. С. 134—137.

сию теперешнему настоятелю его архимандриту Агафангелу. Надобно, впрочем, заметить, что Эсфигменский монастырь и в древности пользовался предметом благочестивого внимания русских великих князей и царей. Благочестивый государь Михаил Феодорович, своей царской грамотой, не только дозволил въезд в Россию настоятелям этой обители, через каждые 5 лет, за сбором доброхотных подаваний, но во многих отношениях облегчал самый путь в Россию, такой отдаленный и трудный. Эта грамота во всей своей силе возобновлена царем Алексеем Михайловичем и остается вековым памятником внимательности России и ее державных венценосцев к судьбам Эсфигменской обители<sup>40</sup>.

<...> В 1845 году Афонская Гора была осчастливлена приездом Его императорского высочества, великого князя Константина Николаевича, который, посетив Эсфигменскую обитель, не оставил без внимания и этой пустынной скалы, в которой иссечена пещера, и которая останется навсегда памятником и свидетельницей постнических трудов преп. Антония Печерского, в честь коего, над этой пещерой воздвигнута во имя его церковь.

На этот, собственно, предмет, т. е. на окончательное сооружение церкви и украшение оной под пещерой св. Антония, равно как на исправление разрушившихся стен монастырских, возобновление церквей и для других многосложных нужд и необходимых потребностей монастырских, высочайше дозволено было помянутому архимандриту Агафангелу приехать в Россию для сбора доброхотных подаваний, и он, по получении такого дозволения, прибыл в 1847 году в Россию, взяв с собой Животворящее Древо Креста Господня, пожертвованное в монастырь его основательницей — царицей Пульхерией. Совершив свое дело и возвратившись на Афонскую Гору, он, конечно, завещает обители Эсфигменской глубокое чувство признательности к России, за ее родственное участие в судьбах этого монастыря, и благочестивые обитатели его, в тихом уединении, на прибрежных скалах Эсфигмена, в пещере преп. Антония, что на горе Самарской, и в церкви во имя его, над оной воздвигнутой, близ Эсфигменской обители, и в самых ее священных стенах, не престанут возносить теплые мольбы к Богу о благоденствии России<sup>41</sup>.

### Из записок Виктора Каминского (1857 г.)

В числе богомольцев, посетивших Эсфигмен, был и Виктор Кириллович Каминский (1857 г.). Весьма символично, что свои записки о русском присутствии на Афоне Виктор Каминский начинает с Эсфигмена, где в X столетии подвизался преп. Антоний, основатель Киево-Печерской обители.

Вот как излагает эти события Виктор Каминский: «Монастырь этот близок и к русскому сердцу: с ближайшей его горы, называемой Самарской, на горы киевские переселился преподобный Антоний, положившей начало русскому иночеству и основание Киево-Печерской Лавре. Преподобный пришел на Афонскую Гору в конце X века, — к эсфигменскому игумену Феоктисту и, с его благословения, поселился в горной пещере, за полверсты от монастыря. Вскоре он послан был своим старцем в Россию для учреждения духовного братства; но опять возвратился в свою любимую святогорскую пещеру; и, конечно только по воле Промысла, вторично ее оставил, чтобы навсегда вселиться в другую, славянскую, где киевские высоты могли заменить ему афонские, и широкий Днепр роскошное море»<sup>42</sup>.

Сведения, приводимые Виктором Каминским, содержатся в целом ряде справочных изданий. Самое ценное в его повествовании — это записки очевидца, побывавшего в Эсфигмене и отметившего «русский след» в этой обители.

<sup>40</sup> Там же. С. 5.

<sup>41</sup> Там же. С. 7.

<sup>42</sup> Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 623.

9 июня Виктор Каминский отправился по местам молитвенного подвига преп. Антония: «Из азиатского архондарика я увидел и ту священную гору, на которой спасался преподобный Антоний; а в следующий день и отправился туда с иноками для исполнения своих желаний, — вспоминал русский пешеходец. — Прежде всего вошел я в пещеру св. Антония, которая сохранилась в том же натуральном виде, в каком была при великом подвижнике; она очень невелика и освещается своим входом и малым окном. Икона всех святых Печерских, присланная Киевским митрополитом Филаретом, да горящая перед ней лампада, — вот все достояние святой пещеры; но она красится и освещается собственным своим благодатным духом, проникающим душу пришельца»<sup>43</sup>.

Сотворив краткую молитву в пещере угодника Божия, Виктор Каминский поднялся в нагорную церковь Св. Антония. «Она стоит на скале, над самым морем, — создана усердием россиян, с русским иконостасом, и украшена иконами русской живописи, — продолжает Виктор Каминский. — Здесь, пришедшие со мной отцы, совершили литургию на русском языке, а потом отслужили молебен о благоденствии Всероссийского государя императора, Киевского владыки Филарета и всей Православной Руси. Около церкви выстроено несколько келий, и одна из них, приемная, с балконом на море. В этой последней, после моления, мы провели, за русским самоваром, самый отрадней часок, беседуя, на месте подвигов духовного славянского светила, о Киеве и об Афоне, в таком духе, как будто бы между этими местами не было никакого расстояния. Выше этих келий, на горе Самаре, есть развалины монастыря, также отшельнические вертепы, и кое-где видны человечески кости. Это все следы подражателей аввы Антония»<sup>44</sup>.

**Архимандрит Порфирий (Успенский) (1858 г.):** «Июля 10, четверг. Сегодня я слушал обедню в церкви св. Антония Киевопечерского, построенной в 1852 году на приморском утесе подле Есфигмена, где **будто бы** подвизался в пещере оный Антоний в бытность свою на Афоне. Обедню служил русский иеромонах Стефан, проживающий в Хиландарском монастыре. Родом он из Каменец-Подольского, молод, говорит по-гречески. Им приведена в порядок хиландарская библиотека. В домике, смежном с церквией, живет монах Евстафий, малорос, раб Божий»<sup>45</sup>.

**Иеромонах Иерофей (1858 г.):** «Пошли в монастырь Есфигмен или Симонов, стоящий на берегу моря; в нем мы и ночевали. Поутру помолившись в храме, мы пошли в пещеру преп. Антония, находящуюся недалеко от монастыря к северо-западу, на крутой скале. При пещере каменная церковь, а над пещерой несколько келий»<sup>46</sup>.

#### **Из записок архимандрита Антонина (Капустина) (1859 г.)**

Пользуясь остатком угасавшего уже дня, я посетил пещеру *преп. Антония Печерского*, недалеко от монастыря высеченную в скале над самым морем. Она тесна и так сыра, что по-видимому не могла служить когда-нибудь жилищем человеку, хотя есть в ней явные признаки того. По временам она даже наполняется водой. По крайней мере так бывает с нею теперь. Выстроенная над нею небольшая церковь отличается русским вкусом и отсутствием стенописания<sup>47</sup>. <...>

Находящаяся в церкви икона русского письма, представляющая преподобных Антония и Феодосия, передающих один другому чудотворную икону Успения Божией

<sup>43</sup> Там же, С. 625.

<sup>44</sup> Там же, С. 625—626.

<sup>45</sup> Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 7. СПб., 1901. С. 173, 175.

<sup>46</sup> Дневные заметки во время путешествия по святым местам Востока, Киево-Печерской Лавры иеромонаха Иерофея, в 1857 и 1858 годах. Киев, 1863. С. 150.

<sup>47</sup> Антонин (Капустин), архимандрит. Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 292.

Матери, может быть почитаема задатком будущего учено-технического расписания церкви. Она безукоризненно хороша.

Итак, здесь, в сей пещере подвизался наш преп. Антоний... А доказательство? Известная брошюрка: «Эсфигмено-Вознесенский монастырь на Св. Горе Афонской» (1851, Киев) говорит положительно: «Здесь полагал начало иноческих подвигов преп. Антоний Печерский... Долго ли оставался на Афонской Горе и в этой пещере, положительных сведений нет; известно только, что он прибыл сюда, и поселился в горной пещере близ монастыря в исходе X века при игумене Феоктисте». Из жития преп. Антония только известно, что он жил в одном из монастырей афонских, а жил ли в Эсфигмене, известие об этом должно быть взято из каких-нибудь других источников. Из каких? За отсутствием игумена, мне не у кого было осведомиться об этом. А знать это весьма хотелось. Если в основе всего лежит одно предание, то следует определить, какого времени и достоинства та запись, в которой в первый раз оно встречается, когда и кем оно в ней усмотрено или отыскано, и в какой форме передано в Россию?

Заметка святопавловская заставляет быть осторожным в принятии на веру даже записанного предания. Относительно же *не*-писанного требуется вдвойне предосторожность. Два обстоятельства побуждают меня отнестись с вопросом к эсфигменскому уверению о св. Антонии. Первое: Барский не упоминает о нем ни единым словом. Возможно ли представить, чтобы столько любознательный и словоохотливый киевлянин не сообщил к сведению России о таком важном предании, если бы оно в его время было известно в обители? Второе: в своих просительных письмах к царю Алексею Михайловичу и всероссийскому патриарху, обитель также ни слова не сказала о нынешнем своем предании, хотя имела к тому не только самый благоприятный, но, можно сказать, необходимый повод, но — тогда обитель сама, может быть, еще не знала о сообщаемом теперь ею обстоятельстве? Потому-то и желательно было бы узнать, когда и на каком основании она в первый раз уверилась в нем. Ни в «Письмах Святогорца», ни в «Путеводителе» не сказано об источнике предания ни слова. Письмам это простительно, но путеводителю — нет<sup>48</sup>. <...>

Гора *Самари* (что значит: седло) получила название свое от своего вида. В брошюрке «Эсфигмено-Вознесенский монастырь» она называется *самарской*, чем случайно придается некоторая сила преданию о жившем на ней преп. Антонии, в отчизне коего есть две реки *Самары* и даже город этого имени<sup>49</sup>.

**Иеромонах Иероним (Суханов) (1859 г.):** «Недалеко от монастыря, на горе Самаре, **якобы** безмолвствовал преп. Антоний Печерский чудотворец. Здесь показывают его пещеру, над которой ныне вновь сооружена церковь во его имя, на сумму, присланную от Киевского митрополита Филарета в 1849 году. Сказывал мне русский монах Иннокентий, который три года жил в этой обители и хорошо знает нравы и язык греческий, якобы эсфигменцы в недавних годах присвоили своему монастырю пострижение преп. Антония Печерского. А в действительности он жил не здесь на горе, а в горе Малена, которая над Лаврой преп. Афанасия (в Кименской обители). Так как они с Антонием были современники. Но и Барский об этом умолчал. **Подлинно то, что ныне греки истории своих монастырей (как слышно) исказили до крайности**<sup>50</sup>.

Здесь же в обители издавна проживали (и при мне живут трое) русские. От щедро подавания из России обитель приведена в цветущее состояние, и святые в ней довольно обретаются<sup>51</sup>.

<sup>48</sup> Там же. С. 294–296.

<sup>49</sup> Там же. С. 300.

<sup>50</sup> Иная точка зрения по этому вопросу у С. Германова (см. ниже).

<sup>51</sup> Книга странствий иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима (Суханова) в 1858 и 1859 гг. в Иерусалим и гору Афонскую. М., 2014. С. 378–379.



### **Иеромонах Серафим (Веснин) (Святогорец) (1866 г.)**

Эсфигмен для России замечателен и близок, потому что здесь первоначально подвизался, на соседственной монастырю горе Самаре, в пещере, преп. Антоний Киевский, пришедший на Св. Гору к здешнему игумену Феоктисту.

В настоящее время над пещерой препод. Антония устроена прекрасная церковь и при ней кельи. В самой пещере, где подвизался преп. Антоний, есть икона всех Печерских Святых, присланная покойным высокопреосвященнейшим митрополитом Киевским Филаретом. А в церкви замечательна икона преп. Антония и Феодосия: Феодосий приносит и показывает авве Антонию икону Успения Божией Матери. Живопись чудная. Икона пожертвована одной известной своим благочестием особой, Т. Б. П. Возобновление Антониевой пещеры и основание церкви совершилось в 1849 г., в бытность на Св. Горе А. Н. Муравьева, а корпус келлий — в 1852 г. Пещера Антония — в виду Эсфигмена, на расстоянии полуверсты<sup>52</sup>.

Так было сказано о сем предмете и в первом издании этой книги. Все это так: мало сего. В Эсфигмене есть даже и служба преп. Антонию и полное его жизнеописание на греческом языке (в рукописи). Но в жизнеописании этом как-то малоудовлетворительно показывается, что преп. Антоний подвизался действительно в Эсфигмене. Жизнеописатель усиливается более высказать то, что в то время игуменом Эсфигмена был именно Феоктист, и что хронология игуменствования Феоктиста совпадает с пришествием на Афон св. Антония. Пожалуй, пусть это и так, т. е. пусть будет, что монастырь Эсфигмен тогда уже и существовал, и что игуменом оно в то время был и Феоктист. Но нам хотелось бы при этом достовернее знать и то, в Эсфигмене ли именно поселялся тогда св. Антоний для своих подвигов. Из жития преп. Антония у нас на славянском языке видно только то, что он жил на Афоне в одном из тамошних монастырей, а в каком — не сказано. Не спорим, мог он жить и в Эсфигмене; но мог жить и в другом монастыре. Ни из каких других источников ничего не видно о месте пребывания преп. Антония на Афоне. Здесь не может не иметь значения молчание о сем и Барского; т. е. что когда другой никто не упоминает о сем предмете. Будем ждать, пока найдутся более определительные и более ясные сведения о пребывании на Афоне отца нашего русского иночества. А до того времени предание это пусть остается в том виде, в каком оно теперь нам выдается<sup>53</sup>.

### **Из записок иеромонаха Паисия (1867 г.)**

1-го сентября, в пятницу, в 4 часа пополудни, с иеромонахом о. Антонием на мулах мы отправились в монастырь Эсфигмен <...> Приезд наш к монастырю Эсфигмену был в 10 часов ночи. Стучались долго в монастырские портовые ворота и не достучались; посему должны были отправиться ночевать в пещеру преподобного Антония, отстоящую от монастыря на четверть часа ходу, основанную над морем в высочайшей каменной скале; в этой пещере есть прекрасная церковь, во имя преподобного Антония. Старец, здесь живущий; принял нас с радушием, и накормил нас борщом, хотя и холодным, но мы, от пути проголодавшись, покушали с хорошим аппетитом, и поговорив с ним, успокоились приятным сном на фондарики, и проспали до 10-ти часов утра.

Встав, мы отправились в церковь для прочтения полунощницы, утренних молитв и акафиста Божией Матери, потом поехали в монастырь, прямо к литургии; отслушав оную, мы пошли в соборную церковь, где сподобились приложиться к животворящему кресту и другим святыням. Сюда пришел настоятель монастыря, о. игумен Анфим и пригласил нас к себе в настоятельские келлии, угощал гликом, ракой и кофием; мы с ним много говорили; потому что он знает хорошо по-русски <...>

<sup>52</sup> Серафим (Веснин), иером. Путеводитель по Св. Горе Афонской и указатель ее святынь и прочих достопамятностей. Изд 2-е. СПб., 1866. С. 147–148.

<sup>53</sup> Там же. С. 148.

После обеда мы легли отдохнуть, и встали в 4 часа пополудни. Взяв благословение о. игумена, мы отправились в пещерку преподобного Антония, где отправили вечернюю и помолились в самой пещерке. Побеседовав с иеромонахом о. Геннадием, временно здесь живущим, уроженцем Полтавской губернии, мы отправились опять в монастырь пить чай, взяли с собой воды из источника преподобного Антония. Отец Геннадий из военных, живет на Афоне не более 7-ми годов; он много нас утешил рассказами духовных анекдотов.

Напившись на фондарики чаю, под шумными морскими волнами, мы испросили благословение у о. игумена совершить всюнощное бдение, а наутро литургию. Бдение продолжалось у нас 7 часов; с литией сходили в самую пещерку преподобного Антония. 3-го сентября, в воскресенье, в 6 часов утра, в этом знаменитом и святом месте, ознаменованном великими подвигами преподобного Антония, удостоился я служить литургию. Отец Геннадий с о. Антонием прекрасно пели. По окончании литургии я взял на память из самой пещерки глины; потом отправились опять в монастырь, и нам на фондарики предложили прекрасный обед. После одного легли отдохнуть, и в 4 часа пополудни напились чайку и простились с о. игуменом. У него я записал о здравии себя и близких моему сердцу, а он дал мне книжку на русском языке описанием своего монастыря<sup>54</sup>.

#### **Из записок архимандрита Иннокентия (1872 г.)**

Не напрасно мы спешили сюда, в эту в обитель: она вождедена и близка сердцу русского по памяти о преподобном Антонии Печерском, начавшем здесь славные подвиги иночества и положившем оным начало в нашем отечестве. Притом и приняты мы были весьма радушно, хотя о. настоятеля и не было дома: он был в это время в России на сборе. Незыблемыми, несокрушимыми памятниками нашего иноческого первоначальника и постриженца Эсфигмена остались пещеры (опустевшие каливы) в скале и под храмом, имени его посвященном и в недавних годах заново устроенном и благолепно украшенном. Вид на этот храм восхитительный. Его осеняет сверху скала, а под ним внизу шумит и волнуется море; подножие храма опушается фруктовым садиком. Вот где нашли мы истинно высокое наслаждение!

С благоговейной радостью и чувствами умиления возблагодарили мы Господа Бога, пречистую Его Матерь и преподобного Антония за то, что удостоились узреть сие горнее пещерное место, начало подвигов отца русского иночества и честной храм, ему посвященный. Здесь, в пещере, преклонили мы колена и воспели тропарь преподобному, целуя самые стены пещеры. Да и как не целовать? Ведь эта пещера есть, можно сказать, колыбель нашего иночества.

<...> В Эсфигмене, при радушии и умной беседе о. наместника, мы незаметно запоздали и как бы невольно были убеждены в необходимости переночевки; в самом же деле, как бы по внушению самого препод. Антония, мы остались здесь для того, чтобы, как русские, на месте родины русского иночества, за божественной литургией, совершенной незабвенным о. Арсением, вполне могли насладиться духовной радостью и унести об этой родине самые приятные и глубокие впечатления. Это по счастью и сбылось. 1 августа, в день Креста, слушая божественную литургию там, где подъял крест иночества наш первоначальник, мы были вне себя от радости, и по окончании службы долго-долго не сводили глаз с пещеры и храма Антониева, воображая в то же время, сколь многоплодная и светлая жизнь киево-печерских чудотворцев засияла из сей эсфигменской пещеры<sup>55</sup>.

<sup>54</sup> Дневные заметки во время путешествия по святым местам Востока Саровской пустыни иеромонаха Паисия 1866 года. Казань, 1881. С. 54–56.

<sup>55</sup> Иннокентий, архимандрит. Путевые впечатления при посещении святых мест Палестины и Св. Горы Афона в 1872 году. Изд. 2-е. СПб., 1894. С. 150–152.

### Из записок Арсения (Стадницкого) (1883 г.)

Есфигмен замечателен для русских тем, что в нем подвизался основатель монашества и монастырей в России, преподобный Антоний Киевский, основатель Киево-Печерской Лавры. Преподобный Антоний прибыл на Афон и поселился в Есфигмене в конце X или начале XI века. Пожив здесь несколько, по благословению старца, он удалился затем в уединение, недалеко от Есфигмена, на гору, называемую Самара, на расстоянии  $\frac{1}{4}$  версты от монастыря, и высек в ней пещеру, в которой и уединялся. Мы были в этой пещере. К ней ведет горная тропинка, извивающаяся змейкой между колючими кустами. Здесь построена теперь очень приличная двухэтажная келья; в нижнем этаже живет старик — греческий инок, которого мы застали молящимся, а в верхнем этаже очень приличная церковь во имя св. Антония — в чисто русском стиле. Здесь есть икона всех святых печерских, пожертвованная киевским митрополитом Филаретом, а также образ преподобных Антония и Феодосия, пожертвованный Татьяной Григорьевной Потемкиной.

Собственно, пещера св. Антония находится в восточной стороне кельи, — рядом с нижним этажом кельи. Пещера в настоящее время несколько в ином виде, чем в каком была при Антонии. Старик монах объяснял нам, что первоначально эта пещера была нечто вроде ниши, и передние стены выстроены не так давно. В пещере очень сыро, так что из стен чуть не течет вода. Здесь есть образ св. Антония, перед которым постоянно теплится лампада. Старик помазал нас этим лампадным маслом.

Прекрасный вид открывается отсюда на море с его островами. Эти Самарские горы напоминали, должно быть, святителю о таких же горах киевских, опоясываемых синей лентой Днепра. Здесь-то он и приготовил себя к тому служению, которое увековечило имя его. На прощание старик дал нам по веточке кедра и по лимону, только что сорванному с посаженного им лимонного дерева.

Преосвященный Порфирий заподозревает достоверность предания о житии здесь Антония. Он объясняет происхождение этого предания корыстолюбивыми целями есфигменитов, которые выдумали или во сне видели пребывание у них сего Антония, дабы именем его задобрить русских богомольцев и склонить к щедрым подаяниям, — в чем они и успели...<sup>56</sup>

### Путеводитель на св. Афонскую Гору (1884 г.)

Эсфигмен замечателен для русских тем, что в нем подвизался и пострижен первый русский монах, основатель монашества и монастырей в России, преподобный Антоний Киевский, основатель Киево-Печерской Лавры. Преподобный Антоний прибыл на Афон и поселился в Эсфигмене в конце X или начале XI-го века. Пожив по благословению старца, удалился в уединение, недалеко от Эсфигмена, на гору, называемую Самара, в четверти версты от монастырских врат, высек пещеру, которая сохранилась в первобытном состоянии и донныне.

Пещера эта высечена на восточном берегу, на возвышенности от моря сажен в 50, в виде навеса, в 1 сажен ширины и 2 аршина длины; наружная стена ее заложена осколками дикого камня; маленькое окошечко с видом на море, маленькие дверцы, скамья или полати, сделанные из одной доски, где почивал или принимал посетителей преподобный Антоний, — вот вся обстановка пещеры; на пути от монастыря над пещерой устроена часовня в русском стиле во имя преподобного Антония<sup>57</sup>.

### Из записок А. А. Дмитриевского (1888 г.)

До 1849 года на Афоне не было устного предания, ни даже слухов между тамошними греками о том, что св. преподобный Антоний Печерский подвизался когда-ни-

<sup>56</sup> Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник паломника на Афон. М., 2014. С. 215—217.

<sup>57</sup> Путеводитель на св. Афонскую Гору, а также по ее монастырям, скитам и прочим достопримечательным святыням. Одесса, 1884. С. 44—45.

будь на Афоне, в пещере, близ монастыря Есфигмена, и что он там принял пострижение в монашество от есфигменского игумена Феоктиста. Предание это сначала было заявлено покойному митрополиту Киевскому Филарету в письме есфигменских монахов, а потом распространилось по Руси через брошюрку: «Есфигменский монастырь на св. Горе Афонской», напечатанную в Киеве в 1851 году. Если не ошибаемся, письмо есфигменцев и упомянутая брошюра явились на свет Божий как раз в то время, когда старцы этого монастыря возбудили ходатайство перед Св. Синодом о разрешении им приехать в Россию для сбора милостыни на украшение ветхих зданий его. В 1849 году на Св. Горе игумен есфигменского монастыря Агафангел поручил в ту пору известному на всем Афоне церковному пииту, монаху Иакову составить на греческом языке биографию преподобного Антония Печерского и Службу в честь его. То и другое было исполнено в точности. В библиотеке Музея при Киевской Духовной Академии (ркп. О. 24) имеется рукописная служба в честь преподобного Антония Печерского, составленная в 1849 году упомянутым Иаковым и написанная рукой иеродиакона Даниила ватопедца.

В 1850 году Иаков агиорит значительно исправил свой труд и дополнил биографию преподобного Антония многими вставками. В этом новом виде и службу, и биографию св. отца мы видели в рукописной брошюре, принадлежащей храму Есфигменского монастыря. Брошюра посвящена Церкви Православной и *российскому Святейшему Правительствующему Синоду*.

В день памяти преподобного, т. е. 10 июля по этой рукописной тетради ныне совершается служба в Есфигменском монастыре и в положенное по уставу время предлагается братии, в качестве «чтения» с сидением, настоящая «биография». Недалеко от монастыря Есфигменского, на горе Самарийской, тоже в начале пятидесятых годов устроен и храм над пещерой, в которой, по преданию, подвизался рассадник монашеской жизни в России преподобный Антоний<sup>58</sup>.

**Н. Д. Пузанов (1895 г.):** «Были в пещере, где подвизался преподобный Антоний Киевский; над этой пещерой устроена церковь, в пещере же живут два монаха — грек и русский. В ней находятся только крест и книги, ни стола, ни скамеек нет, вместо постели служит им какая-то свитка. На трапезу они ходят в монастырь»<sup>59</sup>.

**Архимандрит Евгений (1896 г.):** «В Есфигмене живет предание, что будто бы наш Антоний Печерский, удалившись на Афон, спасался именно здесь, а затем уже удалился в стоящую вблизи от обители пещеру, высеченную в прибрежной скале. Но предание это оспаривается другими, утверждающими, что преподобный Антоний жил в пещере, находящейся во владении Лавры святого Афанасия. Иные указывают на Ксилургу, как на место подвигов нашего преподобного Антония, основателя иночества на Руси»<sup>60</sup>.

**Н. Сергиевский (1899 г.):** «Около монастыря показывают высеченную в скале пещеру, которую, по преданию, выкопал некогда наш русский подвижник, преп. Антоний Печерский; над пещерой небольшая церковь во имя его. Но с большим вероятием указывают, как на место подвигов преп. Антония, на пещеру, которая в настоящее время называется пещерой преподобного Петра Афонского; она находится в окрестностях Лавры»<sup>61</sup>.

**П. Н. Б. С. (1900 г.):** «Обитель Есфигменская возростила многих великих угодников Божиих. Здесь некогда был игумен святитель и чудотворец Григорий Палама, митрополит Солунский. Здесь подвизались Афанасий, патриарх Константинопольский, преп. Афанасий Афонский, преп. Дамиан, св. мчн. Тимофей и многие другие святые муче-

<sup>58</sup> Дмитриевский А. А. Путешествие по Востоку и его научные результаты. Киев, 1890. С. 62–63.

<sup>59</sup> Пузанов Н. Д. Дневник путешественника в Иерусалим и на Афон в 1895 году. М., 1897. С. 82.

<sup>60</sup> Евгений, архимандрит. Мое «бытие». Воспоминания о монастырской жизни и о поездке в Иерусалим. СПб., 1911. С. 401.

<sup>61</sup> Сергиевский Н. Святая Гора Афонская. М., 1899. С. 50.

ники. Здесь же, по преданию, жил и был пострижен преп. Антоний Киево-печерский, основатель монашества на Руси. Пещеру св. Антония и теперь показывают в Есфигмене. Она двойная, иссечена в скале, близ морского берега и так тесна, что одному человеку в ней трудно поместиться. Рядом с ней другая пещера, пообширнее, обновлена русским пустынноиком Саввой; на обрыве скалы, называемой Симанской, воздвигнута небольшая церковь во имя преп. Антония Печерского»<sup>62</sup>.

#### Из записок С. Германова (1912 г.)

В архондарике, по обычаю, после взаимных приветствий, были поданы восточные угощения и кофе, и завязалась беседа, в которой, как и следовало ожидать, речь коснулась дорогого для русского сердца факта о пребывании на Афоне основателя иноческого жития на Руси преп. Антония Печерского. Отец архимандрит, недурно объяснявшийся по-русски, передав нам историю устройства храма на месте подвигов первого русского афонского инока, утверждая истину предания, передал, что преподобный первоначально принял постриг и жил в самой обители Есфигменской, во время настоятельства игумена Феоктиста в XI веке и затем, с благословения удалился в уединенную пещеру.

Тем сомневающимся исследователям, которые считали предание о пребывании Антония в Есфигменской обители недостаточно доказанным достоверными источниками, о. настоятель рекомендовал ознакомиться с существующей с давнего времени службой преп. Антония, написанной по-гречески и свято хранимой в обители. В этой службе достаточно ясно указывается место подвигов Антония в Есфигмене. Прочие письменные памятники после многочисленных погромов неприятельских и пожаров не могли сохраниться и утрачены вместе с прочими древними письменами и драгоценностями.

Все эти доказательства были справедливы, но являлась невольная мысль, почему неутомимый Барский, исходивший весь Афон, посетивший (в 1725 и 1744 гг.) все обители, келлии и даже каливы, видевший и описавший до мельчайших подробностей знаменательные урочища Св. Горы, не слышал и не передал столь важное для нас предание. Но это минутное смущение легко исчезает, если вникнуть, что тот же писатель не указал никакого иного места, ни времени пребывания на Афоне русского подвижника. Не менее известный путешественник по св. местам Востока А. Н. Муравьев, со слов священного собора старцев Есфигмена и Ватопеда, утверждает предание о пребывании преп. Антония именно в *Эсофигмене* и приводит некоторые чудесные явления, ознаменовавшие при построении храма место уединенных подвигов его в пещере, на холме Самара.

Во главе с молодым иноком канонархом, говорившим по-русски, мы отправились пешком, крутую каменистую тропой к знаменательной пещере. На крутом скате пустынной, поросшей дикими кустарниками горы, на несколько десятков саженей над самым морем, шумевшем глубоко внизу, мы увидели чрезвычайно простую, небольшую церковь, построенную над самой пещерой, по преданию, ископанной (и оставшейся без изменения) преп. Антонием. Посетив пещеру и храм, отделка которого вполне соответствует его наружному виду, мы невольно поразились огромным видом, открывающимся отсюда на море, на берега Македонии и далекие острова. Красота места, его уединенность и великолепное зрелище окружающей природы перенесли наши мысли к великому подвижнику, избравшему столь величественное место для созерцательной духовной жизни и молитвенной беседы с Создателем мира и Творцом вселенной. Невольно вспоминались нам и знаменательные слова, сказанные при основании обители Печерской, выразившие любовь его к месту первоначальных подвигов: «И да будет благословение Св. Горы Афонской и игумена, который меня постриг»<sup>63</sup>.

<sup>62</sup> П. Н. Б. С. Святая гора Афон. Краткий очерк Афона и его монастырей. М., 1900. С. 67.

<sup>63</sup> Германов С. На Афон и Святую Землю. Ч. 1. На Афон. М., 1912. С. 432–434.

**Из записок Михаила Талалая (2003 г.)**

Добраться до монастыря не так просто, хотя он и расположен неподалеку от афонской границы. Дело в том, что стоит он на северо-восточном берегу полуострова, у открытого моря, малейшее волнение которого парализует навигацию. Поэтому пилигримы плывут на Святую Гору с юго-западной, надежной, стороны <...>

Встретили насельники по-афонски радушно — угостили кофе и сладостями, выделили комнату, а узнав, что я — русский, познакомили с русскоговорящим собратом. Схи-монах Антоний на ближайшие дни стал и добрым собеседником, и «экскурсоводом»<sup>64</sup>.

В конце рабочего дня мы отправились к церквушке, стоящей над бухтой. Под ней в скале вырыта пещера, откуда, вероятно, пошло русское монашество: здесь, по преданию, спасался преподобный Антоний Киево-Печерский. Отсюда он привез для обители, устроенной впервые на русской земле, благословение Афонской Горы, и этим благословением, почерпнутым в Эсфигмене, живет уже тысячу лет наше иночество. В середине XIX века на пожертвования из России афонцы поставили над пещерой церковь с русским иконостасом, посвятив ее, естественно, преподобному Антонию, которого тут, кстати, патристически титулуют святым Антонием Эсфигменским.

Мой спутник в миру был Андреем, пришел на Афон из Русской Церкви, поэтому при пострижении он не мог не стать Антонием. Впрочем, его мирское имя правильнее — Эндрю, ибо он австралиец ирландского происхождения и, как полагается ирландцу, отчаянно рыж и задирист. К Православию, а точнее — в Русскую Зарубежную Церковь, привела его австралийка, эмигрантка из России. В храме Божиим Эндрю выучил русский, с обилием церковнославянизмов, естественно. Россию, русских любит бесконечно, как получивший от нас новую жизнь. Афонский пострижник, он раз побывал на «исторической» родине, навестил семью, которая разглядывала чернеца, как гостя с луны. Впрочем, и ему австралийские родные показались «жителями другой планеты»<sup>65</sup>.

**Монах Варлаам (2001 г.):** «В Эсфигмен я заходил несколько раз. Там живет бывший послушник Валаама о. Феодосий. Приняли его в зилотскую братию через миропознание»<sup>66</sup>. Русских паломников влечет туда возможность помолиться в пещерке преп. Антония Киево-Печерского, который подвизался здесь в посте и молитве несколько лет. Пещера находится на крутом утесе над морем и действительно очень маленькая. Небольшая дверь, крошечное окошечко, нары из стволов деревьев. В углу — образ преподобного, перед ним подсвечник. От иконы исходит невыразимое благоухание — уходить не хочется. Преподобный отче Антоние, моли Бога о нас, грешных!»<sup>67</sup>

**Михаил Талалай (2009 г.):** «Самый первый русский инок, вошедший в наши Святцы как преподобный Антоний Киево-Печерский, принял постриг именно на этом полуострове. Он и вслед за ним его ученики внедрили в самую душу Древней Руси благоговейную любовь к Афону: так начало нашей христианской жизни получило благословение со Святой Горы. О святогорском благословении помнят не только в России, но и на современном, весьма эллинизированном Афоне: в **Эсфигменском монастыре**, оплоте зилотов, основателя русского иночества гордо именуют не иначе как преподобный Антоний Эсфигменский»<sup>68</sup>.

<sup>64</sup> Талалай Михаил. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 81.

<sup>65</sup> Талалай Михаил. Русский Афон. М., 2003. С. 90—91.

<sup>66</sup> Последние десятилетия эсфигменские монахи не поддерживали церковного общения с духовным главой Афона — Константинопольским Патриархом, объявив себя зилотами, ревнителями чистоты православия.

<sup>67</sup> Варлаам, монах. Зима на Афоне. СПб., 2001. С. 16.

<sup>68</sup> Талалай Михаил. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 8—9.

# Contents

## Prose and Poetry

- Vladimir Aleinikov.** Poems • 3  
**Vera Zubareva.** There Lived a Brave Captain. *Fragment of the novel* • 8  
**Olga Andreeva.** Poems • 80  
**Alena Kubareva.** Where is My Soup Ladle. Revenge. For Love You Can't... *Short stories* • 84  
**Liana Shahverdyan.** Poems • 96  
**Evelina Azaeva.** Mayor and Vega. *Short story* • 103  
**Natalya Perstnyova.** Poems • 115  
**Yulia Kamilyanova.** Shark. Rap in the Style of Filonov. *Short stories* • 119  
**Valery Skoblo.** Poems • 130  
**Mikhail Pershin.** Grandmother. *Short story* • 133  
**Alexey Kolesnikov.** The Last Months of the Century. Story about Lenin. *Short stories* • 147

## Memory of Victory

- Vasily Myakushenko.** Fishing under the Pikalov Bridge. *Story* • 153  
**Valentina Kokoreva.** Medal for the „Finnish War“ • 178

## Journalistic Writings

- Andrey Popov.** „I Do Not Know Whose Benefit the Balance Is“: Money in the Mirror of Revelations and Destinies • 187

## Criticism and Essays

- Victor Kostetsky.** Anti-Haizinga: Another Game Philosophy • 200

## Petersburg Bookman

- Art of Reading.** *Vera Kharchenko.* Reading as a Condition of Genius. **Territory of Memory.** *Albert Izmailov.* Word of Valentin Pikul. **Book Island.** *Elena Zinovieva's Publication* • 210

## Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** Monasteries of Mount Athos. *Part 8* • 236

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»  
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18  
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9  
Телефон: (812) 314-50-52  
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>  
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

**Подписку** на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

**Свежие номера журнала**, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

**в Санкт-Петербурге** — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

**За рубежом** подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

**Оптовая и мелкооптовая продажа:** Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“»,  
e-mail: officeneva@mail.ru

**Почтовую рассылку** отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.  
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.  
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 25.02.2020. Гарнитура «Октава».  
Формат 70×108 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.  
Тираж 1500 экз. Заказ № 750  
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СТР  
в Первой Академической типографии «Наука»  
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28